

K 1504176

БЕЛОВСКИЙ СБОРНИК

Союз писателей России
Администрация города Вологды
Вологодский государственный университет
Вологодский научный центр РАН

БЕЛОВСКИЙ СБОРНИК

Выпуск 4

Вологда
2018

УДК 82.09
ББК 83.3(2Рос-Рус)6
Б43

Редколлегия:

Г.В. Судаков, доктор филологических наук (гл. редактор);
С.Ю. Баранов, кандидат филологических наук;
С.Х. Головкина, кандидат филологических наук;
Л.В. Бабич, кандидат экономических наук.

Б43 Беловский сборник. Вып. 4 / Союз писателей России; Администрация г. Вологды; Вологодский гос. университет; Вологодский научный центр РАН. – Вологда : ВолНЦ РАН, 2018. – 432 с.

ISBN 978-5-93299-405-4

В сборнике публикуются материалы Пятых Всероссийских Беловских чтений (г. Вологда, 22–24.10.2018). В статьях анализируется творчество классика русской литературы В.И. Белова в историко-культурном контексте эпохи, внутренний мир произведений писателя, творческие искания писателей Русского Севера. Рассматривается функционирование слова в русской литературе и место литературы в образовательном и культурном пространстве современности.

Тексты статей приводятся в авторской редакции.

УДК 82.09
ББК 83.3(2Рос-Рус)6

На обложке портрет В.И. Белова, выполненный
засл. художником РФ, чл.-корр. РАХ
Юрием Александровичем Вороновым.
Публикуется с разрешения автора.

На обороте обложки Сохотская Николаевская церковь
в деревне Тимониха Харовского района.

Фото С.Ю. Баранова.

ISBN 978-5-93299-405-4

© ВоГУ, 2018
© ВолНЦ РАН, 2018

**ПЛЕНАРНОЕ
ЗАСЕДАНИЕ**

РУССКАЯ ГРУСТЬ

(о повести В.И. Белова «Невозвратные годы»)

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению особенностей художественного стиля повести В.И. Белова «Невозвратные годы». Определяется основная интонация автора, выражающая особое состояние его души, которое называют обычно русской грустью. Дается обзор высказываний критиков и философов, которые пытаются охарактеризовать данную эмоциональную тональность русской литературы.

Ключевые слова: В.И. Белов, художественный стиль, русская грусть, авторская интонация, национальная литературная традиция.

*«Блажен, чья душа отзовется
На грустные звуки Небес».*

Иеромонах Роман (Матюшин)

Грусть звучит уже в самом названии повести В.И. Белова – «Невозвратные годы». А сколько в тексте этой повести слов и выражений, так или иначе отражающих сердечную печаль автора: *грустный, грустно, горечь, огорчение, боль, печаль, печальный, тоска, тужить, жалеть, плакать, увы; ноет что-то в груди, горловой спазм, горькое чувство, горечь души* ...

В.И. Белов – продолжатель традиций русской классической литературы, о грустном красоте которой писал В.Г. Белинский: «Русскому духу, более чем какому-нибудь другому из творческих духов европейских народов, пришлось создать тип красоты грустной» [Цит. по: 4]. Известный историк русской литературы С.А. Венгеров назвал нашу литературу «великой совестью века» в своей речи «В чем очарование русской литературы XIX века?», которую он произнёс 22 октября 1911 года на праздновании столетнего юбилея Общества Любителей Российской Словесности. Одним из главных источников ее очарования, по его мнению, является «Великая Печаль ее». Он так раскрывает эту мысль: «Мне представляется, что эта Великая Печаль, разлитая по всей новой русской литературе, находится в тесной органической связи со всем русским национальным характером. Грустен русский пейзаж, по которому, однако так тосковал Некрасов среди роскошной природы юга. Грустна русская песня, «подобная

стону», по определению того же Некрасова. Но в этой грусти есть красота несказанная» [4]. При этом С. А. Венгеров замечает: «Но ни в коем случае Великую Печаль, великую тоску русской литературы не следует смешивать с унынием. *Уныние — начало мертвящее, а русская печаль — начало творческое.* Как мне уже пришлось заметить в другом месте, Великую Печаль русской литературы лучше всего назвать прекрасным старинным словом *печалование*, которое заключает в себе представление о деятельной любви и действенной заботе» [4].

Широко известны слова о русской грусти Фридриха Ницше: «Я обменял бы всё счастье Запада на русский лад быть печальным» [6: 796].

Однако ни С.А. Венгеров, ни Ф. Ницше не указывают на главный источник грусти как характерной черты русской литературы. А она заключается в том, что русский национальный характер и русская культура формировались в условиях тысячелетней православной веры народа. Источником грусти стало глубокое осознание несоответствия жизни человека христианскому идеалу, смирение перед Богом, то, что в Евангелии называют «нищетой духа». Именно в этом видел Тихон Задонский, великий святитель России, суть русской грусти: «Печаль христианская истинная есть печалиться о том, что христиане высокое и небесное звание имеют, но того звания достойно ходити не могут, немощию плоти воспящаеми» [7: 674]. При этом он оценивает подобное состояние души как спасительное: «Сия печаль им полезна и Богу благоприятна есть, яко «жертва Богу дух сокрушен: сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит» (Пс. 50, 19). Таковая печаль нужна есть всякому христианину, яко таковою печалью исправляется и обновляется растленное естество» [7: 674]. Святитель Тихон противопоставляет печали уныние, которое он считает «искушением вражеским» и строго порицает: «Уныние есть нерадение о душевном спасении». «Уныние закрывает сердце, не дает ему принять слово Божие». «Бог ожидает от христианина подвига, а не уныния в искушении» [7: 1057].

Глубокий смысл русской грусти раскрыл В.О. Ключевский в статье «Грусть», посвященной поэзии М.Ю. Лермонтова: «Христианин растворяет горечь страдания отрадною мыслью о подвиге терпения и сдерживает радость чувством благодарности за незаслуженную милость. Эта радость сквозь слёзы и есть *христианская грусть*, замещающая личное счастье. <...> Религиозное воспитание нашего народа придало этому настроению особую окраску, вывело его из области

чувства и превратило в нравственное правило, в преданность судьбе, т.е. Воле Божией. Это – русское настроение, не восточное, не азиатское, а национальное русское» [5: 439, 444]. Через сто лет эти мысли в поэтической форме выразил Ю.П. Кузнецов в стихотворении «Серафим» (1997 год):

Души рассеянная даль,
Судьбы раздёрганные звенья.
Разбилась **русская печаль**
О старый камень преткновенья.

Желает вольный человек
Сосредоточиться для Бога.
Но суждена ему навек
О трёх концах одна дорога.

Песок и пыль летят в лицо,
Бормочет он что ни попало.
Святой молитвы колесо
Стальные спицы растеряло.

А на распутье перед ним
На камне подвига святого
Стоит незримый Серафим —
Убогий старец из Сарова.

Мысли о том, что грусть – это русское национальное настроение, встречается у многих писателей и поэтов советского периода. В 1964 году современник В.И. Белова, талантливый поэт Борис Примеров, в своем стихотворении говорит:

Как напишут, не знаю,
Но напишут про грусть,
Что вошла навсегда
В моё сердце, как Русь.
Без неё нет поэта,
Песни собственной нет.
<...>

Поэт даже рифмует эти ключевые слова – *грусть* [*грус'*] – *Русь*.

Русская грусть стала нравственным правилом, определяющим мировоззрение и художественный стиль В.И. Белова. Ее голос звучит в повести «Привычное дело» (и здесь уже в самом подтексте

названия), в трилогии «Кануны», «Год великого перелома» и «Час шестый», «Пропавшие без вести». Мы не будем в этой статье специально рассматривать политические и социальные причины трагедии русского народа в XX и в начале XXI века. Об этом написано много горького и гневного, в том числе и самим Беловым. Основное внимание мы обратим на те нравственные правила, которые сформировали художественный стиль писателя. Этот стиль В.И. Белова можно определить так: **«Нежность грустная русской души»**. Этими поэтическими словами С.А. Есенин, певец русской грусти, выразил своё отношение к Родине. Эти слова точно соответствуют и художественному мирозерцанию В.И. Белова.

В повести «Невозвратные годы» писатель обращается к воспоминаниям детства и к трудной судьбе крестьян – его земляков. Отметим, что в целом тональность этой повести скорее грустная, нежели печальная, кроме отдельных ее частей. Светлой грустью овеяны воспоминания о младенческих годах, о близких родственниках, о деревенском быте и даже о драматических событиях детства. Это особенно видно, когда сравниваешь эту повесть с другой книгой В.И. Белова – «Пропавшие без вести», написанной в начальные годы перестройки в конце XX века. В ней автор подводит своеобразный печальный итог в истории крушения народной крестьянской жизни. Эта книга полна безысходной тоски и даже отчаяния: *«Любой, вернее каждый дом обычен в своем безбрежном, неосознанном даже страдании, в своем трагизме. Тут даже нечего выбирать. Бери любую деревню, начинай с краю и описывай»* [3: 34]. Но и здесь в самом отчаянно горестном рассказе «Без вести пропавшие» В.И. Белов находит в себе силы обратиться к созерцанию красоты и святости родной земли и в это счастливое мгновение утешиться душой: *«Три года я с помощью своих друзей Анатолия Заболоцкого и Валерия Страхова спасал то, что осталось от нашей церкви. Однажды ранним утром, когда устанавливал самодельный дубовый крест, стоя на качающихся лесах, я взглянул окрест... То, что я увидел, никто не видел не менее ста тридцати лет. Птицы летали не вверх, а вниз. Подкова озера, окаймленная кустами и мшистыми лывками, оказалась маленькой и какой-то по-детски беззащитной. Вода без малейшего искажения отражала голубизну бездонного неба. Все вокруг было в солнечном золоте, в утреннем зеленом тепле, в тишине и в каком-то странном и даже счастливом спокойствии»* [3: 36].

Однако и в этот счастливый момент, когда храм восстановлен и венчается крестом, а созидаящий его человек с его высоты созерцает родную землю, и в этот счастливый момент ему, русскому человеку, дано понять, насколько шатко его счастье и как краток его покой:

«И вдруг ... Крохотная площадка, на которой я стоял, и четыре жиденькие, сколоченные из обрезной сороковки стойки вздрогнули, накренились. Холодный и резкий вихрь сильно ударил откуда-то с юга. Он с минуту, может быть, с полминуты давил на меня, свистя в моих не очень надежных высотных сооружениях. Затем сбросил на крышу храма обрезок доски и пропал, исчез так же неожиданно, как появился. Изумленный, даже не успев испугаться, я стоял на коленях и держался за крест, который только что закреплял в гнезде. ... Что это было? Не знаю и до сих пор. Одно знаю твердо и ясно: в моем рассказе нет ни слова вымысла, как в небе в то утро не было ни единого облачка» [3: 36-37]. В эту живописную картину, которая наполнена также и музыкальным звучанием, вплетается символическим мотив тщетности наших человеческих дел без спасительной силы Креста.

Крест, на котором был распят Иисус Христос – *Спаситель и Утешитель*, спасает человека от гибели. С этой мысли, которая выражена прикровенно, начинается и повесть «Невозвратные годы». Автор рассуждает о том, что основное настроение книги воспоминаний ему хотелось бы передать эпиграфом – словами А.С. Пушкина из стихотворения «Птичка»: *«Я стал доступен утешению; За что на Бога мне роптать?»* [2: 3]. Однако уже через две страницы В.И. Белов пишет: *«Теперь <...> я четко осознаю трагичность каждой человеческой жизни. Для меня самоочевидна эта трагичность, независимо от жизненной продолжительности»* [2: 6].

Вот она русская грусть, будь то поэзия А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.А. Некрасова, С.А. Есенина, Н.М. Рубцова, Ю.П. Кузнецова или проза В.И. Белова! Это именно такая грусть, какой ее прозорливо определили святитель Тихон Задонский, а затем историк В.О. Ключевский в приведенных выше словах [5: 439]. В повести «Невозвратные годы» писатель осмысливает человеческую жизнь в этом ключе. Радость и грусть всегда рядом в его воспоминаниях о детстве. Даже в его юношеских стихах, которые В.И. Белов упоминает здесь, они стоят рядом: *«Родился усталым и грустным, веселым и сильным умру»* [2: 10]. Смысл этих строк писатель связывает с православным представлением о подвиге святых, которые духовно побеждают не только тяготы земной жизни, но и саму смерть: *«По своему опыту знаю, ощущаю, как годы прессуются во временные пла-*

сты. Эти пласты давят на человека в настоящем. Мне кажется, они и будут давить, пока человек жив, пока способен ощущать физическую тяжесть. И тем сильнее, чем дольше человек живет. (Правда, у монахов такая тяжесть, по моим предположениям, из физической медленно преобразуется в духовную, а у святых физическая вообще истлевает ...)» [2: 9-10]. В акафистах, посвященных Богородице, есть созвучная этим мыслям писателя строка: «*Радуйся, скорбь нашу в радость претворяющая; радуйся, несумненною надеждою нас увеселяющая*» [1: 6-7].

Писатель печалится о несовершенстве жизни своих земляков, о том, что, по слову святителя Тихона, «христиане высокое и небесное звание имеют, но того звания достойно ходити не могут, немощию плоти воспящаемы» [8: 764]. А главная немощь плоти, и не только плоти, но и духа, у земляков – пьянство, которое особенно сильно поразило русского крестьянина после страшной войны, тяжелого колхозного труда, а затем «перестройки». В.И. Белов грустно размышляет о разных сторонах нашей неустроенности: о несправедливом притеснении колхозников и их несвободе, о гибели мужского населения деревень на фронте, о нищете и голоде в военную и послевоенную пору, об утрате православной веры и разрушении храмов, а в последние годы – о гибели деревень, сельского хозяйства и традиционной крестьянской культуры, о бегстве крестьян в города. И всё это на фоне телевизионного веселия и бесконечных праздников плоти, а не души. Невольно опять вспоминается С.А. Есенин:

Друзья! Друзья!
Какой раскол в стране,
Какая грусть в кипении весёлом!

Эта русская грусть о правде жизни – характерная особенность нашей жизни и литературы. Известный философ Владимир Соловьев писал более ста лет назад справедливые слова: «Помимо внешних благ, о которых должно заботиться государство, народ наш хочет еще совсем другого. Он хочет *правды*, т.е. согласия между действительною жизнью и той истиной, в которую он верит [7: 331].

К сожалению, за годы богоборчества в XX веке вера в Иисуса Христа как в Истину перестала быть всенародной, что привело к раздроблению народного самосознания. Об этом также печалится В.И. Белов. Он неоднократно обращается к одной мысли: «*Писателем я стал ... не из удовольствия, а по необходимости, слишком накопело на сердце, молчать стало невтерпёж, горечь душила*» [2: 57]. Размышляя о своей неизбежной кончине, писатель со скорбью гово-

рит сам себе: *«Не спеши ... Когда ты выплачешь всю горечь, выскажешь всю обиду за свой народ, тогда тебе ничего не останется, как умереть. И умрешь, потому что нечего будет делать. А выскажешь ли так много, выплачешь ли?...»* [2: 23].

Главным источником духовной силы, не позволяющей писателю впасть в уныние и безысходность, была живая, неутраченная, связь со своим крестьянским родом и идеалами Святой Руси. Автор с грустью и любовью вспоминает своих родных – мать, отца, крестных, братьев, сестер, односельчан: *«И плачу, и молюсь по ним, и все время поминаю их родные бессмертные души»* (выделено В.И. Беловым) [2: 170]. Особенно дороги автору воспоминания о бабушке Фомишне, которая безропотно и мудро управляла домашним хозяйством большой семьи, нянчила, а главное - воспитывала внуков. Светлой грустью веет от этих воспоминаний: *«Звучат, звучат в моей душе молитвенные и колыбельные мелодии бабушки Фомишны. Поскрипывает подвешенная на березовом очепе драночная зыбка ... Прядет Фомишна куделю и качает, качает ногой за веревочку, привязанную к черемуховому облучку. Напевно, слегка печально, тихо Фомишна поет «Утушку»: Утушка да луговая, Где же ты, где ночевала?...»* [2: 63]. Печальной была вдовья судьба многих крестьянок: *«То, что она (Фомишна), как и моя мама, осталась вдовой, было, по-видимому, делом отнюдь не случайным: почти все деревенские женщины, которых я помню, были вдовами ...»* [2: 14]. Не дождалась Александра Фоминишна и сына, погибшего в войну на берегу смоленской реки Царевич. Могила бабушки затерялась среди других безымянных холмиков деревенского кладбища. С печалью В.И. Белов говорит: *«И сейчас я тщетно ищу это место, ищу и не могу найти»*. Только звучат в душе теплые бабушкины слова, с любовью обращенные к внуку: *«Батюшко, батюшко ...»* [2: 17].

С художественной проницательностью В.И. Белов воспроизводит духовный облик своих родственников из соседней деревни Алферовской – *«род Перьят»*. Запомнились они односельчанам тем, что *«были Перьята слишком «простые», совсем бесхитростные. <...> Рассказывали, что даже хлебный амбар у них не запирался: Перьята надеялись то на Бога, то на чистую совесть земляков. <...> Особенно любили у Перьянка гостей. Родственников или чужих, это было для них не так уж и важно. В праздники или в будни, тоже не так важно»* [2: 38]. Писатель грустит об ушедших крестьянах-праведниках и затем делает обобщение: *«Рассказывая сейчас про этот род, я думаю о России. Вернее, о Святой Руси, воспетой Некрасовым, Блоком,*

Тютчевым, Твардовским» [2: 46]. В.И. Белов предполагает, что такие натуры жили в этом краю не случайно: *«О, как богат этот участок Святой Руси! Богат историческими событиями ... А сколько русских святых подвизалось в здешних местах ...»* [2: 68].

В повести В.И. Белова «Невозвратные годы» затронута грустная тема утраты в течение жизни целомудренного восприятия мира, свойственного младенчеству: *«Оно состояло из радости, спокойствия, блаженства, полной гармонии и ещё чего-то необъяснимого и прекрасного»* [2: 4]. К этой теме обращаются многие наши писатели. Отец Павел Флоренский, вспоминая детство, как богослов, осмысливает это состояние: «Детское восприятие преодолевает раздробленность мира **изнутри**. Тут утверждается существенное единство мира, не мотивируемое тем или другим общим признаком, а непосредственно ощущаемое, когда сливаешься душою с воспринимаемыми явлениями. Это есть мировосприятие мистическое» (Выделено П.Ф.) [8: 727]. Для В.И. Белова эти детские впечатления и чувства также были священными, поэтому он считает, что *«первые, ещё неосмысленные впечатления, полученные в младенчестве и во время раннего детства, остаются главными на всю жизнь»* [2: 4]. Со словами писателя перекликается и глубокое суждение Флоренского, когда он вспоминает свое мировидение в детстве: «И я знаю тверже, чем знаю все другое, узнанное впоследствии, что то мое познание истиннее и глубже, хотя и ушло от меня, - ушло, а все-таки навеки со мной» [8: 690]. Все творчество В.И. Белова подтверждает справедливость этого нравственного закона нашей жизни.

В заключение еще раз вернемся к размышлению В.О. Ключевского об особенностях русской грусти, которые так свойственны прозе В.И. Белова: «Источник грусти – не торжество нелепой действительности над разумом и не протест последнего против первой, а *торжество печального сердца над своею печалью*, примиряющее с грустной действительностью» [с. 437]. Повести В.И. Белова «Невозвратные годы» свойственна грустная задумчивость, проникнутая этим *«торжеством печального сердца над своею печалью»*. Н.А. Некрасов в свое время посвятил теме грустной задумчивости русского народа стихотворение «Тишина», в котором есть такие про- роческие и многозначительные строки:

Над всей Россией тишина,
Но – не предшественница сна:
Ей солнце правды в очи блещет,
И думу думает она....

Литература

1. Акафист Пресвятой Богородице пред иконой её «Казанская». Клин: Христианская жизнь, 2011. 32 с.
2. Белов В.И. Невозвратные годы. СПб.: Политехника, 2005. 192 с.
3. Белов В.И. Без вести пропавшие. Рассказы и повесть. Вологда, 1997. 192 с.
4. Венгеров С.А. В чем очарование русской литературы XIX века? // Венгеров С.А. Собрание сочинений, т. IV, 1919 г. OCR Biografia.Ru
5. Ключевский В.О. Грусть (Памяти М.Ю. Лермонтова, умер 15 июля 1841 г.) // Ключевский В.О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли / сост., вступ. ст. и примеч. В.А. Александрова. М.: Правда, 1991. 624 с. С. 427-444.
6. Ницше Ф. Сочинения в 2 т. М.: Мысль, 1990.
7. Соловьев В.С. Национальный вопрос в России // Соловьев В.С. Сочинения в двух томах. Том 1. Философская публицистика. М.: Изд-во «Правда», 1989. 687 с.
8. Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Симфония по творениям святителя Тихона Задонского. М., 1996.
9. Флоренский П.А. Детям моим. Воспоминания прошлых дней // Флоренский П.А. Имена. Сочинения. М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков: Изд-во Фолио, 1998. 912 с. С. 663-882.

КРЕСТЬЯНСКИЙ ЛАД Василий Белов и деревенская проза

Писателей *деревенщиков*, воспевших народную совесть, уже при жизни величали *совестью нации*. Полагаю, столь высоко можно величать лишь русских святых, подобных преподобному Серафиму Саровскому, и, тем не менее, думаю, в русской прозе второй половине прошлого века ближе к величанию *совесть нации* были Василий Шукшин и Василий Белов, воистину русские народные писатели. И не простым *деревенщиком* вошел в литературу Белов, но – *крестьянским* писателем, ибо в повестях и сказах, в книге очерков «Лад» с любовью сыновьей воспел крестьянский мир в его дольней и горней мудрости, в его необозримом и сверхгениальном устном поэтическом слове.

Уходящая корнями в древнекрестьянскую обрядовую поэзию, в избранных произведениях созвучная средневековым повестям, обогащенная классической словесностью, *деревенская* проза и поэзия прошлого века в сравнении с *дворянской*, *разночинной* более полно и правдиво выразила русский народ, что до начало прошлого века был сплошь крестьянским. Прочие сословия, что звездная пыль в крестьянской Вселенной... Крестьянство же, хотя и не без греха, являлось духовно-нравственным, творчески созидательным стержнем русской нации. По сему поводу Александр Куприн писал:

«Когда говорят «русский народ», а всегда, думаю – «русский крестьянин». Да и как же иначе думать, если мужик всегда составлял 80% российского народонаселения. Я, право не знаю, кто он, богоносец ли, по Достоевскому, или свинья, по Горькому. Я – знаю только, что я ему бесконечно много должен, ел его хлеб, писал и думал на его чудесном языке и за всё это не дал ему ни соринки. Сказал бы, что люблю его, но какая же это любовь без всякой надежды на взаимность»¹.

Деревенская проза – гаснущее эхо двухтысячелетней, необозримой и непостижимой, как Вселенная, крестьянской обрядовой поэзии, что, язычески владея землей, по святому крещению обрела и небо. Русские *крестьяне*, мистически исходя «от креста» и «Хри-

¹ Куприн А.И. Полное собрание сочинений в 10 томах (11 книгах). Воскресение. М., 2006–2007.

ста», выражали земные и небесные мысли не мертвецки условным, научным языком, но образным и притчевым, а образы, как Иисус Христос в поучениях и заповедях, брали из крестьянской и природной жизни. Сын Божий говорит не *научнообразно* в отличии от книжников и фарисеев, но беседует с народом на языке крестьян и рыбаков, щедро расцвечивая речь пословицами и поговорками; по воле Божией сей горний, благолепный речевой лад обретали апостолы, святые отцы, старцы-наставники, древнерусские летописцы, православные писатели, особо средневековые, а в избранных произведениях и мирские писатели, подобные Ивану Шмелеву, и даже *деревенщики*, подобные Борису Шергину, Василию Белову, Владимиру Личутину.

Двухтысячелетняя русская народная, суть, крестьянская, языковая стихия, воплощённая в устном поэтическом, прозаическом слове – в эпосе, былине, песне, житийном мифе и заговорной молитовке, в причитании и сказке, бывальщине и быличке, в кружевном речении, в пословице и поговорке, – всегда будет неизмеримо гениальнее самой гениальной стилистики самого великого книжного поэта. Вот и Пушкин скорбел, что устная народная поэзия, увы, непосильна письменной, о чем поэт и сказал Владимиру Далю, когда тот вручил ему свою книгу «Русские сказки»:

«Сказка сказкой, а язык наш сам по себе; и ему-то нигде нельзя дать этого русского раздолья, как в сказке. А как это сделать?.. Надо бы сделать, чтоб выучиться говорить по-русски и не в сказке... Да нет, трудно, нельзя еще! А что за роскошь, что за смысл, какой толк в каждой поговорке нашей! Что за золото! А не даётся в руки, нет²».

Не взирая на строгий домострой, с кнутом и пряником стерегущую народную нравственность, – моральный кодекс строителя земного рая, списанный без Бога с Нагорной проповеди Христа, – несмотря на суровую цензуру, заради трудового вселенского побратимства нещадно карающую буржуйский индивидуализм, космополитизм, демонический декаданс в искусстве, несмотря на *холодную войну* с лукавым Западом, исподволь засеявшим грядущее предательство в прозападной властной элите и смуту в художьих творческих душах, несмотря на деревенскую стужу и нужу, – шестидесятые, семидесятые, восьмидесятые годы минувшего века ...особенно эпоха брежневского *застоя*... оказались благословенными для русского

² Бертенев П.И. Рассказы о Пушкине. М., 1973.

искусства XX века. Случилось нечто подобное имперскому всплеску в нации; и в эти счастливые для искусства времена в небесах мировой литературы засияла *деревенская проза*...

Деревенскую прозу предрёк Федор Достоевский ещё в 1871 году. В то лето Федор Достоевский пишет Николаю Страхову: «*А знаете – ведь это всё помещичья литература. Она сказала всё, что имела сказать (великолепно у Льва Толстого), – но это в высшей степени помещичье слово было последним. Нового слова, заменяющего помещичье, ещё не было... Когда народ, как он твердо встанет, он проявит своего Пушкина...*»³

И народ *проявил* своего Пушкина: в шестидесятые годы вначале по-деревенски робко и стеснительно ...лапотники же, деревенские катанки... а в семидесятые, восьмидесятые во всю отчаянно-печальную удадь явилась в русском искусстве *деревенская проза* – суть, народная: Шукшин, Абрамов, Астафьев, Носов, Белов, Распутин, Личутин и примыкающая к *деревенщикам* добрая дюжина писателей, чьи избранные сочинения порой не уступали и произведениям вышепомянутых писателей.

И в прозе второй половины девятнадцатого века водились добротные сочинители из мужиков, скорбные выразители угнетенного крестьянского мира, но писатели прошлого века, прозванные *деревенскими*, – Борис Шергин, Василий Шукшин, Федор Абрамов, Василий Белов, Валентин Распутин, Владимир Личутин, – и духом, и словом вознеслись над старокрестьянскими. А с точки зрения *русскости и народности* избранные произведения *деревенщиков* прошлого века даже и превзошли иные дворянские сочинения, именованные классическими.

В отличие от русскоязычной – не чующей ни духа, ни слова народного, не жалеющей ради хлесткого словца ни мать, ни отца, – *деревенская проза*, зазвучав по всей России-матушке, словно вечным набатом, отозвалась во всякой живой русской душе. Деревня приманивала, волновала, радовала и кручинила наших писателей, как островок, где еще теплилась *русскость*, где еще дивом дивным, чудом чудным выжила совесть, предтеча покаянной любви ко Все-вышнему, где народ еще помнил тысячелетнее величавое сказовое, песенное слово, ещё не выронил из рук самобытное художественное ремесло. В *деревенской прозе* и выразилось поклонное единение писателей с русской народной жизнью, с народной этикой и народной совестью; дух совести и красоты народная проза и запечатлела.

³ Сайт: библиотека классической и современной прозы.

Деревенскую прозу я величаю русской народной, и среди вождей её по чести оказался и крестьянский писатель Василий Белов... Мне посчастливилось однажды свидеться с Василием Ивановичем Беловым (на старой карточке, что нынче печатаю, я даже оказался рядом), а потом обменяться книгами и письмами. Вот отрывок из моего давнишнего письма Белову, где я поведал о сильном впечатлении, кое произвела на меня его книга:

«...Я в отличие от легендарного чукчи, который писатель, но не читатель, люблю читать. И вот третьего дня дай, думаю, перед сном почитаю Вашу книгу, и так зачитался, что и не заметил, как рассвело. Не помню, когда в последний раз получал такое и радостное, и горькое наслаждение от чтения. То смеялся, то чуть ли не плакал. Если бы кто глянул со стороны, то подумал, что мужик умом ворохнулся. Какие дивные, добрые, мудрые, терпеливые, неторопливые, сказительные старухи, и как больно, что такая выпала им горькая долюшка. И ведь безунывны. И слезы, и смех – не ложиться же заживо в могилу, надо жить вопреки всему, а там... может, случится чудо, спасется народ и страна.

Да, какую мы деревню потеряли – саму Россию. Но может, чудо... (Кстати, такая мощная фотография Заболоцкого на обложке Вашей книги – но такая нестерпимая боль и мука в Вашем образе. Страшно становится...) Страшно не только то, что сгнули многие деревни, страшнее еще, когда в большой еще деревне либо в селе, как у меня на родине, бродит нищий, спившийся, отчаянный народ – мужики и бабы, парни и девки. Есть в наших деревнях крепкие хозяева, которые чтобы выжить либо жить не в нищете мантулят от темна до темна, не разгибая спины, держат по пять, а то и по десять коров с бычками и телками, держат и лошадей, и свиней, и кур. Может, от таких хозяев и оживет деревня, но это уже будет какая-то иная деревня, из которой весь век выбивали ее мудрый братчинный дух...

Так вот прочитал «Повесть об одной деревне»... хоть и немало веселого бухтинного, так талантливо переданного с устной в письменную речь, а так грустно, так горько на душе. И ведь тракторист Валентин – такой от природы добрый, талантливый, и мог бы в лучшую пору стать деревенским баешником, сказителем, или чем-то вроде безунывного Теркина. И ведь совестливый от природы, ведь, как Шукшинский мужик, пошел против фармазонов и погиб. Кстати, вот совпадение: и у меня есть повесть «Горечь», где похожая история. Журналист, выходец из сибирского села, у своего студенческого

приятеля, фоторепортера-фармазона обнаруживает в домашней коллекции икону своей деревенской бабушки и восстает...

И ветеринар Туляков – тоже природно талантливый, мудрый. Но, как и у Валентина, честь и совесть почти пропиты. Слава Богу, что лишь почти, что, может, еще есть надежда...

Какая прекрасная повесть или большой рассказ «Медовый месяц». Какой высокий, целомудренный дух в простых деревенских девушках, потом старухах, и сколько горя выпало на их долю. Но не сломило дух... Когда окопницы, три подруги плывут на барже среди лугов и спящих стогов... вроде как на войну... так нежно и трогательно, со светлой печалью это написано, и вдруг даже напомнило мне начало «Усвятских шлемоносцев» Евгения Носова, Вашего друга, дивного русского писателя...

Верно и скорбно у Вас говорит Марья Смирнова: «Истинно близко миру конец, заматерела бесовская власть, растеклась по грешной земле во все стороны, и конца ей не видно, везде бесы лукавые, и по конторам и в телевизорах, везде они, а мы-то глупые им прислуживаем...»

ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ДЕРЕВЕНСКОЙ ПРОЗЫ В ВОСПРИЯТИИ КИТАЙСКОГО ЧИТАТЕЛЯ

Аннотация. Статья посвящена особенностям восприятия китайским читателем современной русской деревенской прозы. Автор вводит в русское литературоведческое поле исследования китайских русистов, посвященные русской деревенской прозе, анализирует особенности интерпретации деревенской прозы китайским читателем с точки зрения актуальной для Китая проблемы традиции и современности.

Ключевые слова: деревенская проза, китайская русистика, интерпретация, рецепция, межкультурная коммуникация.

Китайская русистика традиционно выбирает в качестве объекта исследования классическую русскую литературу, изучая ее влияние на китайскую прозу. Современная русская литература остается малоизученной. Исключением оказывается деревенская проза, которой интересуются китайские читатели. Особенности рецепции этого пласта русской литературы в Китае определяются специфической коммуникативной ситуацией, которая охватывает предпосылки, предрассудки, присущие профессиональному китайскому критику, особенности рецептивной ситуации современного историко-культурного периода. Ю. Говорукина выделяет осознаваемые и неосознаваемые предпосылки интерпретационной деятельности. К бессознательным она относит языковую компетентность субъекта, национальную принадлежность, национально-ментальные стереотипы, фреймы и сценарии, «ситуационные модели» (Т. ван Дейк), находящиеся в эпизодической памяти и репрезентирующие предшествующий опыт коммуникации вообще, критической деятельности, знание о «рецептивной ситуации» [2: 198]. Названные аспекты определяют «предструктуру понимания» (Г.- Г.Гадамер), задавая возможности и пределы понимания, позволяют объяснить результат интерпретации. Цель данной статьи – выявить смыслопорождающие установки [1], которые определяют рецепцию деревенской прозы в Китае.

С начала 1980-х годов осмысление проблемы традиции и современности сопровождает процесс модернизации китайского общества. Это объясняет тот факт, что важнейшим рецептивным контекстом для современного китайского профессионального читателя является

дискуссия о традиции и современности, которая включает следующие вопросы: место традиции в ситуации модернизации китайского общества, поиск продуктивных форм вхождения традиции в современный культурный контекст. Главные положения этой дискуссии, которые оказываются своего рода смыслопорождающими установками:

- понимание традиции как культурного кода нации, условия сохранения национальной идентичности в современной ситуации глобализации;

- понимание традиции как подвижного, открытого феномена, способного обновляться;

- установка на поиск продуктивных форм вхождения традиции в современную плюральную культуру/современную литературу;

- понимание ценности деревни/родного края как способа сохранения традиции и необходимого выбора в процессе модернизации;

- установка на осмысление чужого (не)продуктивного опыта диалога с традицией в перспективе применения в китайском культурном поле.

Русская деревенская проза воспринимается китайскими русистами как близкая, полезная, идейно связанная с литературой «поиска корней» в Китае.

Китайские русисты акцентируют внимание на преемственности русской деревенской прозы и реалистической традиции. Так, Чжао Ян в монографии «Деревенское сознание и национальность в современной русской литературе (на примере творчества В. Распутина)» утверждает, что «понимание природы у современных деревенских писателей, Распутина, Астафьева и Шукшина наследовало пантеизм русской литературной традиции» [8: 49]. Авторы монографии «Изучение творчества Распутина» Сунь Юйхуа, Ван Лидань и Лю Хун анализируют «след» Ф.М. Достоевского, И. Бунина и М. Шолохова в произведениях Распутина. По их мнению, Достоевский проявляется в идее духовности человека, в принципе художественной организации ограниченного пространства-времени; бунинская традиция обнаруживается в теме памяти, описании природы, использовании диалекта; шолоховская традиция проявляется в элементах народной поэтики, утверждении важности земли в рамках тематики «Человек и природа» [5: 3]. Чжао Ян считает, что Распутин в плане философской концепции и творческого стиля продолжил и сохранил пантеизм Ф. Тютчева, приём создания пейзажа И. Бунина, описание психического состояния человека Ф. Достоевского [8: 163]. Авторы высоко оценивают сам факт преемственности.

Новейшая русская деревенская проза не в полном объеме переведена на китайский язык. Тем не менее, китайские русисты активно исследуют это явление, главным образом, в аспекте эволюции, преемственности уже сложившейся в рамках этого направления традиции. Так, Хоу Вэйхун, рассматривая рассказ А. Захарова «Колокола небесные», отмечает, что «это произведение является самым типичным преемником русской традиции деревенской прозы» [6: 31], и видит в образе бабы Тома продолжение распутинских старух. Одновременно автор замечает, что это продолжение более жестокое и жалкое. Подобное суждение является типичным для китайских исследований о новой деревенской прозе: сначала констатируется преемственность, а затем – жесткость новейших «деревенщиков» в изображении действительности.

Представители современной деревенской прозы, творчество которых отрефлексировано в китайском литературоведении: Б. Екимов, А. Захаров, А. Варламов.

Б. Екимов многие русские литературоведы и критики называют самым известным новым деревенщиком. В китайских исследованиях его имя появляется в обзорах. Творчество писателя не становилось еще предметом отдельного внимания. Однако уже понятно, что именно привлекает китайского читателя в произведениях автора. Это то светлое начало, которое отличает екимовские сюжеты. В монографии «Изучение русских повестей и рассказов 80 и 90-х годов XX века» Сунь Чао видит главный вклад Екимова в современную русскую деревенскую прозу в том, что он старается заполнить существующую лакуну добра в современной литературе примерами человечности [4: 111]. Хоу Вэйхун в статье «Пробуждение от мечты о деревне: где будущее?» исследует современную русскую деревенскую прозу после распада СССР, соотносит прозу Екимова с распутинской и приходит к выводу, что «в творчестве Екимова больше покоя и гармонии по сравнению с творчеством Распутина» [7: 4–9]. Исследователь обнаруживает динамику в творчестве Екимова с середины 1960-х годов до настоящего времени, отмечая усиление ее нравственной проблематики: «Екимов особенно дорожит теми персонажами, которые хранят традицию, глубоко осознают свои корни. Эти герои понимают, что родной край, деревня, творческий труд являются базовыми основами жизни» [4: 104]. В творчестве писателя 1980-х годов носителями истинных нравственных ценностей оказываются старики, хранители деревенской традиционной морали, показанные на фоне равнодушной современности. В 1990-е годы усиливается публицистичность

прозы автора, особенно видимыми становятся следы критической реалистической традиции [4].

Изучение современной русской деревенской прозы для китайских русистов имеет и прагматическую цель. Чужое осмысление актуальных для современного Китая проблем, связанных с деревней, прогрессом, позволяет отразить собственный культурный материал. Так, Чжао Ян в монографии «Деревенское сознание и национальность в современной русской литературе (на примере творчества В. Распутина)» пишет: «Изучение деревенского сознания и националистического течения способствует лучшему пониманию националистических чувств в современной китайской культуре, осознанию путей органичного сочетания национального характера, космополитизма и универсальности в культуре, возможности уйти от узкой националистической концепции и не потерять национальную культурную традицию» [8: 44].

Итак, дискуссия о традиции и современности, актуальная для современного китайского общества, является важным рецептивным контекстом восприятия современной русской литературы, в частности, новой «деревенской» прозы. Она задает рецептивные установки, которые определяют интерпретацию и оценку литературных произведений.

Литература

1. Говорухина Ю.А. История критики как смена тексто (смысло)порождающих моделей // Универсалии культуры: сборник научных трудов. Красноярск, 2012. С. 156-177.
2. Говорухина Ю.А. Структура литературно-критической деятельности // Критика и семиотика. 2009. № 13. С. 193-203.
3. Жэнь Гуансюань. Появился новый Распутин: обзор и оценка прозы Распутина последних лет // Русская литература и искусство. 2000. № 1. С. 24-45.
4. Сунь Чао. Изучение русских повестей и рассказов 80-х и 90-х годов XX века. Пекин: Изд-во народной литературы, 2014. 297 с.
5. Сунь Юйхуа, Ван Лидань, Лю Хун. Изучение творчества Распутина. Пекин: Изд-во народной литературы, 2009. 227 с.
6. Хоу Вэйхун. Изучение современной русской прозы. Пекин: Изд-во китайских общественных наук, 2013. 233 с.
7. Хоу Вэйхун. Пробуждение от мечты о деревне: где будущее? // Русская литература и искусство. 2015. № 4. С. 4-9.
8. Чжао Ян. Деревенское сознание и национальность в современной русской литературе (на примере творчества В. Распутина). Нанкин: Изд-во Нанкинского университета, 2014. 221 с.

«ОЩУЩЕНИЕ ПОЛНОГО ДУХОВНОГО РОДСТВА»: ВАСИЛИЙ БЕЛОВ И ФЁДОР АБРАМОВ

Аннотация. В статье рассматриваются человеческие и творческие взаимоотношения двух наиболее ярких представителей русской традиционной прозы, уроженцев и певцов Русского Севера – Федора Абрамова и Василия Белова.

Ключевые слова: Федор Абрамов, Василий Белов, «деревенская проза», образ народа.

Фёдору Абрамову с любовью и ощущением полного духовного родства на память – так подписал одну из своих книг Василий Иванович Белов (1932–2012), адресовав ее своему старшему другу, единомышленнику и соратнику Фёдору Александровичу Абрамову (1920–1983). Именно духовное родство связывало этих двух выдающихся художников слова, оставивших заметный след в современной русской литературе народного направления. Важно, что они сами осознавали это родство: одно из писем Белову Абрамов подписал: *Твой брат Федор*, в другом – сделал приписку: *Обнимаю по-братски*, да и в остальных письмах он неизменно подчеркивал родство притяжательным местоимением: *Твой Федор; Твой в доску Ф. Абрамов; Всегда твой Ф. Абрамов*. Белов на одном из выступлений заметил: *Здесь Фокина назвала меня братом, а я бы назвал Абрамова отцом*.

Это духовное родство было очевидно окружающим. Шамиль Галимов так вспоминает день похорон Ф. Абрамова: «Тихий, незаметный, какой-то потерянный Василий Белов, в ватной фуфайке с чужого плеча, дрогнувший лицом в ответ на чью-то реплику: “Вот и осиротел ты, Василий Иванович, не стало у тебя старшего брата”, ухोдивший от скопления людей, а потом сбивчиво изливший над могилой свою изболевшую душу...» [2: 245].

Все, кто бы ни писал об Абрамове или Белове, непременно ставят их в один ряд с другими яркими представителями так называемой «деревенской прозы». Феликс Кузнецов отметил: «Белова невозможно понять и оценить вне литературного контекста, вне того уникального направления, которое сложилось в русской литературе во второй половине минувшего века. Имя ему – «деревенская проза» <...> она была прозой бытийной, историко-философской, вынесшей

на общественное обсуждение коренные, фундаментальные вопросы нашего исторического бытия» [4: 5].

Абрамов и Белов тоже ощущали себя частью славной когорты писателей-«деревенщиков», не тяготились, а гордились этим. Ф. Абрамов на VI съезде писателей СССР говорил: *Общеизвестно, что так называемая деревенская проза <...> давно уже вышла на передовые рубежи нашей литературы. Я бы сказал больше: она во многом определяет лицо современной литературы.* В свою очередь В.И. Белов восклицал: *Какие же «деревенщики» Федор Абрамов или Валентин Распутин, если творчество каждого – напряженный поиск ответов на самые острые вопросы жизни, поиск нравственных ориентиров в мире?*

Абрамов и Белов неизменно восторженно и с глубоким уважением отзывались друг о друге в интервью, выступлениях, на встречах с читателями. Вот Абрамов: *Удивительный, несравненный Василий Белов; Как отношусь к Василию Белову? Самое положительное отношение. Удивительный писатель, дар божий. Это гордость русской литературы.* А вот Белов: *Что бы сделал Федор Абрамов, честнейший писатель?; Что думаю об Абрамове? Прозу его оцениваю очень высоко.*

Характеры и у Абрамова, и у Белова были не легки и не просты, покладистыми, уравновешенными их не назовешь, да и как иначе, ведь оба писателя были непримиримыми борцами со всем тем, что выходило за рамки их понимания совести, правды, добра, они смело бросались в бой со всяческим злом, ложью, несправедливостью. Да и их двадцатилетняя человеческая и творческая дружба тоже не была безоблачной, случались между ними и разногласия, и размолвки, и взаимонепонимания, однако в главном они оставались близкими по духу людьми, настоящими соратниками.

Их переписка началась в 1963 году с письма Василия Белова, тогда студента Литературного института, в котором он поддержал Федора Абрамова, оказавшегося в опале после выхода его остро публицистической повести «Вокруг да около». Личное знакомство Абрамова и Белова, переросшее в дружбу, состоялось благодаря Александру Яшину в 1964 году на выездном пленуме Союза писателей РСФСР в Краснодаре. Абрамов и Белов всегда пристально следили за литературным творчеством друг друга, в статьях, письмах, заметках остались отзывы, которые представляют большой интерес для исследователей их наследия.

Первую подаренную Абрамову книгу Василий Белов в 1964 году подписал так: *Дорогому Фёдору Александровичу Абрамову – одному из*

немногих крестьянских заступников. С восхищением перед его писательским талантом и гражданским мужеством от автора скромной этой книжицы. В интервью 1986 года он говорил: Помню, как я читал романы Федора Абрамова «Братья и сестры» и «Безотцовщина». Это были потрясающие для меня открытия! Было просто непонятно, как можно было написать такую горькую правду сразу после войны! <...> Я нигде не читал ничего подобного. Оказалось, что можно писать правду о колхозной жизни! В письме от 28 февраля 1979 года Белов пишет: Дорогой Фёдор Александрович! Много ты сумел сказать в «Доме». Спасибо. Я почувствовал и какое-то личное облегчение: Абрамов сделал то, что теперь уже делать не надо, поскольку дело сделано.

Федор Абрамов неоднократно публично высказывал свою высокую оценку беловских произведений: На страницах «Роман-газеты» не нашлось, к нашему стыду, места для «Привычного дела» и «Плотницких рассказов» Василия Белова, этих несравненных жемчужин отечественной литературы («Слово в ядерный век». Выступление на VII съезде писателей СССР. 1981); ...в то время я скорее голову бы дал на отсечение, чем поверил бы, что автор «Любушки» через каких-то пять лет напишет «Привычное дело», повесть, которая сразу же станет славой и гордостью нашей литературы («Семь вёрст до небес». Из воспоминаний об Александре Яшине. 1982).

Больше серьезных, аргументированных отзывов можно обнаружить в письмах Ф. Абрамова, адресованных В. Белову, которые адресат опубликовал в 2000 году в журнале «Север» (№ 5-6). Приведем некоторые выдержки из них с пропуском частностей, деталей, подробностей: Повесть твоя меня совершенно оглушила. Да, вот и кончился мальчик Белов, которого все так дружно расхваливали. А что будет теперь? <...> Да, вот какой парень вышел из вологодских лесов. Впрочем, тут не твоя заслуга. Тут воля провидения (9.01.66); Прочитал твои «Плотницкие рассказы», и сердце полно восторга и благодарности тебе. Великолепная штука! По-моему, она не слабее «Ивана Африкановича», а в некоторых отношениях, может быть, даже и сильнее. Мирное, даже любовное сосуществование жертвы и мучителя – да ведь это, батенька ты мой, вся Россия, все несообразности и парадоксы нашей истории (25.11.68); Поздравляю, Василий! Бухтины твои великолепны. Если хочешь, это новое слово в твоей работе. Да и вообще, кто до тебя пытался через смех пропустить наши беды? Шолохов? Но это совсем-совсем другое... (28.05.69); Давно прочитал вторую часть твоих «Каунов» и хочу от души поздравить тебя. Молодчина ты! Особенно пришлось мне по душе

всё то, что связано с мельницей. <...> Очень хороши также пейзажи. Гроза, например, наповал сразила меня. Но самое главное – тебе удалось показать, что коллективизация нарушила естественный ход жизни» (18.03.77).

К 50-летию Василия Белова Абрамов написал очерк «Деревеньку зовут Тимониха» (1982), в котором рассказал о своей дружбе с юбиляром, о своем восприятии его творчества, а больше всего о «благословенной неделе», прожитой им в Тимонихе, где через постижение места, взрастившего друга-писателя, он в большей степени осознал его человеческую и писательскую сущность. Здесь можно встретить, например, такие откровения: *Оригинальность Василия Белова я оценил сразу: у кого ещё в мире такие глаза – широко распахнутые, младенчески простодушные и в то же время скорбные, налитые тревогой и болью за всё живое на Земле; или: Василий Белов своим дивным искусством обновил и освежил привычный мир в литературе, что, впрочем, делает любой большой художник. Никаких словесных штампов, словесной шелухи, никаких затасканных выражений. Он нашёл новые слова, новые краски, новую музыку фразы, и старый, с детства всем знакомый мир на страницах его повести засверкал по-новому, радужно, первозданно.*

Абрамов восторгался тем, что кипит, играет народное слово в беловском краю, он буквально влюбился в мать Белова – Анфису Ивановну, восприняв ее как самое большое диво, ведь в каждом слове её – поэзия. Заканчивается очерк весьма показательно: *Ни на одной карте мира не помечена Тимониха. Но есть, есть такая деревенька на Вологодчине, и свет её далеко-далеко расходится по Земле.*

Отношение к Белову как человеку проявляется в том, как Абрамов обращается к нему в письмах: *дорогой Василий, Вася, Васенька, дружище милый, Васильюшко, дорогой Василь, а однажды и так: Васильчино, здравствуй! Надеюсь, ты не примешь это за фамильярность? Не знаю, как у вас, а у нас это самое ласкательное обращение. По крайней мере, в добрые минуты я так называл своего покойного и вечно живого для меня брата (05.04.80)* – такое сопоставление друга с близким родным человеком дорогого стоит. А еще в заметках Абрамова «Наедине с природой» можно обнаружить такую запись: *Небо голубое, младенческое, как у В. Белова глаза.* Это ли не проявление любви и нежности!

И все-таки настоящая мужская дружба не может быть исключительно благодистой, комплиментарной, истинный друг не побоится в лицо сказать нелицеприятную правду, дать объективную, честную оценку. В этом, а не в чем-то ином – главная ценность дружбы.

В письмах Абрамов журит Белова: *Что же это ты, бурбон?; Ах, какой ты, право, дуралей; дружески упрекает: Слава замутила тебе мозги?; Ты вымахал, да и другие в рост пошли; Кто же ещё скажет нам правду, если не мы сами?; А с душевной слякотью кончай. Не к лицу к тебе. Не ты ли меня всегда ругал за это; проявляет сочувствие, дает добрые советы, подбадривает: Прошу тебя: храни душу, её потом не купишь; У тебя всё впереди, и я верю: ты не генералом станешь, а генералиссимусом в литературе; И Бога ради. Не грусти – встряхнись. А то я заплачу. Ведь такое паскудное время на дворе.*

Дружба проверяется и готовностью помочь друг другу материально. Белов вспоминает: *Выжить надо было, разумеется, не в прямом смысле, а в литературном, в творческом. Хотя бывало, что и в прямом. (Помнится, Фёдор Абрамов чуть ли не в каждом письме не забудет спросить: «Есть ли пятаки? Не послать ли?»).*

И все-таки в чем были разногласия, в чем не сходились во взглядах эти два великих «деревенщика»?

Вот письмо Абрамова от 15 ноября 1969 года: *Дорогой Василий, удивил ты меня страшно: я обличаю русского мужика... Да где же это? В «Пелазее»? Да что я, по-твоему, мерзавец? Не сын этого самого русского мужика? Нет, нет, говорить правду это ещё не значит обличать. А русский мужик ни в чём так не нуждается, как в этой самой правде. Ибо все его одинаково облапошивают: и обличители, и те, кто слезу над ним пускают. Все смотрят на него как на недочеловека.*

В записной книжке Абрамова 1975 года читаем: *Василий Белов. Умилительно-сострадательное отношение к народу. Народ ни в чем не виноват. Его надо пожалеть. Он – жертва. Нет. Жертва... Но каждый отвечай за себя. Здесь наше расхождение.*

А вот выдержка из выступления Абрамова на последнем творческом вечере в Доме писателей в 1983 году: *Читатели спрашивают, как я оцениваю его «Лад». То представление, будто крестьянская жизнь была гармонична, в духе лада, хорового ритма, вызывает у меня сложное отношение. Мне кажется, что Белов не видит негативных сторон крестьянской жизни.*

Здесь уместно будет вспомнить еще одно принципиальное высказывание Абрамова: *Я не стою коленопреклоненно перед народом, перед так называемым «простым народом». Нет, и народ, как сама жизнь, противоречив. И в народе есть великое и малое, возвышенное и низменное, доброе и злое («Сотворение нового русского поля»). Интервью для журнала «Наш современник». 1980).*

Валентин Распутин зафиксировал замечательную сцену из жизни, ярко характеризующую взаимоотношения друзей-соратников:

«Абрамов и Белов только что схватывались в жестоком споре, схватывались по-северному цепко и горячо, ещё не остыли, и Василий Белов терпеливо набирает по телефону вологодский номер.

– Ольга, – сердито говорит он жене, – приезжай. Скорей приезжай, меня тут Фёдор обижает. Какой-какой?! Абрамов. От него звоню, от Абрамова. И Людмила Владимировна здесь, привет тебе передаёт.

Абрамов исподлобья косится на Белова и, когда тот опускает трубку, не отстаёт: – И Ольга тебе не поможет. Нет, брат, хватит шептаться по углам, вслух говорить надо.

– Я что – не говорю?! – взрывается опять Белов. – Я что – отмалчиваюсь?

– Громче говорить надо. Чтоб вся Россия слышала.

– Вот ты завтра подымешься и скажешь за всех нас.

– Я скажу. Но за себя сам ты должен говорить. Тебя любят, твоё слово понесут.

– Я за столом говорю. А на трибуне не умею. Не люблю.

– Надо – сумеешь. А сейчас – надо. То, что ты скажешь, никто не скажет». Распутин заключает: «Не стало Абрамова – и пошёл к трибуне Василий Белов, и продолжил то, на чём кончил в последний раз Фёдор Александрович» [5: 6].

Абрамов и Белов всегда рядом, их сравнивают, находят переклички в их творчестве, сопоставляют их героев. Вот, например, Юрий Дюжев пишет: «Ближе других к героям повести В. Белова стоят Пряслины из романа Ф. Абрамова «Братья и сестры», которые связаны такими же узами любви и взаимопонимания» [3], и далее он дает подробный сопоставительный анализ этих произведений.

В культурологическом словаре «Русская деревня – XX век» [1] Абрамов и Белов вместе представляют северную деревню как наиболее яркие и значимые создатели северной деревенской прозы. Да и на книжной полке им стоять рядом: «аз» да «буки» – азбука русской духовности!

Литература

1. Андреева И.В., Баско Н.В. Русская деревня – XX век: Культурологический словарь. М., 2003.
2. Галимов Ш.З. Фёдор Абрамов: Творчество, личность. Архангельск, 1989.
3. Дюжев Ю.И. История русской прозы Европейского Севера второй половины XX века : в 2 т. Т. 2. Петрозаводск, 2008.
4. Кузнецов Ф. Завет Белова // Литературная газета. 2012. 12–18 дек. С. 1, 5.
5. Распутин В. Его сотворенное поле // Советская культура. 1987. 10 марта. С. 6.

«ДЕРЕВЕНСКАЯ ПРОЗА» В ДИАЛОГЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЛИТЕРАТУР

Аннотация. В научной статье проводится сравнительно-типологический анализ мотивов, тем, образов произведений «деревенской прозы» русской литературы и «деревенской прозы» / прозы о селе национальных литератур Азербайджана, Молдавии, Болгарии, Румынии. Автор приходит к выводу, что, несмотря на традиционные, этнические, религиозные расхождения, на жанровую дифференциацию, объединяющим фактором является стремление к возвращению к корням, сохранению самоидентичности, то есть вырисовываются те общечеловеческие ценности, которые говорят о возможности и необходимости межкультурного диалога.

Ключевые слова: диалог национальных литератур, «деревенская проза», «малая родина», национальная специфика литератур.

Литература каждого народа в эпоху национального самоопределения претерпевает существенные изменения. Процесс демократизации и деидеологизации рубежа XX–XXI веков влияет на интенсивность и развития литературы, вбирая новые национальные тенденции и восстанавливая традиционные на новой почве. Общность этнического происхождения, близость языков, сходство исторических судеб в русской и других славянских литературах позволяет исследователям говорить о диалоге славянских литератур, который существовал традиционно и сегодня вступает в новую стадию развития. Только сегодня намечается качественно новый диалог между славянскими и неславянскими литературами Запада и Востока, литературами, вставшими на новый путь демократического развития. Отношения между русской литературой и национальными литературами постсоветского пространства остаются амбивалентными, в период поиска национальной самоидентификации в национальных литературах появляются новые авторы и новые темы, идет процесс деконструкции советских мифов в литературе и периодике. Пока еще нет фундаментальных учебников, монографий, отражающих процесс перехода национальных литератур на качественно новую форму диалога. Аналогичные процессы отражаются не только в литературе, но и других видах искусства, философии, социологии;

они имеют междисциплинарный характер. Можно говорить лишь об общем круге проблем, которые исследуются в разных национальных литературах и на разных уровнях: исторический и социальный дискурс в национальных литературах после распада союза: литература как катализатор общественных настроений; вопросы ментальности и идентичности в литературе; отражение военных конфликтов и политических событий; переоценка общей «советской истории»; поиски новых методов исследования литературы и культуры (применение постколониальной теории постсоветского пространства) и др.

Подобный охват образует своеобразный фон, на котором и в аспектах которого нами предпринята попытка выстраивания системы новых векторных взаимоотношений национальных литератур на уровне жанра «деревенской прозы». Выбор поставленной задачи объясняется тем, что именно «деревенская проза», проза о «малой родине» наиболее типично отражает национально-этическую первооснову русской, азербайджанской, грузинской, румынской и других национальных литератур, стремящихся сегодня к возвращению к своим истокам. Процесс межнационального диалога – явление дуалистическое, связанное одновременно со стремлением к самоопределению и приобщению к европейским ценностям. Не все вышеназванные литературы относятся к этому диалогу одинаково в силу исторических, религиозных, региональных причин. Поэтому произведенный в данной работе анализ является компромиссным подходом к решению этой задачи, имеет предварительный характер.

Новаторством данной работы считаем рассмотрение представленного комплекса проблем национальных русской и неславянских литератур в аспекте диалога, поиск схожих тенденций в аспекте жанра «деревенская проза». С такой точки зрения и подобный анализ проводится впервые.

Методологической базой данной части работы являются культурологические, страноведческие, историко-типологические аспекты литературной теории и критики.

Восстановление разрушенной экономики в Советском Союзе было связано с обращением к деревне, литература получила государственный заказ на освещение этой темы. Период конца 40-х – начала 50-х годов назывался в истории «красное десятилетие» (К. Баршт), литературоведческая социология повлияла и на мировой литературный процесс. Обращение к деревенской прозе и теме малой родины также в национальных литературах разных стран связано и со стремлением к возвращению к истокам в послевоенное десятилетие, кризисные

моменты истории. В западноевропейских, балканских литературах происходят аналогичные процессы, связанные с проблемой освоения от влияния социалистического реализма. В 40–50-е годы XX века („obsedantul deceniu” в румынской литературе) «деревенская проза», литература «малой родины» получила отражение и в произведениях, не отмеченных влиянием социалистической методологии; в большей степени эта тема была характерна для региональных литератур, каждая из которых отличалась национальной спецификой и жанровым своеобразием. До сих пор наблюдается разноречие мнений на этот счет. Считаем, что существует и **национальная модель** «деревенской прозы», которая в национальной литературе имеет свою самостоятельную форму, конструируемую по аналогии с «деревенской прозой» русской литературы, но с сохранением национального менталитета, этноса, традиций, героев, образов ландшафта, национальной мифологической географии *малой родины*.

Понятие «малая родина» является неотъемлемой частью единства «большая родина», которая при кажущейся, на первый взгляд, общечеловеческой идентичности, имеет свои национальные особенности. Определенную сложность при рассмотрении данного вопроса составляет и то обстоятельство, что национальные литературы вкладывают в одно и то же понятие свою национальную специфику, в литературы постсоветского пространства стали входить новые понятия, связанные со сменой методологии и процессом формирования национальных базовых понятий: большая родина, литература *малой родины*, литература *малых городов*, региональная литература и др. **Отметим, что понятие «деревенская проза» носит во многих национальных литературах условный характер.**

Русское самосознание формировалось под влиянием православия, русской соборности. Армянское самосознание определялось принадлежностью григорианской церкви – Эчмиадзину. Арабы видели свою историческую миссию в том, что дали миру Коран. Менталитет азербайджанского народа исторически складывался как мост между Западом и Востоком, Севером и Югом. Азербайджанцы основывали свою литературу на традициях ислама, русской литературы и восточном менталитете. Диалог национальных литератур даже в аспекте конкретного жанра «деревенской темы», «темы малой родины» возможен только при учете национальной специфики литератур.

Актуальность данной работы заключается в выявлении общих художественных ориентиров разных национальных литера-

тур в жанре «деревенской прозы», литературы «малой родины» с целью установления межнационального диалога литератур Запада и Востока.

В аспекте конкретного жанра подобный диалог рассматривается впервые. По возможности учитываются специфика развития и бытования жанра «деревенской прозы» в национальных литературах, внешние факторы, влияющие на становление жанра, особенности менталитета, страноведческий, культурологический фон, региональная принадлежность.

В азербайджанской литературе термин «деревенская проза» вошел из советской литературы, закрепился в азербайджанском литературоведении, используется и в новейшей азербайджанской критике как «новая азербайджанская проза» и «азербайджанская деревенская проза» (Флора Наджи, М. Гаджиев). Начало азербайджанской «деревенской прозе» положил роман «Горящее сердце» Исы Гусейнова, вышедший во второй половине 1950-х годов. Флора Наджи на понятийном и тематическом уровнях устанавливает аналогию между русской «деревенской прозой» и «азербайджанской деревенской прозой» 1970–1980-х гг., определяет «в некотором смысле» сходство путей, отмечает, что для азербайджанской деревенской прозы 70-х годов XX века противопоставление деревенского мира городскому было не столь существенным. Вообще «деревенская проза» в азербайджанской литературе – явление условное, также условно можно относить эту прозу к литературе «малой родины», так как «малая родина» в этих текстах является аналогом большой родины.

Азербайджанские «шестидесятники» – Фикрет Садых, Юсиф Самедоглу, Фикрет Годжа, Максуд Ибрагимбеков, Анар, Рустам Ибрагимбеков, Иси Меликзаде, Иса Исмаилзаде, Вагиф Насиб, Вагиф Самедоглу, Сабир Сулейманов, Исмаил Шихлы и др. «не писали на равно высоком уровне», но их творчество было высокохудожественным (Эльчин). В азербайджанской «деревенской прозе» больше, чем в русской, изображались архаические, мифологические прототипы современных героев. Языческо-мистическое отношение к миру получило дальнейшее отражение и в городской прозе, город и деревня составляли пересекающиеся сферы (М. Сулеймандлы, «Голос», Ю. Самедоглу, «День казни»). В азербайджанской «деревенской прозе» также были свои чудики и юродивые, только они существенно отличались от подобных образов в русской литературе. Меджун, одержимый, является носителем определенного абсолют-

ного качества, безумие занимает особое место среди культовых символов. Культ безумия восходит к тюркско-шаманской мифологии и образует особую систему. Разновидностью юродивого были дервиши, приверженцы суфизма, но причислять их к монахам спорно.

В таком же мифологическом ключе предстает перед нами герой романа «Дата Туташхиа» грузинского автора Ч. Амираджиби. Главный герой Дата Туташхиа не может быть соотнесен в чистом виде с блаженными, праведниками, юродивыми славянской мифологии. «Божественным рыцарем» называет его грузинский критик Реваз Тваравдзе. Туташхиа – имя из колхидской мифологии, «день луны», а земным его воплощением становится абрег (горный пастух). Дата Туташхиа, который живет на своей земле по законам предков, в силу сложившихся обстоятельств вынужден бороться со злом в его конкретном проявлении. Дата, как и пастух Молдовану из румынской «Миорицы», как пастух Караджа Чобан из азербайджанского *Дастана*, «привязанного к старому дереву», находящегося между «двумя мирами – Небом и Землей», воплощает в себе лучшие черты простого народа, пастуха-абрега: «Я не одинокий волк, думающий только о своей добыче, не мирный бы бык, живущий только для того, чтобы щипать траву. Я сын своего народа. Я не смогу сложа руки хладнокровно, со стороны взирать на свою родину!»¹ Дата Туташхиа прожил жизнь мученика и отшельника. Добровольный приход его в тюрьму вполне в духе грузинской мифологической модели, согласно которой погибают *лучшие*. Символичен финал романа: «И тогда вознеслась душа Туташхиа на небо, а плоть осталась на земле. В луну превратилась его душа, и человек во плоти стал богом»².

Аналогично сформировалась «деревенская проза» и у других народов Кавказа, имеющая, по сути, нравственно-философское содержание. В качестве примера можно привести повесть Актая «В кумыкской степи», в которой раскрывается проблема дагестанского села и поэтизируется сельская жизнь. Сельская тематика получила отражение в творчестве Ю. Тюлюстена, И. Керимова, А. Евтыха и др. Пафос сохранения и защиты природы, внутреннего единения человека с ней и его стремление преодолеть все беды и стихийные бедствия окружающей его биосферы характеризуют произведения Г. Натрошвили «И снова весна в Иори» и «Весь этот мир твой».

¹ Реваз Тваравдзе. Судьба божественного рыцаря, послесловие // Чабуа Амираджиби «Дата Туташхиа». Тбилиси: Мерани, 1982. (720-735).

² Реваз Тваравдзе. Судьба божественного рыцаря, послесловие // Чабуа Амираджиби «Дата Туташхиа». Тбилиси: Мерани, 1982.

В румынской литературе не укоренилось понятие «деревенская проза», хотя по стереотипу, взятому из советского литературоведения, была создана национальная модель термина, жанра, герои и образы. В румынской литературе существуют понятия *roman țărănesc* / крестьянский роман, *roman de inspirație rurală* / роман сельского вдохновения, *roman rural* / сельский роман (Рамона Буруянэ). «Сельский роман» румынской прозы сохраняет архаический образ румынского села, со своими традициями, верованием и законностью; в нем отражается народная мудрость, а образы близки по духу как славянскому-православному, так и кавказскому пониманию праведничества, дервишизма. Пастух Молдовану из румынской баллады «Миорица», белый дервиш из кавказской картины мира пытаются восстановить разрушенное единство, союз, принося себя в жертву.

Румынский «сельский роман» передает, в определенной мере, эхо литературных течений *semănătorism* / семэнэторизма и попоранизма / *poroganism* (*semănător* – сеятель, *porog* – народ), движении «семэнэторизма» («сеятельства»), которое призывало к изображению жизни крестьян в идиллически-патриархальных тонах. Румынская литературная критика 60–80-х годов XX века уделила внимание деревенской проблематике. Отдельным изданием вышли критические исследования о проблематике села и сельской жизни (Думитру Мику «Современный румынский роман»; Марин Букур). Проводились дискуссии о месте в румынской литературе таких течений, как попоранизм (народничество), семэнэторизм (журнал «Студий ши черчетэрь де историе литерарэ ши фольклор», «Вяца ромыняскэ»), широко отмечалось восьмидесятилетие автора «сельских романов» Михаила Садовяну – пользующегося мировой известностью и благодаря исследованиям Михаила Рали «Михаил Садовяну и национальная специфика», статьям о крестьянских образах в произведениях Садовяну, о его мастерстве рассказчика, об изображении мира румынской деревни, об отражении в его произведениях крестьянского восстания 1907 года и о месте Садовяну в мировой литературе. В таком же контексте монография Константина Чопрага о жизни и творчестве Калистрата Хогаша рассматривала природу и обычаи исторического региона Молдовы в творчестве писателя в пространстве «малой родины».

Крупнейшие представители румынского «сельского романа» – Михаил Садовяну, Ливиу Ребрян, Марин Преда – следуя модели реалистического-социалистического «одержимого десятилетия», как было названо в румынской литературе советское «красное десяти-

летие», создают национальные модели сельской среды. Как и многие представители русской «деревенской прозы» (В. Белов, В. Распутин), Михаил Садовяну «перешел» границы писательства, активно включаясь в «государственное дело», которое отрицательно повлияло на творчество писателя. Его исторический роман «Никоарэ Подкоавэ» (1952), подводит итог размышлениям писателя о судьбе румынского крестьянства, о том, **«как дружно жили наши сыны на родной земле** и как они теперь скитаются, промышляя кистенем. ...так уж суждено **нашей стране и народу нашему: не знать нам ни отдыха, ни покоя, как ветру да волнам морским...»** (М. Садовяну).

В румынской литературе образ середняка – țăranul găzăș – был особенно популярен (Михаил Садовяну, Марин Преда, Титус Попович). Марин Преда создает «морометскую модель» крестьянина-философа Илие Моромете, которая повлияла и на нравственное становление молодого поколения (образ его сына Николая). «Морометская модель» крестьянина-философа – человека системы, который выиграл борьбу с идеологией, была не только прообразом, но и барьерной планкой для всех представителей сельской прозы 60–70-х годов в румынской литературе.

Как известно, «деревенская проза» русской литературы перекочевала в разные национальные литературы, а русская культура и русский язык приютили в непростое время 60–70-х немало талантливых авторов из разных «малых» культурных пространств «большой родины»: Ион Друцэ – из Молдавии, Чынгыз Айтматов – из Киргизии, писавшие на русском и родных языках, «укрылись» в пространствах «большой родины» от местных баев, которые переусердствовали в области идеологической цензуры. Ион Друцэ, романист, драматург, новеллист и поэт, как и многие деятели искусства и науки в конце 60-х – начале 70-х годов прошлого столетия ушёл в добровольную ссылку в Москву, из которой «не спешит» вернуться в по-прежнему родную и уже независимую Молдову. Его плодотворное творчество «оспаривают» как «свое», национальное, обе стороны Прута: в 1990 году Друцэ избран Румынской академией наук почетным ее членом, однако писатель отказывается от получения диплома, мотивируя свое решение тем, что его избрание продиктовано политическими мотивами, в то время как его произведения практически не публикуются в Румынии. После распада «большой родины» Ион Друцэ продолжает писать вдали от своей «малой родины» не только о близкой ему Молдове и о своих сородичах. До суверенности Молдовы он написал „Povara bunătații noastre” / «Время нашей доброты», „Frunze

de dor" / «Листья грусти» и „Clopotnița" / «Колокольня», которые стали для молдаван и духовными рукописями, и эмблемой сегодняшних исканий ценностей бытования. После он написал не менее талантливые произведения: повесть «Суббота в Назарете», пьесы «Падение Рима», «Апостол Павел», «Последняя любовь императора». В его творчестве *универсальное* переплетается с *национальными* корнями его «малой родины», а его «малая родина» – это Сорокская степь, о которой он никогда не забывает.

Роман „Povara bunătății noastre" / «Бремя нашей доброты», как и другие произведения Друцэ, основан на крестьянском материале и обращен к осознанию смысла человеческого существования. Это широкое эпическое полотно, изображающее почти полувековой период жизни молдавской деревни, повествует о жизни потомственного крестьянина из Сорокской степи Онакия Карабуша. Действие романа охватывает значительный период времени, начиная от 1914 года, и завершается в 60-х годах XX-го столетия. Исследователи относят творчество Иона Друцэ к историческим этно-символистам в силу его уважения к истории и традициям и его веры в глубинные корни национального характера, с одной стороны, а с другой стороны, признания им социальных и экономических сил как мощных «формовщиков» общественной солидарности и индивидуальной психологии³. В своей «Белой молитве» писатель предупреждает: «Избавь нас, Боже, от кровного нашего проклятия идти двумя дорогами, чтобы прийти никуда; взвалить на себя более, чем можем вынести; и от бесчисленных начинаний, которые ни к чему не ведут».

В своих произведениях молдавский автор создает два вида «деревенских чудиков» – образ *самаритянки* и образы «простолюдина». Немецкие издатели выпустили «Последний месяц осени» Друцэ, взяв за эпиграф слова Брехта: «Простолюдин не так уж прост, как принято считать». *Простолюдины* – это простые и вечные труженики родной земли, которые понимают, что «все в мире – итог чего-то». Скромный Кэлин Абабий, вдова Василиuca, Георге, вдовый сын, герой «баллад» Онакие Кэрэбуш – это мудрые носители народных традиций, памяти духовного наследия «малой родины», которая является хранилищем всего светлого в жизни сельчан Сорокской степи. *Простолюдины* Друцэ по своему мироощущению напоминают *пошехонцев* и *бухтинцев* Василия Белова.

³ Keith Hitchens, *History and identity in the novels of Ion Druță*. Revista de etnologie si culturologie, Chisinau, 2007, № 2, перевод на русский Татьяна Земба.

К такому же типу хранительницы христианских ценностей относится образ *самаритянки* (И. Друцэ «Самаритянка», «Белая церковь»). Произведение написано в сказовой форме, доверительно-субъективный авторский подтекст можно сравнить с дискурсом азербайджанского писателя К. Абдуллы, хотя это совершенно разные по религиозной и образно-мифологической направленности тексты. Майка-самаритянка, простая девушка, берет на себя миссию охранять монастырскую обитель не по какому-то велению извне, а по предназначению своему свыше. Трудно объяснить ее поступок, не зная истоков мифологического национального сознания народа, ее воспитавшего. Стала она *майкой* по наитию свыше, увидев свое предназначение в выполнении взятой на себя миссии. Автор доверительно объясняет не сведущему в народной мудрости читателю: «Дело в том, что *майками* по-молдавски величают общепризнанных заслуженных монашек» («Самаритянка»). Напоминает героиня Друцэ Дарью из «Прощания с Матерой» Распутина, откровение которой созвучно сегодняшнему дню: «Нонче свет пополам переломился: евон чё деется! И по нам переломился, по старикам... ни туды мы, ни сюды... Не приведи Не приведи Господь! Оно, может, по нам маленько и видать, как в ранешное время были люди, дак ить никто назад себя не смотрит. Все сломя голову вперед бегут...» («Прощание с Матерой»). Таких параллелей можно привести множество, все это свидетельствует не только о том, что постсоветские страны перенесли схожие трудности, сохраняя свою самоидентичность и национальную основу бытия в трудные советские годы, но и тот факт, что существуют неписанные общечеловеческие ценности понимания веры, добра, милосердия, которые говорят о том, что мир у нас один и ценности его едины для всех.

Образ старика Булгэре – один из самых глубоких, созданных Ионом Друцэ. Он дополняет галерею «чудиков – скитальцев» русской литературы: «Ждет не дождется первого снега...чудак и поэт, недоумение и гордость степного края старик Булгэре. Благополучие степных крестьян прорвалось в его скитальческую судьбу – на ногах старые кирзовые сапоги, на голове шапка – ушанка, одет он в новую фуфайку, а сверх той фуфайки огромный, жесткий защитного цвета плащ. Тепла от него никакого. Зато от холодных ветров защищает, а это немаловажно для путника, дороги которого идут только по голым полям. И нет ему покоя, нет угомона, хоть ты что. Жажда той единственной правды, правды для себя, правды для всех, не дает ему устать, не дает состариться, не дает упасть, так чтобы не вста-

вать уже»⁴. Образ старика Булгэре напоминает Богодула – они представляют собой фигуры символические. Схожее портретное описание, поведение, образ мыслей, странность характера позволяет нам говорить о том, что каждый из них – Богодул – в Матере, а Булгэре в Чутуре – утверждают правду вечности. Можно отнести этих героев к вечным героям-скитальцам, преданным родной земле.

В болгарской литературе после «оттепели» 1956 года писатели Э. Станев, А. Дончев, Д. Талев, Й. Радичков, П. Вежинов, А. Гуляшка, Б. Райнов связали свое творчество с изображением истории Болгарии, с прошлым и настоящим болгарского села, с изменениями, происходившие в нем в период 50-х – 70-х годов двадцатого века. Направление «поиска корней», специфичное болгарской литературе, как и «настоящая инвазия советской культуры» (А. Федь), способствовали возникновению произведений, изображающих жизнь деревни в болгарской литературе. Болгарская проза «поиска корней» имеет некоторые общие черты с русской «деревенской прозой». Исследователи (Х. Дудевски, П. Зарев, Л. Георгиев, И. Цветков) неоднократно писали о влиянии советской литературы на болгарскую, о влиянии русского советского «колхозного романа», в котором, наряду с тематикой строительства социализма, учились у того же М. Шолохова художественному мастерству создания большого исторического полотна, правды о сельской жизни. Можно говорить о влиянии «Поднятой целины» Шолохова на роман И. Петрова «И после того», в котором повествуется о создании первых земледельческих хозяйств. Христо Дудевски отмечал, что в прозе 50-х годов воссоздание образа шолоховского русского крестьянина в тот момент, когда он переходил от единоличного к коллективному хозяйству, стал в болгарской прозе «национальной необходимостью». Болгарская литература 60–70-х годов (Николай Хаитов, Васил Попов, Йордан Радичк, Йордан Вилчев, Георгий Мишев) сближается с русской литературой в трактовке тем, родственности сюжетов и схожести художественных решений. Вместе с тем, такие писатели, как Д. Димов и И. Петров выдвигают свои концепции, изображают героев иной, болгарской, национальной формации. Национальный колорит дополняется интернациональным звучанием, что показывает изображение «малой родины» – Болгарии – в пределах «большого» международного пространства других стран и регионов. В этом отношении показательна проза Ивайло Петрова. Автор в своих романах показал двоякое отношение к деревне:

⁴ Ион Друцэ. Бремя нашей доброты. С. 265-266.

любовь / ненависть. В его романах выражено сомнение в том, что патриархальная Болгария может осчастливить, но и убить все мысли о счастливой жизни.

Творчество И. Петрова 1960-х годов (повесть «Нонкина любовь» и роман «Мертвая зыбь») основано на деревенских корнях. Мы рассматриваем ее в контексте болгарской прозы о селе, «поиска корней», которая всегда занимала одно из первых мест в болгарской литературе. Биограф писателя С. Илиев отмечает «двойное отношение писателя к деревне; любовь и неприязнь по отношению к ней отражается и на его творчестве: в отличие от большинства других писателей (писателей-«деревенщиков» русской литературы, представителей «поиска корней» болгарской литературы), он позволяет себе «сомневаться в том, что патриархальная деревня – это утраченный идеал человеческого существования» (С. Илиев). Критик обратил внимание на ряд интересных наблюдений И. Петрова над «миром и человеком в мире». Двойственность человека, духовное и материальное, добро и зло в обществе и в отдельной личности С. Илиев считает одним из исходных, основных принципов творчества И. Петрова. Исследователь рассматривает близость произведений прозаика к народной мифологии, к традициям народного творчества и христианской культуры.

Несмотря на то, что на протяжении времени творчество Ивайло Петрова в болгарской критике и литературоведении вызывало значительный интерес (Пантелей Зарев, Крыстё Куюмджиев, Минко Николов, В. Колевский, Т. Жечев, П. Зарев, Ч. Добрев, публикации на страницах журналов «Пламак», «Септември» и «Литературна мисл», еженедельника «Литературен фронт»), ни в болгарском, ни в европейском литературоведении до начала XXI века оно не было исследовано как единое, целостное и эволюционирующее явление. В румынском и азербайджанском литературоведении тоже отсутствуют исследования по творчеству болгарского писателя. Лишь в 2004 году в российском литературоведении появилась диссертационная работа «Творчество Ивайло Петрова в контексте болгарской прозы 1960–1980-х годов» Гиляровой Е.Е., которая рассматривает произведения писателя в контексте феномена «деревенской» прозы в русском и болгарском литературоведении. Автор сравнивает особенности болгарской и русской прозы о селе, проводит подробный анализ повести И. Петрова «Нонкина любовь» и романа «Мертвая зыбь», делает упор на изменение человеческого сознания и поведения в переломные рубежные моменты, сопоставляет творческую

и мировоззренческую эволюцию И. Петрова с этапами болгарской прозы периода 60–80-х годов XX века, определяя его вклад в обогащение ее художественных форм и содержания. Важным и новым компонентом анализа творчества писателя являются параллели с произведениями деревенской тематики ряда современных русских (В. Распутин, Ф. Абрамов) и болгарских писателей (Н. Хаитов, Й. Радичков, В. Попов, Г. Мишев).

Произведенный в данной работе анализ позволяет сделать следующие **выводы**:

1. Диалог национальных литератур даже в аспекте конкретного жанра «деревенской прозы», «темы малой родины» возможен только при учете национальной специфики литератур;

2. «Деревенская проза» для азербайджанской литературы, как и других литератур Кавказа, явление условное. Мифологическая, суфийская основа многих современных текстов имеет общепhilosophическое содержание, объединяя по сути понимание «большой родины» через призму «малой родины»;

3. В произведениях «деревенской прозы» / прозы о селе стран постсоветского пространства национальный колорит зачастую дополняется интернациональным звучанием, аналогичным русской литературе 60–80-х годов XX века темами и образами;

4. В румынской и болгарской литературах понятие «деревенская проза» не укоренилось, хотя по стереотипу взятому из советского литературоведения были созданы национальные модели термина, жанра, героя и образа;

5. Жанровая дефиниция «деревенская проза» русской литературы оказала влияние на становление этого жанра в других национальных литературах. В период «оттепели» 50–60-х годов XX века немало талантливых авторов «малых» культурных регионов писали на русском и родном языках, внося тем самым вклад как в русскую, так и в инонациональные литературы. До сих пор принадлежность написанных на русском языке произведений «деревенской прозы» инонациональных авторов является вопросом дискуссионным, обсуждается проблема их принадлежности к национальному фонду русской литературы;

6. Сравнительно-типологический анализ мотивов, тем, образов произведений «деревенской прозы» русской литературы и «деревенской прозы» / прозы о селе национальных литератур показывает, что, несмотря на традиционные, этнические, религиозные расхождения, на жанровую дифференциацию, *объединяющим фактором*

является стремление к возвращению к корням, сохранению самоидентичности, то есть, вырисовываются те общечеловеческие ценности, которые говорят о возможности и необходимости межкультурного диалога.

Литература

1. Велиева Зенфира. Поэтический феномен русской и азербайджанской прозы 60–80-х годов. Bakı, Kitabalomi, 2006.
2. Восток и Запад в русской литературе XI–XXI веков. Стамбул, 2009 г.
3. Гаджиев Асиф. Поэтика современной прозы. Баку, 1997.
4. Гачев Г.Д. Национальные образы мира: Космо-Психо-Логос. М.: Наука, 1995.
5. Друцэ Ион. Бремя нашей доброты: роман. М.: Молодая гвардия, 1969.
6. Кучукова, З.А. Онтологический метакод как системообразующий принцип этнопоэтики. Нальчик, 2006.
7. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература. 1950–1990-е годы: в 2 т. Т. 1. 1953–1968, М., 2003.
8. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература. В 3 кн. Кн. 3: В конце века (1986–1990-е годы). М.: Эдиториал УРСС, 2001.
9. Маркова Т.Н. Проза конца XX века: Динамика стилей и жанров. Материалы к курсу истории русской литературы XX века. Челябинск, 2003.
10. Русская советская литература 50-70-х годов / под ред. проф. В.А. Ковалева. М.: Просвещение, 1981.
11. Прокофьева И.Н. Народная баллада „Миорица” в контексте румынской литературы XIX–XX вв. М., 2008.
12. Никонова Т. Прощание: Размышления над страницами «деревенской прозы». 1990.
13. Наджи Флора. Современность истории и история современности. Типы отношений к истории и современности в русской и азербайджанской прозе 1970–1980-х годов. Баку: Мутарджим, 2012.
14. Недзвецкий, В.А., Филиппов В.В. Русская «деревенская проза». М., 1999.
15. Султанов К.К. Национальное самосознание и ценностные ориентации литературы, 2003.
16. Тваравдзе Реваз. Судьба божественного рыцаря, послесловие // Чабуа Амираджиби «Дата Туташхиа». Тбилиси: Мерани, 1982.
17. Keith Hitchins. *History and identity in the novels of Ion Druță* / пер. Татьяны Земба // Revista de etnologie si culturologie. Chisinau. 2007. № 2.

**К ИСТОРИИ НЕИЗДАННЫХ КНИГ В.И. БЕЛОВА
И ИХ НАЗВАНИЙ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КНИЖНОМ
ИЗДАТЕЛЬСТВЕ (по документам и письмам писателя)**

Аннотация. В статье рассматриваются непростые отношения В.И. Белова и Северо-Западного книжного издательства в процессе подготовки и выпуска сборников рассказов писателя. Впервые в научный оборот вводятся неизвестные документы и письма писателя по заявленной теме. Также приводятся названия неосуществлённых книг В.И. Белова в СЗКИ, выделяются неизвестные мысли из писем писателя, касающиеся его творчества и писательского ремесла. Временной отрезок материала (1964–1982 годы) в этом отношении анализируется впервые. Используются документы Государственного архива Архангельской области и Государственного архива Вологодской области

Ключевые слова: Белов, рукопись, Северо-Западное книжное издательство, Архангельск, рецензия, писатель, Лиханова, Пономарёв, документ, книга.

На третьи Беловские чтения 2016 года нами был предложен материал об истории издания книги рассказов В.И. Белова «Плотничьи рассказы» [1]. В этой работе продолжим рассказ об истории взаимоотношений Василия Белова и Северо-Западного книжного издательства. Напомним, что СЗКИ организационно оформилось в 1964 году на базе Архангельского областного книжного издательства и Вологодского областного книжного издательства. Вологодское издательство получило статус Вологодского отделения СЗКИ. Процессы, как бы сказали сейчас, оптимизации и тогда были актуальны. Вернёмся к началу, когда ещё молодой писатель Белов побывал в Архангельске в 1964 году и как перспективный автор был хорошо принят. Из письма В.И. Белова директору издательства Б.С. Пономарёву: «...Архангельск был так гостеприимен, что мне даже не удалось по-настоящему поговорить о делах...» [2]. Всё же о сотрудничестве с новым издательством Василий Белов договорился. В качестве справки и понимания дальнейшего архивного исследования приведём список книг, которые вышли в СЗКИ у писателя Белова по 1982 год, это время, когда мы рассматриваем материал по интересующей нас теме [3].

«Плотнические рассказы», 1968 год.

«Катюшин дождик», 1972 год.

«Иду домой», 1973 год.

«Утром в субботу», 1976 год.

«Кануны», 1978 год.

«Каникулы», 1981 год.

Далее авторитет писателя В.И. Белова был неоспорим и подобные истории, о которых пойдёт речь в данном материале, были почти исключены. Одна из характеристик, данных Василию Белову, в документах СЗКИ звучит так: «Белов, автор неуступчивый», а это значило, что он серьёзно боролся за каждую строку своих повестей и рассказов и мог даже позволить себе не согласиться с мнением редакторов, забрать уже почти готовую книгу, ввиду творческих разногласий по поводу художественной оценки его рассказов из Архангельского издательства и предложить её московским издателям. Издательская политика в те годы была идеологически выверенной и партийные органы и контролирующие издательскую деятельность организации строго следили за тем, чтобы один и тот же автор не печатался ежегодно в разных издательствах. Талант Василия Белова проявил себя настолько мощно, что был очевиден для критиков и читателей одновременно. Конечно, читательская аудитория страны ждала новых книг полюбившегося автора, а это работало и на издательство, выпускавшее его книги. Вот об этом балансе сил, когда надо выпускать книги Белова, но тут многое зависит от позиции автора, и пойдёт речь на примере Северо-Западного книжного издательства. В материале были использованы фонды Государственного архива Архангельской области (ГААО) и Государственного архива Вологодской области (ГАВО), а также статьи газетных архивов.

Итак, 18 апреля 1964 года писатель Василий Белов, как это было положено, подал заявку в Архангельское издательство на сборник рассказов «Речные излуки» [4]. Писатель и СЗКИ начали свой долгий четырёхлетний роман с изменениями и примирениями до выхода в Архангельске первого сборника рассказов «Плотнические рассказы». У Белова написано к тому времени не так и много произведений, чтобы составить из них абсолютно новый сборник, потому что писатель был чрезвычайно требователен к себе в художественном отношении. Он готов задержаться с выходом книжки, рассказы должны его как автора удовлетворять, и только тогда он отдаёт их в разные издательства. Но повторения не приветствуют ни московские издательства, ни СЗКИ. Вот как по этому поводу (забегая немного вперёд

по датам, но, по сути) высказалась главный редактор Архангельского издательства Т.Н. Трескина на совещании в Вологодском отделении СП РСФСР 14 июля 1966 года, когда вологжане предлагают включить в план издания книг СЗКИ на 1967 год солидную книгу Белова переизданием: «Мы должны знать, где издаётся Белов и что в 1967 году. Если мы совпадаем с московским изданием, то это будет плохо. Мы не знаем, какую бумагу нам дадут, я думаю газетную, далеко не праздничную». Но, тем не менее, в резолюции протокола заседания записано: «Василий Белов должен быть представлен книгой «Избранное». 1967 год – юбилейный, и он, талантливый писатель, должен быть издан». Таким образом, все были за издание книги рассказов Белова в СЗКИ в 1964 году, в 1965 году, в 1966 году, в 1967 году, а первая книга в Архангельске вышла только в 1968 году и не без проблем. Однако вернёмся в 1964–1965 годы. Сохранилось письмо В.И. Белова в Северо-Западное книжное издательство. Дата приводится по входящему номеру издательства 8.01.1965 год. «Дорогие друзья! Сообщаю вам, что через неделю-две вышлю вам рукопись. Разумеется, это и те рассказы, что вышли в Москве, разумеется, и название другое. Тогда в разговоре с В.М. Малковым (директор вологодского филиала Северо-Западного книжного издательства – Л.В.) мы называли будущую книжку условно «Речные излуки» по одному из рассказов. Этот рассказ мне не удалось оставить для будущей книжки в Архангельском издательстве (В Москве в издательстве «Молодая гвардия» у Белова к тому времени уже вышла книжка «Речные излуки» – Л.В.). Кажется, ведь нет в этом ничего худого, что я пошлю другие рассказы? Все они (кроме двух-трёх) были опубликованы в московской периодике. У меня сейчас наберётся 7–7,5 листа. Я могу их выслать сразу же, чтобы у вас не было сомнений по поводу включения в план. Но позднее мне бы хотелось ещё с ними поработать, добавить к ним ещё несколько и т. д. Можно ли это сделать? С искренним уважением Белов. Пользуюсь случаем, хотя и с запозданием поздравляю всех-всех с Новым годом» [27]. Итак, в своём письме писатель Белов вновь напоминает, что название сборника «Речные излуки» должно было быть в СЗКИ, но, поскольку сам рассказ «Речные излуки» уже издан, то и актуальность названия пропадает. Но Василий Белов старается оставить сам сборник рассказов в Архангельске, наполнив его новым содержанием – новыми рассказами. Давайте только уточним ещё раз, что книга «Речные излуки» вышла в Москве в издательстве «Молодая гвардия» в 1964 году. Можно, при желании, выделить две версии почему «Речные

излуки» вышли в Москве, а не в Архангельске. В Северо-Западном книжном издательстве писателю Белову наступили на творческую мозоль, слишком рьяно пытаясь повлиять на прозу молодого автора. Он, будучи неуступчиво-непримиримым к неконструктивной критике забрал свою книгу и отдал основу её в московское издательство, где к тому же печататься было престижнее и выгоднее. Во второй версии соображения о престижности и финансовых выгодах выходят на первый план. Давайте проследим начало творческого пути писателя с несколько неожиданной точки зрения. К 1964 году у него вышли сборник стихов «Деревенька моя лесная» (Вологда, 1961). Стихи писатель пишет всю оставшуюся жизнь, иногда публикуя в периодике, но в книгу более их не оформлял и крайне неохотно подписывал свой единственный стихотворный сборник. Первая книга прозы «Знойное лето» тоже вышла в Вологодском книжном издательстве в 1963 году, а все остальные публикации были газетными или журнальными. Они были важны, хороши, их было много, но это были не книги. И вот третьей книгой стали «Речные излуки» (Москва, 1964) с послесловием его преподавателя в Литературном институте Льва Ошанина. Был ли это прорыв для молодого писателя? Безусловно! Следующая книжка «Тиша да Гриша» вышла в Москве, в издательстве «Советская Россия», только в 1966 году. А ещё через два года вышла, опять пересекающаяся с СЗКИ, книга «За тремя волоками» в издательстве «Советский писатель». Хотел ли Василий Белов больше выпускать книг, ну конечно. Поэтому он и не отторгает Архангельское издательство совсем, но только в 1968 получает свой первый сборник рассказов в нём. «Плотницкие рассказы» изрядно поработали на репутацию вологодского прозаика, как, естественно, и повесть «Привычное дело», вошедшая в сборник «За тремя волоками». Ну, а далее книги выходили в Москве, Архангельске, других городах и за границей с постоянным успехом. Однако вернёмся к теме нашего материала. Евгений Коковин пишет рецензию от 3 февраля 1965 года на новый сборник рассказов В.И. Белова, названный по одному из рассказов «Весной на брёвнах» [5]. «Сборник В. Белова составляют одиннадцать сравнительно больших рассказов. Однако, пожалуй, ни об одном из них не скажешь, что рассказ растянут или расплывчат. Все рассказы композиционно построены умело, очень компактно. Стилль и язык В. Белова привлекают своеобразием и непосредственностью, колоритным дыханием Севера и поэтичностью. Читаешь рассказ за рассказом и проникаешься доброй радостью за автора и даже хорошей завистью, настолько всё

в сборнике свежо и без оригинальничанья действительно оригинально. В. Белов пишет в лучших традициях русских мастеров – рассказчиков (Бунин, Куприн, С. Антонов, Ю. Нагибин)... Издание же сборника В. Белова нужно только приветствовать». На ту же рукопись «Весной на брёвнах» даёт рецензию 19.07.1965 года и Николай Жернаков [6]. «Все рассказы, независимо от отдельных в них просчётов, сделаны мастером. В целом рукопись рассказов достойна похвалы... Думаю, что общий заголовок неудачен. Рассказ «Весной на брёвнах», по имени которого назван сборник, на мой взгляд, не выражает его сути. Суть эта глубже, она больше подтекстовая, чем поверхностная. «За тремя волоками» – вот, кажется, истинное лицо рассказов... Язык вологодской деревни, переплавленная в литературную форму стихия народного языка стала явлением искусства. Белов умеет обращаться с языком». Архангельские писатели Е.С. Коковин и Н.К. Жернаков в своих рецензиях прямо говорят о необходимости переименования готовящегося сборника рассказов В.И. Белова. Евгений Коковин выделяет рассказ «И всё про любовь», а Николай Жернаков видит название сборника Белова «За тремя волоками». По приговору ли рецензентов или редакторов, а может и самого автора название сборника «Весной на брёвнах, готовящегося в СЗКИ, трансформируется в дальнейшей переписке и в документах на сборник рассказов «И всё про любовь». Но книга упорно не получается. Белов обещает материал для сборника, издательство торопит автора, меняется и шлифуется в связи с новыми рассказами название сборника – идёт нормальный, нервный процесс подготовки книги к печати. Автор и издательство надеются на хороший результат, но творческие дела и надежды бывают неоправданными и непредсказуемыми. Об этом нам и повествуют документы. 9.01.1965 года из Вологодского отделения Союза писателей РСФСР, от его председателя А.А. Романова, в Архангельское издательство поступило письмо о тематическом плане выпуска литературы в 1966 году писателями вологжанами [7]. Первым в документе стоит имя Василия Белова: «новая книга прозы, объём 7-8 печатных листов. Рукопись будет обязательно представлена в издательство в конце января 1965 года». Но это были только добрые намерения перспективного планирования без которого в то время не могли обойтись в условиях планового ведения хозяйства и из-за технической сложности изготовления и тиражирования книг, а также их дальнейшей реализации через книготорги. 13 августа 1965 года, уже Василию Белову, приходит письмо от главного редактора СЗКИ Т.Н. Трескиной о воз-

вращении рукописи сборника рассказов «И всё про любовь» с редакторским заключением и рецензией Н.К. Жернакова на доработку [8] «Надеемся, что найдём с Вами взаимопонимание. Подумайте ещё раз над составом сборника, а также над нашими замечаниями по отдельным рассказам». Рукопись, в переработанном виде, надо было представить в Архангельское издательство 15 октября 1965 года. Придирки редакторов, по всей вероятности, вызвали творческую обиду у Белова, и далее он не торопится с возвращением своей рукописи в СЗКИ, тем более, не забудем, готовя новую книгу в Москве. Однако на деловые отношения сей факт повлиял несильно. Авторитет В.И. Белова, человеческий и литературный, был уже непоколебим. К тому же рукопись новой книги рассказов Белова очень сильно хотели заполучить в издательстве. Так 5 января 1966 года Вера Лиханова, старший редактор СЗКИ, пишет писателю [9]: «Уважаемый Василий Иванович! Как у Вас обстоят дела с работой над рукописью сборника рассказов, планируемого нашим издательством на 1966 год? Сообщите, пожалуйста. Очень ждём рукопись. Хотелось бы в первом квартале уже пустить её в производство». 18 февраля 1966 года Таисия Трескина в письме Александру Романову едва ли не умоляет [10]: «... И ещё одна просьба: увидите В. Белова, попросите его ускорить присылку рукописи своих рассказов...». В ответном письме на имя В.К. Лихановой, с которой у него сложились наиболее тёплые отношения, и публикуемом впервые, Василий Белов объясняется с редакторами и выражает своё мнение на торопливость литературного процесса и книгоиздания. Он говорит о своей загруженности, о рецензии, данной им молодому автору Юрию Галкину, но вот главный аргумент писателя выглядит и логичным и поучительным: «... **Теперь о своём сборнике. Не знаю право, что и говорить. Мне просто не хочется делать его слабее предыдущего, ведь каждая книжка должна быть хоть и небольшой, но ступенькой вверх...**». Мудрый писательский подход и скрытая просьба как можно меньше вмешиваться в его творческие дела. Мэру ответственности писатель Белов и так прекрасно осознаёт. В рукописи, скорее всего, неверна дата написания. По нашему мнению и неумолимой логике, она должна быть 21.02.1966 [11]. «Вера Константиновна! Очень прошу извинить, что задержался с рецензией – был в разъездах. Сейчас вот посылаю и рецензию, и рукопись Ю. Галкина. Рецензент из меня аховый, но с галкинскими рассказами было приятно познакомиться, он талантлив по- настоящему и ждать от него можно многое. Теперь о своём сборнике. Не знаю право, что и говорить. Мне просто не

хочется делать его слабее предыдущего, ведь каждая книжка должна быть хоть и небольшой, но ступенькой вверх. Думал, размышлял, и получилось вот что. Через месяц-полтора я смогу дать рукопись объёмом 5-6 листов и то половина из них – старое, уже напечатанное, если это вас устроит. Кляняюсь всем сотрудникам. Белов 21.2.1965(6?)». Издательство уже готово идти на все уступки талантливому писателю. Из письма В.К. Лихановой В.И. Белову от 9 марта 1966 года [12]: «... теперь о Вашем сборнике. Будем ждать рукопись его, как Вы сообщаете, в апреле. Не возражаем, если в него будут включены и издаваемые ранее рассказы, в том объёме, как Вы предполагаете...». Это было совсем другое отношение к писателю. А то, в письме Лихановой Белову от 14 января 1966 года читаем [13]: «... Но предусмотреть в плане объём сборника около 8, 0 листа нам будет трудно. Поэтому ориентируйтесь на меньший объём...». Как становится видно из письма Белова, его в это же самое время загружают работой как рецензента. Редакторы СЗКИ просят его об оценке рассказов молодого автора Юрия Галкина. Случаются и казусы, когда Василию Белову по почте приходит бандероль, предназначенная другому автору. Это всё отражено в документах Государственного архива Архангельской области и естественно занимает время писателя. Второго апреля 1966 года в письме на имя Белова сам директор СЗКИ Б.С. Пономарёв обещает будущему сборнику рассказов писателя режим наибольшего благоприятствования [14]: «Василий Иванович, как же с рукописью «И всё про любовь»? Присылайте её скорее. Мы согласны с Вашим предложением о включении в сборник нескольких рассказов, ранее опубликованных. Объём рукописи 7–8 листов, издавать сборник будем тиражом 75 тыс. экземпляров. Ещё раз убедительно прошу Вас ускорить присылку рукописи». Итак, вопрос стоял не только о названии книги, но в основном о её конкретном содержании. Печатать одни и те же рассказы в разных сборниках разных издательств как-то не этично и не позволительно. Это было довольно тонкое дело, с одной стороны, издать и продать книги, а с другой стороны, соблюсти в содержании грань между дозволенным и интересно-интригующим, но, возможно, принижающим победы социализма, между явью и вымыслом, реальной жизнью и лозунгами, восхвалением и действительностью. Василию Белову удавалось всё: мягко критиковать, ставить вопросы, описывать быт, находить ответы и, самое главное, обличать свои произведения в прекрасную художественную форму с народным языком в статусе великолепного русского. Каким образом о готовящейся

книге, очертания которой ещё только вырисовывались в труде и переписке, узнали в Чехословакии сказать трудно. Но 25 мая 1966 года в СЗКИ приходит запрос на книгу В.И. Белова [15]: «Уважаемые товарищи, просим оказать любезность и направить в адрес нашего агентства книгу В. Белов «И всё про любовь», которой интересуется издательство «Свет Совету» в Праге. Спасибо за скорую посылку и остаёмся с товарищеским приветом. Г. Бернау, начальник литературного отдела». Самое любопытное, что такой же запрос на несуществующую книгу повторился в 1967 году. И как же отписывалось архангельское издательство, если книга с таким названием так и не вышла? Новая редакция и новое название готовящегося, всё ещё первого сборника рассказов Василия Белова в СЗКИ появляется 7 марта 1967 года в очередном письме Веры Лихановой Василию Белову [16]: «Вологодское отделение Союза писателей предлагает в тематический план издательства на 1968 год сборник Ваших «Плотницких рассказов». Мы к этому предложению относимся весьма приветственно». Сколько уже было с 1964 года предложено перспективных проектов и вот ещё один. Повторюсь, что об этой состоявшейся первой книге писателя Белова в СЗКИ нами уже написан и опубликован материал [17], но хотелось бы ввести в научный оборот новые, только что обнаруженные в Государственном архиве Архангельской области документы, и аргументы о непростой ситуации с выходом книги «Плотницкие рассказы» проступят ещё рельефнее. В письме от 8.04. 1967 года Борис Пономарёв, директор издательства, извещает Василия Белова о высланном ему издательском договоре на книгу [18]: «Прошу Вас подписать и один экземпляр выслать в издательство. Как только получим обратно договор, начислим Вам 25 процентов гонорара». Всё вроде бы понятно, работайте и получайте деньги. Но кто знает о муках творческого труда и особенностях работы конкретно Василия Белова, тому понятно будет осторожная неторопливость писателя и нетерпение редакторов. В очередной раз Вера Лиханова мягко нажимает на Белова в письме от 26 сентября 1967 года [19]: «Уважаемый Василий Иванович! Как у Вас дела с «Плотницкими рассказами»? Очень ждём рукопись. Напоминаем, что срок представления её по договору – 1 сентября. Убедительно просим сразу же откликнуться на это письмо и сообщить, в каком состоянии у Вас работа над книгой и когда мы можем твёрдо рассчитывать на получение рукописи». Видимо, эта просьба не возымела успеха, и 11 октября Борис Пономарёв пишет в письме директору Вологодского филиала СЗКИ Владимиру Малкову [20]: «Где Белов?

По договору он обязан был представить рукопись в сентябре. Свяжитесь с ним». Видимо, В.И. Белов получил нагоняй и 21 октября пишет письмо на имя директора издательства, в котором оправдывает задержку творческим процессом и просит ещё полтора месяца для работы над книгой [21]. «Здравствуйте Борис Семёнович! Шлю Вам поклон, а также всем работникам издательства. Повесть я дописал, получилось шесть листов, но она мне в этом виде не нравится, должен её переделать. На это уйдёт полтора месяца. Очень прошу дать мне этот срок. **Вы должны понять, что моя неаккуратность идёт не от неаккуратности вообще, а от желания сделать лучше свои опусы.** Лето всё прошло в разъездах и не работалось почти ничего, надо навёрстывать. Вот и всё, что я хотел сообщить. Желаю здоровья и всевозможных успехов. Белов. 21 окт. 67 г.». Остальные перипетии страстей по книге «Плотнические рассказы» можно прочитать в нашей работе, посвящённой истории создания этой книги [22]. В это же время, в 1968 году в Москве, в издательстве «Советский писатель», выходит солидная книга Белова «За тремя волоками» – 352 страницы. Такое название предлагал ещё в 1965 году, в рецензии СЗКИ Николай Жернаков. «Плотнические рассказы» со 159 страницами текста и не с самой лучшей полиграфией, конечно, проигрывали столбичному изданию. Но сотрудничество с СЗКИ у В.И. Белова всё же закончилось изданием запоминающейся книги. Ну, а московское издательство, конечно, имело больше свободы, технических средств и финансов для выпуска большой книги писателя.

Заключительным эпизодом этого материала, посвящённого неизданным книгам В.И. Белова и их названиям в СЗКИ будет период начала 70-х годов 20 века. «Новый этап» деловых отношений Белова и СЗКИ открывает письмо от 20 мая 1970 года Василию Белову от Веры Лихановой [23]. Рукопись от писателя ждут до конца мая, с напоминанием автору, что сборник рассказов (названия не указано) включён в тематический план издательства на 1971 год. Издательство надеется, что договорённость не будет нарушена. Белову напоминает, что он договаривался о сроках (конец мая 1970 года для предоставления рукописи) с В.М. Малковым и Т.Н. Трескиной. Но, видимо, Белову не до СЗКИ, в Москве у него готовятся сразу несколько книжек в разных издательствах, и они выходят в свет одна за другой. «Сельские повести» (М.: Молодая гвардия, 1971, 335 страниц), «День за днём» (М.: Советский писатель, 1972, 119 страниц), «Холмы» (М.: Современник, 1973, 544 страницы). Последний из перечисленных сборников рассказов «Холмы» породил нешуточную

переписку на интересующую нас тему. Из письма нового директора СЗКИ Е. Дрёмова и старшего редактора В. Лихановой председателю Государственного комитета по делам издательств, полиграфии и книжной торговли при Совете Министров РСФСР Урушевой А.В от 22 марта 1973 года мы узнаём, что рукопись сборника рассказов В.И. Белова «Эхо» включена в тематический план на 1973 год [24]. А ещё ранее, 17 марта 1973 года, Владимир Малков в записке Таисии Трескиной информирует руководство СЗКИ, что он выслал в их адрес книжку В. Белова с авторской правкой: «Жаль, что нам (в Вологде) так не издать. Как и что с изданием этой книжки, сообщите. Я был бы за то, чтобы она у нас вышла» [25]. Итак, новое название сборника Белова, под которым он так и не вышел – «Эхо». Прекрасной иллюстрацией того, почему в СЗКИ не всегда издавали Василия Белова в срок, оговорённый сторонами, служит письмо директора издательства Е. Дрёмова и главного редактора Т. Трескиной начальнику Росглавиздата Г.П. Лебедеву от 11 июля 1973 года [26]. В нём отмечается, что сборник Белова «Эхо» рекомендован Вологодским обкомом партии и писательской организацией, а значит, его надо издать в Архангельском издательстве, несмотря на то, что московское издательство «Современник» уже выпустило в 1973 году многообъёмный сборник рассказов Белова «Холмы». А Росглавиздат полагает нецелесообразным издавать в этом году сборник рассказов Белова, в значительной мере дублирующий издание «Современника». Но процитируем письмо из СЗКИ: «Мы познакомились с содержанием сборника «Холмы», выпущенного «Современником», куда вошло 25 названий, причём из нашего сборника, состоящего из 14 рассказов, в него вошло всего два названия «За тремя волоками» и «Бобришный угор». Следовательно, та формулировка, по которой вы предлагаете отложить издание на последующие годы, не обоснована и ставит нас в затруднительное положение и перед автором и перед вологодскими организациями, особенно перед Вологодским обкомом партии, секретарь которого В.А. Грибанов обещал изыскать бумагу на массовый тираж. Следует учесть, что в Северо-Западном книжном издательстве за весь период его существования вышла одна книга В. Белова «Плотницкие рассказы» (почему-то не учитывается детская книжка «Катюшин дождь» 1972 года. – Л.В.). Между тем интерес вологодских и архангельских читателей к творчеству этого автора велик и поэтому вологодский книготорг и при уточнении тиражей убедительно просил выпустить сборник В. Белова массовым тиражом. Просим Вас разрешить выпуск сборника рассказов В. Белова в

этом году, как предусматривалось планом». И ведь добились своего, правда, сборник стал называться не «Эхо», а «Иду домой». В сборнике «Иду домой» 192 страницы, не первосортная бумага, тираж 30 тысяч экземпляров. Всё среднее, но вряд ли писатель сильно расстраивался по этому поводу, ибо не сильно и стремился непременно издаваться в СЗКИ. Что-то всё время мешало выпустить отличную книжку в Архангельском издательстве, хотя в Москве книги выходили отменные. Получается, что писателю не хотелось терять издательство совсем, но не хотелось и просто тратить драгоценное время на проекты без выхода конечного продукта – книги. Дружба писателя Василия Белова и Северо-Западного книжного издательства была не верной, а любовь не жаркой. И как результат, с 1964 по 1982 год выходит только шесть книг не на самой лучшей бумаге, незavidными тиражами и с провинциальными обложками. Перечислим ещё раз готовившиеся, но не вышедшие по разным причинам в СЗКИ книги В.И. Белова: «Весной на брёвнах», «Речные излуки», «За тремя волоками», «И всё про любовь», «Эхо» в период до 1982 года. Возможно и дальнейшее развитие этой темы до момента закрытия Северо-Западного книжного издательства в конце 20 века, и, наверное, окончательные выводы ещё будут корректироваться.

Примечания:

1. Л.Н. Вересов «Страсти по книге «Плотничьи рассказы» В.И. Белова. Архивная история из 60-х годов 20 века» Беловский сборник № 2. Вологда. 2016. В сокращении газета «Маяк» Вологодского района («Литературный Маяк») октябрь 2016 года.
2. Письмо В.И. Белова. ГААО (Государственный архив Архангельской области), ф. 1099, оп. 1, ед. хр. 18, стр. 71. Показалось интересным реанимировать по письмам писателя адреса его проживания в Вологде. Это письмо было с обратным адресом: г. Вологда, ул. Сибирская, д. 9, кв. 59.
3. Список приведён по Библиографическому указателю литературы. Писатели – вологжане. Василий Белов. Вологда. 1982.
4. Заявка В.И. Белова на сборник рассказов «Речные излуки». ГААО, ф. 1099, оп. 1, ед. хр. 15 стр. 40.
5. Рецензия Е.С. Кокорина. ГААО, ф. 1099, оп. 1, ед. хр. 26, стр. 8-9.
6. Рецензия Н.К. Жернакова. ГААО, ф. 1099, оп. 1, ед. хр. 27, стр. 6-13.
7. Письмо А.А. Романова от 24.03.1965 года о выпуске книг в СЗКИ в 1966 году писателями – вологжанами. ГААО, ф. 1099, оп. 1, ед. хр. 32, стр. 42-46.

8. Письмо Т.Н. Трескиной, главного редактора СЗКИ, писателю В.И. Белову от 13. 09. 1965 года о возвращении рукописи «И всё про любовь» на доработку. ГААО, ф.1099, оп. 1, ед. хр. 34, стр.69.
9. Письмо В.К. Лихановой, старшего редактора СЗКИ, В.И. Белову от 5.01, 1966 года. Интересно ещё и то, что писателя просят выступить как рецензента на рукопись рассказов Юрия Галкина, чью прозу Белов в ответном письме высоко оценил. Ранее нами к Беловским чтениям 2015 года была опубликована работа «Неизвестная грань творческого наследия писателя В.И. Белова. Рецензии 60-х – начала 70-х годов 20 века как литературоведческий источник. К постановке вопроса». Эта рецензия из ГААО, вместе с рецензией на рукопись Е. Твердова «Голубое кольцо» тоже вновь обнаруженной в Архангельском архиве (ГААО, ф. 1099, оп. 1, ед. хр. 26, стр. 96-98) стали дополнением этой работы, которая базировалась только на фондах Государственного архива Вологодской области (ГАВО). ГААО, ф. 1099, оп. 1, ед. хр. 49, стр. 5.
10. Письмо Т.Н. Трескиной А.А. Романову, ответственному секретарю Вологодского отделения СП РСФСР от 18. 02. 1966. ГААО, ф. 1099, оп. 1, ед. хр. 49, стр. 46.
11. Письмо В.И. Белова В.К. Лихановой от 21.02.1966. ГААО, ф. 1099, оп. 1, ед. хр. 49, стр. 60.
12. Письмо В.К. Лихановой В.И. Белову от 9.03.1966. ГААО, ф. 1099, оп. 1, ед. хр. 49, стр. 61.
13. Письмо В.К. Лихановой писателю В.И. Белову от 14.01.1966. ГААО, ф. 1099, оп. 1, ед. хр. 99, стр. 59.
14. Письмо Б.С. Пономарёва, директора Северо-Западного книжного издательства, В.И. Белову от 2.04.1966. ГААО, ф. 1099, оп. 1, ед. хр. 48, стр. 74.
15. Запрос на несуществующую книгу В.И. Белова «И всё про любовь» в СЗКИ из Чехословакии от 25.05.1966. ГААО, ф. 1099, оп. 1, ед. хр. 49, стр. 130. В 1967 году запрос был повторён. ГААО, ф. 1099, оп. 1, ед. хр. 67, стр. 231.
16. Письмо В.К. Лихановой В.И. Белову от 7.03.1967 года о сборнике рассказов «Плотничьи рассказы». ГААО, оп. 1, ед. хр. 67, стр. 149.
17. Беловский сборник № 2. См. сноску 1.
18. Письмо Б.С. Пономарёва В.И. Белову от 8.04.1967. ГААО, ф. 1099, оп. 1, ед. хр. 67, стр. 200.
19. Письмо В.К. Лихановой В.И. Белову от 26.09.1967. ГААО, ф. 1099, оп. 1, ед. хр. 68, стр. 90.
20. Письмо Б.С. Пономарёва В.М. Малкову, директору Вологодского филиала СЗКИ, от 11.10.1967. ГААО, ф. 1099, оп. 1, ед. хр. 66, стр. 71.

21. Письмо В.И. Белова Б.С. Пономарёву от 21 октября 1967 года по поводу издания книги «Плотнические рассказы». ГААО, ф. 1099, оп. 1, ед. хр. 68, стр. 122.
22. См. сноску 1.
23. Письмо В.К. Лихановой В.И. Белову от 20.05.1970. ГААО, ф. 1099, оп. 1, ед. хр. 111, стр. 208.
24. Письмо нового директора СЗКИ Е. Дрёмова и В. Лихановой в Государственный комитет по делам издательств от 22.03.1973 года. ГААО, ф. 1099, оп. 1, ед. хр. 140, стр. 52.
25. Письмо В.М. Малкова Т.Н. Трескиной от 11.03.1973. ГААО, ф. 1099, оп. 1, ед. хр. 110, стр. 28.
26. Письмо Е. Дрёмова и Т. Трескиной начальнику Росглавиздата Г.П. Лебедеву от 11.06.1973 по поводу сборника рассказов «Эхо». ГААО, ф. 1099, оп. 1, ед. хр. 140, стр. 40-41.
27. Письмо В.И. Белова в Северо-Западное книжное издательство от 8.01.1965. ГААО, ф. 1099, оп. 1, ед. хр. 35, стр. 27. (Три письма В.И. Белова, расшифрованные и используемые в данной работе, приведены в приложении ниже в качестве документов. Считаем их публикацию важной составной частью работы).

Дорогая дружба! вх. № 12
8.1.65 24

Собственно вам, что через неделю не
много вам осталось. Разумеется, это
я так рассказываю его востановке в Москве,
разумеется и название Дружба.

После, в разговоре с В.М. Мала-
ховым, мы назвали будущую книгу
условно "Рассказы из жизни" по одно-
му из рассказов. Этот рассказ
нам не удалось оставить для
будущей книги в Бр. и издательстве.
Скажется веро. что в этот момент
кто-то, что я помню Дружба рассказ.
Все они (кроме двух-трех) были?
Дружбы, конечно, и Московский период.

У меня сейчас на берегу 7-7/8

Я могу не встать сразу, а
ведать, может, можно было у вас
не было сомнения по поводу, конечно,
в плане. Но теперь мне бы
хотелось еще с вами поработать.
Добавить к тому, что сейчас - 10.
Сколько и для чего?

С искренним уважением

Ваш

Получил письмо, что и с вами
разговор был с вами и с вами.

Ваша благодарность!
Очень приятно, и думаю, что задумав
с удовольствием - Вы в раздумьях.
Сейчас как говорится и приятно
и приятно 10. Тамара.
Почему из себя еще восторг, и
с самым самым интересом. Это
прекрасно получается, но Тамара
то не совсем и знает от себя, может
быть.

Меня в своем обзоре.
Итак, что, что и восторг
Мне очень и очень приятно от этого
предложения, без всякого сомнения
Меня это все и интересует до глубины
души, поэтому и пишу.
Вот это. У нас есть - сейчас в
самом деле сейчас сейчас 5-6 минут
и то сейчас из нас - сейчас,
еще вот так сейчас.

Спасибо всем сердцем
Ваш.

2/11.65.

[illegible]

ВАСИЛИЙ БЕЛОВ:
ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

КРИЗИС ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В «ПОВЕСТИ ОБ ОДНОЙ ДЕРЕВНЕ»

Аннотация. В статье идет речь об отражении в последней повести В.И. Белова социально-психологических процессов конца XX века, приведших к кризису традиционных крестьянских ценностей, важнейшей составляющей творчества писателя.

Ключевые слова: композиционное единство (compositional unity), композиционное кольцо (composite ring), мозаичность (mosaicity), перестройка (perestroika), повесть (story), публицистичность (publicism), традиция (tradition), ценностные критерии (value criteria).

«Повесть об одной деревне» создавалась на протяжении двух десятилетий. Начало работы над ней приходится на середину 1970-х годов, большая часть ее написана в годы перестройки, отношение Белова к которой было непростым, и в последовавшее за ней пятилетие, общественно-политические результаты которого были оценены им резко отрицательно. Бурные и болезненные процессы шли во всех сферах жизни страны, затронули они и деревню. И если во второй половине 70-х – первой половине 80-х годов проблемы села Белов еще расценивал как хотя и крайне сложные, но, при наличии доброй воли государства и общества, в принципе разрешимые, то в следующее десятилетие эта вера постепенно гасла, уступая место глубокой скорби по поводу крушения надежд на возрождение того уклада крестьянской жизни, который писатель определил емким и многозначным словом «лад». «Век шествовал путем своим железным», «корысть» – нередко в самых циничных ее проявлениях – все сильнее овладевала умами и сердцами, «общая мечта» все очевиднее сводилась к заботам о «наущном» и «полезном», а разговоры о духовности и нравственных ценностях вызывали все больше и больше раздражения, доходящего порой до откровенного глумления. Белов в этих условиях выбрал роль «одинокого художника», упорно продолжающего хранить верность прежним идеалам. Попытался он принять непосредственное участие и в политической жизни, о чем впоследствии сожалел, полагая, что тем самым уклонился от выполнения своей основной миссии – писательской [3, с. 5]. Но политика и

литература в его позднем творчестве оказались тесно связанными, и выразилось это в возрастании роли публицистического начала в художественных произведениях. В «Повести об одной деревне» тенденция к слиянию литературного творчества и злободневной публицистики получила отчетливое выражение.

Последняя повесть Белова не обладает жестко заданной структурой, она состоит из отдельных рассказов, которые публиковались по мере их создания как самостоятельные произведения и были сведены воедино позднее, задним числом, по прошествии времени. Как некое единство она тоже оформлялась писателем по-разному. В 1996 году семь из девяти входящих в нее сейчас произведений были опубликованы под общим заголовком «Рассказы из цикла “В кровном родстве”». В 1999 году произведение издавалось под заглавием «Медовый месяц: Повесть в рассказах». Теперешнее название, в наибольшей мере соответствующее ее общему содержанию, закрепилось за ней с 2001 года. Оно фиксирует внимание на теме деревни, главной для всего творчества писателя, и содержит посыл для художественного обобщения: «одна» («один») в литературе, как правило, – «одна (один) из многих», «типичная представительница (представитель)» какой-то общей тенденции. В данной связи можно вспомнить «Историю одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина, «Житие одной бабы» Н.С. Лескова, рассказ В.А. Гиляровского «Один из многих», подзаголовок к повести А.П. Чехова «Степь» – «История одной поездки». Да и у самого Белова есть произведение, имеющее название «Одна из тысячи».

Как становится ясно по прочтении «Повести об одной деревне», «общая тенденция» отображенная в ней, это тенденция к окончательному опустошению и вымиранию русской деревни на исходе XX столетия. Параллельно с работой над рассказами, составившими это произведение, Белов писал и публиковал отдельными частями свою трилогию о коллективизации «Час шестой», и, по-видимому, в его представлении события конца 20-х – начала 30-х годов соотносились с событиями рубежа 80-х – 90-х годов. В повести и в трилогии им отображены два этапа одного процесса – катастрофического разрушения крестьянского мира в результате социальных потрясений.

Фрагментарность, мозаичность композиции «Повести об одной деревне» может быть осмыслена как образное средство, используемое автором для воплощения темы распада, разрушения деревни. В произведении нет единого сюжетного стержня, нет «сквозного»

персонажа, который присутствовал бы во всех девяти рассказах и история которого связывала бы воедино весь разнообразный материал, включенный в повесть. Но в каждом из рассказов идет речь о людях из одной и той же деревни, и потому именно она, эта деревня, ее судьба и ее нынешнее состояние становятся основным предметом изображения. Рассказы расположены в том хронологическом порядке, в каком создавались писателем. Это позволяет рассматривать повесть как *хронику* или *историю одной деревни* на протяжении двадцати лет. Если же учитывать возраст некоторых персонажей и экскурсии в прошлое – иногда краткие, иногда пространные, – то в ней отобразен гораздо больший временной отрезок длиной в целое столетие. Возможная ассоциация с пушкинской «Историей села Горюхина» не является произвольной: на полях томика Пушкина из библиотеки Белова (Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 10-ти томах – Т. 6. – М.: Наука, 1964) есть пометы, свидетельствующие о том, что писатель, читая это произведение любимого им классика, соотносил его с современностью [2].

Рассказ «Коч», открывающий повесть, появился за десять лет до перестройки и вписывается в творчество Белова середины 1970-х годов. Несмотря на то что состояние деревни, показанное в нем, далеко не благополучно, оно не выглядит столь удручающе безнадежным, как в рассказах, написанных позднее. «Коч» – прозвище персонажа, перешедшее к нему «по наследству» от отца. Вынесенное в заглавие, оно фиксирует внимание на его обладателе, на своеобразии характера человека и порождает установочный вопрос: «Кто такой этот Коч?» А поводом для раскрытия характера персонажа является полуанекдотическая история о том, как он, доживший почти до восьмидесяти лет старик, задумал жениться, терзался сомнениями и переполошил всю деревню, неожиданно исчезнув и вызвав подозрения о намерении свести счеты с жизнью «с расстройством». Тревога сельчан оказалась напрасной: пока они под моросящим осенним дождем искали старика в лесу, он преспокойно отлеживался на печи в своей избе.

Но эта незамысловатая история осложнена многими сопутствующими обстоятельствами, подробностями и отсылками, расширяющими ее смысловое пространство. Коч и Лещов вписываются в образный ряд беловских стариков, хранителей памяти о прошлом деревни и о нравственных основах крестьянского образа жизни. Эти нравственные основы унаследованы ими по традиции. Об отце Коча сказано, что он «прям был всегда душой и телом, не сгорбился

и в тридцатом году», когда шла сплошная коллективизация. Показателен давний случай, когда Коч-старший отказался заверять своей подписью обязательство неграмотной односельчанки на непосильный тысячный заем, чем навлек на себя отнюдь не безобидный гнев представителя местной власти из той же породы не в меру ретивых деятелей, что и Авинер Козонков («Плотнические рассказы») или Игнатий Сопронов (трилогия «Час шестый»). Чем могла обернуться для одинокой колхозницы эта подписка, было показано впоследствии Беловым в рассказе «Такая война» («Самовар»). И Коч, и Лещов воевали, у обоих есть боевые награды, с которыми они обращаются по-разному: Коч ими дорожит, а лещовскими играют внуки, подобно Ваське Дрынову, галопирующему по деревне верхом на «патачине» с отцовским орденом Славы на животе («Привычное дело»). От сена, накошенного в колхоз, Кочу полагаются смехотворные пятнадцать процентов, не намного больше, чем когда-то отцу Васьки Дрынова, у которого из-за необходимости запастись на зиму сеном вся жизнь пошла наперекосяк. Валька-тракторист, по прозвищу пан Зюзя, – персонаж, подобный бесшабашному Мишке Петрову из той же повести «Привычное дело», и его идея женить Коча на Евдоше из Залесья напоминает о сцене затеянного Иваном Африкановичем сватовства к сосновской Нюшке.

«Ядреный» дом Коча, подобен дому, с описания которого начинается повесть «Плотнические рассказы», и воплощает стержневую для творчества Белова и для всей деревенской прозы идею ДОМА как величайшей жизненной ценности. Он стоит посреди деревни «как стопочка» и является залогом того, что Коч вернется, не оставшись на постоянное жительство в Ленинграде у дочери. С пребыванием героя в северной столице в рассказ вводится тема противостояния города и деревни. Коч действительно возвращается в деревню – и не столько из-за ссоры с дочерью, сколько из-за непривычки жить в тесноте городской квартиры, но главное – из-за того, что покойников в городе сжигают, а не погребают в земле. Последнее обстоятельство не простая стариковская причуда. Это следствие укорененного в натуре крестьянина чувства родства с землей и необходимости слияния с ней после завершения жизненного пути. Само же это чувство мотивировано традициями, уходящими своими корнями в глубь веков: «Представления о З. как месте обитания человека тесно связаны с понятием своего рода и Родины. <...> Святость родной З. определялась тем, что она «своя», и тем, что в ней похоронены предки, родители» [6, с. 319].

Случай с мнимой пропажей и поисками Коча также имеет не только анекдотический, но и мировоззренческий смысл. На его поиски выходят все, кто мог ходить, все, кто еще остался в обезлюдевшей из-за войны и из-за оттока молодежи в город деревне. Беспокойство, вызванное его пропажей, – общее и искреннее. И хотя Кочу порой думается, что они с Лещовым «заживают чужой век», на самом деле это не так, потому что деревня, существующая ныне как нечто уже не полное, но все еще целое, без них этим целым перестанет быть. О все ускоряющемся распаде этого целого и идет речь в остальных рассказах, составляющих «Повесть об одной деревне».

Следующий за «Кочом» рассказ «На тракте» был написан после большого перерыва, в 1985 году. И он заметно от «Коча» отличается, так как в нем уже чувствуется веяние иных времен. У этих веяний есть внешнее выражение (например, невиданная ранее сельчанами пластмассовая куртка с разноцветными полосами на незнакомце), но главная их примета имеет нравственно-психологическую подоплеку и воплощается в поведении, совершенно неприемлемом с точки зрения простых человеческих норм. Лещов и Валька-тракторист помогают незадачливому мимоезжему горожанину выкатить на дорогу его увязший в глине мотоцикл. Тот предлагает им прокатиться до города, чтобы там отблагодарить за оказанную услугу. В городе мотоциклист оставляет их ждать в каком-то коридоре при столовой и больше не появляется, по-видимому, тотчас же забыв о своем обещании. Лещов и Валька в подавленном состоянии под дождем вперемешку со снегом возвращаются домой пешком.

Валентин Распутин, полемизируя в 1977 году с критиками, поющими «отходную» Зилову, центральному персонажу пьесы Вампилова «Утиная охота», пророчески предсказал этому мнимому, на его взгляд, «мертвецу» «долгое здравствование». Писатель усмотрел в социально-психологическом феномене зиловщины тревожные симптомы размывания ценностных критериев, когда «трудно стали различимы даже и противоположности – любовь и измена, страсть и равнодушие, искренность и фальшь, благо и порабощение» [5, с. 68]. Более того, в Зиллове все «первые названия» перешли во «вторые». Отмеченные Распутиным симптомы в полную силу дали о себе знать и в отдельно взятом рассказе Белова «На тракте», и в «Повести об одной деревне» как едином целом.

Мотоциклист у Белова столь яркими индивидуальными чертами, как Зилов, не наделен. Это «стертая», «фоновая» персона. Но от этого функция знамения неблагоприятного времени, воплощен-

ная в нем, выглядит еще более зловещей. Конечно, для Лещова и Вальки произошедшее является следствием городского «нелада», только «нелад» этот – какого-то нового, не встречавшегося им ранее рода. Это не давно, конечно же, известное им обоим по собственному опыту пренебрежение или неуважение к человеку, это отсутствие потребности считаться с самим существованием человека, с тем, что он есть.

Само по себе описанное в рассказе «На тракте» происшествие еще может толковаться как отдельный случай, не предполагающий широких обобщений. Однако следующий рассказ «Деревенское утро» сомнения в правомерности именно такого обобщения развивает. Он датирован 1988 годом, и тема разрушения, распада становится в нем ведущей. Рассказы же «Коч» и «На тракте» после знакомства с ним начинают восприниматься как предварение этой темы, как своего рода вступление, ведение к ней. Заглавие «Деревенское утро» порождает читательские ожидания, обусловленные типовым содержанием произведений, которые озаглавлены подобным образом. Так, по Николаю Рубцову, например, утро в деревне (стихотворение «Утро») – это пора, когда все видится «в самом лучшем свете». Рассказ Белова этому читательскому ожиданию не отвечает, он о другом времени и о другой деревне, утратившей многое из того, чем она прежде держалась. В самом его начале сообщается о смерти старика Лещова, одного из последних «хранителей» былых деревенских традиций, а завешается он известием о гибели в Афганистане паренька из семьи Смирновых.

Внешнесобытийная канва рассказа немногосложна и удручающе низменна: тракторист Валька, с трудом приходящий в себя после перепоя на поминках Лещова, ищет по деревне, чем бы опохмелиться. Тема беспробудного пьянства получит продолжение в следующих за «Деревенским утром» рассказах и станет одной из характернейших примет нового времени. Сама по себе она не была новой для Белова, проблемам, с нею связанным, писатель придавал немаловажное значение, и пьющие или выпивающие персонажи (старики, взрослые мужчины, женщины и даже малолетние дети) присутствуют во многих его произведениях. Но в «Повести об одной деревне» пьянство приобретает особый, не свойственный ему ранее колорит и размах. Ему предаются по малейшему поводу, а то и вовсе без повода, словно сжигая без остатка утратившую смысл жизнь – как свою собственную, так и общую. В рассказе «Никола Милостивый» о трактористе Вальке сказано: «До перестройки запои

тянулись по два-три дня. Теперь он дымил, как головня, по неделе и больше» [1, с. 280]. Пьянствует беспробудно не только Валька, прозванный когда-то паном Зюзей, пьянствует цинично распущенный, но в чем-то по-человечески привлекательный ветеринар Туляков, приобщается к попойкам молодой шофер правленческого «уазика», ровесник убитого в Афганистане Валерки Смирнова, пьет в развеселой компании с мужиками замужняя завпочтой Люся. Зловещий оттенок сцена попойки приобретает в рассказе «В кровном родстве», когда шумное застолье устраивается на деньги, полученные за только что сданную донорскую кровь.

Однако в «Деревенском утре» тема пьянства не является доминирующей. Внешнесобытийная основа осложнена описаниями и пояснениями «от автора», а также замечаниями, суждениями, воспоминаниями персонажей. И рассказ этот вовсе не о том, как Валька однажды с раннего утра искал выпивку, а о современном состоянии деревни и о прошлой жизни ее обитателей в сравнении с жизнью теперешней. Как это бывало у Белова и раньше, в произведении присутствует историческая ретроспектива, позволяющая оценить день сегодняшний с позиций минувшего.

День сегодняшний представлен Беловым точно подмеченными и едко охарактеризованными деталями повседневного быта, реалиями современной хозяйственной, культурной, общественной и политической жизни. Здесь и талоны, по которым приобретаются товары первой необходимости, включая вожденную водку; и метко прозванная «колотиловкой» поп-музыка; и аббревиатуры, произносятся которые, «язык сломаешь»; и совсем неуместная, по былым представлениям, пляска под гармонь на поминках; и нашествие диких кабанов – будто бы с Кавказа; и исполнение молодыми ребятами какого-то непонятного интернационального долга; и «атомный Чернобыль» с его взрывной мощью. Перечень этот будет значительно дополнен в последовавших за «Деревенским утром» рассказах: «В кровном родстве» (1992), «У котла» (1994), «Никола Милостивый» (1994), «Лейкоз» (1995). В них появятся переселенцы из Чечни, дохнувшие от тяжелого заболевания крови коровы, заросшие сорняковыми травами поля, пустующее родильное отделение в медпункте, новоявленный СПИД, старик, дежурящий по ночам в котельной, потому что «больше некому», самогонные аппараты в свободной продаже; отсутствие учета животных на ферме, пляшущие голые девки в телевизоре, импортное «бесовское пойло» в литровой бутылке с надписью «Royal». Мелькают фамилии недав-

них и нынешних партийных и государственных деятелей, о которых персонажи отзываются чаще всего насмешливо или пренебрежительно.

Некоторые из упоминаемых в повести явлений постперестроечного времени используются автором для побочных сюжетных линий, некоторые – для создания целого рассказа. Так, например, построен рассказ «Никола Милостивый», конфликтный узел которого завязан на получившей распространение в конце 80-х–90-е годы криминальной торговле предметами церковной утвари и иконами. Приехавший в город лечиться от последствий алкоголизма механизатор Валька случайно увидел в антикварной лавке знакомую ему икону с изображением Николая Угодника, ту самую, что была при нем положена в гроб не так давно похороненной старухи-соседки. Вопреки убеждению Коча даже погребение в земле не обеспечивает теперь умершему завещанного традицией покоя. Ошарашенный неожиданным открытием, и сохраняющий еще остатки веры в унаследованные от предков ценности, Валька пытается выяснить, каким путем икона в антикварную лавку попала, и гибнет при «невьясненных обстоятельствах».

Особым вниманием автора отмечены в повести женские судьбы. Они не менее, а может быть, даже более драматичны, чем судьбы мужские. В семье Смирновых женщины трех разных поколений – вдовы, «одна другой несчастливее». У самой старшей муж пропал на чужой стороне, у средней – не вернулся с последней «германской» войны, у третьей – первый муж погиб по пьянке под гусеницей трактора, второй, родом с Кавказа, не смог привыкнуть к чуждым для него условиям жизни в северной деревне, ну а сына, последнюю отраду, отняла непонятная война в Афганистане. Выходит, что женского счастья на свете не было и нет, и сегодняшние беды продолжают цепочку бед, тянущуюся из далекого прошлого. На долю героинь Белова из поколения в поколение приходится тяжелый деревенский труд, неминуемые потери, вдовьи заботы, неизбежные страдания и невидимые миру слезы.

Нелепа и трагически трогательна судьба Киюшки, женщины, приведенной Кочем в дом несмотря на уговоры Лещова и опасения быть осмеянными односельчанами за женитьбу в преклонном возрасте. Ей посвящен почти весь рассказ «Медовый месяц». Он мог бы быть назван так же, как другой, не входящий в «Повесть об одной деревне» рассказ Белова «Такая война», поскольку в обоих произведениях речь идет о мало освещенных в литературе сторонах жизни

в тылу. В «Медовом месяце» описано то, как три сверстницы были отправлены с партией таких же, как они, девушек далеко от дома на рытье окопов, как эти оборонные работы оказались пустой тратой времени и как им пришлось несколько суток, страдая от голода, стыда за попрошайничество, усталости и жары, пешком добираться до родных мест. Одной из этих девушек и была Киюшка, незадолго до отправки на окопы вышедшая замуж и отложившая по обоюдному согласию со своим застенчивым супругом радости первой брачной ночи до своего возвращения. Эти радости им обоим не суждено было испытать, потому что Киюшка вернулась в тот момент, когда ее муж уходил на фронт. Он погиб, а она, не выйдя вновь замуж, осталась девицей до старости. Так и слились в ее судьбе воедино военная пора, окопы, несостоявшийся медовый месяц, долгий путь домой, вдовство, неиспытанное счастье супружества и материнства.

Завершается «Повесть об одной деревне» рассказом «Ссора». Положение вещей на этот момент таково: в деревне осталось всего четыре дома, и помимо нескольких далеко уже не молодых женщин насчитываются лишь два лица мужского пола – доживающий свой век Коч и малолетний мальчишка, покинутый мурманскими родителями на попечение бабки. История деревни как будто бы завершается, и в качестве заключительного, итогового события автор предлагает читателю заурядную размолвку двух сдружившихся было старушек – Марьи Смирновой и Кочевой «сугревушки» Киюшки. Повод для ссоры – расхождение в оценке поведения девушки, не желающей общаться со своим ухажером. Девушка – дочь погибшего тракториста Валентина, приехавшая из города погостить к вдовствующей матери. Молодой человек – сын бывшего парторга, а ныне владелицы магазина, сумевшей вызволить свое чадо из армии. Девушка – из тех, кого на селе принято называть «убажницами» и «славутницами»: работящая, общительная, веселая и миловидная, несмотря на небольшой рост, подростковые прыщики, прическу и американские джинсы, неприличные для молодой женщины, по мнению старушек. Парню она дала от ворот поворот, потому что считает его дезертиром. Марья с ней солидарна: «Слыхано ли дело, совдата домой раньше время!» [1, с. 343]. Того же мнения придерживается Коч, полагающий, что уклонение молодого человека от службы свидетельствует о каком-то глубоком нравственном изъяне. Киюшка горой стоит за отвергнутого парня и доходит до абсурдного обвинения Марьи в колдовстве, посредством которого та будто бы отвела девку от завидного жениха. Как выясняется, тут сыграли

свою роль родственные чувства: мать «дезертира» – троюродная сестра Киюшки. Как бы то ни было, конфликт по сути своей не является неразрешимым, и не случайно мудрый Коч считает возможным ликвидировать его смехотворно простым способом – исканием в голове несуществующих вшей с помощью катачига. И все же в контексте повести как единого целого он не столь комичен и маловажен, как представляется некоторым персонажам и как может показаться на первый взгляд читателю. Деревня обезлюдела и ужалась до четырех домов. Но в лихую пору, когда «вкруговую одне деньги», когда новоявленные претенденты на роль героев времени заняты лишь тем, что деньги эти «считают да друг дружку омманывают, а то и грабят», все еще продолжают почитаться, пусть и не повсеместно, иные ценности и традиции, на которых деревня на протяжении веков стояла. Верность этим ценностям и традициям пытается сохранить Коч, приучая свою старуху «ко многим прежним, “ранешним”, как он говорил, делам и обычаям» [1, с. 344]. Предложенное им искание в голове, например, – это, говоря языком современной психологии, – «тактильный контакт», близкое общение, способное восстановить нарушенные межличностные отношения. И что особенно значимо, уважение к традиционным ценностям унаследовала совсем еще юная дочка Валентина, считающая, что водиться с выкупленным из армии парнем – зазорно. А если так, то история деревни все еще не завершена. И последняя фраза повести – «Только это уже другой сюжет...», – относящаяся как будто к разрешению конфликта посредством катачига, по сути дела означает, что финал произведения не является безусловно закрытым и у «Повести об одной деревне» может быть продолжение. Первый и заключительный рассказы образуют «светлое композиционное кольцо» [4, с. 10], обрамляющее «темный» корпус основного повествования. Благодаря им композиция словно бы размыкается: рассказ «Коч» тесно связан с предшествующим творчеством Василия Белова, рассказ «Сора» имеет выходы в будущее, которые намечаются в ближайшей перспективе ссылкой на «другой сюжет», а в отдаленной – присутствием во внутреннем мире произведения Маришки, и малолетнего Антона, сироты при живых родителях, традиционного для русской литературы образа ребенка, с которым связывается надежда на лучшие времена.

На рубеже XX и XXI веков Василий Белов оценивал перспективы дальнейшего существования деревни пессимистично. Но, следуя заветам русской классической литературы, он не считал возможным

оставлять своего читателя в состоянии душевной смуты. Сквозь все творчество писателя проходит идея необходимости продолжения жизни вопреки любым обстоятельствам. Идея эта присутствует и в «Повести об одной деревне».

Литература

1. Белов В.И. Собр. соч: в 7-ми томах. Т. 2. М.: РИЦ «Классика», 2011.
2. Маркова М.А. Пометы В.И. Белова в неоконченной повести А.С. Пушкина «История села Горюхина» // Беловский сборник. Вып. 3. – Вологда: ВолНЦ РАН, 2017.
3. Молюсь за Россию [беседа Владимира Бондаренко с Василием Беловым] // Наш современник. 1992. № 10.
4. Пономарева Т.А. «Повесть об одной деревне» В. Белова в творческой эволюции писателя // Вестн. Череповец. гос. ун-та. Череповец, 2008. № 2.
5. Распутин В. Истины Александра Вампилова // Сибирь. 1977. № 4.
6. Славянские древности: этнолингвистический словарь. Т. 2. М.: Институт славяноведения РАН, 1999.

**«ВОЗВРАЩАЯСЬ К ПЕРВОНАЧАЛЬНЫМ ИСТИНАМ»:
ИЗ ПИСЕМ В.И. БЕЛОВА Д.М. БАЛАШОВУ**

(по материалам Государственного архива
новейшей истории Новгородской области)

Аннотация. Письма В.И. Белова, адресованные его другу и единомышленнику Д.М. Балашову, помогают заглянуть в «творческую лабораторию» писателей-современников, уточнить и прояснить их настроения, переживания и ожидания перестроечной поры, прикоснуться к их замыслам и деяниям, вспомнить «уходящие» реалии недавнего прошлого. В немногих словах Василий Иванович Белов смог отразить целый спектр животрепещущих проблем – от экологии до этнографии, от необходимости хранить историческую память до попыток донести «мнение народное» до самых верхних эшелонов власти.

Ключевые слова: переписка В.И. Белова и Д.М. Балашова, проблемы истории России, борьба против поворота рек, творческие планы писателей.

Дмитрий Михайлович Балашов и Василий Иванович Белов... Имена этих крупнейших писателей-современников, заступников и печальников земли Русской, в истории литературы стоят рядом. Оба они были по духу своему и характеру бойцами, не боялись открыто выражать своё мнение, даже если оно не совпадало или шло вразрез с общепринятым.

Вскоре после трагической кончины Балашова Белов вспоминал о нём в беседе с литературным критиком В. Бондаренко: «Мне жалко очень его, так погиб нелепо, такой замечательный и близкий мне писатель был. У нас с ним полностью согласие во всём было при всех наших встречах. Мы же не раз вместе путешествовали, и, естественно, обсуждали всё, что происходит в России, историю России, национальный вопрос, события в Югославии, отношения между славянскими народами. И, конечно же, проблемы литературы, вышедшие книги, творчество разных писателей... Мы сблизились с Балашовым очень тесно. Для меня была такая трагедия, когда его убили. И как-то все замолчали о нём»[2; 221]. Примечательно, что оба они писали стихи, оба тонко чувствовали красоту традиционного уклада русской деревни, мастерски владели не только пером, но и кистью

(Балашов пробовал себя также в искусстве ваяния). Оба многие годы прожили в глубинке и не понаслышке знали крестьянскую жизнь. Оба старались «словом и делом» защитить русскую историю, культуру, сберечь, сберечь природу Русского Севера¹. Оба под конец жизни пришли к исповеданию православия. Оба принимали самое активное участие в значимых общественных, культурных, литературных форумах. Оба входили в состав редакционного совета журнала «Север», обменивались мыслями, впечатлениями, своими книгами, общались на конференциях и съездах. И не только...

В Государственном архиве новейшей истории Новгородской области (ГАНИНО), в фонде Д.М. Балашова отложились несколько писем Белова. Они охватывают небольшой, но очень важный период в истории нашей страны – с 1985 по 1988 год.

В нескольких письмах – впечатления Василия Ивановича от новых исторических романов Балашова. Так, в коротеньком письме от 16.01.1985 года читаем: «Дмитрий Михайлович! Поздравляю с книгой о Симеоне Гордом, с удачей, коя особенно заметна на с. 78-79 (имею в виду цензурные рогадки)...» [1; Л. 1].

Указанные страницы – это часть главы 22, в которой светские и церковные деятели Московской Руси беседуют об исихазме, «умном делании», учении Григория Паламы. Вероятно, Дмитрий Михайлович считал необходимым ознакомить читателей с одним из важнейших направлений религиозной мысли средневековья. Д.М. Балашову удалось «протолкнуть» в текст романа сложнейшие теологические рассуждения, несмотря на противодействие цензуры, а также – литературных и издательских чиновников². Тем более, что как раз в начале 80-х гг. было принято несколько постановлений ЦК КПСС об усилении атеистического воспитания³.

¹ Здесь упомяну «только» титаническую борьбу Балашова за сохранение деревянного церковного зодчества Карелии и Беловское отчаянное сопротивление правительственному проекту поворота северных рек на юг.

² В письме своей ленинградской знакомой, искусствоведу Н.С. Серёгиной летом 1983 года Балашов писал: «...не ведаю, будет ли напечатан мой след. роман – о Симеоне Гордом, уже полгода как оконченный, больно много там о «религии» – увы! Дальше – ежели стану и сумею писать – будет ещё больше» [12; 81].

³ Например, постановление июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС требовало от идеологических работников всех уровней «активнее вести пропаганду научно-материалистических взглядов ...уделять больше внимания атеистическому воспитанию ...настойчивее внедрять советскую обрядность».

Письма В.И. Белова показывают, что, несмотря на взаимное уважение и признание творческих заслуг, «согласия во всём» у писателей не было. Например, письмо от 9.05.1986 года целиком посвящено «исторической» полемике: «„Дружба“ с Ордой могла быть только в кавычках... Да и почему обязательно было надо представлять так, что либо Запад, либо Восток? Да ни Запад, ни Восток, Русь была сама по себе. И те и другие – (враги были). Александр (Невский – И.К.) – великий и святой ...Даниил Галицкий – тоже величайший русский заступник (его королевская корона – то же самое, что братство с Сартаком для Александра). Да, я до сих пор не знаю в точности: что было раньше, Неврюева рать или поездка Александра в Орду. Некоторые историки говорят, что ссора Андрея, вызвавшая Неврюя, предшествовала поездке Александра в Орду. А Вы утверждаете, что всё было наоборот?» [1; Л. 5]. Видимо, Балашов возражал, ибо в следующем письме от 27.05.1986 Белов очень корректно, но твёрдо продолжает настаивать на своём: «Дмитрий Михайлович, то, что Вы сообщаете, я знаю... Что касается Даниила Галицкого, то на мой взгляд, это тоже наш национальный герой, незаслуженно забытый и ошельмованный. Его подвиги ещё ждут своего настоящего исследователя. Противоречия между Александром и Даниилом преувеличены историками. А насчёт политики Запада – полностью с Вами согласен. Желаю здоровья и вдохновения» [1; Л. 5 об.].

Мнение Белова о князе Данииле Романовиче Галицком (1205–1264) как о «незаслуженно забытом и ошельмованном» вызывает возражения. В отличие от рязанского князя Олега, Даниила никто из серьёзных историков не винил в измене «русскому делу». За галицким князем всегда признавались как высокая воинская доблесть, так и несомненный патриотизм. Так, наглядным свидетельством своего рода «державного», научного и «общественного» признания заслуг Даниила Галицкого является его скульптурное изображение на памятнике «Тысячелетие России» в Великом Новгороде. В советское время Даниил Романович привлекал внимание историков и писателей, как персонаж вполне «прогрессивный». Достаточно вспомнить труды В.Т. Пашуто⁴ или, например, широко известную, выдержавшую

⁴ Он называет князя Даниила Романовича выдающимся государственным деятелем, полководцем и дипломатом, «с годами правления которого связано объединение Юго-западной Руси и её крупные хозяйственные, политические и культурные успехи» [11; 245]. Добавлю, что выбор Александра (тоже во многом вынужденный) не всеми его современниками даже на Северо-востоке осознавался как необходимое меньшее зло. Именно меньшее зло, отнюдь не благо. И вновь Белов прав – «да ни Запад, ни Восток!» Будто сегодня написано! Вполне современно!

множество переизданий диологию А. Югова «Ратоборцы». Разве что Л.Н. Гумилёв, признавая добрые намерения князя, снисходительно «пенял» ему за излишнюю доверчивость к «коварной» Европе [6; 118-119]. Современный исследователь В.Е. Ларионов следует «гумилёвской» традиции, но более тонко и уважительно, признавая и полководческий, и дипломатический таланты Даниила Романовича [9; 309].

В современной украинской научной и научно-популярной литературе упор делается на «европейский выбор» галицкого князя в противовес «евразийцу» Александру Невскому. Но в данном конкретно-историческом контексте такие определения условны. Тем более что и «королю Даниле» пришлось ехать на поклон в Орду, пить кумыс и срывать крепостные укрепления...

Белов, не сомневающийся в «братстве», точнее, побратимстве Александра Невского с сыном Батыя Сартаком, считает это актом вынужденным – того же порядка, что и принятие Даниилом Галицким короны из рук папы. Но вот что писал известный медиевист И.Н. Данилевский о пресловутом «братстве»: «...не удастся установить достоверность известия о том, что Александр Невский был побратимом сына Батыя. Об этом Л.Н. Гумилёв сообщил между прочим, как хрестоматийный факт, без всяких ссылок на источник... Тем не менее ... такое представление теперь широко бытует не только среди дилетантов, но и среди профессиональных историков, не занимающихся специально этим вопросом» [7; 331].

Интерес Василия Ивановича Белова к XIII веку имел не только академический характер. В первой половине 80-х гг. он работал над пьесой об Александре Невском и старался уяснить для себя реалии далёких времён вплоть до мельчайших деталей⁵.

И наконец, к теме русского средневековья Белов вновь обращается в письме от 30.05.1988 года. Оно было написано вскоре по возвращении с Праздника славянской письменности и культуры в Новгороде. Напомним, что в этом ярком общественном и культурном событии участвовали самые известные русские писатели, в том числе, кроме В.И. Белова и Д.М. Балашова, В.Г. Распутин, Ю.В. Бондарев, В.П. Астафьев, Б.С. Романов. Борис Степанович Романов, тогда – председатель Новгородского отделения Союза писа-

⁵ Пьеса В.И. Белова «Александр Невский» была опубликована в журнале «Современная драматургия» в 1988 году. Её принял к постановке Ленинградский Академический театр драмы им. А.С. Пушкина.

телей СССР, приложил много сил для того, чтобы знаменательный для всех ревнителей русского слова Праздник в год 1000-летия принятия христианства прошёл в древнем Новгороде на высочайшем уровне и получил статус Всесоюзного. Вспоминая недавние новгородские впечатления, Белов передаёт «привет Новгороду и Б. Романову»[1; Л. 7 об.].

А начинается письмо с поздравлений – у Балашова вышел новый, пятый роман серии «Государи Московские» – «Ветер времени» с посвящением Л.Н. Гумилёву: «Дорогой Дмитрий Михайлович! Поздравляю с выходом книги. Готов поклониться Вам в пояс за всё, выполняете же свой долг до конца, доведите серию до Куликовского поля. Как же богата наша история! Как трагична! Во многих местах я волновался как в детстве. В 2-3 местах хотелось плакать...» [1; Л. 6 об.]. Но высокая оценка романа не исключает критику: «Я по-прежнему не очень доверяю Гумилёву..., теорию пассионарности считаю несколько вульгарной (слишком уж всё просто, идея Бога рядом с ней не очень уютно). И Вы сами преодолеваете Гумилёва ...» [Там же]. Здесь я соглашусь с В.И. Беловым. Теория пассионарности, не может служить своего рода «скелетом» для всех многообразных и зачастую противоречивых событий, явлений и процессов мировой истории. Балашов считал Льва Николаевича Гумилёва своим учителем, тянулся к нему, всем сердцем и всей душой воспринял его воззрения, искренне пытался им следовать. Но, как правильно подмечает Белов, талант Балашова «преодолевает» заданности гумилёвских параметров. Вероятно, и постепенное воцерковление Дмитрия Михайловича незаметно меняло его мировоззренческие координаты.

«Одним словом – прекрасная книга» – завершает рассмотрение «Ветра времени» Белов, но, как знаток северного крестьянского быта, не упускает возможность ненавязчиво подсказать, какие детали можно будет уточнить при переиздании романа: «Будете переиздавать, вспомните, что хлевы не чистили, а меняли подстилку...печи не клали, а сбивали из глины, творог и щи ставили в метеную печь после хлебов...Мелочи, но не мешает исправить» [1; Л. 6 об.-7].

Один из ведущих советских литературных критиков Ф.Ф. Кузнецов признавал у Белова стремление «воссоздать в подробностях широкое и спокойное течение крестьянской жизни...» [8; 23]. Но на этой же странице критик укоряет писателя в идеализации народного быта, «в подчёркнутом любовании патриархальным колори-

том русской деревни, в затушёвывании её теневых сторон» [Там же]. Писали литературоведы и похлеще, например, что Белов, мол, подменяет историю этнографией⁶. А Василий Иванович пытался, как мог, защитить вымирающую вологодскую глубинку, на которую год за годом обрушивались несчастье за несчастьем, беда за бедой: «Две войны – финская и Великая Отечественная – унесли из района (Харовского, родного для писателя. – И.К.) тысячи мужского...населения....Чуть ли не каждая семья принесла свою жертву... С 1950 года...исчезло с лица земли около ста деревень...С теми, кто считает подобный процесс прогрессивным, необходимо спорить и спорить» [3; 109]. Тогда Белов не мог ещё в полный голос сказать правду о разрушительной для судеб деревни коллективизации, но трилогию о рубежном и трагическом для русского крестьянства «годе великого перелома» писал долгие годы...В письме Балашову упоминает и об этом: «Написал одну треть книги «Год перелома». Отдал Залыгину⁷. Обещал опубликовать». [1; Л. 6 об.-7].

«А суета заедает, не даёт потрудиться вдоволь. Сплошь всем нужен...вот я сочинил записку в п/б (Политбюро. – И.К.),с предложением отдать земли с лесом с правом наследования. Но разве пойдут на это?.. Весной я встречался с М.С. Горбачёвым и просил вернуть Успенский Собор в Москве Православной церкви. И Софию Новгородскую тоже. Увы! У нас в Вологде разрешили было звонить на Софии по воскресеньям. Сегодня воскресенье – колокола молчат» [1; Л. 7 об.-8]⁸.

Казалось бы, писатель и коммунист Белов (в 1989 – народный депутат, с 1990 г. – член ЦК КПСС) – известный в стране человек, общественный деятель... Но и он никак не может повлиять на решения «верхов». Выслушать его соизволяют, но – не более того: «сообщаю, что я устал тягаться с невидимой обезличенной силой» [Там же].

⁶ Могли бы подобное написать и о Балашове. А может, и писали...

⁷ Сергей Павлович Залыгин, тогда – главный редактор журнала «Новый мир».

⁸ Удивительно, но именно в 1988 году ЦК КПСС дал поручение соответствующим органам подготовить ни много ни мало – «Долговременную Программу научно-атеистического воспитания населения СССР». Об этом свидетельствует историк РПЦ прот. В. Цыпин. А за возвращение верующим новгородского Софийского собора боролся и Балашов, входивший в инициативную группу и «двадцатку». Как видим, заботы и хлопоты писателей схожи.

В письме от 29.03.1985 г. Белов вспоминает о некоторых перипетиях борьбы против поворота северных рек на юг: «Я писал Брежневу, Тихонову, Марчуку⁹, снова подписывал письма, снова посылал, и моя подпись уже девальвировалась...Толк, правда, был, но победы нет. Нет победы и у Минводхоза, который является главным исполнителем гнусных идей» [1; Л. 2].

Проект переброски части вод северных рек на юг зародился еще в конце 70-х гг. прошлого века. Аргументы сторонников проекта были просты – мелеет Каспий, гибнет рыба, южные области России страдают от засухи. Проект затрагивал не только реки Сибири, но и водные артерии Вологодчины. Предполагалось, в частности, перекачать на юг 70 куб. км воды из озер Лаче, Воже, Кубенского и изменить русло р. Сухоны. При этом должны были подвергнуться затоплению многие населённые пункты и лесные массивы. Это грозило, в перспективе, изменением климата в регионе и нехваткой пресной воды, не говоря уже о безвозвратной потере многих памятников истории и культуры¹⁰. Одним из первых против надвигающегося безумия возвысил голос В. Белов. Он написал в «Правду» протест против поворота рек, но его не печатали. Тогда летом 1982 г. этот материал опубликовала парижская русскоязычная газета «Русская мысль» [4]. Белова обвинили в диссидентстве аккурат накануне 50-летнего юбилея [5; 11].

К борьбе против поворота рек постепенно подключились многие писатели и учёные-гуманитарии – Д.С. Лихачёв, Б.А. Рыбаков, В.Л. Янин. Общественность потребовала провести независимую экспертизу проекта. По линии Всесоюзного Общества Охраны Памятников Истории и культуры (ВООПИК) заинтересованным лицам стала доступна копия технико-экономического обоснования переброски рек.

В 1985–1986 гг. активисты провели ряд историко-культурных мероприятий в разных городах, на которых обсуждались опасности поворота. Так формировалось и мобилизовалось общественное мнение. Многие люди после таких встреч по собственной инициативе писали протесты во властные структуры.

⁹ Марчук Гурий Иванович, доктор физико-математических наук, академик, в то время (1980–1986) – заместитель Председателя Совмина СССР, Председатель Госкомитета СССР по науке и технике, с 1986 г. – Президент Академии наук СССР.

¹⁰ Характерна реакция первого секретаря Вологодского обкома КПСС А.С. Дрыгина. В ответ на опасения вологодских специалистов он вельможно бросил: «Вам что, воды жалко?» [5; 11].

Борьба шла тяжело, ибо задевались интересы многочисленных ведомств и организаций. Многим активистам угрожали, запугивали. Лишь с 1985 года появились дискуссионные статьи в советской печати. В декабре 1985 года съезд Союза писателей РСФСР включил в резолюцию требование о большем внимании властей к проблемам экологии. В январе 1986 года газета «Советская Россия» опубликовала письмо против поворота, подписанное В.П. Астафьевым, В.И. Беловым, С.П. Залыгиным, Л.М. Леоновым, Д.С. Лихачёвым, В.Г. Распутиным.

16 августа 1986 года, наконец, вышло совместное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О прекращении работ по переброске части стока сибирских и северных рек». Так многолетняя борьба, одним из инициаторов которой был Белов, увенчалась долгожданной победой.

Белов никогда не забывал свою малую Родину, гордился вологодскими корнями. Иногда это доходило до смешного – так, в пьесе «Александр Невский» персонажи порой используют слова из вологодского диалекта («Санко» – зовёт побратима, т.е. Александра Невского монгол Сартак, «санапалами», т.е. озорниками, неслухами, называет нянька малых княжичей). И, конечно, Василий Иванович от души порадовался, что Балашову с соратниками удалось издать книгу «Русская свадьба» на материалах Тарногского района Вологодской области. Балашов очень гордился тем, что, кроме описания обряда, песен и причётов, в книге удалось поместить рисунки, ноты и, самое главное, к ней приложены пластинки с аудиозаписями¹¹. В письме от 23.09.1985 года Белов поздравляет Балашова с выходом «Русской свадьбы» и просит: «Нельзя ли сделать так, чтобы и у композитора Гаврилина (Ленинград) эта книга была? Мелодии тоже надо спасать...» [1; Л. 3]. Напомню, что В.И. Белов высоко ценил творчество Валерия Гаврилина (1939–1999), по рождению вологжанина. Позже Белов напишет о младшем товарище документальную повесть – «Голос, рождённый под Вологдой».

Большую часть тиража «Русской свадьбы» завезли в сельские магазины Вологодчины и в областную столицу. Видимо, Дмитрий Михайлович беспокоился, как раскупают книгу в провинции. Василий Иванович успокаивает его: «„Свадьба“ в Вологде продаётся... Да Вы не тревожьтесь: она постепенно вся будет раскуплена» [1; Л. 5 об.-6].

¹¹ О подготовке и проведении экспедиции см. Юрий Марченко. С чего начиналась «Русская свадьба» – в кн. Коняев Н.М. Дмитрий Балашов. На плахе. М.: Алгоритм, 2008. С. 257-269.

...Прошло более 30 лет. И адресата, и отправителя этих писем давно нет в живых. Что заставляет нас, жителей иного времени и даже иного государства, вновь и вновь вглядываться в мелкий бисерный почерк Василия Ивановича, внимать свидетельствам очевидца, написанным по свежим следам событий? Говоря словами Белова, «возвращаться к первоначальным истинам»? У каждого исследователя – свой ответ...

Письма живут и вызывают к жизни наши сегодняшние размышления о прошлом, настоящем и будущем России, которую беззаветно любили Василий Иванович Белов и Дмитрий Михайлович Балашов.

Литература

1. Письма В.И. Белова, писателя – Государственный архив новейшей истории Новгородской области (ГАНИНО). Ф. 8107. Оп. 1. Д. 1149.
2. Белов В.И. Молюсь за Россию. Беседа с В. Бондаренко // Наш современник. 2002. № 10. Цит. по: Белов В.И. Когда воскреснет Россия? М.: Алгоритм, 2013.
3. Белов В.И. Раздумья на Родине: очерки и статьи. 2-е изд., доп. М.: Современник, 1989.
4. Белов В. Спасут ли Каспий Воже и Лаче? // Русская мысль. 1982. 15 июля.
5. Грибанов В.А. Авантюра XX века, или О том, как оз. Кубенское и р. Сухону хотели навсегда повернуть вспять (беседа с бывшим председателем Вологодского Облсполкома) – беседу вел Г. Сазонов // Наш регион – Вологда. 2001. № 19 (12 дек). С. 11.
6. Гумилёв Л.Н. От Руси к России: Очерки этнической истории. СПб.: Юна, 1992.
7. Данилевский И.Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.): курс лекций. М.: Аспект Пресс, 2001.
8. Кузнецов Ф.Ф. Самая кровная связь. Судьба деревни в соврем. прозе. Книга для учителя. М.: Просвещение, 1977.
9. Ларионов В.Е. Александр Невский и Даниил Галицкий. Рождение Третьего Рима. М.: Вече, 2015.
10. Юрий Марченко. С чего начиналась «Русская свадьба»? // Коняев Н.М. Дмитрий Балашов. На плахе. М.: Алгоритм, 2008.
11. Пашуто В.Т. Героическая борьба русского народа за независимость (XIII век). М., 1956.
12. Серегина Н.С. Неизвестный Балашов // Север. 2003. № 11-12. С. 72-84.

ПОДДЕРЖИВАЯ ДРУГ ДРУГА СЛОВОМ И ДЕЛОМ

Аннотация. В статье рассматривается история взаимоотношений двух классиков русской советской литературы Д.М. Балашова и В.И. Белова. В поле зрения докладчика попадают значимые события в культурной и политической жизни страны, встречи с известными писателями.

Ключевые слова: современная русская литература, классики, Балашовские чтения.

В жизни не каждого человека случаются моменты встреч с великими людьми, как бы это пафосно ни прозвучало. Я благодарна Господу, что он подарил мне в одном случае дружбу с Дмитрием Михайловичем Балашовым, в другом – встречу с Василием Ивановичем Беловым.

Москва. X съезд писателей. Виталий Семенович Маслов, секретарь Мурманского отделения СПР подводит меня представить Василию Белову, который разговаривает в этот момент с Дмитрием Балашовым. И Белов и Балашов небольшого росточка, седые, с окладистыми белыми бородками, крепкие, коренные, и Маслов тоже с бородой, но в его облике больше патриархальности, неторопливости... Я чувствую неловкость за похвалы меня Масловым перед этими великими столпами классической литературы XX века. С Дмитрием Михайловичем обнимаюсь, как с давно знакомым, Василию Ивановичу протягиваю руку. Все заседание нет-нет да посматриваю на Василия Ивановича, думая, что вот бы остаться с ним наедине, спросить о чем-то, услышать что-то важное, чтоб на всю жизнь...

После обеда выхожу из столовой и вижу Белова одного. Вот он, шанс подойти, спросить о чем-нибудь, но то ли от напряжения, то ли от волнения, из памяти вышибает имя писателя. Не привыкшая отступать, не замечаю, как почти выкрикиваю: «Белов!» Он недоуменно обернулся и растерянно спросил: «Что-то случилось?». Я ему: «Можно вас обнять?». Василий Иванович, еще не придя в себя от моего окрика, оглянувшись по сторонам, точно ища поддержки и не находя ее, обреченно произносит: «Если только осторожно,

то можно». И я, как ни в чем ни бывало, точно давно уже зная его, подошла и сердечно обняла, затем посмотрела прямо в глаза и с благодарностью произнесла: «Спасибо, что позволили за живого классика подержаться». И только тут он весело рассмеялся... Вот такое было мое единственное объятие с великим классиком русской земли.

В Новгород я ездила на все Балашовские чтения и на одних услышала рассказ вдовы Дмитрия Михайловича Ольги Николаевны о том, как в 1999 году Балашов, получив письмо от Солженицына, предлагавшего встретиться у него и поговорить, дал согласие только в связи с тем, что там будут «Вася Белов, Валентин Курбатов и Володя Личутин»...

Ольга смеётся: «Ты не поверишь, мне об этой встрече рассказывал сначала сам Балашов, затем Валентин Курбатов и, наконец, Владимир Личутин. Каждый со своим оттенком происходящего. Встреча назначена на апрель. Версия возмущенного Балашова. Это была не встреча и не разговор писателей по душам, а американская тусовка с множеством непонятных людей, на которой все общались друг с другом, перекидываясь парой ничего не значащих фраз. Солженицын вручал премию вдове какого-то еврейского поэта. К Балашову подошла жена Солженицына и сказала, что их сыновья в Америке изучали историю средневековой Руси по романам Дмитрия Михайловича. Что-то мимоходом сказал и сам Солженицын. Балашов на этом «собрании» чувствовал себя дураком, чертыхаясь про себя: «А Вася-то Белов к Ельцину поехал!» Тут кто-то пришёл из Югославского посольства и сказал, что «там все наши собрались, и там весело», и сразу многие из писателей, в том числе и Балашов, пошли туда.

Версия от Валентина Курбатова. Вручение премии у Солженицына шло своим чередом. Пришедшие общались. Но всё было как-то вяло. Личутин нашёл тихий укромный уголок и сидел скромно, попивая водочку. Многие неприкаянно передвигались по залу, не зная, куда себя деть. Тут кто-то буквально вбежал в зал и крикнул: «А в югославском посольстве все наши! Там интересно!». И большая часть присутствующих ушла к югославам.

И, наконец, версия от Личутина: «Было очень скучно, я так и не понял, зачем пришёл. Купился на письмо Солженицына о разговоре по душам, а не только по душам, вообще никакого разговора не было. Нашёл тихое местечко, сидел и наблюдал за всеми».

Ну а если рассматривать отношения Белова и Солженицына, то здесь можно привести слова вдовы Василия Ивановича Ольги Сергеевны Беловой в интервью директору квартиры-музея Белова Эльвире Трикоз: «Очень сложные у них были отношения, но хорошие... Белов ценил Солженицына как прекрасного идеолога и публициста, но считал его слабым художником. Солженицын в творчестве Белова – правдивое изображение деревенской жизни»...

Что же касается Белова и Балашова, то 16.01.1985 Дмитрий Михайлович получил от Василия Ивановича записку: *«Дмитрий Михайлович, поздравляю с книгой о Симеоне Гордом, с удачей, коя особенно заметна на таких страницах, как 76-79. (Имею в виду и цензурные розетки). Поклон всему Вашему семейству! Белов»* [1: 3].

Позволю себе привести здесь в сокращении небольшой кусок из романа Балашова о возвращении на родину Симеона Гордова уже в качестве князя из тех самых страниц, которые писатель отметил: *«... колокола все били и били, и толпа поминутно заливала путь: охально лезли под самые копыта узреть, потрогать, заглянуть в очи – словно родился наново, словно не зрели никогда! «Домой хочу! Неужто не понимают?!» Но опять хлеб-соль, теперь встречают купцы московские. Опять надобно слезать, улыбаться, брать и передавать круглый каравай на серебряном блюде, покрытом тканым рушником...*

Вон там, за этим углом! Он уже почти готов зарыдать от нетерпения, усталости, жуткого ожидания чего-то непонятного себе самому... И все-таки он переживает себя и сперва идет в собор Михаила Архангела, к могиле родительской...

И вот наконец двоевсходное крыльцо княжеских теремов. И в пестрой толпе жонок, слуг, дворовых бояринов и боярынь, – в распашном синем саяне, Настасья, жена. И рядом сенная боярыня держит на руках дочь. Хотя так! Уставно, прилюдно... Глаза у Настасьи тревожные, радостно-испуганные. (Да, жена, ликуй, я теперь – великий владимирский князь!) Он тяжело восходит по ступеням. Коротко, взяв за плечи, притягивает к себе, целует, словно чужую (отвык!). Целует в черед дочь; приветствует всех, столпившихся на сенях; и, уже чуя головное кружение, вступает, наконец, в особый, свой покой, глядит на Настасью, на слуг – растерянно. Она, поняв, разом выпроваживает всех, даже и тех, что с платьем и рушником, сама, усадив на лавку, склонясь, стаскивает с него дорожные сапоги, сдерживает опрелые портянки и, не поднявшись с пола, валится головою ему в колени, обнимая полными руками, шепчет: «Ладо! Истомилась я за

тобой!» И, не давая Семену ни двинуть рукою, ни сказать чего, торопливо проговаривает: «Баня готова, господине, идешь?»

Он медлит. Оттаивает. Кажется, у него есть и дом, и семья, и не стоило загодя, по-глупому, гневать на Настасью. Не князь ей нужен, вернее, не только князь, а он, он сам, такой, каков есть. Отвечает глухо: «Иду!» [2: 4].

Вспомним слова Белова о книге «Лад» в интервью Владимиру Бондаренко: «Да, в этой книге я целые главки посвятил эстетике. Любой быт весь целиком состоит из эстетических элементов. Быт семьи — это тоже эстетика. Я сейчас тебе на примере покажу, как разрушается семья. Исчезла семейная поэзия. Когда исчезает семейная поэзия? Когда исчезает лад в семье, терпимость, жалость, ласка, доброта и любовь. Без лада в семье, без семейной поэзии начинаются в доме и драки, и ссоры, и даже убийства. Красота должна быть во всех семейных отношениях, между всеми членами семьи, даже между зятем и тещей» [3: 5].

Думается, эту семейную поэзию он хорошо почувствовал в романе Балашова «Семион Гордый», отсюда и восхищение книгой.

30 октября 1988 года Василий Иванович шлет Балашову по выходу романа «Ветер времени» уже не просто записку, а целое письмо: «Дорогой Дмитрий Михайлович, поздравляю с выходом книги. Готов поклониться вам в пояс за нее, выполните ж свой долг до конца, доведите героев до Куликовского поля! Как же богата наша история! Как трагична! Во многих местах я волновался как в Детстве, в 2-3 местах хотелось плакать... Я по-прежнему не очень доверяю Гумилеву (как и Лихачеву), теорию пассионарности считаю несколько вульгарной (слишком уж все просто, идея Бога с ней не очень уютно). И Вы сами преодолеваете Гумилева Сергием и Алексием.

Одним словом – прекрасная книга. (Будете переиздавать, вспомните, что хлевы не чистили, а кидали подстилку, т. к. навоз копили; печи не клали, а сбивали из глины; творог и щи ставили в метеную печь после хлебов, а щи утром ели вчерашние. Мелочи, но не мешает исправить).

Сообщаю, что я устал тягаться с невидимой обезличенной силой. Все наши печатные вопли (довольно откровенные) просто принимаются к сведению, а всех нас, тем временем, успешно добивают и, кажется, опять толкают к междоусобной войне. Как быть? Не знаю...

Написал 1/3 книги «Год перелома», отдал Залыгину. Обещает опубликовать.

А суета заедает, не дает потрудиться вдоволь... Сплошь всем нужен: родным, немощным и даже гл. п/бюро. Вот и я сочинил записку в п/б с предложением отдать земли с лесом с правом наследования. Но разве пойдут на это?

Жене Вашей и детям – кланяюсь... Белов» [4: 6].

Письмо вызвало интерес тем, что именно от Дмитрия Михайловича я узнала о теории пассионарности Льва Гумилева. Балашов говорил: «Историю всегда создавали только пассионарии, которые строили храмы, возводили города, побеждали в войнах, переплывали океаны... Пассионарность – это ничто иначе, как человеческая энергия. Если ее у человека нет, он ничего не сделает. Нет ее у народа – народ бессилён. Это очень хорошо понимали христианские подвижники еще первых эпох христианства. Они говорили: «О, если бы он был холоден или горяч».

И вдруг из письма Белова я чувствую его неприятие теории Гумилева. Это расхождение, думается мне, идет от православной глубинности души Василия Ивановича, о чем говорят и его произведения, и, как вспоминает Владимир Крупин, «...он стал настоящим церковным человеком. Сколько мы ни ездили по всему миру, хоть по Италии, хоть в Японии, хоть на Ближнем Востоке, он всегда искал там храмы. Причащался. Причастился и незадолго до своей кончины».

У Балашова отношение к вере, Богу было противоречивое. Отстаивавшего религиозность народа писателя, после чтения романов которого многие пришли к православной вере, по словам его старшего сына Василия, долгое время нельзя было назвать настоящим христианином... Он декларировал, что русский человек должен быть православным, но церковь и молитву оставлял старушкам. Эта борьба ума и сердца прослеживается во всем его творчестве. И все же процесс духовного созревания от романа к роману в нем шел... В конце своей жизни, радуется Василий Балашов, отец успел объехать всех своих внуков, дописать последний роман, доделать дом в Козыневе, и, самое главное, «...буквально за неделю до трагической кончины отец успел исповедаться и причаститься», а значит, сегодня мы с полным правом можем сказать, что умер он человеком поистине православным...

Их объединяет многое. В том же письме нашлась еще и приписка от Василия Ивановича: *«Привет Новгороду и Б. Романову. Весной я встретился с М.С. Горбачевым и просил вернуть Успенский собор*

в Москве православной церкви. И Софию Новгородскую тоже. Увы! У нас в Вологде разрешено было звонить на Софии по воскресеньям. Сегодня воскресенье – колокола молчат» [5: 7].

Во время же хрущевского наступления на Церковь, когда число многих действующих храмов и монастырей сократилось более чем в четыре раза, Дмитрий Балашов практически в одиночку начинает битву за спасение памятников деревянного зодчества в Карелии и на всем пространстве Русского Севера. И благодаря этой деятельности Балашова было спасено более ста уже запланированных к уничтожению храмов.

Подводя итог своего выступления, я вновь обращаюсь к словам Василия Белова из интервью Владимира Бондаренко, который, выводя круг близких Белову по жизни и творчеству людей: Рубцова и Гаврилина, Шукшина и Яшина, Распутина и Романова, спрашивал, кого нужно добавить еще? И Василий Иванович перечислял: *«Виктора Лихоносова, Володю Личутина, хоть я его и критикую частенько, конечно же, Дмитрия Балашова... Мне жалко очень его, так погиб нелепо, такой замечательный и близкий мне писатель был. У нас с ним полностью согласие во всем было при всех наших встречах. Мы же не раз вместе путешествовали и, естественно, обсуждали все, что происходит в России, историю России, национальный вопрос, события в Югославии, отношения между славянскими народами. И, конечно же, проблемы литературы, вышедшие книги, творчество разных писателей. И ни в чем не было разногласий. Помню, оказались как-то на ночлеге, катались по Волхову, а в таких поездках люди сближаются совсем или расходятся. Это тот самый пуд соли, который надо съесть вместе. Мы сблизились с Балашовым очень тесно. Для меня была такая трагедия, когда его убили. И как-то все замолчали о нем. Представьте, что убили бы Окуджаву или еще кого из наших либералов. Какой бы шум стоял и по телевидению, и в прессе. А тут убит крупнейший исторический писатель России, и все отмолчались...» [6: 8]*

Так по жизни и шли эти два великих писателя современной русской литературы: Василий Иванович Белов и Дмитрий Михайлович Балашов, поддерживая друг друга словом и делом, их книги во многом были родственны реалистической манерой письма и душевной болью, как заметил Вадим Грачев, читая книгу Василия Белова «Лад» и биографию Дмитрия Михайловича Балашова, написанную Николаем Коняевым.

Литература

1. Опись документов Д.М. Балашова ГАНИНО. Номер дела 1149 от 16.01.85, 30.10.88.
2. Молюсь за Россию! (Беседа В. Бондаренко с В. Беловым) // Наш современник. 2002. № 10.
3. Балашов Д. Симеон Гордый. М.: Издательство АСТРЕЛЬ «Транзиткнига», 2006. С. 78-83.
4. Опись документов Д.М. Балашова ГАНИНО. Номер дела 1149 от 16.01.85, 30.10.88.
5. Опись документов Д.М. Балашова ГАНИНО. Номер дела 1149 от 16.01.85, 30.10.88.
6. Молюсь за Россию! (Беседа В. Бондаренко с В. Беловым) // Наш современник. 2002. № 10.

ТЕМА НАЦИОНАЛЬНОГО ВЫБОРА В ПЬЕСЕ В.И. БЕЛОВА «КНЯЗЬ АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ»

Аннотация. Статья посвящена пьесе В.И. Белова «Князь Александр Невский», впервые опубликованной в 1988 г. Середина XIII века, когда решалась судьба Руси, напоминала писателю переломное время «перестройки». В эти годы В.И. Белов активно участвовал в общественных дискуссиях об историческом пути России. В его пьесе также рассматривается тема национального выбора. Александр Невский и его современники-русичи по-разному видят исторический путь страны. Писатель отмечает главный итог жизни и правления князя: благодаря сделанному им национальному выбору, Русь сохранила своё существование и самобытность.

Ключевые слова: В.И. Белов, Александр Невский, Даниил Галицкий, Д.М. Балашов, национальный выбор, перестройка.

Пьеса «Князь Александр Невский» – не самое заметное произведение Василия Ивановича Белова. Даже почитатели святого благоверного князя Александра Невского и любители произведений о русском Средневековье зачастую не знают о ней. Литературоведы также обращаются к этой пьесе реже, чем к другим произведениям В.И. Белова. Особо нуждаются в исследовании история создания пьесы, её литературная и сценическая судьба, реакция современников, да и сам текст – концепция произведения, язык, образы исторических персонажей и т. д. Между тем, пьесу нельзя назвать забытой: наоборот – по прошествии времени, особенно в последние годы, читательский и общественный интерес к ней заметно возрастает.

Пьеса «Князь Александр Невский» была написана в 1980-е гг. и впервые опубликована в журнале «Современная драматургия» в 1988 году [1:112–152]. Она состоит из 3-х действий и 10 сцен и охватывает период от начала 1240-х до 1252 года, когда Александр Ярославич стал великим князем Владимирским. Для корифея «деревенской прозы» обращение к эпохе русского Средневековья выглядело необычно. Сам В.И. Белов так объяснял свой интерес: «Подчеркну особо: пьесой я хотел привлечь внимание нынешней молодежи не только к фигуре Александра Невского, но прежде всего – к истории Отечества» [5].

Однако причины состояли не только в этом. Эпоха правления Александра Ярославича напоминала писателю его собственное переломное время. Как в середине XIII века, так и в конце 1980-х гг., под вопросом оказалось само существование страны. Позже В.И. Белов отмечал, что эпоха, «в которую жил и действовал великий князь, положение, в котором тогда находилась Русь, в чём-то схожие с нашим временем» [5]. Вместе с тем, Белов избегал грубых конъюнктурных аналогий с современностью. Поэтому «Князь Александр Невский» не стал общественной сенсацией наподобие пьесы драматурга М.Ф. Шатрова «Дальше... дальше... дальше!», но зато, в отличие от последней, не оказался быстро забытой «однодневкой».

Процесс общественного осмысления российской истории имел в СССР свои особенности. Так, внимание к советскому периоду резко усилилось с началом «перестройки», причём эту тему фактически монополизировали писатели и публицисты-«шестидесятники». Они первыми получили доступ к засекреченным архивам и приступили к публикации материалов на ранее запретные темы. В результате в обществе возобладал «шестидесятнический» взгляд на советскую историю, правда, лишь на короткое время. Как отмечал историк С.В. Яров, в 1987–1988 гг. демократические публицисты не сумели (да, вероятно, и не хотели) «провести кардинальную переоценку прежней “шестидесятнической” концепции “плохого Сталина” и “хорошего Ленина”» [6: 339]. Всё это, вместе с быстрым изменением конъюнктуры, предопределило крах идеологии «шестидесятничества».

Что же касается общественного осмысления дореволюционной истории, то здесь выявились иные парадигмы. Условной «точкой отсчёта» можно назвать 1980 год – дату 600-летия Куликовской битвы. Хотя в СССР этот исторический юбилей отмечался официально, как событие всероссийского (правда, не всесоюзного) масштаба, всплеск общественного интереса к русской истории и её важнейшим событиям проявился стихийно и даже вызвал противодействие «сверху». Например, когда в 1982 году киностудия «Мосфильм» приступила к созданию картины «Дмитрий Донской», работа была прекращена по личному распоряжению Ю.В. Андропова [3].

В 1980-е гг. творческое осмысление генезиса русского народа, его исторического пути стало важной частью общественно-культурной жизни. Насколько это было возможно в советских условиях, учёные, писатели, кинематографисты, художники выражали свой взгляд на русскую историю, нередко отличавшийся от официальных концепций. Среди «простых» людей огромной популярностью поль-

зовались книги о русском Средневековье: например, произведения писателя Д.М. Балашова «Господин Великий Новгород», «Марфа-посадница» и другие.

В это же время появился целый ряд фильмов на темы русской истории: «Русь изначальная» режиссёра Г. Васильева (к/ст. им. М. Горького, 1985), «И на камнях растут деревья» С. Ростоцкого и К. Андерсена (СССР – Норвегия, 1985), «Борис Годунов» С. Бондарчука (СССР – Чехословакия – Польша, 1986), «Даниил – князь Галицкий» Я. Лупия (Одесская к/ст., 1987), «Лермонтов» Н. Бурляева («Мосфильм», 1986) и другие. В фильме «Господин Великий Новгород» А. Салтыкова («Мосфильм», 1985), где, кстати, снялся писатель Д.М. Балашов, проводится историческая параллель между подвигом средневековых русичей и борьбой новгородцев с немецко-фашистскими захватчиками в 1941 году [4:362–364]. Большинство этих картин прошли испытание временем и до сих пор привлекают внимание зрителей.

В годы «перестройки» процесс общественного осмысления русской истории активизировался. В.И. Белов принимал самое деятельное участие в жарких дискуссиях о «делах давно минувших дней», а также о настоящем и будущем России. Тема национального выбора рассматривается им и в «Князе Александре Невском». Судя по его письму Д.М. Балашову, с вопросами и рассуждениями об эпохе Александра, писатель активно работал над пьесой уже в 1986 году [2]. Оба прозаика были хорошо знакомы между собой, неоднократно встречались и переписывались. Кроме того, Д.М. Балашов тоже обращался к истории XIII века – в романе «Младший сын» о сыновьях Александра Невского.

В 1990 году пьеса «Князь Александр Невский» была поставлена в одном из лучших театров того времени – Ленинградском академическом театре драмы имени А.С. Пушкина [5]. Не исключено, что В.И. Белов видел в пьесе и будущий сценарий для исторического фильма, хотя, к сожалению, он не появился до сих пор. Нельзя сказать, что в дальнейшем пьеса имела лёгкую литературную и сценическую судьбу. Это можно объяснить, во первых, сложностью пьесы для театральной постановки: здесь и обилие персонажей, и динамичность действия, предполагающая частую смену декораций (впрочем, если бы по пьесе Белова был снят фильм, то перечисленные сложности только украсили бы картину). В каждой сцене чувствуется огромная увлечённость писателя личностью Александра Невского и его эпохой. Во вторых, непрост язык произведения. Будучи блестящим знатоком северного, вологодского говора,

В.И. Белов использовал его элементы для построения речи средневековых персонажей. Например, полна колоритного юмора перебранка дружинника Пятуни с княжеским ловчим Докучаем: «Хо! Купеч-то готской, а ты дурак новгородской!» [1:114]. В напряжённых диалогах персонажи часто упоминают исторические события, имена, географические названия, что требует от зрителей (а также от постановщиков и актёров) сосредоточенности и некоторых исторических знаний. В третьих, ни по стилю, ни содержанию пьеса не является развлекательной, что не соответствует современным «рыночным» понятиям об историческом жанре.

Наконец, непривычным оказался сам образ князя Александра. Писатель Юрий Лощиц, автор предисловия к пьесе, отмечал: «Может быть, нам по привычке хотелось бы увидеть Александра Невского в ореоле боевых побед, в окружении беззаветно преданных дружинников – новгородцев, псковичей. Но мы видим иные совсем картины...» [1:112]. Действительно, знаменитые победы Александра лишь упомянуты, а сам он выглядит отнюдь не самоуверенным героем, которому всё заранее ясно. Скорее, в его характере преобладают терпение и осторожность: князь понимает, что любая его ошибка роковым образом отразится на судьбе всего народа. В борьбе за сохранение и единство Руси ему приходится противостоять не только иноземцам, но и соотечественникам, включая родных братьев.

Правление князя Александра совпало с геополитической катастрофой, изменившей карту и историческую судьбу Восточной Европы. В пьесе В.И. Белов так характеризует это время: «Русские княжества, разорённые татаро-монгольским нашествием, только только начали подниматься из пепла, а католическая Европа, заслонённая Русью от первых монгольских ударов, объявляет крестовый поход на новгородские и дружественные Новгороду финские земли» [1:113]. Нет единства и среди русичей – ни у князей, ни у простоллюдинов. Уже в 1-й сцене происходит спор между «новгородскими» и «суздальскими» [1:113], а Федосья, мать Александра, вспоминает Липицкую междоусобную битву 1216 года. На вопрос князя, кто был зачинщиком, она отвечает: «Дьявол был зачинщиком; тому что Калка, что Липица» [1:114].

В «классическом» фильме С. Эйзенштейна «Александр Невский» («Мосфильм», 1938), князь Александр рассуждает: «С монголом подождать можно. Опаснее татарина враг есть. Ближе, злее. От него данью не откупишься. Немец. А его разбивши, и за татар можно взяться». У Белова Александр не имеет времени «подождать» с тем или иным противником. Кажется, что его захлёстывают проблемы:

с запада – нападения шведов, крестоносцев, на востоке – Золотая Орда, внутри страны – распри между князьями... Русь находится на историческом переломе, и практически все русские персонажи чувствуют неотложность национального выбора.

Сам Александр считает надеждой Руси Даниила – князя Галицко-Волынской земли. В.И. Белов высоко ценил эту историческую личность. Например, в письме Д.М. Балашову от 9.05.1986 он отмечал: «Александр – великий и святой. [...] Даниил Галицкий – тоже величайший русский заступник» [2]. Князь Даниил отсутствует в пьесе, как персонаж, но многократно упоминается в диалогах. Именно к Даниилу Александр тайно отправляет своего посланника Ждана, чтобы сообщить о готовности выступить вместе против ордынцев [1:133]. Правда, ответная грамота доходит до него лишь после победы галичан над войском Куремсы.

Отстаивая национальные интересы, Александр ведёт сложную дипломатическую игру с ордынцами. Открыт он и для переговоров с европейцами, однако не находит отклика с их стороны. В разговоре с пленным фогтом (немецким наместником-судьей в Пскове) он восклицает: «Кочевники жгут и ваши немецкие дома! Они терзают и вашу и нашу землю, а вы идёте на нас крестовым походом. С мечами и виселицами! Где же разум и добрая воля у папы римского?» [1:128].

Едва ли не каждый видный соотечественник Александра предлагает свой путь для Руси – от немедленного восстания против ордынцев до полной «национальной смерти». При этом противники и оппоненты князя выписаны не карикатурно. У них своя логика, порой схожая с доводами современников Белова. Так, посадник Пскова Твердило отвечает на обвинение в отступничестве: «Куда было податься бедному Пскову? Батюшка твой не жалел отчину святой Ольги! [...] А что сделал батюшка твой с Борисовой чадью? [сторонниками новгородского посадника Бориса Негочича, боровшегося с отцом Невского Ярославом – Т.Н.] И в погребах-то душил, и голодом-то морил, и на крючьях вешал! Побежишь тут, в любую сторону. И то сказать: чем пить кобылью бурду да перед ханом мусор мести бородой, лучше поклониться латинскому пискупу!» [1:127]. Здесь Твердило находит себе сразу два оправдания: с одной стороны, он обижен на князя Ярослава, с другой – не надеется, что у Руси вообще есть национальное будущее. По его мнению, если подчинение иноземцам всё равно неизбежно, то пусть лучше это будет католическая Европа, чем Золотая Орда.

Выбор Руси совершается не только в политической сфере. Во время болезни Александра митрополит Кирилл молится за него.

Явившегося в княжеские покои волхва изгоняют, но княгиня Александра берёт принесённые им целебные травы. Не разделяя веры волхва, княжеская чета уважает его полезные знания. Когда же, встав с постели, Александр принимает папских послов из Лиона, то даёт однозначный ответ: «Учение ваше не принимаем!» [1:145]. В этой сцене символически показана религиозная позиция Александра, повлиявшая на выбор всей Руси: исповедуя православие, он относительно терпим к русскому язычеству, но твёрдо отвергает католицизм.

В уже упомянутом письме Д.М. Балашову В.И. Белов рассуждал об историческом пути России: «... почему обязательно дело надо представлять так, что либо Запад, либо Восток? Да ни Запад, ни Восток, Русь была сама по себе» [2]. Эту мысль писатель выразил и в своей пьесе. В финале Александр глубоко недоволен собой, сожалеет, что «не подсобил ни братьям, ни князю Даниле» [1:152]. Но словно в ответ его мыслям звучат слова митрополита, который вместе с духовенством и народом славит князя: Александр – защитник веры отцовской, победитель иноземных врагов, «примиряющий братьев и собиратель народа» (1:152). Благодаря сделанному им национальному выбору, Русь жива, её самобытная история продолжается – и в этом главный итог жизни и правления Александра Невского.

Литература

1. Белов В.И. Князь Александр Невский // Современная драматургия. 1988. № 1. С. 112-152.
2. Белов В.И. Письмо Д.М. Балашову от 09.05.1986 // Государственный архив новейшей истории Новгородской области (ГАНИНО). Ф. 8107. Оп. 1. Д. 1149. Л. 5.
3. Любомудров А. Моя земля погибнуть не может. Беседа с писателем Юрием Михайловичем Лощицем накануне его юбилея // Русское воскресение. Режим доступа: <http://www.voskres.ru/interview/liubomudrov.htm>. 29.07.2018.
4. Никольская Т. Дмитрий Балашов и российское кино // Вече. Вып. 12. Великий Новгород, 2017. С. 361-366.
5. Сазонов Г. «Пишу, что на душе и сердце...». К 80-летию писателя Василия Белова. 20.10.2012 // Русская народная линия. Режим доступа: http://ruskline.ru/analitika/2012/10/20/pishu_chno_na_dushe_i_serdce/ 09.08.2018.
6. Яров С.В. Новейшая история России. 1917–1991. Спб.: НеоТЭК-Стройсервис, 1998. 340 с.

**СПАСО-ПРИЛУЦКИЙ МОНАСТЫРЬ В ПОВЕСТИ
К. КОНИЧЕВА «В ГОДУ 30-М» И В РОМАНЕ В. БЕЛОВА
«ГОД ВЕЛИКОГО ПЕРЕЛОМА»**

Аннотация. В статье предлагается сравнительный анализ образа Спасо-Прилуцкого монастыря в повести К. Коничева «В году 30-м» и романе В. Белова «Год великого перелома» и выявляются основные его функции.

Ключевые слова: сюжетная функция, образ-символ, субъект видения.

Одна из наиболее значительных тем в отечественной литературе XX века – коренные изменения, произошедшие в стране в ходе коллективизации. Представленная с разных идейно-эстетических позиций, она становится определяющей в произведениях М. Шолохова («Поднятая целина»), Ф. Панферова («Бруски»), А. Платонова («Чевенгур» и «Котлован»), Б. Можая (Мужики и бабы), В. Быкова («Облава»).

В творчестве вологжан коллективизация и жизнь колхозной деревни является достаточно устойчивой. Ей посвящены стихотворения и поэмы С. Викулова («На покосах», «Доска почета», «По праву земляка», «Преодоление», «Письма из деревни»). Она объединяет ряд повестей К. Коничева («Тропы деревенские», «По следам молодости», «Деревенская повесть»). И Викулов, и Коничев убеждены в необходимости осуществляемых перемен. Иная точка зрения представлена в трилогии В. Белова «Час шестой», в которой голос обретают крестьяне, причисленные к «кулацкой верхушке», выселенные из родных домов, отправленные в лагеря и тюрьмы.

Остановимся на двух произведениях вологодских авторов, посвященных теме коллективизации. Между повестью К. Коничева «В году 30-м» и романом В. Белова «Год великого перелома» можно обнаружить ряд идейно-образных перекличек. Наиболее очевидная параллель – поэтика заглавий произведений, акцентированных с точки зрения временных категорий.

События происходят в одно время, общим пространством для них является Вологда, где разворачивается значительная часть сюжета. Прибытие в Вологду спецпереселенцев сопровождается мотивом

«неслыханных перемен», ломающих жизненный уклад крестьян. К. Коничев: «По всей стране шла массовая коллективизация <...>. Эшелон за эшелонам двигались на север поезда с Украины и Белоруссии <...>. И в этом движении поездов было что-то необычайное, неслыханное, невиданное и неожиданное» [2]. В. Белов: «Детский плач и женские причитания не стихали в вагоне. Последние наказания через стенку, <...> крики конвойных <...> сливались в сплошную разноголосую звуковую путаницу. <...> Все путалось в мире и вставало с ног на голову» [1: 58].

Одним из таких смысловых сдвигов оказывается размещение героев в вологодских церквях и монастырях, превращенных в тюрьмы. В повести Коничева этот факт не вызывает рефлексии, он оценивается только с точки зрения целесообразности: «К приему и расселению раскулаченных местные организации на севере не были готовы... В Вологде было много пустующих церквей. Вспомнили тогда и о забытых монастырях и подворьях. Они также пригодились как временные жилища для раскулаченных» [2]. Ключевое слово здесь – жилище, и при описании происходящего внутри монастырских стен акцент делается на бытовой организации жизни: «Прибывшие с Украины куркули с семьями разместились <...> в церквях и монастырских служебных домах. <...> сидели около костров, грелись, кипятили воду, что-то варили, что-то выпекали на сковородках и шумно балакали» [2].

В обоих произведениях монастырские эпизоды несут важную смысловую нагрузку. В вологодском топосе выделены два монастыря: Свято-Духов, в котором расположено местное отделение ГПУ, и Спасо-Прилуцкий, превращенный в тюрьму для высланных на север украинцев. В Свято-Духовом происходят диалоги между персонажами, олицетворяющими новую идеологию (Касперт у Коничева и Райберг у Белова), дистанцированными от происходящей крестьянской трагедии, с людьми, которые с этой трагедией сталкиваются непосредственно (Касперт отправляет молодого сотрудника в Прилуки, чтобы сопровождать «куркулей» под Тотьму, из Прилук доставлен на допрос к Райбергу поп Рыжко).

Позиция повествователя в описании монастырского пространства у обоих авторов адекватна внутреннему миру героев, являющихся субъектами видения. Под субъектом видения понимается тот персонаж, чей угол зрения определяет содержание описания. Заметим, что Коничев и Белов используют разные повествовательные структуры. В повести Коничева точка зрения повествователя

соотносится с позицией одного персонажа, являющегося проводником государственной идеологии в крестьянском вопросе. Читатель видит происходящее в Прилуцком монастыре глазами Ивана Судакова, двадцатипятилетнего сотрудника ГПУ. Его нельзя назвать человеком-функцией, как Касперта:

«– Сегодня же поведёте по одному из своих маршрутов семьсот кулаков вот сюда, в северную часть Тотемского уезда... <...>

– Понятно. Откуда людей будем брать?

– Не людей, а кулаков, – поправил начальник. – Из-за стен Прилуцкого монастыря» [2].

Судаков способен сочувствовать людям, которых сопровождает: «Куркули – куркулями, а отношение к ним чтоб человеческое» [2]. Эту особенность героя отмечает повествователь: «Подчас чувство жалости проникало и в его сознание» [2]. Сомнение относительно правильности происходящего, закрадывающееся в сердце Судакова, укрепит, когда придет письмо от отца, которого власти «жмут и жмут».

Однако он убежден в исторической необходимости происходящего. Именно этот персонаж формулирует идею повести: «великий перелом – правильный перелом» [2]. Впоследствии Судаков отправится «поднимать колхозы», в будущее которых верит безоговорочно.

В целом у Коничева соответственно традициям шолоховской «Поднятой целины» используется достаточно жесткая идеологическая схема: персонажи отчетливо разделены на «своих» и «чуждых». Выселение с родных земель «куркулей» с Украины и юга России и вологодских «кулаков» – необходимая мера в процессе коренного переустройства деревни.

Но с властью, по крайней мере, возможен диалог. В повести Коничева переселенцы выясняют имя ее представителя и вступают с Судаковым в разговор. Несмотря на «злобную покорность судьбе», они пытаются узнать, что их ждет в будущем, надеются на торжество социальной справедливости. Шалюпа озвучивает масштаб трагедии: «У нас на Украине такая содомия и гомерия происходит – хуже всякой войны! <...> Гнут, загигают, высылают и баста!.. Ох, чем это кончится?...» [2].

Хотя Судаков не отвечает на эти реплики, он слышит голоса гонимых, различает их по именам и даже впоследствии сам ищет контакта с Охрименко. Заметим, что в романе Белова власть для содержащихся в Прилуках украинцев совершенно анонимна, ее без-

молвным символом является часовой, существующий вне реального исторического времени: «На смотровой башне, как в смутные времена, перетапывался воин, смотрящий, но выглядывал он не наружных врагов, а обитателей внутренних» [1: 64].

Внутреннее пространство Спасо-Прилуцкого монастыря в романе В. Белова увидено глазами двух персонажей: украинкой Параской и священником Перовским. Столь разные персонажи встречаются случайно: Перовский перевозил украинцев из Московской тюрьмы в церковь Андрея Первозванного, в качестве возчика сопровождает их в Прилуки. Они выступают как своеобразные двойники, что подчеркивается созвучием ее имени и его фамилии. В восприятии обоих Прилуцкий монастырь становится символом перевернутого мира. Оба героя как будто выпадают из реальности и погружаются в прошлое.

Параска, уже покорившаяся обстоятельствам, приближаясь к монастырю, «возвращается» на Украину: «Время опять кидало ее далеко назад. В глазах плыли <...> золотые маковки Киевской Лавры. <...> Только что же это такое? Соборные маковки стали вроде не те, <...> и Лавра была вроде не Лавра... <...> Прилуцкий северный монастырь встретил Параску холодным ужасом» [1: 62]. Первые минуты ее пребывания в монастыре наполнены душевным и физическим страданием: «силы совсем ее покинули. Память <...> растаяла, и Параска провалилась во тьму. Она <...> бросилась, как затравленная, в сторону плачущего ребенка. <...>. У нее что-то обрушилось внутри от страха» [1: 63].

В отличие от повести Коничева, где мужчин уводят уже из монастыря, в беловском романе их отделяют от их семей еще на вокзале, в пересыльных пунктах оказываются только старики, женщины и дети. Предельно повышается ощущение человеческого горя, выразителем которого и является в этом эпизоде Параска: «За что же, за что посылает Господь такие страдания и муки?» [1: 62].

Ответ на этот вопрос ищет и Перовский, с точки зрения которого дается дальнейшее описание монастыря. Но он размышляет не столько о своей личной судьбе, сколько об исторических судьбах всего народа.

Среди основных содержательных элементов образа монастыря в восприятии бывшего священника доминантную роль играет мотив холода. И в повести Коничева, и в романе Белова перемещение героев с юга на север связано с температурным дискомфортом: «В марте на юге России зима свёртывалась. Земля местами обнажа-

лась. <...> На севере свирепствовали крепкие морозы и лежали глубокие снега: до настоящей весны здесь оставалось ещё два месяца» (Коничев). У Белова мотив стужи обретает и метафизический смысл: холод проникает в сердце, опустошает душу героев. Этот мотив вступает в смысловое сцепление с мотивами болезни и смерти: «на морозе запах сквозного поноса стал еще пронзительнее. Тиф гулял по монастырю в одном строю с дизентерией. «Перемешалось дерьмо и толокно, - подумал Перовский <...>. – Уже разверсты врата преисподней... Да и чем лучше поверх-то земли?»».

Образ монастыря в сознании Перовского прочно связан с адом, в создании этой параллели важны свет и цвет (точнее, их отсутствие), звуки и запахи: тьма, шум, теснота, холод и вонь испражнений: «бесчинствовал холод, <...> ночной сумрак уже нарождался под сенью юго-западных стен», «В соборе было холодно, стены заиндевели, человеческий муравейник не стихал круглые сутки. Круглые сутки скрипели, грохотали железные двери, круглые сутки плакали дети, стонали старые люди, и круглые сутки витал под сводами запах жидкого кала» [1: 65]. «Монастырь являл собой странный, как бы не совсем и здешний образ: собор стоял посреди человеческого кала, горящих костров и каких-то жалких пожитков» [1: 63-64].

Эти не характерные для монастырской жизни явления вызывают у бывшего священника «смуту душевного раздвоения» [1: 63] и напоминают о смутах исторических. В «перевернутом» монастырском пространстве болезненно-острым становится ощущение «зазеркальности» исторического времени, которое, «словно остановленное под этими сводами, иногда <...> срывалось в далекое прошлое, и отец Николай явственно слушал, как пели сорок монахов, заживо сжигаемые в деревянном Прилуцком храме. То были тоже смутные времена» [1: 65]. Белов обращается здесь к известным фактам: монастырь существенно пострадал в годы Смуты, в частности, к событиям, произошедшим в декабре 1619 года, когда во время нападения литовцев и «русских воров» были заживо сожжены находившиеся в трапезной монахи.

Современной параллелью этих событий являются судьбы ленинградских священников, епископа Великоустюжского и викария Вологодского Иерофея, и патриарха Тихона. Строки из послания патриарха Перовский вспоминает в Прилуках: «Гонения воздвигли на истину Христову <...> враги сей истины и стремятся к тому, чтобы <...> вместо любви христианской всюду сеять семена злобы, ненависти и братоубийственной брани...» [1: 65-66]. Логика соотнесения

событий начала XVII века с современностью реализует авторскую концепцию исторического времени как замкнутого круга, неизбежной повторяемости Великой Смуты в судьбе России, а трагедия крестьян обретает масштаб общехристианский.

В монастыре отец Николай переживает духовный кризис, оказывается в экзистенциальной ситуации: в абсурдном мире, символом которого становится оскверненная святыня, он обречен быть Хароном-Сизифом, перевоза тела умерших из Прилук на Горбачевское кладбище, чувствовать себя «богооставленным», отступившим от веры: «Да и во Христа-то уже веришь ли?» [1: 66]. Это ощущение становится особенно страшным, когда Перовский не может вспомнить полный текст Символа веры, и приходит к мысли, что служит бесам. После этого он все-таки произносит 37 псалом: «...несть исцеления в плоти моей от лица гнева Твоего, несть мира в костях моих от лица грех моих. <...> Не остави мене, Господи Боже мой, не отступи от мене. Вонми в помощь мою, Господи спасения моего...» [1: 66-67]. Далее следует сон Перовского, в котором мир переворачивается с ног на голову: «Реют белые легкие облака <...> не вверх, а вниз» [1: 67]. Во сне он «переживает» собственную смерть как отступник от веры, слышит чей-то голос, читающий молитву: «Через бурю напастей по житейскому морю притекаю к тихому пристанищу и молю Тебя: спаси от тления живот мой... <...> Призри на мя свыше, милость Божия, увидев Тебя, от тела отойду радуясь» [1: 67]. Пробуждаясь, Перовский понимает, что его безымянный двойник, «подпольный батюшка», отпевает какого-то Андрея. С ним самим происходит чудо духовного воскрешения в роли в роли пастыря и готов пострадать за веру и за право узников Спасо-Прилуцкого монастыря на последнее таинство: «– Кто тут ночью разводил панихиду? – звонко воскликнул веселый пришелец. – Ну? Не скажется сам, всех вытряхну на мороз! хоть вы и куркули, а передохнете, как тараканы! <...> Николай Иванович поднялся и вдруг громко на весь собор воскликнул: – Я поп!» [1: 68-69].

Из Прилук отца Николая отправляют в Свято-Духов монастырь на допрос к Райбергу. Прошедший вторичную инициацию Перовский обвиняет в его лице власть, обрекающую людей на смерть телесную и духовную:

Вы антихристы, перевертыши! Вы обратное отражение живых и верующих! Потому вы и мертвы пребудете из века в век <...>» [1: 71].

«Год великого перелома» – роман, название которого имеет не столько хроникальный, сколько метафорический смысл, время осоз-

нается в контексте откровения Иоанна Богослова, и образ Спасо-Прилуцкого монастыря встраивается в апокалиптическую картину мира. Монастырь становится символическим образом, обобщающим мотив страдания обычного человека, на которого направлены разрушительные действия новой власти.

При всей разности идейных структур повести К. Коничева «В году 30-м» и романа В. Белова «Год великого перелома» Прилуцкий монастырь выполняет в обоих произведениях важную сюжетную и идейную функцию. Это переломная точка в судьбах героев, отсюда начинается их путь в иную историческую реальность.

Литература

1. Белов В.И. Год великого перелома. Час шестой // Белов В.И. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 4. Москва: РИЦ «Классика», 2011. 616 с.
2. Коничев К.С. В году 30-м. Режим доступа: <http://www.litresp.ru>.

ВЕДУЩИЕ АРХЕТИПИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В ЛИРИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ В.И. БЕЛОВА

Аннотация. Статья посвящена анализу ключевых архетипических образов в лирических рассказах В.И. Белова «На родине» и «Душа бессмертна».

Ключевые слова: архетип, архетипический образ, лирический рассказ, мотив, позиция автора, народная традиция.

Мир народной культуры, который имеет глубокие корни, входящие не только к русскому фольклору, но и к мифологическим верованиям в целом, стал мировоззренческим фундаментом для В.И. Белова. Художественное слово писателя соединяет в себе все наслоения смыслов, которые формировались тысячелетиями, и проявляется в первую очередь в выбранных образах, мотивах. Использование архетипических образов может быть как осознанным, так и бессознательным, как показатель принадлежности автора к народной традиции. А. Большакова считает возможным говорить об архетипе как воплощении коллективного опыта народа. В творчестве писателей, называемых авторами «деревенской прозы», подобная глубина заложена изначально. Это объясняется и менталитетом авторов, вышедших из глубинки, и следованием примерам русской классической литературы. По мнению Е.М. Мелетинского, «русские писатели, как правило, претендуют на гораздо более широкий охват мировоззренческих проблем, чем их западноевропейские коллеги, на охват, сравнимый с мифологическим масштабом архетипов» [5: 75].

Анализ архетипических образов помогает глубже понять произведения автора, так как вскрывает глубинные пласты национального сознания. Если рассматривать архетип как образ-символ, часто повторяющийся в фольклоре и литературных произведениях, то в творчестве В. Белова можно выделить несколько крупных образов, связанных с мифологическими представлениями человека. Ключевыми архетипами являются лад – разлад (космос-хаос), огонь, родная земля, мать.

Основополагающим в творчестве В. Белова является понятие лада, ему противостоит понятие разлада, который автор определяет как «хаос, кавардак, сбой, несуразица» [4: 281]. Если синонимом раз-

лада для писателя является понятие хаоса, то, следовательно, синонимом лада будет определенный порядок, гармония, космос. Лад и разлад традиционно противостоят друг другу в русском фольклоре и литературе и сопоставимы с противостоянием космоса и хаоса, которые в свою очередь отсылают нас к основным мифологическим оппозициям.

Оппозиция космоса и хаоса – ведущая в мифологии. Противостояние лада и разлада в прозе Белова также является ведущим и усиливается с каждым произведением. К началу 90-х годов в прозе писателя начинают преобладать трагические настроения. Трансформацию архетипических образов можно увидеть при сопоставлении произведений, созданных в разное время. Для сопоставления мы взяли два рассказа, относящиеся к лирической прозе: «На родине» и «Душа бессмертна». Сюжет рассказов схож: герой приезжает в родные места, он остается один на один с самим собой, его окружают знакомые с детства пейзажи, привычная обстановка, и в его душе рождаются воспоминания. Оба произведения написаны от первого лица. Лирическое начало в данных рассказах обнажает именно мировоззренческую составляющую.

В прозе В. Белова часто видят противостояние города и деревни. Это противостояние имеет глубинные корни. Деревня – это и есть изначально родная земля, в том числе в буквальном ее значении. С землей связана жизнь крестьянина, мир землепашца в первую очередь измеряется именно пространствами земли, на которых он работает. Город – место, далекое от привычного уклада, непонятная и враждебная человеку территория. Таким образом, деревня воспринимается в народном сознании родиной, где все идеально и гармонично, тогда как город наполнен страшным и непонятным, а значит, в нем царит разлад и дисгармония. Человеку, рожденному на земле, хочется вернуться в привычную среду. Именно поэтому в творчестве Белова так часто встречается мотив возвращения домой, на родину. Ностальгия и идеализация привычного деревенского мира объясняется тем, что деревня воспринимается в качестве потерянного и вновь найденного рая, герои бегут из дома и возвращаются назад.

В. Белов справедливо считается певцом крестьянского мира. Для самого писателя понятие мира сродни понятию космоса: «Слово *мир* в русском языке означает вселенную. Мир – значит мироздание, временная и пространственная бесконечность» [4: 83]. Но эта бесконечность должна быть обязательно упорядоченной, гармоничной: «Этим же словом <мир> называют и беззлобие, отсутствие ссор, дружбу между людьми, гармонию и спокойствие» [4: 83].

Родная земля, дом («столетний», «древний») являются воплощением космоса в рассказе «На родине». События переносят героя в прошлое. Именно там находится тот рай, в который возвратиться можно только в воспоминаниях. Рассказ «На родине» написан в 1961 году, опубликован в 1968 году под заголовком «Случайные этюды».

Лирический субъект, от лица которого ведется повествование, возвращается домой. Дом, старый, «с потрескавшимися углами», встречает героя. А далее память рисует картины утраченного рая. В ткань повествования вплетаются сказочно-мифологические образы. Они раскрывают временные рамки рассказа до вечности, отсылают читателя к языческим временам. В старинном хвойном бору слышен древний запах папоротника, дремлют старухи-ели. В небе сияет Ярило, в сосновом бору вздыхает огромный богатырь-тугодум, река – русалочья постель. Покой и гармония окружают героя только в этом мире. Он забывает о суете города, о житейских делах и слушает себя, пытаясь решить главные вопросы человеческой жизни. Таким образом, в рассказе «На родине» порядок, «природный космос» не создается, не рождается в процессе борьбы с хаосом, а уже существует, он проверен веками, сохранен поколениями предков. Лирический субъект лишь воспринимает его заново, сливается с ним, восстанавливая былую гармонию. Время здесь не останавливается, а расширяет свои границы. Временные рамки стираются, делая лирического субъекта частью вселенной. Здесь все циклично, упорядочено, вечно.

Ключевым образом мифов является мать-земля. Земля в широком смысле слова воплощена в рассказе В. Белова в понятии родины: «Тихая моя родина, ты все так же не даешь мне стареть и врачуешь душу своей зеленой тишиной» [2: 271]. Лирический субъект припадает к родной земле («я обнимаю родную землю»), осознавая ее как живое существо, чувствуя в ней материнское начало.

Образ земли тесно сплетается с образом солнца, в котором, как кажется, можно видеть воплощение архетипа огня. В рассказе «На родине» огонь созидающий. Он не разрушает гармонию, а, наоборот, формирует ее: «солнечное поле», солнце «щедро, стремительно и бесшумно сыплет в лохматую прохладу мхов свои червонцы», «теплый стог», «теплота родимой травы». Подобные образы рожают в душе героя не только ностальгию по ушедшим годам, но и ощущение счастья, благодарности.

Сюжет рассказа «Душа бессмертна», написанного в 1992 году, сходен с сюжетом рассказа «На родине». Это возвращение домой.

Образ дома тоже сохраняет свои характеристики: «столетний дом», «древний дом». Но если в раннем рассказе деревня «старая», то в позднем рассказе «умирающая». Меняется не только восприятие мира героем, но и сам мир. Мотив умирания, разрушения здесь более ярок: умирающая деревня, августовская грязь, красная рябина, журавли, ночующие в холодном поле. Эти образы схожи с образами рассказа «На родине», но они претерпели значительные изменения. Природа, как и деревня, затихает и умирает.

Положение героя внешне почти статично: он передвигается внутри дома, смотрит в окно, слушает музыку, засыпает, и только в самом конце рассказа читатель узнает о нескольких выходах героя из дома (за водой, в лес, в поле), узнает, что прошло четыре недели. Весь долгий путь в этом рассказе герой совершает во времени. Это воспоминания и размышления. Именно в воспоминаниях возвращается порядок, лад в его первоизданном, идеальном виде. Прошлое воскресает с помощью музыки («Времена года» П.И. Чайковского). В душе героя оживают воспоминания о первых подснежниках, об июньской теплой ночи, о золотых лучах зимней зари и осеннем холодке. Это образы природы, они не менее гармоничны и светлы, чем образы рассказа «На родине». Иным настроением окутаны воспоминания о людях. Здесь преобладают не ностальгические нотки, а боль и отчаяние. Прошлое, связанное с утратами друзей, порождает уныние в настоящем. Герой, спасаясь от страшных мыслей, ищет защиты все в том же размышлении о давно ушедшем.

Одним из центральных образов является в рассказе образ матери. В художественном произведении женщина-мать – это хранительница очага, традиции, жизни. В рассказе два женских образа: мама и «с девичьей душой» женщина у сарая. Образ родины, земли тоже связан с материнским, женским началом. Так в произведении спасение, помощь приходят от них. За очками герой идет на половину матери в доме: «Мама, одна она выручала меня всегда» [3: 452]. Но она уходит, и на этот раз не может помочь: ее очки не подходят. Для героя неотвратимость смерти матери очевидна, но смириться с этим он не может. В доме все связано с воспоминаниями о матери. Она всесильна и душа ее вечна. В этом образе проявляется, как кажется, архетип матери, дающей жизнь. Неслучайно старая женщина у сарая имеет девичью душу – она не стареет, ее назначение – хранить жизнь и очаг, поэтому она встречает героя, проходящего мимо. И наконец воскрешает к жизни отчаявшегося человека тоже мать – родная земля.

Таким образом, в произведении наряду с архетипами космоса и хаоса, как кажется, правомерно выделять архетип матери, хранительницы жизни и родной земли.

Вместе с тем космос разрушен, родина, мать, деревня умирают. Поэтому иначе представлен и образ огня. Здесь можно выделять не только созидающий огонь (печь и тепло, которое она дает), но и огонь разрушающий (электронно-лучевое устройство телевизора, холодный огненный цвет рябины, цвет крови, война, выстрелы, далекая гроза).

То, что лирический субъект не может в настоящем почувствовать гармонию с миром, быть частью этого космоса, свидетельствует о разрушении идеального мира. Если в фольклорных произведениях противостояние хаоса и космоса обычно завершается формированием порядка, космоса, то В. Белов показывает именно разрушение, торжество хаоса. Разлад становится объективной реальностью.

Инородными элементами в мире героя являются свидетельства новой эпохи: реактивный самолет («На родине») и телевизор, проигрыватель, ружье («Душа бессмертна»). С одной стороны, это результат технического прогресса. С другой стороны, врываясь в патриархальный уклад, эти явления вносят дисгармонию. Крестьянский рай – это живой мир. В нем все одухотворено: каждое дерево отзывается на боль или радость человека, живой огонь печи дарит чувство защищенности и уюта, рождение и смерть являются привычным проявлением жизни, отрицая ее конечность, поколения сменяют друг друга. И в этот мир приходит иной порядок.

В рассказе «На родине» мотив разрушения усиливается лишь в финале. Герой, задумавшись о грядущем преображении мира («Может быть так оно и надо? Исчезают деревни, а взамен рождаются веселые, шумные города»), вдруг слышит нарастающий гул, который «заполняет весь мир», и видит самолет. Образ машины, ворвавшейся в тишину зеленого мира, лаконичен и ёмок: «серебряное туловище», «непонятный нарастающий свист», «исчезает за горизонтом» [2: 272]. Самолет пронесется над героем в одно мгновение, он живой, страшный, быстрый, подобен сказочному чудовищу. Для героя самолет – олицетворение демонической, нечистой силы. Сознание героя отказывается видеть в нем только механизм, самолет – свидетельство пугающей перемены в мире. Рассказ «Душа бессмертна» уже насквозь пронизан состоянием тревоги, боли: «раздражение перерастает в тоску», «унылое равнодушие», «отчаяние подкрадывается из всех углов». Мотив умирания, разрушения, ухода, присутствия рядом иного мира является в рассказе ведущим. Демоническим разрушите-

лем здесь являются не только неживые предметы («гробами поваленными» называет рассказчик телефон, радио, телевизор, «бесит», раздражает «как быка своим красным знаменным цветом» проигрыватель), но и уродующий душу человека образ Смердякова, диктора телевидения. Зло обладает огромной силой. Традиционный мир стремительно разрушается, лад сменяется разладом, противостоянием. Центром хаоса становится даже не власть, которую воплощает диктор, а та система ценностей, которая идет на смену проверенной веками.

Крестьянский космос, традиционный уклад, уже не могут противостоять надвигающемуся хаосу. Хаос проявляется во многих явлениях жизни героя. На бытовом уровне он виден в разрушении деревни, старого дома. На уровне духовном – в отсутствии смирения перед утратами: герой не может воспринимать смерть как неотъемлемую часть человеческой жизни. Теряется внутренняя гармония, рождая страх, сомнения, метания духа. Хотя именно этот разлад в какой-то степени преодолевает герой благодаря спасительной силе родной земли-матери.

Таким образом, ключевые архетипы в лирических рассказах В. Белова отражают позицию автора. К позднему рассказу космос (деревня, крестьянский мир) разрушается, хаос одерживает победу, родная земля, мать утрачивает былую мощь. Огонь обретает уничтожающую силу, становится огнем войны. Для писателя очевидно, что традиционный русский мир уже не имеет былой ценности, что утрата связи с корнями чревата потерей души. Вместе с тем именно образ души, которая вечна, способна к очищению, является жизнеутверждающим в позднем рассказе, отражая авторское восприятие мира.

Литература

1. Большакова А.Ю. Архетип раскола в современной русской прозе // Русская литература XX-XXI веков как единый процесс (проблемы теории и методологии изучения): Материалы IV Международной научной конференции (Москва, филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 4-5 декабря 2014 года) / Ред.-сост. П.Е. Спиваковский. М., 2014. С. 12-15.
2. Белов В.И. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 1: Стихотворения и поэмы. Повести. Рассказы. М., 2011.
3. Белов В.И. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 2: Повести и рассказы. М., 2011.
4. Белов В.И. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 5: Очерки. Произведения для детей. М., 2011.
5. Мелетинский Е.М. О литературных архетипах / Российский государственный гуманитарный университет. М., 1994.

ОБРАЗЫ ЖИВОТНЫХ И ЛЮДЕЙ В «РАССКАЗАХ О ВСЯКОЙ ЖИВНОСТИ» В.И. БЕЛОВА

Аннотация. В статье рассматриваются особенности содержания известного произведения В.И. Белова «Рассказы о всякой живности», в котором описывается не только жизнь различной деревенской «живности» (животных и птиц), но и затрагиваются некоторые проблемы развития русской деревни начала 1970-х гг. Также уделяется внимание попытке постановки спектакля по «Рассказам о всякой живности», предпринятой череповецким режиссером Р.М. Смирновым в середине 1980-х гг.

Ключевые слова: детская литература, рассказы-очерки, тип беловского героя, мир животных и человека, изменение жизненных устоев, народный театр череповецких металлургов, режиссер Р.М. Смирнов, этюдно-импровизационный способ работы.

Памяти Р.М. Смирнова – учителя и друга

«Рассказы о всякой живности» В.И. Белова впервые были опубликованы в 1974 г. в ежемесячном журнале путешествий по Уралу, приключений, истории, краеведения и научной фантастики, предназначенном для детей и юношества [3]. Они включали в себя 31 небольшой рассказ-очерк писателя о «всякой живности» и небольшое предисловие автора. В 1976 г. в Северо-Западном книжном издательстве выходит сборник повестей и рассказов Белова, включивший в себя и «Рассказы о всякой живности» [2]. Причем к 31 очерку, опубликованному в «Уральском следопыте», добавляются еще 2 – «Глупый тетерев» и «Галки и овцы», по какой-то причине (нам неизвестной) не вошедшие в журнальную публикацию. В таком составе – 33 рассказа-очерка и небольшое авторское вступление – «Рассказы о всякой живности» публиковались во всех последующих изданиях, вплоть до 7-томного собрания сочинений писателя [1, с. 476-507]. Правда, в некоторые издания для детей включалось порой и меньшее число очерков. Например, в 1981 г. в издательстве «Детская литература» в серии «Читаем сами» вышла небольшая книга «Про Мальку», в которую вошли только 8 рассказов-очерков, в основном посвященных собаке Мальке (см.: [4, с. 10]).

Как видим, и самим автором, и издателями его сочинений «Рассказы о всякой живности» позиционировались как «детские». Но в то же время, на наш взгляд, эти небольшие рассказы-очерки в значительной степени выходят за рамки детской литературы и включают в себя, если можно так сказать, вполне «взрослое» содержание (мы узнаем из них о проблемах русской деревни начала 1970-х гг., непростых взаимоотношениях между ее жителями и т.д.). Поэтому, думается, можно использовать по отношению к ним определение, использованное писателем для другого своего произведения (сказки «Лесной спектакль»): «Для самых маленьких и самых больших» [1, с. 594].

Рассматриваемые нами рассказы – «о всякой живности», т.е. о животных и птицах, домашних и недомашних, но живущих рядом с человеком. Но это не заметки зоолога или естествоиспытателя, скрупулезно описывающего повадки животных и птиц, а произведение писателя-художника, создающего яркие образы на основании своих наблюдений. И это не аллегорические образы, не иносказание, а реальная «живность», со своими привычками, своей психологией, характером, существование которой встроено в человеческий быт. При этом, хотя и пишет Белов, что «рассказы эти не о людях, а о животных» [1, с. 491], образы людей, деревенских жителей, занимают все-таки значительное место в его повествовании.

Прежде всего, это Федя, образ которого представляет собой характерный для Белова тип героя – деревенского жителя, неунывающего, находчивого, способного к любой работе, обладающего незаурядным чувством юмора и иногда возвращающегося домой «в очень плохо виде» [1, с. 495] (т.е. выпивши). Кроме того, как отмечает автор, он был «прогрессистом», «быстро внедрял у себя в хозяйстве все новое и передовое, как писали в районных газетах, <...> провел в баню электричество. Посадил у дома хорошие культурные саженцы» [1, с. 488]. Также «он выписал по почте машинку для стрижки овец и быстро научился ею орудовать» [1, с. 504], купил телевизор и программу «Время» смотрел «от корки до корки» [1, с. 486]. Но самое главное заключалось в том, что, по словам Белова, он «очень любит животных» [1, с. 476].

«Кого только нет в доме! – восклицает автор, познакомившийся с Федей «на базе рыбной ловли» и заживший у него на несколько дней. – Две кошки живут в комнатах <...>. В большом хлеву обычно помещается корова Поляна и теленок. Две гусыни и гусь ночуют в загородке между хлевами, пять кур и один петух живут зимой в хлеву,

а летом на верхнем сарае. Держат Федя с Еленой (его женой – А.Н.) и поросенка, правда, не каждый год, и всегда называют его одинаково: Кузей» [1, с. 476]. «Но самый умный среди все этой многочисленной живности, это, конечно же, пес Валдай, - подчеркивает Василий Иванович [1, с. 476]. Фактически каждому из указанной Фединой живности автор посвящает отдельный очерк, а то и не один (например, псу Валдаю – целых пять: «Валдай», «Валдай и Валетко», «Валдай и Кузя», «Валдай в клубе и дома», «Позорный случай» и «Конфликт»). Впрочем, это еще не вся Фебина «живность»...

Федя в течение трех лет (пока не проштрафился и не был снят с почтальонов и переведен в кладовщики) возил в деревню почту на коне Верном («Зимой в сани, летом в седле» [1, с. 477] и ухаживал за ним (Верному было посвящено три очерка – «Однажды весной», «Курьер», «Верный и Малька»). Помимо этого предприимчивый Федя ежегодно покупал «инкубаторских цыплят» [1, с. 488] (рассказ «Про наседку»), заводил «зайцев» (кроликов), которых «к осени <...> в деревне развелось столько, что их даже не считали» [1, с. 492] (очерк «Зайцы»); охотился на ворону, похищавшую у него цыплят («Про ворон»); боролся с хорём, который какое-то время жил «в Федином доме как полноправный член хозяйства, ничуть не считаясь с установленными порядками» [1, с. 498] («Хорь»). Также Федя был непременным участником почти всех историй, происходивших с «живностью» других деревенских жителей. Так, он, выхватив «из ледяной воды» [1, с. 480], спасает собачонку «одиноким пенсионерки Лидии» [1, с. 478] Мальку, отправившуюся в половодье в соседнюю деревню кормить своего взрослого щенка и едва не утонувшую («Еще про Мальку»). Затем он учит козла бабушки Марьи бодаться, устраивая с ним «на лужке тренировки» [1, с. 500] («Выручил»), и спасает его, когда Душной (так этого козла прозвали в конце концов), оставленный бабушкой Марьей взаперти, пробрался в дом и через одну из дыр забрался на крышу.

«Федя был смел и находчив, – описывает автор этот эпизод. – Он сделал из веревки петлю наподобие ковбойского лассо, которые показывают в кино. И с перворазки накинул козлу на рога...» [1, с. 502], а затем потихоньку спустил его на землю (очерк «Душной»).

Особенно забавен (и грустен в то же время) эпизод, когда Федя в отсутствие жены, которая из-за того, что ферму «перевели в другую деревню, в четырех километрах от дома» [1, с. 505], тратила первое время очень много времени на дорогу, по подсчетам автора, проходя

«в день в среднем 24 километра только туда-сюда» [1, с. 505], сам доил свою корову Поляну. При этом, «прежде чем взять подойник», он «кидает фуражку в угол и надевает старый платок Егоровны» [1, с. 503]. Дело в том, что «Поляна никак не дается доить, если придешь в фуражке» [1, с. 503]. «Небритый и черный от загара, да еще без двух передних зубов, Федя похож в этом платке на бабу-ягу», – замечает автор [1, с. 503] (очерк «Шеф-повар»).

Когда же Егоровне разрешают ездить на ферму на Верном (по словам автора, «кому-то пришло в голову, что так дальше нельзя» [1, с. 505], то «Верный, не в пример корове Поляне, смирно стоял, пока Егоровна седлала его и забиралась наверх. Егоровне отнюдь не приходилось надевать фуражку, чтобы оседлать мерина» [1, с. 505] («Времена меняются»).

Размышляя над странностью этой ситуации, автор приходит к выводу, что все это является следствием того, что происходит нарушение искони сложившихся устоев в жизни деревни, вследствие чего «мужчина Федя должен доить корову, а женщина Егоровна ездить в седле» [1, с. 505]. Хотя «в здешних краях испокон веку все было наоборот: мужчины делали мужское дело, женщины – женское» [1, с. 505]. По-своему осмысливает такой порядок жизни и Федя (он оказывается еще и своеобразным деревенским философом), называя его «"колесией" и добавляет: "Наверно, скоро переставление света"» [1, с. 503].

Интересны и другие персонажи «Рассказов о всякой живности» – рассудительный дедко Остахов, «ругливая и не очень уживчивая» [1, с. 494] пенсионерка Лидия, у которой автор брал молоко; бабушка Марья – хозяйка козла Душного и, наконец, сам автор, тоже принимающий активное участие во всем происходящем...

Однако главное место в повествовании занимает все-таки «всякая живность». Это и «темно-серый, с патлатою сединой на ляжках», «громадный пес» [1, с. 481] Валдай, преданный (несмотря ни на что) своему хозяину Феде и своей твердостью, любовью и преданностью, готовностью к прощению (когда Федя незаслуженно наказывает его) по-своему воспитывающий, исправляющий характер своего хозяина (очерк «Конфликт»). Это и «непонятно какой породы и масти» «маленький веселый Валетко», состоявший «на содержании у дедка Остахова» [1, с. 482], подружившийся с Валдаем (несмотря на то, что Федя «начал натравливать Валдая на остаховского песика» [1, с. 483], что и способствовало в дальнейшем (когда Валдай защитил Валетко от громадного незнакомого пса, едва не растерзавшего остаховского

песика) примирению Феди с дедком, бывших до этого в «контрах» (очерк «Валдай и Валетко»). Это и маленькая «злющая собачонка» [1, с. 478] Малька, проявившая удивительную материнскую верность, бегая «каждый день за два километра в чужую деревню, несмотря ни на какие опасности, <...> кормить своего сынка» [1, с. 480]. Это и «совсем непутевый» кот Рыжко, на которого «никакое воспитание <...> уже не действовало» [1, с. 481] (очерк «Тунеядец»).

Всматриваясь пристально в мир «всякой живности», во взаимоотношения в нем и с людьми, автор находит много интересного и поучительного, помогающего глубже понять происходящие в мире – в обществе и природе – процессы.

Именно это и привлекло внимание к «Рассказам о всякой живности» известного череповецкого режиссера Равика Михайловича Смирнова (1943–2018), совсем недавно – в новогоднюю ночь наступившего года – ушедшего из жизни, задумавшего в середине 1980-х гг. поставить по ним спектакль с детской группой театра при участии ряда опытных актеров. В народном театре череповецких металлургов, которым руководил Р.М. Смирнов, как известно, было поставлено 3 спектакля по произведениям В.И. Белова – «Над светлой водой» (1973), «Бессмертный Кощей» (1981) и «Мишук» (1986) (см.: [6]). Обращение к работе над «Рассказами о всякой живности» (помимо всего прочего) было связано с отсутствием хорошего драматургического материала, в полной мере удовлетворявшего запросы режиссера и коллектива.

Однако работа с таким произведением не драматического характера, да к тому же и не имеющего определенной фабулы, связана с целым рядом сложностей. Правда, обычно в таком случае в театре поступают достаточно просто: пишется сценарий, актеры получают роли и работают над ними, а режиссер расставляет их по мизансценам. Но в театре Р.М. Смирнова так не работали, а использовали этюдно-импровизационный метод. И сценарий (а вместе с ним и спектакль) рождались в процессе сотворчества актеров, режиссера и автора... Именно так и велась работа над «Рассказами о всякой живности». Все участники студии (а это были мальчишки и девчонки 10–12 лет и несколько старших актеров) были разделены на группы – «собак», «кошек», «петухов и куриц», «гусей» и т.д. и должны были самостоятельно разработать и представить на общем просмотре этюды-импровизации, на основе которых в дальнейшем должен был родиться спектакль... Впрочем, на этот раз дело до спектакля не дошло, а практика этюдной работы

пригодилась при постановке другого спектакля – по сказке В.И. Белова «Мишук», премьера которого состоялась в начале марта 1986 г. (см.: [5], [7]).

Литература

1. Белов В.И. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 5: Очерки. Произведения для детей. М.: РИЦ «Классика», 2011. 624 с. 24 с. ил.
2. Белов В.И. Рассказы о всякой живности // Белов В.И. Утром в субботу. Повести и рассказы. [Вологда]: Северо-Западное книжное издательство [Вологодское отделение], 1976. С. 238-277.
3. Белов В.И. Рассказы о всякой живности // Уральский следопыт. 1974. №3.С.53-74//<http://www.uralstalker.com/pdf/us/1974/03/7403-rasskazy-o-vsyakoj-zhivnosti/mobile/index.html#p=6>.
4. Василий Иванович Белов. Библиографический указатель литературы. – Вологда: [Вологодская областная библиотека имени И.В. Бабушкина], 1982. 69 с.
5. Леднев Ю.М. Третье рождение Миньки // Вологодский комсомолец. 1986. 21 марта.
6. Наши театральные университеты. Из истории любительского театра Р.М. Смирнова: Воспоминания, статьи, рецензии, отзывы, очерки, интервью, инсценировки / сост. А.Е. Новиков, Р.М. Смирнов; отв. ред. А.Е. Новиков. Череповец: ЧГУ, 2013.
7. Сидоренко С.Г. Весенние жаворонки. Размышления после премьеры в народном театре // Коммунист. 1986. 26 марта. № 65.

ФЛОБЕРОВСКИЙ СЛЕД В РАССКАЗЕ В.И. БЕЛОВА «ВОР»

*Фраза Флобера поет, кричит, звучит
яростно и звонко, как труба, шепчет,
как гобой, переливается, как виолончель,
нежит, как скрипка, ласкает, как флейта.*

Ги де Мопассан

Исследования предыдущих лет убедили нас в литературоцентричности творчества В.И. Белова: круг упоминаемых автором русских и зарубежных писателей и литературных критиков весьма широк [5]. И сегодня в него можно включить имя классика французской литературы Гюстава Флобера (1821–1880). Первоначально рассказ В.И. Белова, о котором пойдет речь, так и назывался «Страничка из Флобера» и был опубликован в газете «Вологодский комсомолец» 1964 г. [3]. Во второй редакции он получил название «Вор» и был опубликован в Северо-Западном книжном издательстве в 1968 г. В первом издании не было авторского обращения, которым заканчивается рассказ во второй редакции: «Милый Флобер, я никогда, никогда не был вором... Но кто скажет это старухе Марье» [2, с. 365].

На самом деле он был «вором»! В «Автобиографии» В.И. Белов признавался: «Я воровал книги с чердаков брошенных домов. Дома были заколочены, но мы находили какие-то щели между хлевами, забирались внутрь через подвальные окошечки и шастали. В поисках книг я забрался однажды и в жилой дом... Это было уже настоящее преступление: я украл с соседского чердака книгу Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». Читать ее было невозможно, я невзлюбил ее сразу же. Но прочитал до конца» [1, с. 8]. Выкрасть желанный роман «Саламбо» Г. Флобера, страницами которого были оклеены стены в доме старухи Марьи, мальчику не удалось – это и стало основой сюжета рассказа «Вор».

Автобиографическое художественное пространство рассказа узнаваемо в таких деталях: «Анисьин парень»; «институтский диплом», «почтовые переводы родным» [2, с. 362], которые были бессильны исправить репутацию «книжного вора».

В коллекции музея-квартиры В.И. Белова в Вологде хранится 4-томное собрание сочинений Г. Флобера под редакцией Н.М. Любимова, изданное в Москве в издательстве «Правда» в 1971 году. Том 2, где опубликован роман «Саламбо», авторских помет не имеет. В то время как двухтомное издание Г. Флобера «О литературе, искусстве, писательском труде», подаренное на пятидесятилетие Ольги Сергеевны Беловой, вышедшее в 1984 году в издательстве «Художественная литература», содержит подчеркивания на полях путевых заметок Г. Флобера «По полям и долам» и фрагментов «Воспитания чувств». Это размышления Флобера о природе искусства и человека. По характеру помет (толстые линии шариковой ручкой) можно с большой долей уверенности утверждать, что они принадлежат В.И. Белову.

Названные издания вышли после написания рассказа «Вор». Нам не известно, какие издания произведений Флобера В.И. Белова читал до и в момент написания рассказа. Первый русский перевод романа «Саламбо» вышел в журнале «Отечественные записки» 1863 года (№ 6, 7) без указания имени переводчика. Через 50 лет вышел перевод Николая Максимовича Минского в издательстве «Шиповник» во втором томе полного 8-томного собрания сочинений Г. Флобера, отмеченного участием А. Блока, Б. Зайцева, Г. Иванова и др. в переводах произведений автора. Оба дореволюционные издания были «с ятями и твердыми знаками», что запомнилось маленькому рассказчику, и дает право предположить, что он читал одно из них.

Роман «Саламбо» представлен в рассказе «Вор» четырьмя фрагментами: первые два пересказывают сюжетную канву и образную мозаику произведения, последний – прочитанный 18 лет спустя – касается развязки романа. Проследим флоберовскую линию в рассказе и сравним две его авторские редакции.

Роман «Саламбо» был задуман Флобером как воспоминание о путешествиях по Египту и Нилу, а также как окончательный уход от «Госпожи Бовари»: «Я устал от уродливых вещей и шумной среды... «Бовари» надолго внушила мне отвращение к мещанским нравам... Быть может, я в течение нескольких лет буду жить роскошным сюжетом, далеко от современного мира, которым я сыт по горлу» [4, с. 119].

Это был сюжет из далекой, можно сказать легендарной древности: восстание наемных войск против карфагенской республики в III в. до нашей эры. Изучение и сбор материала (Флобер перечитал сотни томов специальной литературы об эпохе Пунических войн)

начат в 1857 г., а завершен «карфагенский сюжет» в 1862 г. Известно, что перед выходом «Саламбо» в свет Флобер решительно отверг предложения издателя Леви сопроводить роман иллюстрациями, настаивая на том, чтобы дать неограниченную волю читательской мысли и воображению [4, с. 187].

Неудивительно, что этот роман буквально заворожил маленького рассказчика, а потом не отпускал и во взрослой жизни: «Это были строки о том, как в жаркой африканской ночи зловеще пылали камышовые ливийские хижины, как обезумело войско наемников, а в палатке спящего Мато лежала и смотрела на кинжал красавица Саламбо. Другая страница оказалась не по порядку и была наклеена вверх ногами; я чуть не плача от обиды, прочел ее» [2, с. 363].

Для мальчика, конечно, был привлекательнее не тот узел конфликтов, который мастерски туго завязан в романе (конфликт внутри Карфагена, конфликт с наемниками, конфликт с Римом) и составляет богатое общественно-историческое содержание «Саламбо», а сказочная, далекая, притягательная наглядность флоберовского стиля. Буйство красок, богатство одежд и пиров, убранств и сокровищ, мастерство археологических подробностей, обилие жестокости, эстетика безобразного завораживали тем более, что в то военное время «поголовно бежали голодными и холодными, что в деревнях совсем не стало веселых праздников, что отцы и братья один за другим где-то складывали головы» [2, с. 362].

В экспозицию рассказа второй редакции В.И. Белов вставил описание бесхитростных забав деревенской детворы: «Мы, ребята, целой стайей заявлялись на игрище, размещались у порога, на лежанке; иные забирались на печь. Самые маленькие клевали носами, стойчески перемогали сон, а те, что побольше, шалили в сених, били пуговицы проволочными стрекалками, затыкали шапками трубы и примораживали ворота» [2, с. 363].

Завязка «Вора», где всё «невывразимо тоскливо»: гармонь с ее «однообразными переборами», нескончаемо одинаковые частушки про любовь, «полумертвые газетные шапки» на оклеенной макулатурой стене, – сменяется стремительным развитием действия, когда мальчуган оказывается во власти книги: «теперь в глазах затрепетали разноцветные плащи воинов и в ушах затрубил отряд боевых слонов; я увидел бороду хитрого Спендия, кольца священной змеи, золотую цепочку на ногах Саламбо и камни голодного Карфагена...» [там же].

Кульминационные моменты рассказа связаны с чтением этих отрывков: и тогда, в далеком детстве, и 18 лет спустя. Воображаемый мир «Саламбо» ворвался в деревенскую жизнь мальчугана. В тот вечер он очнулся от пережитого только тогда, когда никого в избе не осталось – «лампа потрескивала и меркла: керосин кончился» [там же]. Потрясение не проходило до самого лета и было сильнее действительности. Мальчик попал в плен вымышленного книжного мира и, подчиняясь этому «обаянию», нарушил простые и ясные порядки деревенской жизни, прибравшись в чужой дом.

Но здесь, на «месте преступления», встретив хозяйку дома, он опомнился: и с этого момента стыд и страх осуждения деревенским миром охватил его с такой же силой, как до этого воображаемый мир книги. Момент столкновения двух миров – искусства и реальности, прошлого и настоящего – пронизан авторской иронией: «Я весь горел и дрожал от стыда и, не успев разреветься, прыгнул в нужник... Теперь, спустя восемнадцать лет после того случая, я сел на мельничный жернов и расхохотался: вот тебе и красавица Саламбо» [2, с. 364].

Последняя страничка из Флобера, найденная взрослым повествователем, отсылает к последним сценам романа, изобилующим страшными подробностями гибели Мато и смерти Саламбо. В.И. Белов избегает флоберовской натуралистичности, но не драматизма, сосредоточиваясь на предсмертных ощущениях умирающего Мато: «Слитный вой, несмолкаемый, бессмысленный, наполнял собою Карфаген. Иногда один какой-нибудь звук, хриплый, неистовый, свирепый, повторялся в течение нескольких минут всем народом. Стены дрожали от него, и Мато казалось, что дома с обеих сторон улицы наступали на него, поднимали на воздух и, как две могучие руки, душили его... Тени проходили перед его глазами; город кружился перед ним, кровь струилась из раны в боку; он чувствовал, что умирает: колени его сгибались, и он тихо опустился на каменные плиты» [2, с. 365].

Во второй редакции В.И. Белов включает в приведенную цитату всю полифонию ожесточившегося Карфагена. Прочитанная рассказчиком сцена таким образом внешне резко контрастирует с тишиной и безмятежностью окружающей его деревни: «Мимо бесшумно проносились вечерние стрижи, плотники с любопытством смотрели на меня. Я долго теребил вековой спрессованный бревнами мох» [2, с. 365]. На самом деле и в том, и в другом описании звучит «сокрушающая печаль», охватывавшая и умирающего флоберовского героя,

и рассказчика. Восстановим купюру, сделанную В.И. Беловым в описанной сцене с Мато: «Но он *вспомнил*, что *когда-то уже испытал нечто подобное*. И тогда была та же толпа на террасах, те же взгляды, та же ярость. Но он шел свободный, все расступались перед ним, – его защищал бог. Это *воспоминание* становилось все более *отчетливым* и преисполняло его *сокрушающей печалью*» [6, с. 256].

Эта печаль воспоминаний, печаль утраченного пронизывает текст рассказа. Найдя старый книжный листок (даже не прочитав еще), рассказчик «почувствовал, как что-то сладкое, далекое защемило сердце»: тоска об ушедшем детстве, уходящей деревне, уехавшей Марье, которой уже нельзя ничего объяснить. «На том месте, где стоял Марьин дом, громоздилась куча раскатанных бревен. Бревна были серыми от дождей с одной стороны, а там, где были пазы, белели и круглые, скреплявшие их шипы» [4, с. 364]. То, что скрепляло, рассыпается, выходит из пазов. Но вдруг обнажается та самая желтая страница, «раздвоенная надвое по пазу», связывающая с прошлым.

О чем этот неожиданный флоберовский эпизод из жизни и творчества В.И. Белова? Об удивительной силе, которую имеет произведение настоящего искусства, доставляющее наслаждение и преобразующее жизнь, оставляющее след и скрепляющее время.

Литература

1. Белов В.И. Автобиография // Собр. соч.: в 7-ми томах. Т. 7.: Статьи, очерки, воспоминания, рецензии, письма. М., 2012. С. 7-11.
2. Белов В.И. Вор // Белов В.И. Собр. соч.: в 7-ми томах. Т. 1. М., 2011. С. 362-365.
3. Белов В.И. Страничка из Флобера // Вологодский комсомолец. 1964. 23 сентября.
4. Иващенко А.Ф. Гюстав Флобер. Из истории реализма во Франции. М., 1955.
5. Неволина О.Ю. В.И. Белов о Льве Толстом // Беловский сборник. Вып. 3. Вологда: ВолНИЦ РАН, 2017. С. 48-51.
6. Флобер Г. Саламбо // Закат Карфагена. СПб., 1994. С. 9-260.

ЧАЙ И ЧАЕПИТИЕ В ТРИЛОГИИ В. БЕЛОВА «ЧАС ШЕСТЫЙ»

Аннотация. В статье рассматриваются крестьянские чайные традиции, изображенные в трилогии В. Белова «Час шестый».

Ключевые слова: культурный феномен, тексты русской культуры, интерпретация, трилогия В. Белова «Час шестый».

Русское чаепитие является универсальным культурным феноменом, который затрагивает бытийную и бытовую сторону жизни человека. Чаепитие может быть рассмотрено как процесс, имеющий завязку – кульминацию – завершение, событие (праздник, прием гостей), ритуал (во время застолья процедура чаепития означает окончание мероприятия) [4].

Данный феномен имеет традицию интерпретации в текстах русской культуры:

в художественных (в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: *«Смеркалось, на столе блистая, / Шипел вечерний самовар, / Китайский чайник нагревая; / Над ним клубился легкий пар. / Разлитый Ольгиной рукою / По чашкам темною струей / Уже душистый чай бежал»*; в романе А.И. Гончарова «Обломов», рисуя идеал жизни, упоминает и чай: *«Балкон уж отворен; жена в блузе, в легком чепчике, который чуть-чуть держится, того и гляди слетит с головы... Она ждет меня. «Чай готов», – говорит она. – Какой поцелуй! Какой чай!»*; в «Бесах» у Ф.М. Достоевского: *«Баба скоро внесла чай, то есть большущий чайник горячей воды, маленький чайник с обильно заваренным чаем, две большие каменные, грубо разрисованные чашки, калач и целую глубокую тарелку колотого сахара»*; в «Шинели» Н.В. Гоголя мелкие петербургские чиновники *«рассеиваются по маленьким квартиркам своих приятелей поиграть в штурмовой вист, прихлебывая чай из стаканов с копеечными сухарями»*; героиня произведения Л.Н. Толстого «Семейное счастье» замечает: *«Вечерний чай разливала я в большой гостиной, и опять все домашние собирались к столу. Это торжественное заседание при зеркале самовара и раздача стаканов и чашек долгое время смущали меня. Мне всё казалось, что я недостойна еще этой чести, слишком молода и легкомысленна, чтобы повертывать кран такого большого самовара, чтобы*

ставить стакан на поднос Никите и приговаривать: «Петру Ивановичу, Марье Миничне», спрашивать: «сладко ли?» и оставлять куски сахара няне и заслуженным людям» и др.),

визуальных (К. Маковский «За чаем», «Алексеич», В. Перов «Чаепитие в Мытищах, близ Москвы», К. Коровин «За чайным столом», В. Бакшеев «За чайным столом», Б. Кустодиев «Купчиха, пьющая чай», «На террасе», «Осень в провинции. Чаепитие», «Извозчик за чаем», Н. Богданов-Бельский «Новые хозяева», В.Ф. Стожаров «У самовара»),

музыкальных («У самовара я и моя Маша», «Приходи ко мне, Глафира, Ненароком, невзначай, Приноси кусочек сыра, Ведь без сыру – что за чай!», «И у тебя в гостях я замечаю (и в этом есть твоя вина), что, выпивая чашку чая, я вдруг пьянею без вина», «черно-белый рассвет, чай в стаканчиках» и др.).

Герои произведений А.С. Пушкина, А.И. Гончарова, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова часто пьют чай. Однако в произведениях перечисленных авторов отразились дворянские, купеческие, помещичьи, чиновничьи чайные традиции дореволюционной России. В трилогии В.И. Белова «Час шестый» изображается крестьянское чаепитие.

В первой же главе романа «Кануны», в первом описании дома Роговых особое внимание уделяется самовару – *в кути, на залавке, мерцает начищенный речным песком, медный, фабрики Скорнякова, самовар*. Вычищенный речным песком до солнечного сияния самовар превосходно гармонировал с деревом крестьянского дома, с его лавками и посудниками, полицами и чаще некрашеными шкафчиками [1].

Какой чай пьют

В трилогии В. Белова не уточняется, какой именно чай пьют герои. Упоминается чай из смородиновых веток (во время покоса Тонька затолкала в чайник охапку только что распустившихся веток смородины) и морковный чай (его пьет Евграф Миронов, вернувшийся из тюрьмы домой).

С чем пьют чай

Традиционно у русских чай подают вместе с угощением. В текстах трилогии изображено, как к чаю подают: крендели и ландрин¹ (на

¹ Ландрин – сорт леденцов, монпансье; конфеты получили название в честь кустика Федора Ландрина, изготовлявшего особые конфеты – двухцветные (одна половина белая, другая красная) [2].

чаепитии у девок во время святок), овсяные блины (на масленицу), мелко наколотый сахар, пироги со свежими рыжиками, только что испеченные налитушки², рогули.

Когда ставят самовар

В каких случаях персонажи трилогии «Час шестой» ставили самовар? Во многих. Приход (приезд) гостей, дорожного человека, на проводах, после бани, на праздниках, с холоду, с радости или с расстройства, к пирогам, чтобы сварить яйца и т.д.:

Евграф Миронов, принимая у себя гостей Роговых (шли святки), разжигает у шестка самовар и выставляет из шкапа бутылку; когда самовар вскипел, жена Евграфа, Марья, принесла пирогов, Евграф налил бабам по рюмке, мужикам по стопочке, мужики вылили водку в чай, женщины замахали руками, заотказывались. За этим чаепитием и просватали Веру Рогову,

на третий день после свадьбы Веры Роговой и Павла Пачина последний ставит на стол вскипевший самовар, счастливая и вся какая-то новая Вера выставила чашки, заварила чай,

в субботу перед первым днем масленицы Катерина натворила корчагу овсяных блинов, в воскресенье она утонула своего мужа Данилу в церковь; после службы Катерина ставит самовар. В родительский дом приезжает Павел с женой Верой, их встречает Данило: «Ну, пойдем, самовар на столе». К чаю Павел щипцами наколот сахару,

Игнаха Сопронов «дожидается послебанного самовара»,

Данило Пачин ставит самовар для пришедшего Микуленка, Тоня ставит самовар для пришедших к ней в избу трех незнакомых женщин (оказалось, что это выселенки (украинки). Самовариха ублажает пришельцев (гостей – Ивана Нечаева и Володю Зырина), кипятит и ставит на стол самовар,

за самоваром распили пол-литра «рыковки», потом Тоня пошла провожать мужа в Ленинград.

Переехав из деревни в город, герои романа «Кануны» не забывают чайные крестьянские традиции: именно за самоваром Петька Гири́н, с недавних пор москвич, и его земляки отмечают встречу. Земляки, приехавшие в Москву по своим делам и зашедшие к Гири́ну, осматривая комнату, выделяют взглядом самовар. Отмечают

² Налитушки – пирог с полужидкой начинкой, которая не заворачивается в пирог, а намазывается на тесто сверху (характерный для традиционной северорусской выпечки прием) [3].

встречу за столом, на котором в соседстве с зеленым графинчиком кипит самовар, Петька играет на гармонике и поет песню, позже в квартире Шиловского гудят разговоры и все вместе поют знаменитые «Кирпичики», «Проводы». Чаепитие в этом эпизоде – отрадное занятие, сближающее людей, объединяющее их.

Чай – целебный напиток для души и тела

Чай – целебный напиток, именно его пьют выздоравливающие герои. После нескольких дней болезни Игнаха Сопронов, сидя за самоваром, жадно ел горячие, только что испеченные налитушки. Павел Рогов, проснувшись, чувствует, что боль в ноге исчезла. В это утро он слушает, как жена Вера ставит *утренний самовар*. Способность Павла вновь осознанно воспринимать звуки обычной домашней жизни свидетельствует о том, что он вырывается из опасной болезни, возвращается в этот, домашний, привычный мир, вместо темноты и провалов – знакомое пространство, знакомые действия, родной самовар, привычный утренний чай.

Чай способствует не только восстановлению подорванных болезнью сил организма, но и успокоению растревоженной души: Евграф Миронов после освобождения из вологодского домзака был вынужден служить в золотарях, после службы вернулся домой, в родную деревню, к жене, дочери и внучке, сходил в баню, а переодеться не во что: семью раскулачили, нет сменной рубахи и штанов, дочь Палашка советует отцу: *«А ты попей чаю да полезай на печь»*. Евграф без сахара выпил две чашки морковного чаю, залез на печь. И совсем *размяк душой*, когда дочь подала снизу целый ржаной пирог со свежими рыжиками, а после еще и большую кружку с чаем и даже сахарницу с мелко наколотым сахаром.

Приглашение к самовару – способ успокоить душу, отомстить грех (мать Веры Роговой приглашает к самовару нищенку Маряшу, Вера оценила этот поступок матери как попытку замолить грех: накануне мать ударила сына).

Чай в момент важного события

Чаепитие, чай, самовар сопровождают героев во все самые важные, порой исключительные моменты их жизни:

сватовство (сватовство Веры Роговой см. выше, *«Евграф поговорил для приличия, почаяевичал с маткой и с братьями Тони. Вот и все сватовство!»*),

ожидание смерти (в доме умирающего отца Ириней две нищенки, Маряша и Таня, которые приглядывали за умирающим, ночевали на кухне и пили чай; хотя в казанскую ольховские жен-

щины наносили отцу Иринею пирогов, студню, хлебного сусла, нищенки пили чай «со своим сахарком» и «со своими сухариками»),

неожиданная, но желанная встреча (*«Авдошка стояла в дверях веранды с самоваром в руках. Увидела Петьку, охнула, чуть не выронила самовар. Петька подхватил самовар из ее ослабевших рук, поставил на поднос, лежавший посередине стола»*),

раскулачивание (*«Матка, ставь самовар вдругорядь! Видишь, сколько сватов наехало?»* – голос Жучка совсем истончился),

самые откровенные разговоры между близкими людьми (Павел высказывает свое недовольство новой властью дедке Никиту, дедко в это время снимает трубу с бурлящего самовара, прикрывает отдушник, заваривает чай).

Как замечает В. Белов в книге «Лад», в тяжелые времена крестьянский самовар становился объектом особого внимания. В романе «Год великого перелома» Сопронов описывает имущество раскулачиваемого Жучка и диктует Куземкину: *«Самовар желтый, ведерный, да второй самовар белый! <...> Труба самоварная, новая»*.

Отказ от чая

Чай не только пьют, от него отказываются, забывают предложить.

Яков Меерсон, переночевав в доме старухи, не стал ждать самовара. *«Да что ты, батюшко? Куды? Ведь сяс самовар скипит!»* – Старуха даже расстроилась и отложила прялку. Меерсон отказывается от чая, т.к. вся обстановка, в которую он попал, вызывает у него чувство презрительности.

Жена Игнахи Сопронова, Зоя, перебирая деревенские новости, сказала, что хорошо бы купить Ундера (мерина Кинди Судейкина). Игнатий спрашивает: «Сколько просит?» – и *отставляет недопитую чашку*. Этот жест визуализирует чувства Игнахи: злобу, раздражение, обиду.

Услышав, что кто-то первым выехал пахать, дедко Никита не стал даже заваривать чай, что любил больше всего на свете. *«Самовар шумел на столе, рогули горячие во весь залавок в кути, а за столом ни дедка, ни Павла»*.

Марья Миронова предлагает Игнахе спуститься вниз: у Мироновых и самовар там. «Не требуется», – отрезал Игнаха. Он пришел сообщить, что вместо 50 рублей налога Мироновы должны платить 170. Отказ от самовара – отказ иметь что-то общее с Мироновыми, нежелание вступать с ними в контакт, противопоставление себя им, утверждение своей власти над ними – а значит, над всей старой жизнью.

Когда в дом к Сопроновым приходит Митька Усов (по поручению уездной тройки он должен был доставить в сельсовет отца Игнахи), Усов с недовольством отмечает, что Игнаха какой был, такой и остался: *самовар не поставил – «не научила жить чужая сторо-нушка»*.

Чай и чаепитие в памяти героев

Память персонажей хранит разные воспоминания. Особое место среди этих воспоминаний занимают те, в которых возникают образы домов, заменивших персонажам на какое-то время их собственный утраченный дом; персонаж, попав в другую семью, в которой его принимают радушно, тепло, чувствует себя словно в своей семье. Гостеприимные хозяева создают в доме благоприятную атмосферу, в том числе и с помощью чаепития. Таким образом, чаепитие активизирует концепты «семья», «дом».

Прозорову *«хотелось зайти к добрым поморкам, он вспомнил их убаюкивающую речь, их старомодные чаепития за самоварным столом»*.

Освобожденный из тюрьмы (домзака) Евграф Миронов вспоминает, как когда-то вместе с Нечаевым приезжали они в Вологду покупать хомуты, пили тогда чай в доме у наставниц.

В доме, где жила тетя учительницы Марьи Александровны (*«в комнате, где приезжих поили чаем, были приятные розовые обои. <...> Шкафы с точеными украшениями были полны всякой посуды. На круглом столе, где пили из самовара настоящий чай, была разостлана льняная, вышитая цветочками скатерть»*) украинка Авдошка забыла, что она в гостях и в городе, «что-то похожее на родную среду, на недавний, но уже забытый домашний покой» чулось ей во всем доме.

Старая форма – новое содержание

В трилогии «Час шестый» запечатлено переходное время: крестьян сгоняют в колхозы, раскулачивают, их имущество переходит другим владельцам. Предметы быта (например, домашняя мебель) используются представителями новой власти в служебных целях: так, например, в бывшем доме Евграфа стол на точеных ножках, шкаф со стеклянными дверцами – стоят на прежних местах, только в шкапу не чайные чашки, а груда пролетарских бумаг. Эта деталь свидетельствует о том, что разрушается не только чайная традиция, но и весь старый порядок жизни, миропорядок.

Новым содержанием наполняется не только старая мебель, но и старые выражения. Выражение *«попить чаю»* в контексте разго-

вора Кинди Судейкина, недавно вызывавшегося по повестке в суд, и Жучка, недавно отпущенного из Кувшиново, приобретает переносное значение. «Говорят, чаю в сельсовет привезли, китайского. А пить не с чем. Дак я им канфет несу» (Жучок нес угли в корзине). «Меня вот по бумажке вызвали в Ольховицу, чай-то пить. Дак ты покажи, может, у меня тоже такая, может, вместях *и попьем чаю-то?*»

Нет чая – нет жизни

Павел, сбежавший из Печоры, нашел дедушку Никиту, который жил один, далеко в лесу. Дед отправляет Павла к колодцу: «иди тропкой, там и чарка берестяная... *чай-то у меня давно кончился*». «Чем питаться станем? *Нету ни хлеба, ни чаю-сахару...*», – размышляет дед.

В контексте жизни дедки Никиты Рогова чай имеет особое значение: больше всего в жизни дед любил заваривать чай. Его слова о том, что чай у него давно кончился, настораживают читателя (слово «кончился» наводит на мысли о других словах – «скончался», «кончина»), предвосхищают дальнейшее развитие сюжета: Никита Рогов погибнет.

Литература

1. Белов В.И. Лад: Очерки о народной эстетике. М.: Молодая гвардия, 1989. 420 с.
2. Ландрин // В.Б. Муравьев. Московские слова и словечки. Режим доступа: http://clow.ru/a-moscow/1/14/mosslov3_57.html
3. Сырников М. Налитушки // Реакционно-кулинарный ЖЖурнал. Режим доступа: <http://kare-l.livejournal.com/228787.html>
4. Якушева Л.А. Русское чаепитие как текст повседневной культуры // Аналитика культурологии. Режим доступа: http://www.analiculturolog.ru/journal/archive/item/309-article_19-7.html

АБСУРДНАЯ СИТУАЦИЯ КАК СПОСОБ ОБНАЖЕНИЯ ПРАВДЫ

(на материале рассказа В.И. Белова «Скакал казак»)

Аннотация. В данной статье представлен анализ рассказа В.И. Белова «Скакал казак» о жизни русской деревни в годы Великой Отечественной войны. Выстраивая оппозиции: «Гудков – Бессонов», «ритм – ритмический сбой», «настоящий – фальшивый», писатель приходит к мысли о порочности советской административной системы, ее жестокого и бездумного вмешательства в многовековой уклад крестьянской жизни.

Ключевые слова: абсурд, XX век, В.И. Белов, «деревенская проза», вологодская литература.

Согласно словарю С.И. Ожегова, абсурд – это нелепость, бессмыслица [4: 28]. В творчестве В.И. Белова абсурд предстает как *«разлад, хаос, кавардак, сбой, несуразица, неосновательность, «пошехонство»* [1: 281]. Это следствие плохой жизни, ее дурного качества. Абсурду противопоставлена важная в мировидении писателя этически-эстетическая категория «лада», сформулированная им самим в одноименном очерке: «Хорошую жизнь пронизывает лад, настрой, ритм, последовательность в разнообразии. Такой жизни присущи органичная взаимосвязь всех явлений, естественное вытекание одного из другого» [1: 281].

В произведениях В.И. Белова социальный абсурд сопровождает жизнь послереволюционной деревни. Жестокое и бездумное вмешательство в уклад жизни крестьянина, «нарушение тихого ритма <...> воспринимается как разлад, пошехонство и всегда имеет негативные последствия» [3: 88]. Нелепость, алогичность колхозных порядков, администрирование сельской жизни часто становится предметом изображения писателя («Привычное дело», «Кануны»), в том числе и в малой прозе.

В рассказе «Скакал казак» (1980) изображена жизнь северной деревни в тяжелые годы Великой Отечественной войны. Автор не дает ей точного названия, прибегая к распространенному в литературе приему типизации. Действие рассказа происходит в октябре 1944 года. Белову хватает описания одного дня – полных суток – для трансляции всей необходимой читателю информации. Тяжесть

жизни деревни в военные годы обрисована красноречивыми деталями: «Деревня почернела от холодных дождей» [2: 399], «Ну, а бабы, что бабы? Они вон и так еле ходят, опухли, ладно что мужиков почти всех подчистую на фронте решило. А то приехали бы, не узнали своих баб...» [2: 413], «За три военных года смерть так или эдак прикоснулась к каждому дому» [2: 402], «Вся деревня второй месяц жила на одной картошке» [2: 399].

Третья бригада Степана Михайловича Гудкова, состоящая почти из одних женщин, – это образ относительно самодостаточного миропорядка. Концептуально важной составляющей крестьянского мира является труд (заданный природой «биоритм» человека на земле, его связь с ней). По своему характеру этот труд является напряженным и жертвенным: крестьяне, выполняя изнурительные работы на гумне по осуществлению завышенных планов хлебозаготовок по госпоставкам, остаются голодными ради великой цели – помочь фронту, накормить солдат. Не каждому оказывается под силу выдерживать суровые условия военного времени, но именно тяжелые времена рождают сильных по духу людей: «Те старухи и женщины, что были послабее либо еще до войны прибалывали, умерли. Зато тех, которые выстояли, теперь не брала никакая хворь» [2: 401]. Для выполнения напряженной коллективной работы необходим мощный человеческий ресурс, вот почему связь между оставшимися жителями деревни должна быть максимально прочна.

Взаимоотношения членов бригады Гудкова строятся на помощи, понимании и принятии друг друга. Порядок и дисциплина сельской жизни существуют «не только по причине тяжелой военной поры», но также из «неподдельного уважения к своему бригадиру» [2: 401].

Гудков – ревнивый «хозяин» деревни, своего «дома»; он его главный стержень. Гудков умудряется «без мужиков, с одними бабами и стариками вовремя делать все работы и рассчитывать по госпоставкам» [2: 401]. Он заботится о каждом из работников своей бригады: закрывает глаза на наличие кармана у передника, с помощью которого можно украдкой унести домой две-три горсти непровеянной ржи, делающей человека «счастливым на весь день» [2: 410], дает бабам возможность хотя бы немного отдохнуть после бессонной ночи перед срочной утренней молотью: «Вот что, бабы, идите-ко спать! А утром... В общем знаете сами» [2: 407].

Бригадир выступает в роли хранителя и организатора времени. Гудков максимально точно отображает ход жизни в деревне в своей амбарной «книге бытия»: «каждый вечер записывал в нее приметы,

события и погоду» [2: 400]. Осмысленная фиксация событий, сохранение последовательности происходящего, установление взаимосвязи всех явлений действительности (природных, социальных) – все это способы поддержания нестабильной устойчивости мира своей деревни.

Метафорой этого хрупкого равновесия в рассказе является колокольня, стоящая «как бы на трех ногах» [2: 415]. Основа жизнестойкости бригады Гудкова – многовековой крестьянский уклад, привычка и потребность в ритмичном труде на земле: «Изо дня в день, из недели в неделю, из месяца в месяц, из года в год брели на работу, потому что жить без работы и совсем не было никакого резону» [2: 401–402]. Военное время, хроническое недоедание, физическое истощение от непосильного труда – здесь, конечно, о ладе не может быть никакой речи. Однако жизнь бригады поддерживается его компонентами: целесообразностью, настроем, ритмом. Стоит только упомянуть о сцене молотьбы: бабы, постепенно входя в нужный ритм, забываются в работе, усталость и голод уходят на второй план: «Первая усталость прошла. Да и голод притупился, рассосался в груди» [2: 410]. И в эти минуты нет ничего важнее, чем самодостаточная красота и слаженность действий: «Кашлянув и поправив платок, первая ударила Поликсенья, за ней стукнула Нинка Воробьева, потом не сильно, чтобы войти в ритм, ударила Костерька. Тотчас же взмахнула цепом Смирнова Марютка, а за ней, уже по-настоящему, ударила опять Поликсенья, и цепи начали ритмично бухать в темноте» [2: 409], «Удобно скользила ручка молотила. С каждым ударом она легко перевертывалась в ладонях Костерьки» [2: 410].

В такой живой, осмысленный ритм безжалостно вмешивается административная машина в лице председателя сельисполкома. Бессонов является персонификацией социального абсурда в рассказе. Семантика фамилии персонажа отсылает нас к аритмичным (без сна, без покоя) и inferнальным (бес) характеристикам его образа. Стоит заметить, что у него (в отличие от Степана Михайловича Гудкова) отсутствует имя, тем самым подчеркивается безликость фигуры Бессонова.

Не столько обезличен, сколько бездушен его внешний облик: белое лицо, стеклянные глаза, тонкий длинный нос. Его одежда: хромовые сапоги, скрипом нарушающие тишину в деревне, диагональные галифе и гимнастерка, макинтош, полевая сумка, кожаная перчатка – контрастируют с ветхими обносками крестьян. Трехмесячное пребывание на фронте, пьянство, нарушение элементар-

ных норм этикета, слухи о псевдоранении левой руки работают на формальное, фальшивое начало в его образе. Бессонов в деревне – человек пришлый, он действует по принципу: пришел, отдал распоряжения, уехал. Его образ дополняет фигура сытого (в отличие от крестьян) серого жеребца в яблоках, вносящего собственный диссонанс в «тишину» деревенской жизни: «животина неутомимо екала селезенкой» [2: 405]. Возникают параллели образа Бессонова с всадником (отсылка к названию произведения), несущим повсюду хаос и разрушение.

Противоположность медленного, неизменного ритма деревенской жизни резкому эпизоду вторжения извне – мотив, обязательный в деревенской прозе [5: 40]. Приезд Бессонова является незамедлительным откликом на почин колхозников Саратовской области, сдавших в «фонд Советской Армии четырнадцать с половиной тысяч пудов зерна» [2: 400].

Бессонову не важен распорядок дня, ритм своей подопечной бригады: он «мог нагряться в любое время суток» [2: 405]. Бессонов приезжает в деревню около одиннадцати часов ночи, после сбора крестьян начинает собрание в двенадцать, заканчивает к третьему часу. Времени на отдых практически не остается, исходя из того, что «бабы пришли на гумно еще затемно», а «рассвет только-только мельтешил в проеме гуменных ворот» [2: 408]. Как персонаж-функция, Бессонов относится к крестьянам как к функциям, рычагам для осуществления собственных интересов.

Он обвиняет бригаду Гудкова в том, что «ихняя бригада по всей России стоят на последнем месте по хлебосдаче и что они работают хуже всех во всем государстве» [2: 406]. Произнося монолог, он испытывает нарастающее возбуждение. Повышение голоса председателя в ходе обвинительной, унижающей речи («Начиная тихо, он постепенно усиливал голос, а в конце переходил на мощный крик» [2: 406]) контрастирует с тем, как сужается охват территории, повинной в малой сдаче сырья («область» – «район» – «колхоз» – «бригада»).

Бессонов отдает абсурдные приказы, не вникая в суть работы; он идет не только наперекор человеку, но и природе: «То есть как это так, нет ветра? Веять! Немедленно!» [2: 412]. Начальник не думает о том, что сырое зерно не дойдет в пригодном для употребления состоянии на фронт; его не волнует, что оно сгниет при срочной отправке. Вслед за мотивом вторжения возникает мотив подмены высокой цели (помощь фронту) псевдоцелью (отчитаться лучше всех перед вышестоящим начальством).

Бессонов, используя приемы черной риторики, погружает людей в состояние полной рассеянности, затуманенного сознания и хаоса. Последствиями его постоянных «набегов» являются сбои хрупкого, с великим трудом налаженного ритма в жизни деревни. Изначальная нелепость ситуации (крестьяне, чтобы не умереть с голоду, вынуждены красть крупы урожая, ими же выращенного) усугубляется вмешательством Бессонова. Он, пытаясь выбить из бригады увеличение поставок, сам же мешает этому. Ночным визитом Бессонов лишает крестьян и без того ничтожно малого отдыха. Вследствие этого выбиваются из строя несколько работников, каждый из которых на счету. Но главное – рушится судьба семьи Костерки: если бы она выпалась, то, возможно, не забыла бы надеть заветный передник, и ей не пришлось бы воспользоваться «заплатанными, растоптанными» валенками, из-за которых кража «двух грудок зерна» [2: 412] обернулась тюремным сроком.

К социальному абсурду добавляется абсурд человеческий, исходящий от внутренней дисгармонии жизни. Ее приносят дети, «бесенята», в сознании которых произошла нравственная деформация. Относительно взрослые деревенские ребята («Этим жеребцам по десять да по двенадцать» [2: 415]), уже способные оказывать помощь старшим, вносят в этот мир дополнительный беспорядок, усугубляют хаос. Если в эпизоде с колхозной брюквой они без разрешения берут несколько брюквин, да еще и раскидывают напрасно ботву, то в сцене переговоров с Гудковым они выдвигают нелепое требование в ответ на его просьбу о помощи: «А вот спой нам песню, так поедем!» [2: 416]. Старику-бригадиру приходится идти на унижение, устроенное малолетними «душегубами», только лишь потому, что не хватает работников для доставки зерна на фронт.

Апофеозом перевернутого мира является финальный эпизод отъезда обоза; в нем социальный и человеческий абсурд сливаются в единое целое. Сын, везущий мать в тюрьму «с песнями», копирует поведение Бессонова. Славко еще полностью не осознает серьезность ситуации и ее трагические последствия для себя, своей матери и младшего брата, но это прекрасно понимают бабы:

«– По миру идти, один путь.

- Да одного в детдом-то возьмут.
- Разве экой санапал будет в детдоме жить?
- Убежит кряду.
- Убежит» [2: 418].

Финал рассказа – лаконичная запись в «дневнике» Гудкова от 24 октября 1944 года («День прошел благополучно» [2: 418]) – резко контрастирует с предыдущим повествованием в эмоционально-смысловом отношении. Прием контраста создает эффект эмоционального воздействия на читателя, позволяет предельно обострить ситуацию. Кроме того, это единственно доступный Гудкову способ восстановления нарушенного ритма и упорядочивания внесенным Бессоновым хаоса.

Таким образом, абсурдная ситуация для В.И. Белова является способом обнажения правды. Выстраивая оппозиции: «Гудков – Бессонов», «ритм – ритмический сбой», «настоящий – фальшивый», писатель приходит к мысли о порочности советской административной системы, ее жестокого и бездумного вмешательства в многовековой уклад крестьянской жизни.

Литература

1. Белов В.И. Лад // Собрание сочинений: в 7 т. Т. 5: Очерки. Произведения для детей. М.: Классика, 2011. С. 7-286.
2. Белов В.И. Скакал казак // Собрание сочинений: в 7 т. Т. 2: Повести и рассказы. М.: Классика, 2011. С. 399-418.
3. Повесть В.И. Белова «Привычное дело» как вологодский текст: монография / С.Ю. Баранов, Т.Н. Воронина, С.Х. Головкина, Е.Н. Ильина, С.Н. Патапенко, Ю.В. Розанов, А.В. Федорова, Н.Л. Фишер. Вологда: ИП Киселев А.В., 2016. 191 с.
4. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / под ред. проф. Л.И. Скворцова. М.: Мир и Образование, 2016. 1376 с.
5. Шайтанов И.О. Реакция на перемены // Вопросы литературы. 1981. № 5. С. 34-60.

ТРАДИЦИИ ДЕРЕВЕНСКОЙ ПРОЗЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ТВЕРСКИХ АВТОРОВ

С точки зрения некоторых исследователей, несмотря на довольно активное издание произведений В.Г. Распутина, А.И. Солженицына, В.П. Астафьева и др., «деревенщики» давно перестали быть активными персонажами современной литературной сцены¹. Наряду с этим невозможно отрицать влияние деревенской прозы на современный литературный процесс и глубокие генетические связи между ними. Речь идет не только о произведениях Романа Сенчина (романы «Ёлтышевы» и «Зона затопления», а также некоторые рассказы) и Михаила Тарковского («За пять лет до счастья», «Замороженное время», «Енисей, отпусти!» и др.) или таких авторов, менее известных массовому читателю, как Дмитрий Новиков, Алексей Шепелёв, Наталья Ключарёва. Одним из продолжателей традиций деревенской прозы среди современных русских прозаиков можно назвать Захара Прилепина. Если в его романах «Грех» и «Обитель» проблематика, характерная для деревенской прозы, присутствует периферийно, то в сборнике «Ботинки, полные горячей водкой» к ней напрямую восходит целый ряд рассказов (прежде всего рассказы «Славчук» и «Смертная деревня»). Публицистический пафос советской литературы 1950–1980-х годов оказался востребованным для раскрытия социальной проблематики на рубеже столетий и в начале XXI вв.

Региональная литература с известным запаздыванием принимает и осваивает тенденции, зарождающиеся в литературе столичной. Вместе с тем в ней зачастую длительное время сохраняется интерес к явлениям, на столичном уровне признаваемым архаичными. Это обусловлено спецификой регионального литературного процесса и культурной жизни в целом². Говоря в этом свете о писа-

¹ Разуvalова А.И. Писатели-«деревенщики»: литература и консервативная идеология 1970-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2015. (Научная библиотека). – (Новое литературное обозрение. Научное приложение. Вып. 146). С. 3.

² Серебrenников Н. В. Проблемы и перспективы русской провинциальной литературы. Великий Новгород: Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, 2000. 86 с.

телях-деревенщиках, следует отметить, что изучение их творчества и пропаганда их наследия чаще всего локализованы в тех регионах, с которыми была связана жизнь писателей. Однако их влияние на собственно литературный процесс является универсальным и, что важно, не исчерпывается продолжением сформировавшихся традиций.

Среди тверских авторов, чье творчество соотносится с направлением деревенской прозы, следует назвать Ю.В. Красавина, М.Г. Петрова, Г.А. Немчинова, Ю.А. Козлова. Пожалуй, именно проза Юрия Красавина в этом ряду будет наиболее ярким и характерным явлением. Не без самоиронии, но совершенно искренне Ю. Красавин определяет свой однажды выбранный творческий путь, неразрывно связанный с деревенской прозой: «Наверно, ещё тогда, учась в шестом классе... впрочем, может быть и раньше, я составил список своих будущих сочинений, которые напишу. Помню, в том перечне были:

1. «ДЕРЕВНЯ» – в четырёх томах.

2. «ВОЛГА» – тоже в четырёх томах.

3. «ЛЕСНАЯ РУСЬ» – в трёх томах (а потому в трёх, что не всем же быть в четырёх!).

4. «РОССИЯ» – какое-то очень патриотическое сочинение о величии моей страны и моего народа... уж наверно не в одном томе!»³ (С. 32).

Сочинения Ю. Красавина (а это 14 полноценных томов⁴) представляют собой хронику жизни русской деревни второй половины XX в. и отражают проходящие в ней социальные, экономические и культурные процессы во всей их сложности. Наибольшее внимание писатель уделяет нравственным проблемам – исконным человеческим ценностям, потребности в них современного человека и крепости этой системы в условиях социальной неустроенности. Писателя волнует утрата преемственности между поколениями, и в своих произведениях он неоднократно утверждает необходимость сохранения и восстановления подобного рода связей.

В повести со знаковым названием «Хозяин» Юрий Красавин изображает русскую деревню и деревенских жителей, испокон веков

³ Красавин Ю.В. К великому морю: Повесть о писательском пути. – Тверь: Научная книга, 2010. 448 с. С. 32.

⁴ Красавин Ю.В. Полное собрание художественных произведений: в 14 т. Тверь: Наука и культура, 2010.

живущих единой, цельной жизнью, которая тесно связана с миром природы. Герои Ю. Красавина – люди честного труда, являющегося своеобразным гарантом сохранения их нравственности. В чем-то герой повести Иван Забелин представляется наивным (особенно современному читателю). Однако именно такой характер – характер исконного русского крестьянина – является своего рода национальным идеалом писателя. Сам Ю. Красавин был крестьянского происхождения и гордился этим. В поздней автобиографической повести «К великому морю» он пишет об этом, утверждая огромный творческий потенциал и глубоко поэтическое восприятие мира простого русского человека: «Насколько я могу судить, ни у кого из них не было стремления к литературному сочинительству, но не поставлю под сомнение их склонность к творчеству в той или иной форме, к поэтическому восприятию мира. Иначе и быть не могло! Потому вполне допускаю, что, может быть, от деда к сыну, к внуку и правнуку бежала, как по бикфордову шнуру, некая искорка, чтобы потом вспыхнул в ком-то (вот хоть бы и во мне) этот волшебный огонь – писательское вдохновение – и озарил судьбу целого рода и место его обитания»⁵.

Как известно, особое внимание писатели-деревенщики уделяли языку. В связи с разрушительными процессами, постигшими русскую деревню в 60–70-е годы, Ф. Абрамов писал: «Серьезные потери несет язык. Деревня всегда говорила на более богатом языке, чем город, сейчас эта свежесть выщелачивается, размывается...» Ю. Красавин внимательно относится к языку и стилю изложения своих произведений. По наблюдениям исследователей, «большое сходство у Красавина с писателями-деревенщиками наблюдается в языковом плане. Как и язык писателей-деревенщиков, язык Ю. Красавина богат пословицами, поговорками, частушками, в нем много просторечий»⁶. Все это создает достоверный языковой контекст деревенской действительности.

⁵ Красавин Ю.В. К великому морю: Повесть о писательском пути. – Тверь: Научная книга, 2010. 448 с. С. 6.

⁶ Лосева Н.В. Творчество Юрия Красавина в контексте деревенской прозы // Русская литература XX–XXI веков как единый процесс (проблемы теории и методологии изучения): V Международная научная конференция; Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 8–9 декабря 2016 / Ред.-сост. А.В. Леднёв, П.Е. Спиваковский. М.: МАКС Пресс, 2016. 379 с. С. 285–288. С. 287.

Произведения Ю. Красавина отличаются наиболее характерными для деревенской прозы темами и мотивами. Так, в повести «В середине лета» Ю. Красавин изображает путь становления личности молодого человека, сутью которого оказывается обретение истинных духовных ценностей. Повести «Тропинки нашего детства» и «Вот моя деревня...» посвящены проблеме соотношения городского и деревенского начал в культуре и жизни современного общества. Повесть «Великий мост» представляет собой призыв к объединению людей, в чем-то даже к возвращению к древнему и, по мнению автора, духовно здоровому общинному порядку, духовно-нравственные ценности которого противопоставляются коммерческим приоритетам современного мира.

Вместе с тем, именно в творчестве Ю. Красавина проявляется одна из тенденций, свидетельствующая о художественном потенциале деревенской прозы. Она заключается в усилении и актуализации документальной составляющей повествования. Так, «Слово о моей Нерли» имеет жанровый подзаголовок «Повесть без вымысла», она действительно основана на реальных событиях. Поэтический язык в ней сочетается с публицистическим началом. Ее герои – обыкновенные люди, самоотверженно выполняющие возложенную на них работу. Многие из них покинули родную деревню, но сохраняют с ней сакральную связь, вместе с ней переживают ее простые радости и печали. Такая связь со своей землей, по мысли писателя, является опорой современного человека, и в лирико-философских размышлениях героев о своей малой родине отчетливо слышится голос самого автора. А в повести «К великому морю» Ю. Красавин приоткрывает дверь в свою творческую лабораторию и демонстрирует своему читателю, как простые эпизоды деревенской жизни, такие, как, например, мытье в бане, интегрируются в художественные произведения. Описывает Ю. Красавин и свои переживания после выхода в свет «Владимирских проселков» – ревность к «своей» теме, «своему» материалу: «Выходит, что же... Солоухин своими «Владимирскими проселками» уже застолбил этот пласт жизни, словно старатель золотиносный участок! Что же мне теперь, по его следам идти? Повторять уже сказанное? Дело недостойное»⁷.

Усиление документального начала в художественном повествовании отчасти может быть обусловлено региональным фактором, а именно активной пропагандой творчества И.С. Соколова-Микитова,

⁷ Там же. С. 55.

последние годы жизни проведшего в с. Карачарово Тверской области. И.С. Соколова-Микитова традиционно не причисляют к писателям-деревенщикам, однако его мировоззрение чрезвычайно близко позиции лучших представителей этого направления: «Россия была для меня тем самым миром, в котором я жил, двигался, которым дышал. Я не замечал этой среды, России, как рыба не замечает воды, в которой живёт; я сам был Россия, человек с печальной, нерадостной судьбой», – писал он. Значительная часть литературного наследия И.С. Соколова-Микитова связана со становлением и развитием этого литературного направления, прежде всего это повести «Детство» и «Елень», а также рассказы из циклов «На теплой земле», «На речке Невестнице», «На родной земле» и записи, объединенные в цикл «На своей земле». Не случайно похожим образом – «На моей земле» – называется один из сборников прозы Ю. Красавина.

Эту же тенденцию – усиление документального начала – можно наблюдать в прозе тверского писателя В.З. Исакова, прежде всего в повести «Что там, в душе?». Сочинения Ю. Красавина и В. Исакова сближают хронологический принцип повествования, наличие ассоциативных авторских отступлений, большое количество цитат и реминисценций, введение которых продиктовано желанием воссоздать не только этапы формирования мировоззрения, но и контекст литературной деятельности писателя, в котором деревенская проза занимает значительное место.

Интересно также отметить, что влияние деревенской прозы распространилось далеко за границы собственно прозы. В настоящий момент в литературоведении нет такого понятия, как деревенская поэзия, однако творчество многих авторов могло бы попасть под это определение или, по крайней мере, следует обозначить деревенскую тему в творчестве ряда поэтов, развивающуюся в унисон с традициями деревенской прозы. В тверской литературе это творчество В.И. Львова, Н.С. Капитанова, Л.Е. Нечаева, Б.А. Раппопорта, В.А. Редькина, Ю.Н. Смирнова, Г.В. Степанченко, С.Н. Усицкова и др. Стихи Владимира Львова, «крестьянского» поэта⁸, простые, в чем-то даже фамильярные, пронизаны чувством душевной привязанности к родному краю и вместе с тем горько-ироничными сожалениями о его судьбе:

⁸ Редькин В.А. «За правду, которая все-таки есть...» Творчество Владимира Львова // Редькин В.А. Поэтическое Врехневолжье: очерки о Тверской поэзии XX–XXI веков. Тверь: Волга, 2017. 672 с. С. 358–379.

В правительстве большие перемены.
У нас все так же, как давным-давно,
Все так же говорят в деревне стены,
Все так же у доярок пухнут вены,
Все так же трактористы пьют вино.

Привязаны к скотине, к огороду,
Зато своя картошка, молоко;
Заботы не дают особо ходу,
Зато не надо ездить на природу:
У нас такое счастье под рукой⁹.

Поэзия Николая Капитанова, напротив, отличается тонким лиризмом и ощущением глубокой драмы, осеняющей судьбу русской деревни:

Я приеду сюда издалека,
Когда будет седой голова.
Будет чистою в речке протока.
Но не будет деревня жива. <...>

Еще будут июльские зори
В тишине освещать деревья.
Но приют мой навеки разорен.
И не будет деревня жива¹⁰.

Безусловно, на творчество В. Львова и Н. Капитанова, на особенности раскрытия ими деревенской темы оказали влияние и «тихая» лирика 50-х–70-х годов, и творчество таких поэтов, в том числе тверских, как С. Клычков, С. Дрожжин, Н. Тряпкин и др. Вместе с тем, в их поэзии отчетливо слышатся идеи и мотивы, характерные именно для деревенской прозы. Несмотря на то что оба поэта активно осваивают новейшие литературные тенденции¹¹, деревенская тема остается в их творчестве одной из главных.

⁹ Львов В.Л. Стихотворения // Тверская поэзия XX–XXI веков. Антология / Составитель В.А. Редькин, науч. ред. С.Ю. Николаева. Тверь: Книжный клуб, 2016. 440 с. С. 276.

¹⁰ Капитанов Н. С. Избранное: Стихотворения. Тверь: Тверская областная типография, 2006. 175 с. С. 17.

¹¹ Николаева С.Ю. Новые тенденции в поэтическом творчестве Николая Капитанова и Владимира Львова // Вестник ТвГУ. Серия «Филология», 2017. № 1. С. 68–79.

В современной филологической науке отсутствует единая точка зрения на уровень литературного мастерства писателей-деревенщиков, идеологическая ангажированность некоторых из них до сих пор является предметом горячей полемики. Несмотря на это, деревенская проза безоговорочно понимается как органичная часть русской национальной литературы. Наблюдения за продолжением и развитием ее традиций позволяют не только выявить особенности творчества конкретных писателей, но и уточнить закономерности развития регионального литературного процесса и обнаружить общие принципы взаимосвязи и взаимодействия столичной и региональной литератур.

ЯЗЫК – НАЧАЛО ВСЕХ НАЧАЛ

Ф.И. БУСЛАЕВ О НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ РУССКОГО СЕВЕРА

Аннотация. В статье дается обзор некоторых идей в области этнолингвистики крупнейшего отечественного филолога, академика Императорской Академии наук Ф.И. Буслаева (1818–1897). Подчеркивается неизменный интерес ученого к традиционной народной культуре, научный подход к изучению фактов не книжной словесности и включение их в учебную программу. Особое внимание уделено публикациям Ф.И. Буслаева северных текстов в «Исторической хрестоматии...».

Ключевые слова: этнолингвистика, словесная культура, текст, история языка, диалекты.

В юбилейный год имя Ф.И. Буслаева не раз звучало в научных статьях [9, 10, 11, 12] и конференциях [8]. Его наследие оказалось в центре внимания отечественных ученых с разных точек зрения, но практически все исследователи неизменно подчеркивают связь его идей с *живой* историей языка, народными традициями и обрядами, с той стихией словотворчества, которая всегда подпитывала корни книжной речи, насыщала их колоритным орнаментом местных красок и диалектов.

Вместе с А.Х. Востоковым, И.И. Срезневским и другими подвижниками русского языкознания он стоял у основания нового направления – сравнительно-исторического. Этот призыв, подхваченный им у немецких филологов-классиков, Ф.И. Буслаев продолжил на русской почве. Первым его лингвистическим экспериментом в этой области стала книга «О преподавании отечественного языка» (1844), в которую автор ввел новаторский прием: он *читал* с учащимися древние памятники, разбирал реалии текста, комментировал редкие лексические и грамматические явления, включал сознание своих учеников в культурное пространство старинной эпохи и невольно заставлял их быть соучастниками описанных событий. Так, в первой части он анализировал фрагменты «Сказания о взятии Пскова» (по летописному источнику), где разъяснял, например, что *Третьяк* – «языческое имя» [1, с. 291], *освитающе ни недѣльному* – «дательный самостоятельный» [1, с. 293], указывал на «древнее управление глагола *восплакать* и *возрыдать*» [1, с. 295], отмечал,

что «исполнѣ – прилагательное несклоняемое, относится к крыль, т. е. два крыла исполнены львовых ногтей» [1, с. 296], слово *торжище* можно сличить с *торг* и *торжество* [1, с. 296]. Сколько интересных устаревших форм и художественных образов Ф.И. Буслаев находил в таких текстах! Он как будто погружался духом вместе со своими слушателями в культуру Древней Руси, заражал их необычностью звучания и наполнения летописного сюжета.

Когда Ф.И. Буслаев выпустил «Историческую хрестоматию...» (1861) – первый опыт учебного пособия, где в хронологическом порядке им были собраны и опубликованы ценнейшие памятники церковнославянской и древнерусской письменности, то сразу обратил внимание современников на фундаментальный подход представления источников. Среди них были и уникальные образцы северной традиции: «Грамота великого князя Мстислава Володимировича и сына его Всеволода Мстиславича, князя Новгородского...», летописные своды, Паисиев сборник из собрания Кирилло-Белозерского монастыря, жития соловецких чудотворцев, «Послания Белозерского монастыря игумена Кирилла...» и другие уникальные факты по истории славяно-русской традиции.

В Приложении II Ф.И. Буслаев поместил «Образцы великорусского наречия» и начал свой обзор с северных диалектов: он опубликовал свадебные песни Архангельской губернии и былины об Илье Муромце. Одна из таких песен начиналась словами: «Сотворю судьбу, жалобу, / Я на сватыю лукавую, / На лукавую, вилавую, / На змѣю семиглавую...» [2, с. 1557].

И хотя она не передает в точности особенности местного говора, Ф.И. Буслаев старался соблюсти народную акцентологию.

А после издания былины об Илье Муромце он поместил лингвистический комментарий: «Архангельское наречие отличается следующими особенностями: 1) *ц* вм. *ч*, напр. *доць* вм. *дочь*; 2) *е* вм. *я* и *а*, напр. *дивуютсе* вм. *дивуются*, *цедо* вм. *чадо*, *чядо*; 3) с мягкими звуками, именно с *ц*[.] употребляется *ь* вм. *ъ* и *я* вм. *а*, напр. *Муромець*, *Муромця*; 4) иногда *ць* вм. *ть*, напр. *скацьный* вм. *скатьный*, т. е. *скатный*; 5) в склонениях: *ево* вм. *его*; род. падеж на *-ово* вм. *-аго*; *ко широкою* вм. *ко широкой*, *ко вашею* вм. *ко вашей*; 6) в спряжениях: 3-е лицо ед. числа на *-атъ* вм. *-аетъ*, напр. *приговариватъ*» [2, с. 1579].

Кроме архангельских, в «Исторической хрестоматии...» изданы также и вологодские песни: «Свадебная городская», «Свадебная деревенская», «Бисѣдная писня». Приведем начало первого текста:

Разливалася рѣченька,
 Разливалася быстрая
 По крутымъ по бережкамъ,
 По лугамъ по зелеными,
 По травамъ по шелковыми:
 Унесло – улелѣало
 Душу красную дѣвицу
 На чужу – дальну сторону,
 На чужу – незнакомую.
 Провожали ее маменька
 Что до быстрой до рѣченьки. <...> [2, с. 1582].

И здесь автор тоже прокомментировал некоторые особенности вологодского говора: «Это наречие отличается следующими особенностями: 1) *ц* вм. *ч*; 2) *и* вм. *ѣ* и *е*; 3) *у* вм. *л*, напр. *Воуга* вм. *Волга*, но особенно на конце слов, напр. *біу* вм. *билъ*; 4) *се* вм. *ся*; 5) *що* вм. *что*; 6) *госьи* вм. *гостъи*; 7) в склонениях: *братциіи* вм. *братци*; род. пад. ед. ч. на *-ово* вм. *-аго*; дат. пад. множ. ч. на *-ми* вм. *-мъ*, напр. *по крутыми* вм. *по крутымъ*» [2, с. 1583].

В этой книге ученый привел образец вытегорского наречия Олонецкой губернии, песни «ситкарей, живущих в Моложском уезде Ярославской губернии».

О народной культуре и традициях ее волшебного слова Ф.И. Буслаев писал много раз (см., например, [3, 4, 5, 6, 7] и др.), и этим своим подвигом он утверждал право русского народа на собственную школу филологии, в которой главным объектом изучения должна стать стихия природного слова, быта – всё, что вдохновляло наших предков на создание подлинных шедевров устной и письменной речи. Такой взгляд, во многом благодаря именно усилиям Ф.И. Буслаева, с его времени прочно вошел в научную традицию и позднее вырос в этнолингвистическую школу. Заслуга основателя русского исторического языкознания в данном направлении несомненна.

Литература

1. [Буслаев Ф.И.] О преподавании отечественного языка. Сочинение Федора Буслаева, старшего учителя 3-й московской реальной гимназии. Часть первая. М., 1844.
2. [Буслаев Ф.И.] Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков, составлено... Ф. Буслаевым. М., 1861.

3. Буслаев Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 1–2. СПб., 1861.
4. Буслаев Ф.И. История русского языка и словесности. Лекции, читанные ординарным профессором Ф.И. Буслаевым... Литографированное издание. [М., 1868].
5. Буслаев Ф.И. История русской литературы. Лекции, читанные его императорскому высочеству наследнику цесаревичу Николаю Александровичу. (1859–1860 г.). Выпуск первый. М., 1904.
6. Буслаев Ф.И. История русской литературы. Лекции, читанные его императорскому высочеству наследнику цесаревичу Николаю Александровичу. (1859–1860 г.). Выпуск второй. М., 1905.
7. Буслаев Ф.И. История русской литературы. Лекции, читанные его императорскому высочеству наследнику цесаревичу Николаю Александровичу. (1859–1860 г.). Выпуск третий. М., 1906.
8. Ильина Е.Н., Никитин О.В. «Чуткий и добрый страж русской науки» (К 200-летию со дня рождения Ф.И. Буслаева) // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Гуманитарные, общественные, педагогические науки. 2018. № 3. С. 5-8.
9. Никитин О.В. Лекции Ф.И. Буслаева по истории русской литературы, читанные его императорскому высочеству наследнику цесаревичу Николаю Александровичу, как филологическое искусство // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Гуманитарные, общественные, педагогические науки. 2018. № 3. С. 60-67.
10. Никитин О.В. «Историческая хрестоматия церковно-славянского и древнерусского языков» Ф.И. Буслаева как памятник филологической культуры XIX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 4 (173). С. 82-88.
11. Никитин О.В. «Филология духа». Федор Иванович Буслаев как языковая личность (К 200-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2018. № 5. С. 79-86.
12. Никитин О.В. Фёдор Иванович Буслаев и язык Отечества (К 200-летию со дня рождения) // Русская речь. 2018. № 3. С. 48-56.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ РЕЧЬ: НИВА ДОБРА ИЛИ ПОЛЕ БРАНИ?

Аннотация. В статье оценивается состояние современной русской речи, взаимоотношение традиций и новаций в практике речевого общения, рассматриваются проблемы школьного филологического образования.

Ключевые слова: русский язык, речевое общение, филологическое образование.

В.И. Белов много раз говорил о своем отношении к родному языку и о проблемах современного речевого общения. Приведу часть его интервью, опубликованного в газете «Красный Север»: «Русский язык губят основательно. Я много писал в его защиту. И всё напрасно. В газетах много элементарной безграмотности, журналисты не знают порой ни падежей, ни знаков препинания. А какое засилье аббревиатур? Сколько мата, пошлых анекдотов тиражируется! Беда. Наш язык страдает от большого и зачастую неуместного употребления иностранных слов. А язык, я вам скажу, – это не только средство общения, но и средство воспитания людей, это и образ мышления. Тут шутки опасны. Потеря языковой культуры, замена русских слов на иностранные, матерщина приводят к уродливому способу мышления. Страна сегодня на стадии языкового отравления. Сумеем сохранить язык – сохраним всё. Россию – в первую очередь» [1].

Надо действительно посмотреть, что же такое наша современная речь: нива добра или поле брани?

Русское слово как произведение, созданное многими поколениями, обнаруживает свойства смысловой аккумуляции, поэтому слово – речь – язык не только источник знания и передатчик информации, но – что гораздо важнее – это инструмент мысли, т. е. создатель новых знаний и новых идей, язык обладает креативностью, творческой силой.

Поскольку русский язык содержит в себе опыт деятельности многих поколений, поэтому он и есть гуманитарная энциклопедия, общее достояние всего народа: «Слово исключительно принадлежит народу как родной дом» [2, с. 25].

Язык – сокровищница всей нашей прошлой жизни, и потому наше сознание чутко реагирует на некоторые общезначимые слова. Ту же мысль Пушкин выразил следующей формулой: *«Москва... как много в этом звуке для сердца русского слилось! Как много в нем отозвалось»* (Евгений Онегин, XXXУ1). Способность аккумулировать в себе культурные смыслы – свойство живого языка. Так, исследуя термины семейных отношений (*отец, мать, сын, дочь, брат, сестра, свекровь, сноха*) с точки зрения истории языка, академик Ф.И. Буслаев открыл их древнее, индоевропейское происхождение и сделал вывод: наши предки вынесли из своей индоевропейской прародины уже вполне благоустроенную семью [3, с. 300].

Вспомним, как возникает слово. Слово – не случайная комбинация звуков, не условный знак для выражения мысли (хотя такая идея есть и в трудах по теории лексикологии, и в учебниках по введению в языкознание), слово – это творчество народного духа, результат поэтического, художественного творчества народа, это художественный образ, где запечатлены наблюдения народа над собой и окружающим миром. Слово – это первое и главное произведение народной словесности. Напомню, о чем однажды, анализируя свои педагогические опыты, признался своим ученикам первый методист в сфере русской словесности Ф.И. Буслаев: «Мне были нужны не сухие, бессодержательные окончания склонений и спряжений, а самые слова как выражение впечатлений, понятий и всего мирозерцания народа в неразрывной связи с его религией и с условиями быта семейного и гражданского» [3, с. 308]. Фактически и наше школьное языкознание должно быть лингвокультурологией, ведь язык – это «духовная жизнь народа, перелитая в гармонические звуки родного слова» [4, с. 428-429].

Фундаментальный признак русского народного слова – его морально-этическое содержание. Так, в эпической народной поэзии, как заметил Ф.И. Буслаев, нет оскорблений нравственности и малейших уклонений от добра и правды [2, с. 63], поэтому «литература призвана духовно руководить народом в его историческом пути, она духовно путеводителствует нации», а «учитель отечественного языка оказывает самое сильное влияние на нравственное направление ученика» [5, с. 176].

В какой степени мы учитываем в нашей речевой практике эти очевидные преимущества родного русского языка? И в чем неблагополучие современной русской речи?

С учетом современных социокультурных условий и потребностей публичного общения на первое место выходят проблемы порождения (создания) текста. В современном обществе с высоким уровнем публичного общения особенно востребовано умение правильно строить текст и грамотно его оформлять. В практической деятельности люди затрудняются оформлять простейшие деловые бумаги, не умеют самостоятельно структурировать и создавать тексты. Неумение создавать тексты: деловые и производственно-технические, политические и публицистические, описательные и инструктивные – главная проблема современного русского речевого общения. В тексте значимы синтаксис и лексика. В связи с этим считаем безграмотным и методически вредным исключение из блока ЕГЭ синтаксической части.

На втором месте стоит проблема восприятия текста – связного сообщения, т. е. прежде всего полнота понимания чужого текста. Кстати, научить создавать текст легче, чем научить его слушать и понимать, внимательно читать и понимать. Понимание предполагает самостоятельную оценку структуры текста: не разберешься в структуре – мало что запомнишь. Понимание предполагает иметь одинаковый с автором текста словарь, это тоже требует большой предварительной лексикологической работы и развитого культурного уровня.

На третьем месте оказывается теперь элементарная грамотность. Грамотность, особенно пунктуационная, вызывает большую тревогу: на одну орфографическую ошибку – 10 пунктуационных (это норма для тотального диктанта, который пишут взрослые, и для выпускного сочинения, который пишут одиннадцатиклассники). Полномочные органы государства: Рособрнадзор, министерство – реагируют просто и неэффективно. Они снижают требования к оценке выпускного сочинения, тем самым призывая и учителей следовать их примеру.

Что мы наблюдаем в современной русской речи, как письменной, так и устной? Вначале ответим на вопросы: Портится ли язык? Страдает ли он от тех речевых недочетов, которые осознаны многими образованными и культурными людьми? Нет, язык не страдает и не портится. Замечания вызывает речь отдельных граждан или корпоративных сообществ, но не структура и законы языка. Это для речи отдельных граждан характерны примитивные выражения эмоций *блин, вау* или невнятный вопрос: *По жизни ты кто?* Это в живой речи являются модой *эксклюзивная баранина, элитный щенок, контент*.

Но хочется понимать текст на русском языке и не тонуть в трех волнах новых слов:

а) бандитские слова – криминальная лексика: *наезд, откат, распил, типа, конкретно, чисто, беспредел, погна́ли*;

б) гламурные слова (глянец): *адекватный «нормальный», зажигать «развлекаться», лайк «нравиться», культовый, знаковый, пафосный, фиолетово, правильный ресторан, проект, продукт, гаджеты*;

в) профессиональные слова иноязычного происхождения: *риэлтер «маклер», стилист «парикмахер», модель «манекенщица», айтишник «компьютерщик»*. Поток американских англицизмов: *брифинг, дистрибьютер «фирма-посредник», саммит, ток-шоу, промоушн «рекламная кампания», контролинг, шопинг, блогер, инноватика* – что значат эти слова и как их писать? От слова *менеджер* появилось гнездо обозначений всяких менеджеров, вплоть до *менеджер по клинингу «уборщица»*. Есть смешные новации: *ретросексуалы* – нормальные мужчины, *техносексуалы* – они же, но помешанные на технике.

Почему люди увлекаются новыми словами? Потому что мода: слово, не знакомое большинству – шик, одно из средств выделиться в наше время.

Следующая беда для современной речи – это расплывчатость значения слов, выразительный пример – распространенное *как бы*. Причина его употребления: неопределенность описываемой ситуации или неуверенность, незнание обсуждаемого предмета. Совместная жизнь без регистрации стала именоваться *сожительством* (в этом слове есть отрицательная оценка), в сожительстве нет *мужа и жены*, а есть *друг и подруга*. Сокращение социальной сферы, закрытие учреждений здравоохранения и образования стали называть *оптимизацией*.

Другое обстоятельство, обедняющее нашу речь – потерянные слова и утраченные смыслы: Слова теряются при изменении технических средств цивилизации (*диктор, пишущая машинка*), слова кажутся несовременными, относящимися к старому быту: *получка, посиделки, чаёвничать, приятельница, земляк, авоська*. Жаль, что утрачиваются такие теплые, домашние слова!

Назовем ещё слова, разделённые временем: *извините* вместо обращения, при прощании слышим: *пока, увидимся, берегите себя, доброго времени суток*. Утрачиваются традиционные формы этикета: забываем здороваться в магазине с продавцом, с незнако-

мыми в подъезде, в лесу. Вежливость в таких ситуациях и полезна как средство снятия возможной агрессии. В ответ на приветствие по телефону: *Здравствуйте* слышим в ответ глупое *Да*. А нужно ли здороваться в электронном письме или сразу перейти к обращению? – жизнь ставит всё новые вопросы.

И ещё два слова об оскорбительной, неэтичной лексике. Правила образованного человека: нельзя их употреблять взрослым при детях, мужчинам при женщинах и наоборот, нельзя в официальной обстановке и в публичных местах. Если нет запрета таким выражения, остается грубость и вульгарность. Мат не объединяет, а разъединяет поколения, мужчин и женщин и т. д.

Из проблем современного речевого общения на первом месте характер словоупотребления, стиль или код словоупотребления.

Оценим сегодняшнее новое: это разговорно-просторечная стихия, которая иногда оправдывается как протест против трафарета и единомыслия. Разговорно-просторечные слова почти всегда образны и оценочны, причем часто с оттенком грубости: *толкнуть товар, наезжать на кого-либо, подставить кого-нибудь, черный нал*. Эта выразительность работает, если на один абзац литературной речи одно разговорное слово. Если же человек лишет, как говорят, то всё плохо, возникает беспредел в словоупотреблении: от речевой раскованности до развязности – границы нет. Сначала с оттенком бравады, потом с нахальством вседозволенности. Ситуацию в современном речевом общении профессор М.А. Кронгауз обозначил так: «язык на грани нервного срыва». Эстетика безобразного – в моде, отсюда распространение нецензурной брани и огрубление речи. Это ведет к психологическому и коммуникативному дискомфорту для граждан. А ведь так говорят в парламенте и на официальных собраниях. Наша речь – прямое отражение социальных процессов.

Другие болевые проблемы современной речи: 1) возрастающая неграмотность взрослого населения; 2) бюрократизация языка публичного общения.

Есть три теоретических положения, которые являются основой современных образовательных и просветительских программ и которые надо твердо усвоить:

1. Русский язык – это фундамент, который обеспечивает единство российского общества, испытывающего угрозы от глобализации, от диктата английского языка, от конфликтов цивилизаций.

2. Национальный язык – это не только средство общения, но и среда жизни человека, которая помогает индивидууму реализовать

свой потенциал во всех сферах жизнедеятельности. Чтобы сделать карьеру, нужно знать не один язык, при этом родным языком владеть на высоком уровне.

3. Чтобы улучшить практику использования языка, нужно прежде всего привлечь внимание общества к состоянию языка, к нормам его употребления, к практике публичного общения. Влиять необходимо на всю речевую практику, на общественное сознание в целом.

Взрослых граждан, как и нас – педагогов, тоже беспокоит речевое неблагополучие, поэтому каждый год увеличивается число пишущих тотальный диктант (все больше людей хотят оценить свою грамотность), но результаты не меняются: треть пишущих получает неудовлетворительные оценки. К тому же диктант проверяет только элементарную грамотность, но не повышает речевую культуру.

Какие самые злободневные проблемы в школьной словесности?

1. Выпускники школы в массе своей не умеют конструировать, структурировать и анализировать текст, эти навыки у них не отработаны.

2. Вученических текстах бедный словарь: наблюдаются ошибки в употреблении слов. Здесь проявляется и плохое знание классических текстов, входящих в школьную программу (путают авторов, названия произведений, героев, не различают исторические эпохи). Бедный словарь и слабая начитанность – это признаки низкого культурного уровня, мало читают, а между тем книга по информационной емкости далеко обгоняет интернет-сайты. Интернет рассчитан на безвольного потребителя развлечений, а книга требует интеллектуального и душевного труда.

3. Современные фонды информации доступны, разнообразны, но если культуру чтения книги мы формируем на уроке и во внеклассных занятиях, то в отношении интернета рассчитываем на информатику, хотя она больше учит работе с «железом», а не с информацией. В результате при массовом увлечении интернетом берут оттуда немного и доступное, что не требует труда, ума и усидчивости. К формированию образованной культурной личности современный интернет, вроде бы, и не имеет отношения.

4. Упал престиж печатной книги, да и книги вообще. В книжных магазинах почти нет покупателей, мало и самих магазинов. В библиотеках нет читателей, библиотеки превращаются в клубы

по любым интересам, кроме интереса к книге. В сегодняшней России нет единого литературного пространства: мы читаем мало и читаем несовпадающее. Граждане не выписывают журналов и газет, в семейных библиотеках остались только произведения школьной программы. Возникли проблемы с чтением художественных произведений школьной программы, к тому же программа явно перегружена, а ведь только медленное вдумчивое чтение формирует любовь к образному слову. У многих школьников нет вкуса к хорошей литературе и к художественному слову. Чуть лучше с поэзией: её тоже не читают, но любят слушать. У нас нет постоянного государственного мониторинга круга чтения детей и взрослых. Без художественного текста нам не воспитать современного культурного, духовно развитого человека. А воспитание вкуса к художественному слову – это одна из важных проблем школьной словесности.

5. От учителей стали больше требовать педагогических инноваций, знания методической литературы, но забыли сравнить цену научной книги, методического журнала и зарплаты учителя. Нужна государственная поддержка издания методических журналов и педагогической литературы для учителей и школьников. Сейчас, кроме наших традиционных журналов «Литература в школе», «Русский язык в школе», выходит интересный журнал «Русская словесность»: каждый номер тематический, есть раздел для школьника, есть диск.

Конечно, кроме школьного урока педагоги проводят много интересных образовательных и просветительских мероприятий. Из крупных филологических акций, которые систематически проходят в области, назовем некоторые:

- областной фестиваль педагогических технологий, который ежегодно проводится в Кадуе клубом «Учитель года» и школой № 2 Кадуя. Этот фестиваль поддерживает совет учительского профсоюза и областной совет по русскому языку;

- конкурс эссе и сочинений для учителей и школьников под девизом «За образцовое использование русского языка», его организаторы: Законодательное собрание, ВИРО и филологический факультет ВоГУ;

- программа «Вологда – город грамотных людей», поддерживаемая администрацией города;

- издание посвященных вологодской словесности и опыту вологодских педагогов номеров российских методических журна-

лов: «Русский язык в школе» (2018, № 7), «Литература в школе» (2017, № 9), проводится презентация этих журналов в Вологде с участием главных редакторов журналов;

– ежегодные всероссийские Беловские чтения, в их программе Малые Беловские чтения, научно-практическая конференция, издание Беловского сборника, литературный марафон «Вологжане читают Белова», организация в школах дискуссионных площадок по проблемам русской литературы, литературный семинар для начинающих авторов, встречи с писателями;

– введение единого речевого режима в вологодских школах.

Отечественная филология – единственная наука, интересы которой абсолютно совпадают с интересами России, и педагогическое служение на ниве русской филологии в ряду других профессий есть самая патриотическая миссия. Собственно, ради пропаганды этой идеи и задуман Первый областной съезд учителей русского языка и литературы.

Литература

1. Белов В.И. Сохраним язык – сохраним всё // Красный Север. 2007. 18 октября. № 122.
2. Буслаев Ф.И. Очерки русской народной словесности. Т. 1: Русская народная поэзия. М., 1861.
3. Буслаев Ф.И. Мои досуги. М., 2003. 608 с.
4. Буслаев Ф.И. О литературе. М., 1990. 512 с.
5. Буслаев Ф.И. О преподавании отечественного языка. Изд. 2. М., 1867.

К ВОПРОСУ О РЕДАКТИРОВАНИИ ТЕКСТОВ В.И. БЕЛОВА

Аннотация. В статье рассматриваются случаи не вполне удачного членения текста на синтагмы и, соответственно, расстановки знаков препинания в новой публикации произведения В.И. Белова. Внимание обращается на необходимость тщательной редактуры и корректуры при подготовке к опубликованию каждого текста.

Ключевые слова: рассказ В.И. Белова «Самовар», публикация, редакторская правка, погрешности и возможные варианты.

Искренне считая В.И. Белова великим русским писателем, мы понимаем, что к тексту его произведений нельзя прикасаться грубой, непрофессиональной рукой, нельзя изменять что-либо без должного для этого основания. А основания нередко подбрасывает сама жизнь.

«Ранее никогда ещё не публиковавшийся» рассказ В.И. Белова «Самовар» [1] произвёл на нас [3], как, впрочем, и на всю широкую читающую публику [4, с. 5], сильное впечатление. Произведение относится к начальному периоду творчества выдающегося русского писателя, и ранее, оказывается, оно было напечатано под названием «Такая война» [2].

Писательская организация препоручила право публикации рассказа «Самовар» еженедельнику «Наша Вологда» – чтобы как можно больше вологжан смогли познакомиться с этой «жемчужной беловской прозы» [4, с. 5]. Еженедельник издаётся тиражом 50 тысяч экземпляров, распространяется бесплатно через почтовую сеть. Читательскую аудиторию произведения безгранично расширило размещение его текста на сайте www.nvologda.ru.

Казалось бы, отрадное явление... Произведение ёмкое, многоплановое, замахивающееся на осмысление целого ряда проблем, дающее материал для исследования многих морально-нравственных вопросов. Однако нельзя не заметить, что в период подготовки рассказа к опубликованию могла бы быть более тщательной редакторская правка. Приведём ниже примеры фраз, которые следовало бы подавать иначе, чем это сделано в еженедельнике. За словом *Дано* нами приводится напечатанный вариант, а *Предлагаемый вариант* – это предложение автора настоящей статьи.

Дано: *Может, иной раз и написать-то нечем, ни карандаша. Ни грамотки, ведь это, матушка, не дома* [1, с. 14]. – Предлагаемый вариант: *Может, иной раз и написать-то нечем – ни карандаша, ни грамотки. Ведь это, матушка, не дома. Ни карандаша, ни грамотки* в этом тексте – это неразложимое сочетание слов. *Грамотка* – бумажка, у героя рассказа в трудных военных условиях нет ни карандаша, ни бумажки.

Дано: *Дома, хозяйка? – Дома, батюшко, дома, проходи, Пашенька, да садись* [1, с. 14]. – Предлагаемый вариант: *Дома, хозяйка? – Дома, батюшко, дома. Пройди, Пашенька, да садись*. Реальную устную речь можно расчленить на синтагмы так, чтобы её смысл легко доходил до читателя. В поданном варианте предложение неоправданно объединяет две разные мысли.

Дано: *Знамо, Пашенька, надо, – сказала Дарья. – Как, батюшко, не надо, надо* [1, с. 13]. Предлагаемый вариант: *Знамо, Пашенька, надо, – сказала Дарья. – Как, батюшко, не надо? Надо*. Как представляется, наш вариант точнее показывает ход мысли героини.

Дано: *Придёт письмо, Дарьюшка, как не придёт, должно прийти* [1, с. 14]. – Предлагаемый вариант: *Придёт письмо, Дарьюшка! Как не придёт? Должно прийти*. По существу, здесь нами предлагается вариант, подобный предыдущему.

Дано: *На первое мая соседский дедко ... купил у неё козу* [1, с. 14]. – Предлагаемый вариант: *На Первое мая соседский дедко ... купил у неё козу*. Предпочтительность написания с заглавной буквы обусловлена тем, что здесь не просто обозначение даты (была бы беспредложная конструкция), а название праздника.

Дано: *... не веря в бога, крестились на угол: «Пошли, господи, этому дому благодать и покой»* [1, с. 14]. – Предлагаемый вариант: *... не веря в Бога, крестились на угол: «Пошли, Господи, этому дому благодать и покой»*. Подготовка текста к опубликованию должна была быть проведена с учётом появившихся в обществе новых установок: уже утвердилась новая практика – слова *Бог, Господи* и под. писать с заглавной буквы.

Приведённые факты отнюдь не исчерпывают всех погрешностей, обнаруживаемых в тексте. При всей силе воздействия рассказа на читателя такие погрешности снижают производимое впечатление. Дальнейшим нашим шагом, возможно, станет наблюдение за этими тонкостями в тексте разных публикаций рассказа «Такая война». Это позволит судить о том, как работали редакторы с прижизненными текстами самого писателя.

Литература

1. Белов В.И. Самовар // Наша Вологда. 2017. 23 марта. № 10 (550). С. 13-15.
2. Белов В.И. Такая война: сканированная версия рассказа в журнале за 1960 г. URL: <https://harmfulgrumpy.livejournal.com/509906.html>
3. Зорина Л.Ю. Обращения как средство выражения вежливости в крестьянской среде (по материалам рассказа В. И. Белова «Самовар») // Беловские чтения. Вып. 3. Вологда: ВоГУ, ВолНЦ РАН, 2017. С. 180-184.
4. Шулепов Е.Б. Дневник депутата Государственной Думы // Наша Вологда. 2017. 23 марта. № 10 (550). С. 5.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ В.И. БЕЛОВА В РУМЫНСКОЙ И БОЛГАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРНО-ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

Аннотация. Статья представляет собой краткий ознакомительный обзор произведений В.И. Белова, переведенных на румынский и болгарский языки, а также рецензий, статей, публикаций о творчестве писателя. В статье содержится описание проблем, возникших при сборе материалов для её написания, и некоторые аспекты переводческого характера.

Ключевые слова: произведения Белова, перевод произведений, болгарский и румынский языки, литературная переводческая традиция, интернет-ресурсы, издания, В.И. Белов.

Вступление

Количество переведенных произведений на другие языки – такой явный показатель, своеобразный маркер, обозначающий значимость творца и писателя. Тем более если произведения автора переведены на такие редкие языки, к каким относятся румынский и болгарский.

Прежде чем начать готовиться к собиранию соответствующих материалов, я, как лингвист по образованию, а иногда практикующий переводчик румынского/болгарского языка, была уверена в том, что дело-то не трудное и сложности будут лишь при углублении в специфику перевода произведений автора. На деле же всё оказалось совсем иначе, как раз найти те самые материалы, даже просто списки переведённых произведений, оказалось делом весьма непростым. В итоге, для того чтобы статья имела более или менее ровно выстроенную линию, её пришлось писать по следующей схеме:

1. Есть ли переводы произведений В.И. Белова на болгарский и румынский языки?
2. Существуют ли критические очерки, рецензии, статьи по творчеству В.И. Белова литературных критиков, публицистов, преподавателей в странах, говорящих на этих языках (Болгария, Румыния, Молдова)?
3. Какова специфика выбора произведений В.И. Белова у авторов данных работ? Чем объясняется скромное количество переве-

дённных произведений на румынском/болгарском языке, каковы основные причины этого, каков их характер (политический, исторический и др.)?

4. Тонкости и особенности в литературной переводческой румынской/болгарской традиции произведений В.И. Белова.

Несомненно, знатоки и ценители творчества В.И. Белова понимают, что Василий Иванович – «очень русский писатель». Эта изначальная «русскость» его произведений в некоторой степени служит неким препятствием для ознакомления широкого круга мировой читательской публики с его творчеством за исключением зарубежных ценителей русской почвеннической литературы как таковой. Если же взглянуть глубже в этот тезис, то ясно становится одно: писатель становится известным уже потому, что он является большим мастером. А Василий Иванович, бесспорно, величина не только в отечественной литературе. Почему я смею это так твёрдо утверждать? Потому что он всё-таки переведён на многие известные языки мира и даже на такие редкие, какими являются румынский и болгарский. Много ли переведённых произведений Белова в упоминаемых языках? Немного, от слова, совсем мало. Почему? Уж точно не потому, что он слишком «русский писатель», и не потому, что он воспел русскую северную деревню и её жителей, а не глобальные, казалось бы, проблемы человека как такового. И всё же Василий Иванович сквозь призму души русского деревенского человека открыл основную, главную трагедию человека современности, а именно человека, который теряет свою сакральную связь с родной землей, тем самым теряя самое себя. Трудно не согласиться и с тем, что проблема урбанизации и глобализации коснулась не только жителей русских просторов, но и человека, живущего в любой точке мира. Именно к этому выводу меня привели результаты моих скромных поисков информации по переводам произведений В.И. Белова на румынский и болгарский языки.

Прежде чем коснуться самих переводов произведений В.И. Белова на румынский и болгарский языки, которые будут мною указаны в статье чуть ниже, когда речь пойдёт о специфике перевода, хотелось бы обратить внимание на тот факт и причины, которые объясняют, почему таких работ немного. Существует в литературной критической практике негласное правило, если быть более точным, даже аксиома: чем известнее автор, тем больше рецензий, критических очерков и статей по творчеству автора будет написано в изданиях различного формата.

Обратившись первым делом к источникам мировой паутины, я впала в ступор. По произведениям В.И. Белова, переведённым на румынский и болгарский языки, фактически нет никакой информации. Почему? Причин несколько, и главная из них оказалась несколько неожиданной для меня. Наш отечественный пользователь интернета избалован возможностью получения огромной и разнообразной информации на родном языке обо всём в мире практически безраздельно и бесплатно. А того, что нет у нас, практически невозможно найти в поисковых системах на других языках. Источники на румынском и болгарском языках в этом меня убедили. Они, эти ресурсы, скромны, я бы даже сказала, скудны, да и поисковая система у них не так развита. Мы же привыкли хаять себя и всё то, что у нас происходит, а у них-то, оказывается, похуже бывает. *Не ценим своего!* А ведь именно эта мысль прямой красной нитью проходит в каждой работе Василия Ивановича Белова! Вот тебе и мировая паутина!

Для сравнения возьмём болгарский основной инернет-поисковик на базе google-abv.bg, который дал весьма скромный результат именно по нашей теме. Ни тебе архивных данных, ни строчки из каких-либо библиографических справок. Кое-что, однако, он нам выдал, следует это признать, но об этом чуть позже.

Мне также удалось связаться с известнейшим болгарским литературным критиком и писателем Ивайло Петровым, посетившим однажды Музей-квартиру В.И. Белова и в ответном письме отметившим, что с умилением вспоминает Вологду и атмосферу музея. А также он отметил, что высоко ценит творчество писателя В.И. Белова. Поделиться своими размышлениями и мнением литературного деятеля и критика о творчестве Белова он, думается мне, пожелает сам, как и обещал.

Был также отправлен запрос на получение информации о переводах на румынский язык произведений Белова в ряд государственных учреждений (библиотеки, университеты, архивы) Румынии. В ответ мы получили лишь парочку пустых файлов. Это всё, что смогла выдать из себя базовая программа поиска.

Означает ли это, что имя Василия Ивановича неизвестно румынской литературной среде и румынскому читателю? Разумеется, это не так, тем более что в той же Молдове, которая является одной из бывших советских республик, где государственный язык после развала СССР стал зваться румынским, а алфавит был переведён с кириллицы на латиницу, тогда как до этого был молдавским, переводы произведений Белова точно были, соответственно, были и

рецензии, и мнения молдавской литературоведческой среды. Их не могло не быть. Помнится, будучи студенткой Кишиневского государственного университета, в конце 90-х, начале 2000-х годов в библиотеках я сталкивалась с творчеством Белова, переведённым на молдавский язык (на кириллице). Знала бы я, что через годы эта информация мне будет так необходима! А тогда я самостоятельно ознакомилась с некоторыми произведениями Белова в оригинале, просто так, для себя (программа обучения в университете творчество Белова в себя не включала).

Где сейчас эти переведённые книги? Почему не издаётся Белов на латинице, на базе старых кириллических источников? Пожалуй, я не берусь отвечать на этот вопрос. Но, как мне кажется, объясняется это несколько иным литературным вкусом современного читателя, да и историко-политический и экономические аспекты в литературной и издательской сферах также играют свою немаловажную роль. Главное, что информация о Белове на молдавском (румынском) языке всё же нашлась благодаря сотруднице «Государственной муниципальной библиотеки г. Кишинева», которой я позволю себе открыто выразить свою благодарность. Тем более что библиотека активно сотрудничает с учреждениями из Румынии (в соответствии с современными политическими реалиями), а это позволило получить информацию по теме из источников этой страны.

Полученные данные о переведённых на румынский/болгарский язык произведений В.И. Белова, а также очерки и статьи, полученные мною с таким трудом, говорят о том, что творчество Белова интересно румынскому, молдавскому и болгарскому читателю. Интересно уже тем, что в нем поднята уже упоминаемая выше тема разрыва человека со своими корнями, потери своей земли, самого себя. Следует отметить, что большая часть переведённых на румынский/болгарский язык произведений Василия Ивановича носит общеобразовательный характер и предназначена, как правило, для ознакомления зарубежного (в нашем случае румынского (молдавского) и болгарского) читателя с русской почвеннической литературой, наряду с другими авторами, такими как Астафьев, Шукшин, Распутин и т. д.

В разделе «Культура и искусство» интернет-портала garynevil-legasm опубликована очень содержательная статья на румынском о русских писателях-почвенниках под названием: «*Scritorii, «hillbilly»*»: *FedorAlexandroviciAbramov, VasililvanoviciBelov, IvanIvanoviciAkulov. Prozădețară*» («Писатели «деревни»: Фёдор Александрович Абрамов,

Василий Иванович Белов, Иван Иванович Акулов. *Сельская проза*»). Следует заметить, что английское «hillbilly» в начале названия статьи – это, скорее, своеобразная дань интернациональной моде. А вот во второй его части понятие написано на румынском, и слово «*țară*» в переводе означает буквально «*страна, малая родина, село, деревня*». Уже этот объем вмещаемых на данном языке значений в слове говорит о том, что и для румынского читателя понятны обширность и глубина понятия «почвенническая проза».

В статье также отмечено, что в произведениях Белова нет остроты интриги как таковой, в них нет резких поворотов, мало событий и почти отсутствует сюжет. А также выделяется такая особенность Белова-почвенника, как умение использовать родной язык для создания с его помощью живых образов деревенских жителей русского Севера.

Как мы видим, тема значимости деревенской (сельской) прозы, обозначенная пусть и в общеинформативном ключе, не чужда румынской литературоведческой среде. Примерно такова же ситуация с переводами произведений Белова в болгарской литературно-переводческой области, включающая также перевод произведений вышеупомянутых отечественных авторов.

О публикациях на румынском языке

Любой уважающий себя ценитель литературы заметит, что не могло совсем не остаться никаких изданий произведений В.И. Белова на молдавском языке (на кириллице), и он будет абсолютно прав. Мне удалось найти в «Государственной муниципальной библиотеке г. Кишинева» сборник рассказов и повестей «Длиною в жизнь», в переводе Е. Давида, издательства «Литература артистикэ» (1984 г. – 484 стр.). В том же году был издан и русский вариант. Следует отметить, что переведённое на молдавский язык издание имеет несколько обобщающее название – «*Povestiri*» («*Рассказы*»).

О В.И. Белове-писателе на румынском языке в «Государственной муниципальной библиотеке г. Кишинева» нашлась современная рецензия «*BelovVasili*» в литературоведческом издании «Национальный календарь 2007» (стр. 302-303). Авторы труда: Валерия Матвей, Мария Пержу. Само существование этой работы говорит о том, что актуальность творчества В.И. Белова в стране очевидна, несмотря на политические и иные тенденции современности.

Не осталась без внимания румынских переводчиков и лирика Василия Ивановича. В частности, речь идёт об отрывке поэмы

«Скорбные дни», которая была переведена двумя различными переводчиками.

В переводе Валентина Радулеску, опубликованном в румынском издании под названием «Amurgsentimental» (2008 г., стр. 8) «Литературоведческого культурного центра Питешть». Думаю, стоит заметить, что данный культурный центр уделяет особое внимание произведениям русских авторов.

«Скорбные дни» также были переведены Раду Мора и опубликованы полностью в бухарестском издании «AntiM» (№ 16, 2015 г. стр. 7). И в первом, и во втором случае название в переводе одинаковое «Zileîndurerate». Практика перевода – дело весьма субъективное, и на примере буквального перевода данного названия, которое также может быть переведено и как «Дни боли», хотя перевод, несомненно, семантически и грамматически абсолютно выверен, мы можем понять, почему именно эта поэма так полюбилась румынским переводчикам. Объяснение простое: тема скорби, боли и неразрывной связи матери и сына не могла не затронуть румынского читателя своей абсолютной универсальностью. Да и румынам, как православным, тема того же покаяния (само слово «*rocaianie*» так и сохранилось в языке, перейдя в повседневную речь из церковнославянского языка), буквально пронизывающая данное произведение, им близка и понятна.

Признаюсь, меня лично приятно удивила и порадовала замечательная статья на интернет-ресурсе erch2014.com, которая посвящена «Ладу» и звучит она следующим образом: «VasiliBelov, “Lad”: *unscurtrezumat*» («Василий Белов, “Лад”: краткое резюме»).

Как видно из названия, перевода на слово «лад» у автора не нашлось. В начале статьи отмечается, что существует немало писателей, описывающих жизнь своего народа, но написать так, чтобы передать его «дух», как легкое дуновение летнего ветра, может только очень талантливый и выдающийся писатель, такой, каким является В.И. Белов. Во вступлении есть такое предложение: «*Cărțile lui sunt un fel de hid pentru lumea primordiale a Rusiei, care apare în fața ochilor interior al cititorului, în tot amăreția și diversitatea*» («Его книги являются своего рода руководством к постижению изначального мира России, который предстает перед внутренним взором читателя во всем его величии и разнообразии»), отражающее весь восторг автора статьи перед талантом Василия Ивановича и благодарность за дарованное им соприкосновение с, ни много ни мало, русским миром и русской душой.

Далее в статье описываются главы произведения, их суть, содержание и философское значение. В заключении говорится о том, что это блестящее произведение необходимо прочитать целиком, так оно является ключом «от древних и прекрасных дверей в чудесный мир предков, который позволяет соприкоснуться с их мудростью».

Довольно интересная есть публикация на португальском языке guarrijoseph.com. «Scriitorul rus Belov Vasili Ivanovich: biografie, trăsături de creație și fapte interesante» («Русский писатель Белов Василий Иванович: биография, особенности творчества и интересные факты»). Вступление «Astăzi lucrările literare ale scriitorului rus Vasili Belov sunt cunoscute. Ele sunt atrăgătoare prin simplitate, naturalism și liniște» («Сегодня литературные произведения русского писателя Василия Белова известны многим. Они привлекают простотой, натурализмом и спокойствием»), очень напоминает заметку в рассматриваемой нами предыдущей статье о дуновении тёплого летнего ветра, не правда ли? Это отмеченное спокойствие и простота, по всей видимости, не оставляют равнодушным не только отечественного читателя. В статье проводится чёткая линия между фактами из его биографии, которые напрямую повлияли на формирование Василия Ивановича как творца.

Здесь же отдельно отмечена его публицистическая и «*Activitate literară suplimentară*» («Дополнительная литературная деятельность»), в которой особое внимание уделяется «*Educatie pentru dr. Spock*» («Воспитанию по доктору Споку»).

В публикации говорится о том, что основная идея историй в произведении – бескомпромиссное противопоставление городского и сельского образа жизни. В этом противопоставлении писатель занял критическую позицию по отношению к обычаям и привычкам городских жителей, называя их «противоестественными»: («*Idee de principala a poveștilor a fost o opoziție față de compromisul în stilurile de viață urbane și cele rurale. Scriitorul a luat o poziție cu care a criticat obiceiurile și obiceiurile vieții urbane, numindu-l nefiresc*»). Слово «*nefiresc*» имеет также более прямое буквальное значение – «неживой, безжизненный, бездушный». Очевидно, что автор статьи не боится использовать такие эпитеты, а это говорит об осознании важности и значимости проблем, поднимаемых в «Воспитании по доктору Споку» Василием Ивановичем. Тем более что на сегодняшний день эта тема без всякого преувеличения становится ещё более актуальной для человечества в целом.

Статья раскрывает также Белова как детского писателя. «Ладу» (само слово здесь также не переведено: «Lad») посвящена большая часть публикации. И именно «Лад» маркируется как произведение, имеющее «valoarea istorică...» («историческое значение») в творчестве писателя.

Затронута и деятельность Василия Ивановича в 90-х годах, выделяется его принципиальная позиция относительно всего происходящего в стране («De-a lungul anilor, părerile lui Belov aură masne schimbate: înrădăcinare hotărâtă pentru păstrarea limbii literare uşei şi a bogăţiei naturale a Rusiei, este un susţinător al modului tradiţional rus deviată. În ultimii ani ai vieţii sale, Vasili Belov a ocupat o poziţie destul de radicală») («На протяжении многих лет взгляды Белова остались неизменными: обязательное сохранение русского литературного языка и природных богатств России, а также традиционного русского образа жизни. В последние годы своей жизни Василий Белов занимал довольно радикальную позицию»). «O poziţie destul de radicală» – эту фразу автор публикации отмечает отдельным предложением. Возможно, для него эта «радикальность» вступает в некий творческий диссонанс с упоминаемыми выше «покоем», «дуновением тёплого ветерка», «изначальной простотой», что само по себе очень показательно.

Немного отойдём от публицистики и обратим внимание на перевод самих произведений В.И. Белова. Портал pvgazeta.info опубликовал «Povestidespre fiece creatură vie» («Рассказы о всякой живности») с рекомендательным уклоном, вставив перед названием произведения глагол в повелительном наклонении «Citeşte» («читай»), заменив им вступительное слово.

Публикация «Привычного дела» в переводе на румынский язык «Afacerea obișnuită» на интернет-портале ro.erch2014.com в разделе «Искусство» имеет сокращённую ознакомительную форму. Об этом говорит само заглавие публикации «Vasile Belov, "Afacerea obișnuită": un rezumat al capitolelor, caracterizare a personajelor și a recenziilor» («Василий Белов, "Привычное дело": краткое изложение глав, характеристика персонажей и отзывы»).

О публикациях на болгарском языке

Если обратить внимание на переводы произведений Василия Ивановича на болгарский язык, то первыми будут, несомненно, «Кануны» ("Предвестии дни") в переводе Антония Димитрова (1981 г.). Произведение было переведено, как можно заметить, ещё при социализме. Учитывая тот факт, что после развала соцлагеря в

Болгарии алфавит не менялся, а какой-либо информации о переиздании работы в современном варианте не нашлось, то вопрос остаётся открытым. Может быть, посещая в будущем книжные магазины и библиотеки Болгарии, я что-нибудь и найду.

В связи с этим хотелось бы отдать должное агентству «Россия сегодня», которое, по всей видимости, столкнувшись с той же проблемой, что и я, в 1994 году издало «Внемли себе» («Прозри в себе си»). Почему авторы при переводе решили использовать словосочетание «прозри в себе си» – для меня как переводчика и носителя языка это остаётся непонятным. Очевидно лишь, что авторы провели параллель между понятиями «внимать» и «зреть».

Цикл рассказов Белова, переведённых с русского на болгарский язык таким серьёзным переводчиком, как Нели Христова, в сборнике тоже демонстрирует ознакомительную тенденцию.

Занимаясь написанием данной статьи, я учитывала тот факт, что она предназначена для выступления-дискуссии перед студентами на «Беловских чтениях». Поэтому мне бы хотелось на самой дискуссии подробнее остановиться на стихотворении «Россия» («Русия») в переводе болгарского поэта и переводчика Красимира Георгиева и попытаться продискутировать с ними над спецификой перевода.

РУСИЯ

Не метяласкавопогали,
с желязна хватка мепрегърна,
не мепоглези и зажали,
в борбатамевъвлече бурно.
Борба! Щекажат: дума, с времето
омръзнала, отдавна чужда,
ала светът на две разцепен е
и тямевинагипробужда.
Пробуждасутрин, денем, в добите
от синьото ми детство мене.
Борба! Какво ли тук шесторишти,
къде от неяще се денеш.
Светът, голям, суров и радостен,
от моята родина смаян -
в живота все по-малко гадости,
все по-живителнаомая!
Но биткатааконапусна,
ако в безсилие се скрия,
до себе си не ме допускай
и прокълнимети, Русия!

1961 г.

РОССИЯ

Она меня не приласкала,
а обняла с железной хваткой,
жалеть и нянчиться не стала,
в борьбу втянула без остатка.
Борьба! Какое, скажут, слово-то, -
давно оскомину набило,
но в мире, надвое расколотом,
меня оно всегда будило.
Будило утром, днем и вечером
от сна, от голубого детства.
Борьба! И больше делать нечего
и куда уже не деться.
А мир, велик, суров и радостен,
моей Отчизной огорошен,
все меньше в жизни дряхлой гадости,
все больше свежести хорошей!
Но если я уйду из боя
для тишины и для бессилья,
ты не бери меня с собою,
ты прокляни меня, Россия!

1961 г.

Когда дело касается родственных языков, то очень плодотворна и показательна игра в перевод для небольших групп студентов в стиле feed-back или brainstorm. Получается такой коллективный переводческий труд через ассоциации. Такой подход может дать понимание специфики переводческой практики и традиций. С переводом произведений на румынский язык такой подход гораздо сложнее применить. Причина не только в том, что язык относится к романской языковой группе, а в том, что румынский алфавит имеет ряд специфических особенностей. Именно поэтому игра на ассоциациях с носителем русского языка, знакомого, к примеру, с французским или английским языком, не будет столь результативной и творчески насыщенной.

Более любознательные читатели всегда могут ознакомиться с переводами К. Георгиевым русских авторов (А.С. Пушкин, И.А. Крылов, А.А. Блок, И. Северянин и др.) по ссылке литературного портала bglibrary.net.

Отдавая должное, несомненно, близкому по многим причинам нам народу, замечу, что, несмотря на слабо развитую информативную интернет-систему, всё же есть несколько ссылок, которые демонстрируют нам, что интерес болгарского читателя к русской литературе вообще и творчеству Василия Ивановича в частности, несомненно, активно растёт. Для примера возьмём, пожалуй, самый серьёзный литературоведческий болгарский ресурс literaturesviat.com, где переведены даже воспоминания встреч В. Распутина с Беловым, статьи русских авторов о творчестве Василия Ивановича, которых буквально вчера на сайте ещё не было, как не было и довольно подробной статьи о его жизни и творчестве.

Очень любопытная статья, написанная о болгарском писателе И. Радичкове, встретила мне на портале www.slovo.bg, в которой проводится некая параллель между ним и русскими писателями-почвенниками наряду с В.И. Беловым.

«Предходнитетворбисатези на социалистическияреализъм. Корпусът от неговите книги е огромен. Те създаватсоциалистическото предание, социалистическиямит. А митът е винагиинтересенобект за научно наблюдение. Ощеповече: тозимит и тази литература обхваща пространства <...> в Русия, чрез таканаречената “селска проза” на Валентин Разпутин, Евгений Носов, Александър Рекемчук, Василий Белов, Василий Шукшин и в България Йордан Радичков, диалогизирайки по принуда, с върховни усилия правят опит да отместятв страни, в територията на миналотоканарата на тазитвърда, здрава, спряла времетокултура».

(«Предыдущие его труды следует отнести к социалистическому реализму. Каркас этих книг огромен. Они создают социалистическую традицию, социалистический миф. А миф – это всегда интересный предмет для научного наблюдения. Более того, этот миф и эта литература охватывает большие пространства <...> в России это отмечено в так называемой «деревенской прозе» Валентина Распутина, Евгения Носова, Александра Рекемчука, Василия Белова, Василия Шукшина, а в Болгарии у Радичкова, где диалог происходит под давлением, через невероятные усилия и попытки отстраниться, уйти в пространство прошлого от этой твердой, здоровой, временно остановившейся культуры»).

Не стоит также забывать, что значительная часть более взрослого поколения жителей Болгарии вполне хорошо владеют русским языком, чтобы иметь возможность читать произведения Василия Ивановича и других русских авторов в оригинале. Что касается молодёжи, то проблема дефицита читающей публики в этой среде примерно такая же, как и в русской, и, думаю, мне, во всех других странах. Можно ли это объяснить тем, что молодёжь мало читает? Наверное. А может, молодёжь читает сегодня не меньше, просто отдаёт предпочтение иным литературным форматам и способам получения информации. Время всё-таки диктует свои правила поведения.

Какой вывод мы можем сделать из этого небольшого обзора публикаций по творчеству В.И. Белова на румынском и болгарском языках? Для меня очевиден интерес к его творчеству, который не спадает. Не вызывает у меня никаких сомнений актуальность, значимость и глобальность проблем человеческого бытия как такового, поднимаемых сквозь призму «русскости» в произведениях В.И. Белова. Именно поэтому этот интерес к творчеству Белова и к личности его как писателя со временем будет только расти.

Литература

1. Белов Василий. Предвестни дни: Хроника от края на 20-те години»/ пер. Антоний Димитров. София: Издательство «Народна култура», 1981. 384 с. Инв. № К-977497.
2. Белов Василий. «Прозри в себе си». София: Агенция «Русияднес», 1994. 118 с. Инв. № К-1241203.
3. Белов В.И. Дългою в жизнь: повести, рассказы, очерки [Carte tipărită] / сост. и автор послеслов. А. Петрик; художник В. Бабияк. Chişinău: Literatura artistică, 1984. 536 p.

4. BELOV, Vasili. Povestiri/ V.I. Belov; trad. din l. rusă de E. David prez. graf. de P. Severin. Chișinău :Literaturaartistică, 1984. 484 p.
5. BelovVasili // Calendar Național 2007 / Biblioteca Națională a Republicii Moldova; Valeria Matvei, Maria Șveț, Elena Perju, ... ; col. red. : Iurie Colesnic, Andrei Eșanu, Gheorghe Madan. Chișinău: BNRM, 2007. P.302-303.
6. Belov, Vasili. Zileîndurerate : (fragment): [versuri] / VasiliBelov; traducere de Valentin Rădulescu. - În: Amurg sentimental. An. 14 (Nr. 8) / aug. 2008. p. 4.
7. Belov, Vasili. Zile îndurerate: [versuri] / VasiliBelov ; traducere de Radu Mora. În: AntiM (București). An. 2 (Nr. 16) / sept. 2015. p. 7.

Интернет-ресурсы

1. CondoleanțelePatriarhuluiîmlegătură cu decesulscriitorului V.I. Belov . - Disponibilpe Internet: <http://патриархия.рф/md/db/text/2638567.html>.
2. «ScriitorulrusBelovVasilyIvanovich: biografie, trăsături de creativitateși fapteinteresante». - Disponibilpe Internet: <https://ro.ru/arrjoseph.com/obschestvo/77370-russkiy-pisatel-belov-vasily-ivanovich-biografiya-osobennosti-tvorchestva-i-interesnye-fakty.html>.
3. «Scriitorii, "hillbilly": Fedor Alexandrovici Abramov, Vasili Ivanovici Belov, Ivan Ivanovici Akulov. Proză de țară»: Disponibilpe Internet: <https://ro.garynevillegasm.com/iskusstvo-i-razvlecheniya/43859-pisateli-derevenschiki-fedor-aleksandrovich-abramov-vasily-ivanovich-belov-ivan-ivanovich-akulov-derevenskaya-proza.html>.
4. «Citeștepovestidespreficarecreatură vie» – BelovVasilyIvanovich. - isponibilpe Internet: <http://materiale.pvgazeta.info/utilizator-159/citeste-povestidespre-fiecare-creatura-vie-belov.html>.
5. VasiliBelov, "Afacereaobișnuită": unrezumat al capitolelor, caracterizarea-personajelorși a recenziilor. - Disponibilpe Internet: <https://ro.erch2014.com/iskusstvo/51211-vasily-belov-privychnoe-delo-kratkoe-soderzhanie-po-glavam-harakteristika-geroev-i-otzyvy.html>.
6. <https://www.slovo.bg/old/litvestnik/123/lv0123005.htm>.
7. <http://www.bglibrary.net/stih-kgeorgiev/>.
8. <https://literaturensviat.com/?p=15049>.

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ВАСИЛИЯ БЕЛОВА В ПЕРЕВОДАХ

Аннотация. Дается обзор переводов произведений Василия Белова на иностранные языки и описание представленных в фонде Центра В.И. Белова зарубежных изданий.

Ключевые слова: Василий Белов, издания на иностранных языках, переводы русской литературы, иностранные языки, вологодская литература, краеведение Вологодской области.

История переводов произведений русской литературы на иностранные языки сложна и неоднозначна. С одной стороны, зарубежный читатель хорошо знает русскую классику: Льва Толстого, Достоевского, Чехова, Пушкина, Гоголя, Горького и Тургенева. С другой стороны – политика переводов авторов советского периода была зачастую продиктована политической конъюнктурой как со стороны Союза писателей СССР, так и со стороны зарубежных издателей, которых в первую очередь интересовала критическая составляющая социалистического строя в художественных произведениях.

В своей статье мы хотим сделать краткий обзор переводов на иностранные языки произведений Василия Белова и тех изданий, которые находятся в фонде Центра Белова в Вологде. Белов – один из крупных писателей эпохи СССР, самобытный представитель направления «деревенской прозы», поэт, драматург и общественный деятель. С выходом книг «Привычное дело», «Плотницкие рассказы», «Кануны», «Воспитание по доктору Споку» читатель полюбил Белова как летописца русской деревни. Позже, когда читатель познакомился с его произведениями «Лад», «Год великого перелома» и другими, он стал истинно национальным писателем, чье слово и мнение оказалось голосом поколения.

Вместе с народной любовью и признанием пришли государственные награды, звания, премии, медали, ордена. За все время творческой деятельности издано более 130 книг, из них 49 за рубежом. Это без учета публикаций в журналах, газетах и других изданиях [8: 6]. На данный момент в Международной базе переводов ЮНЕСКО (Index Translationum UNESCO) отражены 39 изданий.

Практически сразу книги его стали переводиться на иностранные языки. В первую очередь – на языки союзных республик. Переводческая политика в СССР ставила себе задачей знакомить жителей Советского Союза с литературой разных народов, его населяющих. Таким образом, с произведениями Василия Белова о жизни российской деревни смогли познакомиться читатели на армянском, белорусском, грузинском, казахском, киргизском, латвийском, литовском, молдавском, украинском, эстонском языках. Другим направлением перевода стали дружественные страны социалистического лагеря: Болгария, Сербия, Чехия, Польша, ГДР, Венгрия и даже Вьетнам. Переводили с целью познакомить зарубежных читателей с русской литературой, помимо этого, в университетах этих стран были отделения русистики, многие из ученых-филологов учились в СССР – поэтому переводы нередко инициировались желанием познакомиться с современной литературой на русском языке, получить практику перевода.

Отношения с капиталистическими странами были сложными, восприятие советских писателей – неоднозначным. Перевод на другой язык усложнялся малопонятными социалистическими реалиями, а в случае с Василием Беловым еще и диалектными особенностями языка, о чем, кстати, говорила Наталья Фишер в своем исследовании «Язык В.И. Белова в контексте художественного перевода» (доклад на Беловских чтениях 2016 года проф. Е.Н. Ильиной). Но всегда в любой стране есть филологи-русисты, которым интересна русская литература, благодаря им иностранный читатель знакомится с нашими авторами на финском, шведском, английском, французском, голландском, датском и даже японском языках.

К своей известности Белов относился легко: «Мне все равно, известен ли я аж в Европе или только в одной родной моей Вологде. Для меня важна не географическая известность, не уважение других, а собственное к себе уважение, важна внутренняя удовлетворенность самим собой. Но никто мне не верит». Благодаря Союзу писателей СССР Белов побывал в тридцати четырех странах, сменил три заграничных паспорта. Ему нравилось путешествовать. Для Белова важно было узнать что-то новое – он всегда проявлял неумный интерес к окружающему миру, другим странам, знакомился с обыденной жизнью людей, с их культурой, общался с коллегами-писателями, общественными деятелями, филологами и студентами, сравнивал нашу жизнь с иностранной. Но сколько бы

ни путешествовал, всегда возвращался на родину, потому что понимал – жить сможет только здесь.

Активный период иностранных переводов и издания за рубежом произведений Белова – с 1969 по 1994 год. Самые издаваемые: «Привычное дело», «Плотнические рассказы», «Рассказы о всякой живности», «Воспитание по доктору Споку», «Кануны», «Всё впереди», рассказы «Весенняя ночь», «Утренние встречи», «На родине».

В 1966 году в свет вышла повесть «Привычное дело», и уже через три года, в 1969-ом с «Привычным делом» познакомились французские читатели, которые отнеслись к повести и русскому писателю с теплом и уважением, но восприняли по-своему. Ольга Сергеевна Белова вспоминает: «Сейчас, на склоне лет, я поняла, почему Василий Белов был им интересен. Не только как крупный писатель. Но и с другой точки зрения. Они поняли «Привычное дело» немножко по-другому. То есть им казалось, что раз Белов описал в книге, как плохо жили крестьяне, то это антисоветское произведение» [4: 73]. Чтобы понять такое отношение французской публики к нашему писателю, необходимо обратиться к политической обстановке того времени. В 1968 году наши войска вошли на территорию Чехословакии. Поддерживали Советский Союз руководители Польши, Болгарии, Венгрии, ГДР. А вот США, Великобритания, Франция, Канада и Дания выступили с осуждением военного вмешательства. Поэтому французы в произведениях Белова видели осуждение политики коммунистической партии. Любая критика советского строя приветствовалась, поэтому они позитивно отнеслись к Белову. Книгу «Привычное дело» перевел французский писатель Жан Каталя. В течение многих лет он был начальником информационного отдела при французском посольстве в Москве. Любопытно, что он воспринимал Белова через призму мировоззрения римского императора Марка Аврелия: «Белов глубоко понял жизнь крестьянина, жизнь деревни, природы. В этом и есть суть философии Марка Аврелия: человек физического труда, тесно связанный с землею, очень глубокий. Он понимает истину проникновеннее аристократа». [10: 74]. В предисловии к повести, изданной на французском языке, об Иване Африканыче было сказано, что «это ничем не выдающийся колхозный возчик, но поэт и философ, сам того не ведающий».

Прекрасную способность Белова пользоваться разговорным языком «не ради декоративного украшения» отметил французский критик, французский русист, социолог, историк, переводчик Алексис Берелович.

Иностранная критика отнеслась к повести «Привычное дело» в основном благожелательно. Марго Фрэнк (США) писала, что Белов, не скрывая слабостей своего героя, «наделяет его такой моральной стойкостью и силой, что его слабости кажутся второстепенными». Преподаватель русской истории Эссекского университета англичанин Джеффри Хоскинг обстоятельно изучил творчество Белова. Он опередил русских исследователей в плане стилистического анализа языка «Привычного дела» и обратил внимание на несколько способов (типов) повествования, используемых автором. Эти способы, по его мнению, и делают повесть необычной, притягательной для читателей любой страны. По приглашению мистера Хоскинга Белов побывал у него на родине в Колчестере, где провел два дня. Во время выступления русского писателя в университете студенты задавали много вопросов. Василий Иванович отвечал на них обстоятельно, ничего не скрывая из своей биографии и писательской работы. Английскому преподавателю понравились простота, бесхитростность Белова, соответствие между его словами и делами. Хоскинг пожелал узнать, какие материалы использовал Белов для написания своих произведений. «Белов ответил лаконично: «Все это живет во мне». Англичанин восторженно заявил, что «проза Белова – одна из вершин современной мировой литературы», имея прежде всего в виду «Привычное дело» [8: 76].

Позже повесть «Привычное дело» вышла в ГДР (1978, 1982); в Финляндии в 1979; в Чехословакии в 1979 году, в Дании в 1990; читатели Швеции познакомились с повестью в 1980.

«Плотнические рассказы», опубликованные через два года после «Привычного дела», были приняты читателями и критикой не менее восторженно. Повесть также неоднократно издавалась в России и за рубежом. По обеим повестям были сняты художественные фильмы [8: 82].

Во время учебы в Литературном институте Белов познакомился с начинающим писателем и сценаристом Василием Шукшиным, что вдохновило Белова обратиться к написанию киносценариев. Так, в 1967 году появляется почти законченный вариант комедийной киноповести «Целуются зори». Шукшин одобрил сценарий, кое-что подсказал как профессионал в этой области. В 1973 году киноповесть была опубликована в ноябрьском номере журнала «Аврора», а в 1977 году на XI Национальном фестивале юмора и сатиры, который проводился в Габрово (Болгария) в рамках Международного

конкурса на лучшее юмористическое произведение В.И. Белов получил премию и медаль «Хитрый Петр». В 1978 году по повести был снят фильм [3: 3].

В феврале 2005 года итальянского продюсера, режиссера, профессора Анджело де Дженти спросили, знает ли он Белова. Оказалось, что не просто знает, а хорошо знаком с ним, а также еще со времен учебы в России знает Николая Рубцова. Вот что он сказал о Белове: «Василию Белову надо ставить памятник при жизни! Это очень большой человек... Настоящий русский художник, философ-мыслитель, без которого в России был бы большой вакуум». Итальянский профессор не без гордости заявил, что прочитал все, что написал Белов. И еще он отметил замечательную особенность, исключительность беловского языка: «Слог, глагол, слово Белова присущи только ему. Даже в русской классике нет такого языка». Для Василия Белова сама русская земля, говорит де Дженти, является главным героем его произведений. Из его книг становится понятно, что Россия необходима, потому что она кровно связана со своей землей [10: 305].

В Италии в 2015 году книга Василия Белова «Ремесло отчуждения» (изд. Джанноццо Пуччи, пер. Альдо Феррари) получила первую премию по эссеистике на первом национальном конкурсе «Слава земли». Редактор Катарина Мария Фьянакка, работая над книгой, ни на минуту не сомневалась, нужен ли Белов итальянскому читателю. Конечно, нужен. Она отмечает, что люди «голодают» по настоящей культуре. «Белов говорит в своих произведениях о самом главном – о земле, на которой мы все живем, поэтому темы, о которых пишет Белов, понятны всем» [11: 2].

Начиная с 1969 года произведения Белова регулярно выходили за рубежом. Наибольшее количество переводов приходится на 70–80-е годы. Как вспоминал сам Василий Иванович: «С 1993 года все зарубежные связи, кроме связей с Японией и Югославией, прекратились» [2: 11]. Близким другом, не раз посещавшим Тимонику, стал филолог-русист профессор Рёхей Ясуи, который изучал современную русскую культуру и литературу.

Изучив материалы, отзывы и рецензии на книги, изданные за рубежом, можно сделать вывод: книги Василия Белова интересны зарубежной публике. Тема деревни, боль за родную землю и за людей, которые на ней живут, выступления против разрушения традиционного уклада – вот что беспокоило Василия Белова и понятно иностранным читателям.

В коллекционном фонде Центра В.И. Белова представлены произведения писателя на армянском, болгарском, датском, литовском, немецком, нидерландском, сербохорватском, чешском, японском языках, а также другие материалы на английском, белорусском, немецком, финском, японском языках – всего 21 экземпляр. Многие из них были подарены самим автором, собраны энтузиастами Центра. Недавно фонд пополнился еще одной книгой – на французском языке. Главный библиограф Центра во время посещения Парижа в ноябре 2016 года в одном из книжных магазинов в отделе русской литературы, наряду с всемирно известными классиками, такими как А. Чехов, Н. Гоголь, увидела книгу Василия Белова «Кануны» из серии «Со всего мира» 1985 года.

Самая ранняя книга в фонде – изданная в 1978 году на чешском языке в Праге повесть «Холмы». Две книги «Плотницкие рассказы» – на немецком и нидерландском языках. Две книги повести «Привычное дело» на немецком и нидерландском языках. Пять книг первой части трилогии «Кануны». «Рассказы о всякой живности» в двух книгах – на немецком и японском. Самое большое количество изданий в фонде – на немецком языке. Читатели интересуются книгами Белова на иностранных языках: читают, готовят доклады, переводят.

Литература

1. Belov, Vassili. Veilles : roman = [Кануны : роман] / Vassili Belov ; traduit du russe par Lily Denis. [Paris] : Gallimard, [1985]. 419, [5] с. (Du monde entier). Изд. на фр. яз.
2. Белов В.И. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 7. М.: Классика, 2011. 622 [2] с. + [6] л. ил.
3. Брагин А. Василий Белов: «Беречь надо память. Для памяти и пишу» // Литературная Россия. 1982. 22 окт. (№ 43). (Рядом с мастером).
4. Василий Белов: воспоминания современников [12+] / [сост. А.Н. Грешневиков]. М.: Книжный мир, 2018. 638 [2] с.
5. Василий Иванович Белов: библиографический указатель / Департамент культуры и охраны объектов культур. наследия Волог. обл., Волог. обл. универс. науч. б-ка. Вологда: [Волог. обл. универс. науч. б-ка им. И.В. Бабушкина], 2011: портр. (Писатели-воложане).
6. Жильцова Л.Ю. Библиографический указатель «Коллекционный фонд Центра писателя В.И. Белова» / МБУК «Централиз. библиот. система г. Вологды», Центр писателя В.И. Белова. Вологда: [Центр писателя В.И. Белова], 2017. 226 с.

7. Ильина Е.Н., Фишер Н.Л. Локальная языковая картина мира в произведениях В.И. Белова и проблемы художественного перевода // Вестник Череповецкого гос. ун-та. 2012. № 2. С. 74-77. (Филологические науки). Библиогр. в конце ст.
8. Корюкаев В.П. Самородок из Тимоники: Жизнь и творчество Василия Белова. Вологда: [б. и.], 2006. 312 с. + [22] л. фот.
9. Селезнев Ю. Наше национальное достояние // Вологодский комсомолец. 1982. 22 окт. (№ 127). Ил. (Слово о писателе).
10. Суров М.В. Белов: Штрихи Великой Жизни. Вологда: [б. и.], 2007. 742 [2] с.: ил.
11. Фьянакка К.М. «Василий Иванович – больше чем писатель...»: [интервью с редактором] / [фот.] Дмитрий Шеваров // Российская газета. 2015. 12 марта (№ 51). Ил. (2015. Год литературы в России).
12. Ясуи Р. Без суеты, планов и намерений: Второй приезд в Тимонику / [пер.] Вячеслав Лунин; фото Андрея Шаткова, Дмитрия Симбирцева // Красный Север. Зеркало. 2003. 12 марта (№ 50); 19 марта; 26 марта. Цв. фот. (Вологодчина глазами японца).

ОБРАЗЫ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ В ВОЛОГОДСКИХ ГОВОРАХ И В ПРОЗЕ В.И. БЕЛОВА: ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье рассматриваются образы нечистой силы, сложившиеся в сознании носителей вологодских диалектов и получившие отражение в прозе В.И. Белова. Анализ диалектных и литературных текстов позволяет проследить, каким образом вологодские говоры отражают мифологический характер мышления наших предков, и показать, как преломляются образы и мотивы народной мифологии в художественном произведении.

Ключевые слова: мифологический персонаж, говоры, языковое сознание диалектоносителя, язык художественного произведения.

Образы нечистой силы нередко использовались в русской классической литературе. В известных и малоизвестных художественных текстах XIX – начала XX в. чаще всего мы встречаем описание таких персонажей низшей народной мифологии, как домового, лешего, водяного, русалки. Эти образы могут соответствовать по своей художественной структуре фольклорной традиции (напр., в произведениях А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева) или же подвергаться значительному переосмыслению, деконструироваться (напр., в произведениях А.М. Ремизова).

Предметом описания в статье являются образы нечистой силы, получившие отражение в диалектных и художественных текстах. Выбор темы исследования объясняется попыткой проследить, с одной стороны, каким образом вологодские говоры отражают мифологический характер мышления наших предков, с другой стороны, показать, как преломляются образы и мотивы народной мифологии в художественном произведении. Обращение к региональным словарям помогает описать образы мифологических персонажей (далее МП), конструкторов народного сознания. С этой целью в статье используются данные «Словаря вологодских говоров» (далее СВГ), «Словаря вологодского режского говора» (далее СРГ) и «Словаря говоров Русского Севера» (далее СГРС). Анализ отдельных произведений В.И. Белова показывает место и роль этих образов в художественном тексте.

По словам О.А. Черепановой, в народном сознании бытует «представление об ирреальном мире, как бы параллельном обыденному, реальному миру. За невидимой гранью существует иной мир, имеющий своих обитателей, представляющий собой своего рода зеркальное отражение реального мира, «зазеркалье», «антимир» [9, с. 5].

Одним из основных персонажей народной демонологии является домовой. В вологодских говорах наряду с общерусским словом *домовой* 'по суеверным представлениям – добрый или злой дух, живущий в доме' существует ряд диалектных наименований этого персонажа: *бла́зно, бота́мушко, доброхо́т, доброхо́дко, доброхо́душко, домб́вушко, норово́юшко, сусе́дко, хозя́ин, дворо́вушко*. СВГ отмечает помимо этих номинаций слова, которые обозначают МП, якобы живущих в определенной части дома: *запе́чник* 'по суеверным представлениям – существо, обитающее в доме за печкой', *подпо́льник, пыхте́лка* 'домовой, по суеверным представлениям, живущий в подполье'. Однако следует отметить, что, возможно, эти лексемы называют одного и того же МП. Исследователь Балова полагает, что для демонологической лексики характерно «использование различных номинативных единиц для обозначения одних и тех же реалий (параллелизм)» Так, в нижегородских говорах для обозначения домового используются слова *запечка – подпечка – подпольник – гугун – чиркун – дедушка-добродедушка*, возникающие при использовании различных мотивировочных признаков [1].

Слово *домовой* может употребляться как гипероним по отношению к другим МП, обитающим в крестьянском доме или хозяйственных постройках, расположенных в непосредственной близости от него. *А в ба́ньке-то ей домово́й побла́знилсЯ, то-то стра́ху натерпе́лась. Межд.* [КСВГ]. В других контекстах лексема *домовой* употребляется в более узком значении: *В дому́-то домово́й, а в ба́ни – ба́нник. Сямж.* [КСВГ]. С.В. Максимов отмечает: «Домовому-доможи́лу приданы в помощь: дворово́й, банник, овинник (он же и гуменик) и шишимора-кикимора» [4, с. 180-181]. По представлениям носителей вологодских говоров, в хлеву, на конюшне хозяином является *дворова́й, дво́рило, дво́ро́йк, дво́рбушка, доброхо́дко, домб́вушко, корми́нушко, скот́ник, хит́ница, хозя́ин*.

Следует учитывать, что в языке диалекта, по мнению исследователей, *домовой* и *дворова́й* часто осмысляются как один и тот же МП, об этом свидетельствуют и данные вологодских говоров. Такие слова, как *сусе́дко, хозя́ин, дво́рбушко, домб́вушко*, могут обозначать обитателя как дома, так и хлева, двора: *Вот доброхо́дко-то*

и пришёл. Она уцёла, шшо он пришёл-то. И она забыла, шшо она его вызывала. Монаст. [СРГ, с. 105]. Скотина-то сухая: чужбый доброхотко корм унёсит. Монаст. [СРГ, с. 105]. В бане, по суеверным представлениям, обитает баннык, другие его названия – байник, байнушка, баннушко, банный, банщик, баянник, использовалось также составное наименование с собирательным значением нечисть банная. В сарае хозяйничает сараёха, на сеновале сенной, в овине овинник, овиннушко.

Система семейных отношений распространяется диалектоносителями и на МП, что в целом характерно для народной мифологии. Соответственно, в вологодских говорах используются соотносительные номинации: баннык, баннушко – банница, банная матушка – банные детоньки; домовик – домовиха; доброход, доброходушка – доброходница; доброхот – доброхотица; хозяин – хозяйка. Показательны контексты: Доброходница – жена доброходушки. Доброходницу-то не видали, а всё больше хозяина. Есь жена, недаром говорят: «Батюшко доброходушко, матушка доброходница, вам здётся не тесно? Дайте моей скотине доброе место!» Сямж. [СВГ, вып. 2, с. 31]. У нас в доме хозяин с хозяйкой живёт. Инной раз цюю, на печь кто-то постукивает эдак-то: тук-тук. То хозяин хозяйку грётся зовёт. Кур. [СВГ, вып. 11, с. 199].

При обращении к нечистой силе используются, как правило, составные номинации, напр., батюшко-доброходушко, дедушко-суседушко, доброхотица-матушка, целью которых является попытка «задобрить» МП, установить с ними контакт. «Суседко» скажут или «домовой». А когда его спрашивают, скажут «суседушко-доброходушко». Лежишь – вдруг придёт, навалится на тебя. Ты и спросишь: «Суседушко-доброходушко, к худу или к добру?» Тот. [СВГ, вып. 10, с. 161]. Суседушко-батюшко, корми мою скотину. Тот. [СВГ, вып. 10, с. 161]. Доброходушко-батюшко! Запрягай сани да пойдём с нами! Сямж. [КСВГ].

В речи носителей говоров образы МП характеризуются достаточно полно. В некоторых контекстах находим указание на внешний вид персонажей. Баннушко-то чёрной, как кошка. Влгд. [СВГ, вып. 1, с. 21]. Домовой, по суеверным представлениям, может принимать образ хозяина дома: У каждого свой доброхотко и на него похож. Монаст. [СРГ, с. 57]. Дедко, говорю, ты мне помалавил. Какой тебе дедко, то домовик был. В-Важ. [СГРС, вып. 3, с. 249].

По народным поверьям, персонажи, обитающие в хлеве, дворе, нередко имеют зооморфный облик. Суседушко похож на кошку

и живёт в хлеву. Когда заходишь в хлев, видишь два огонёчка. Верх. [КСВГ]. Хитница тоже живёт во дворе. Хитница-то такая небольшая. Сямж. [СВГ, вып. 11, с. 185]. Следует отметить, что основное значение слова хитница в вологодских говорах – ‘небольшое хищное животное семейства куньих; ласка’.

Но, впрочем, по мнению диалектоносителей, увидеть нечистую силу трудно. Сказывал дед-от, что банницу в бане-то слышал, а видеть не видывал. Верх. [СВГ, вып. 1, с. 21]. Никто баннушка не видит, а есть он. Вот у меня в баньке живёт баннушко-то, когда и напракэзит: золу из пёчки выгребет. Сок. [КСВГ]. Домового можно обнаружить по звукам, которые он издает: Блэзно всю ночь стукал на коридоре. Кир. [КСВГ]. Пыхтёлка зла не делает человеку, только спать не даёт ему, всё пыхтит вот так: пых-пых-пых. Кир. [СВГ, вып. 8, с. 116]. Диалектоносители иногда точно указывают местобитания МП: А банник так всё и сидит в бане за камёнкой. И когда моиссе, тожко там и сидит. Монаст. [СРГ, с. 15].

Нечистая сила любит подшутить над человеком. Хозяин-то наш шалить стал много. То дверью скрипнет, то посудой громыньт. Кир. [СВГ, вып. 11, с. 122]. Иногда сено-то раскидано, синной напракэзил. Нюкс. [СВГ, вып. 9, с. 122]. Повалю меня доброхотко на лауку. Доброхотко с меня одьяло тащит, а я его не вижу. Монаст. [СРГ, с. 105].

Существовали особые правила, регламентирующие отношения с нечистой силой, о чем свидетельствуют контексты. Прежде чем корову-то привести, дак нужно дворовушку задобрить. Влгд. [КСВГ]. Корова родит телёнка, надо его водворить. Водворят скотину, дак уж обязательно кланеются в три уголка подклёти, приговаривают: «Батюшко-доброходушко, матушка-доброхотница, примите мою животинку в честь и радость. Сямж. Монаст. [СРГ, с. 29-30]. При переезде в другой дом необходимо было забрать с собой домового. Когда переезжают, дак просят: «Дедушко-суседушко, поехали с нами!» Верх. [СВГ, вып. 2, с. 16-17].

Считалось, что при добром, уважительном к ним отношении домовая и дворовый заботятся об имуществе, благосостоянии хозяев дома. Домовушко всё больше в хлев к корове ходит. А по ночам иногда палкой по брёвнам постукивает – проверяет, не сгнили ли. Влгд. [СВГ, вып. 2, с. 44]. «Таня! Ты ницё не цюла? В том-то углу как доброходушко реву! Ы-ы-ы! Поманит малёнько – и снова: Ы-ы-ы!» – А заревишь! Хлеба нет, муки в кадце нет, корбу увелі. Ревит доброходушко. Сямж. [СРГ, с. 56] Купи лошадь, приведи

во двѳр. Ёжели не по двѳру, то двѳрѳвушко кѳсы заплетѳет, лѳшадѳ худѳет, никѳк не мѳгут откормѳть. Вож. [СВГ, вып. 2, с. 13]. В народе сложилось представление о том, что эти персонажи могут испытывать чувство привязанности к самому дому и его хозяевам. *Когда прихѳдишь жить в дом, тогдѳ и прихѳдит кормѳнушко. Это бѳтѳюшка-кормѳнушко скѳтѳну кѳрмит. Если ухѳдишь из дѳму навсегдѳ, этот кормѳнушко и плѳчет, вѳет. Сок. [СВГ, вып. 3, с. 105].*

Домовой может предсказать смерть или близкую болезнь. *Хѳзяин-от у менѳ послѳдние денѳчки доживѳл. Тогдѳ я и слѳшѳла, как двѳрѳбушко плѳчет. Пошѳл по стенѳ от порѳга в перѳдний уѳгу, дошѳУ до кѳтъного углѳ, там и затѳх. Голѳсѳк тѳненькѳй, такѳй, как у рѳбѳнка. Влѳд. [СВГ, вып. 2, с. 13]. На неѳ навалѳлась тѳгѳсь какѳя-то. Онѳ и спросѳла: «Бѳтѳюшко двѳрѳбушко, к хѳду или к добрѳу?» Он как ухнѳт! А поутрѳ онѳ встѳла да пошлѳ – еѳ параличѳм и розбѳло. Влѳд. [СВГ, вып. 2, с. 13].*

Особое отношение было к баннику, его опасались, пугали им детей. *Бѳнный жил в бѳне, его бѳялись. Кир. [СВГ, вып. 1, с. 21]. После полѳночи в бѳне не мывѳлись: бѳялись с бѳннушкой встрѳтиться. В-У. Вот рукѳ-то неглѳдкие бывѳют из бѳни, так ѳто нечѳсть бѳнная навелѳ. Сямж. [СРГ, с. 239]. Пугают: банничек шайкѳй кидает. Сок. [КСВГ]. Существовал запрет мытьсѳ в бане в позднее время: После одѳннадцѳти в бѳне мѳется бѳянный. В-У [КСВГ].*

Не случайно банника, как и домового, старались задобрить. *Придѳшь банѳ топѳть, спросѳшь: «Баннушко, дай банѳку истопѳть». Влѳд. [КСВГ]. Как вымоешьсѳ, баннушке спасибо скажи. Влѳд. [СГРС, вып. 1, с. 57]. Выхѳдѳ из бѳни приговѳривают: «Бѳйнушка, спасѳбо, на лѳгком паркѳ!» Вож. [КСВГ]. По народным верованиям, в бане возможен контакт с нечѳстой силой, молодежь здѳсь устраивала гадания. Дѳвѳками-то уж бѳльно бѳннушки бѳялись. Дѳже гадѳть в свѳтки жѳутко бѳло. У-К. Дѳвки придѳут гадѳть, сѳнут рѳку в окнѳ дѳмѳлѳшное, прѳсят бѳнника прѳвѳду сказѳть. Вож. [КСВГ].*

Отголоски мифологических представлений можно найти в некоторых диалектных фразеологизмах: *двѳрѳбушко не лѳбит (кого) шутол. 'говѳрѳтся о том, кто мало находится в собственном доме, предпочѳтает проводить время вне еѳго', слѳвно бѳнный унѳс 'ѳ внезапной, неожиданной пропаже чѳго-лѳбо'. Внук домѳй не хѳдит: двѳрѳбушко еѳго не лѳбит. Влѳд. [КСВГ]. Ключ от бѳни потерѳла... Встрѳтила бѳбу, поговѳрѳла. Тѳгѳ чѳсу поговѳрѳла – и потерѳла. Ну слѳвно бѳнный унѳс. Сямж. [СРГ, с. 631].*

Безусловно, анализируемые севернорусские мифонимы были хорошо известны В.И. Белову с детства, образы МП органично вплетаются в его повествование. Рамки статьи заставляют ограничиться анализом двух знаковых произведений писателя, разных по своей жанровой принадлежности. Роман-хроника «Кануны» открывается описанием мистического сна Носопыря, что придает повествованию эсхатологическую окраску и готовит читателя к восприятию трагических событий. Христианские мотивы этого сна (сражение «воинства на белых конях» с «шумной оравой нечистого») далее органично переплетаются с языческими народными представлениями о нечистой силе. Носопырь, нищий старик-бобыль, продавший свой дом и живущий в бане, уверен, что над ним постоянно подшучивает баннушко. *«<...> в бане было темно. Носопырь пощупал около, чтобы найти железный косарь и отщепнуть лучинку. Но косаря не было. Это опять сказывался он, баннушко. <...> Баловал он последнее время все чаще: то утащит лапоть, то выстудит баню, то насыплет в соль табаку. Одинокий старик привык к такому соседству: Ну, ну, отдай, – миролюбиво сказал Носопырь. – Положь на место, кому говорят. Сцена борьбы с баннушком описана очень ярко, сочно, читатель словно становится свидетелем всего происходящего. Совсем ты сдурел! Экой прохвост, право. Чево? Ведь не молоденький я баловать с тобой. Ну, вот, то-то. Косарь объявился на другой лавке. Старик нащепал лучины и хотел затопить каменку, но теперь, прямо из-под руки, баннушко уволок спички. – Ну, погоди! – Носопырь погрозил кулаком в темноту. – Вылезай добром, ежели!.. Но баннушко продолжал разыгрывать сожителя, и Носопырь топнул ногой. – Отдай спички, дурак!* Описание баннушка совпадает с народным представлением: Носопырю кажется, что *«из-под лавки, где была дыра в пол, по-кошачьи мерцают два изумрудных глаза»*. Поймать назойливого соседа ему не удастся: *«Он только хотел схватить баннушка за скользкую шерсть, как нога подвернулась, Носопырь полетел. <...> Тут баннушко завизжал, бросился в притвор, только и Носопырь не зевал, успел-таки вовремя прихлопнуть дверку. Он крепко тянул за скобу, был уверен, что зажал в притворе хвост баннушка. <...> Визг за дверью перешел в какой-то скулеж, потом как будто все стихло. Носопырь хлопнул по балахону: спички оказались в кармане. Он вздул огонь и осветил притвор. Меж дверью и косяком был зажат конец веревки. «Вот шельма, ну и шельма, – Носопырь покачал головой. – Каждый раз грешить приходится»*. Писатель же дает реалистическое объяснение тому, что происхо-

дит в жилище бобыля: когда тот выходит из бани, от нее «врассыпную и с визгом бросились ребятишки». Сам же Носопырь, затопив каменку, поет воскресный тропарь: ... *собезначальное Слово Отцу и Духови от Девы, рождшееся на спасение наше, воспоим вернии и поклонимся*. В этом эпизоде В.И. Белов показывает, как в народном сознании переплетаются христианские и языческие представления об окружающем мире. Справедливо замечает Ю.И. Селезнев: «Глядя на мир глазами даже одного из крестьян, Белов сумел вместе с тем открыть нам взгляд на мир именно «глазами своей национальной стихии, глазами своего народа», ибо в конкретных представлениях его героя отразились в главном, в существенном и общие воззрения народа» [5, с. 83].

В книге «Лад», жанр которой автор определяет как сборник очерков о народной эстетике, очень точно показано отношение крестьян к мифологическим персонажам: «Еще лет пятьдесят назад граница между реальностью и фантазией была едва заметна в крестьянском быту. Традиционные древнейшие народные поверья, освежаемые богатым воображением, совмещаясь с реальными впечатлениями, создавали полуфантастические образы поэтического сознания». Писатель приводит следующие названия МП: *домовой, домовушко, запечный дедушка, дворовушко, баннушко, гуменнушко и овиннушко*. Следует отметить, что описание Беловым МП полностью совпадает с представлением диалектоносителей: «*Домовушко, как и конь и корова, был почти членом семейства, он мог и рассердиться, и навредить, и на время оставить дом. Считалось, что в последнем случае несчастья сыпались одно за другим*». «*Присутствие домовушка на дворе определяли разными мелочами: то он гриву у лошади заплетет, то отыщет и подсунет на видное место давно потерянный предмет, то вдруг не закрытые на ночь ворота оказываются не только закрытыми, но и завязанными на веревочку*». Писатель указывает и на то, что крестьяне верили в возможность контакта с МП, искали у него защиту: «*...Надолго покидая родной дом, иные мужики выходили в верхний сарай и голосом обращались к дворовушку. Просили его беречь двор, не обижать скотину, пока хозяин будет в отлучке. Добрый дворовушко в ответ шелестел вениками, легонько попискивал или покашливал, успокаивая хозяина: мол, иди спокойно, тут все будет благополучно*. В.И. Белов отмечает, что в народном сознании образы домового и дворового нередко отождествлялись: «*Домовушком ласково называли фантастического хранителя дома. Он представлялся разным людям по-разному. Некоторые называли*

его дворовушком (попечителем скотины), другие запечным дедушкой, третьи и так и эдак, смотря по обстоятельству». Интерес представляет рассказ о наказании хозяйки дома за нарушение определенных правил: *«Нельзя затоплять печь с непокрытой головой. Запечный дедушко, – рассказывает Анфиса Ивановна, – будто бы надел на голову одной хозяйке чугунок, она так, с чугунком, и ходила всю жизнь».*

Исследователи обращали внимание на жанровое своеобразие беловского «Лада». Ю.И. Селезнев, рассуждая о бесценности этнографического материала этого труда, считает, что он представляет собой «плод настолько же научного исследования, насколько и художественного осмысления народной жизни, это действительно “роман-исследование”» [5, с. 43]. В книге «Лад» фантастические образы, созданные народом, описаны очень ярко, образно, точно, при этом очень сжато, писатель словно мимоходом упоминает о мифических обитателях крестьянской избы в очерке «Двор». При этом сам он рассуждает о них, казалось бы, с рационалистических позиций: *«Кот, забравшись на грудь крепко спящего человека, представляется ему сквозь сон домовым».* Крестьянскому же поэтическому сознанию, по мнению В.И. Белова, «решительный радикализм – либо веришь, либо не веришь» несвойственен. Белов пишет: «Народная жизнь без поэзии непредставима, но там, где все ясно и все объяснимо, поэзия исчезает и ее тотчас замещает потрясающе тусклый рационализм. Никто не осмеливался сказать: «Ничего нет». Предпочитали уклончивое: «Кто его знает, может, есть, может, нет».

Проведенный анализ показывает, насколько точно В.И. Белов, следуя народной традиции, раскрывает в своих произведениях образы МП. Опираясь на выверенный до деталей этнографический материал, писатель передает поэтический взгляд крестьян на окружающий мир.

Литература

1. Белова Е.Ю. Демонологическая лексика в говорах Правобережья Нижегородской области: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Нижегород. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского. Арзамас, 1999. 19 с. URL: <http://cheloveknauka.com/demonologicheskaya-leksika-v-govorah-pravoberezhya-nizhegorodskoy-oblasti>
2. Белов В.И. Кануны. Хроники. Архангельск: Сев-Зап. кн. изд-во, 1978. 334 с.

3. Белов В.И. Лад: Очерки о народной эстетике. М.: Мол. гвардия, 1982. 293 с.
4. Максимов С.В. Крестная сила. Нечистая сила. Неведомая сила: трилогия. Кемеровское кн. изд., 1991. 551 с.
5. Селезнев Ю.И. Василий Белов: Раздумья о творческой судьбе писателя. М.: Сов. Россия, 1983. 144 с.
6. Словарь вологодских говоров / под ред. Т.Г. Паникаровской, Л.Ю. Зориной. Вып. 1–12. Вологда: ВГПИ / ВГПУ, 1983–2007 (СВГ; КСВГ – картотека Словаря вологодских говоров).
7. Словарь вологодского режского говора / науч. ред. Л.Ю. Зорина; Мин-во образования и науки РФ, Вологод. гос. ун-т. Вологда: ВоГУ, 2017. 604 с. (СВГ).
8. Словарь говоров русского Севера / под ред. А.К. Матвеева, М.Э. Рут. Вып. 1–6. Екатеринбург, 2001–2014 (СГРС).
9. Черепанова О.А. Мифологические рассказы и легенды Русского Севера. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996. 212 с.

ИМЕНОВАНИЯ СВОЙСТВЕННИКОВ В ПОВЕСТИ В.И. БЕЛОВА «ПРИВЫЧНОЕ ДЕЛО»

Аннотация. В статье рассматривается лексика группы терминов родства и свойства. Особое внимание уделяется специфике функционирования в художественном тексте В.И. Белова оппозиций жена – муж, теща – зять, шурин – зять. Дается комментарий случаев замены терминов свойства другими номинациями, фиксируется стремление автора к формированию в тексте сложных лексических цепочек именовании родственныхников.

Ключевые слова: В. Белов, родство, термины свойства, тематическая группа, лингвистика текста.

Номинации сферы родственных отношений в художественном тексте нередко становятся предметом исследования лингвистов. Особое внимание при этом уделяется так называемым терминам родства, обозначающим «лиц по их кровнородственным отношениям и связям» [3, с. 120] по прямой (*отец, мать, сын, дочь* и т. п.) и боковой линии (*дядя, тетя, племянник, племянница*), к анализу также привлекаются слова, обозначающие родство и родственников вообще (*родня, родственник, семья, род* и др.). Однако неотъемлемой частью «родственного кода» становятся отношения свойства, отражающие связь между людьми, возникшую в результате брака. Группа слов, называющих свойственников, в современном языке довольно ограничена и формально закрыта (*муж, жена, зять, теща, тесть, свекор, свекровь, невестка, шурин, деверь, золовка, свояк, свояченица, сват, сватья*). К ним примыкают и некоторые слова, обозначающие добрачные отношения (*невеста, жених*).

В связи со сложной релятивной семантикой эти слова нередко оказываются невостребованными носителями языка и заменяются описательными оборотами типа «мать жены», «отец мужа», «брат жены», «сестра мужа» и т. п., позволяющими упростить относительную семантику таких слов. Кроме того, русский менталитет позволяет носителям языка заменять некоторые именовании свойственников терминами родства. Например, в обращении к свекрови или теще называть ее матерью (мамой), к свекру или тестю – отцом. В именовании других свойственников в процессе современного диа-

логового взаимодействия вообще отпадает необходимость. Один из супругов обращается к сестре или брату другого по имени, а в рассказах о них третьим лицам использует либо имя, либо термины родства. Исторический процесс деления «большой семьи», стремление жить отдельно от родителей, сокращение состава семьи, современные тенденции объединения в семью вне брака, редкое взаимодействие родственников также оказывают влияние на функциональную востребованность целого ряда лексем исследуемой группы.

Художественные произведения, охватывающие разные сферы бытия, события, ситуации, этапы жизни человека, его семейные связи, позволяют увидеть особенности употребления именовании родства и свойства, а также возможности расширения этой группы лексики. В этом отношении несомненный интерес представляет творчество В.И. Белова.

Художественное изображение «крестьянской семьи, живущей по законам эпически-природного циклического времени» [2, с. 7] в повести «Привычное дело» невозможно себе представить без использования тематической группы терминов родства и свойства, что отражают уже заглавия нескольких частей первых двух глав («Сваты», «Детки», «Бабкины сказки» «Жена Катерина»). Повторяются в тексте и номинации действий, устанавливающих основания общности, признаков родства и характера отношений между субъектами (*родить, народить, родиться, замужество, свадьба, жениться, родной* и др.).

Внутрисемейная сфера представлена в повести широким кругом слов, называющих кровных родственников (по прямой и боковой линии): *мать (матка, мама, мамушка) отец (папа), сын, дочь (дочка, доченька), младенец, ребенок (ребята, дети), внук, брат (братан, братик), сестра (сестренка), троюродная сестра, двоюродная тетка, двоюродный дядя*. Родство как результат добрачных и брачных отношений передается в произведении устойчивыми парами *невеста – жених, муж – жена*. Единичным, но значимым для передачи идейно-образного содержания повести оказывается лексема «холостой», связанная с отрицанием (временным или постоянным) брачных отношений. Не менее интересной в функциональном плане является группа слов, называющих свойственников. Это номинации межсемейной сферы, отражающие отношения, возникшие между родственниками мужа и жены. В тексте повести зафиксированы слова *теща – зять* (наиболее частотные и неразрывно связанные в контекстах), *свекровушка – невестка, деверь – золовка, шурин – зять*.

Родство, устанавливаемое посредством обряда крещения, представлено в тексте повести диалектной лексемой *божат*, имевшей широкое распространения в вологодских деревнях.

Известно, что термины родства, как правило, формируют пары на основе отношений конверсии: *отец, мать – дочь, сын; дед, бабушка – внук, внучка; муж – жена* и т. п. Кроме того, будучи словами с релятивной семантикой, они способны менять название одного и того же лица по отношению к разным субъектам родства или свойства, образуя цепочки (парадигмы) номинаций. Один и тот же человек по отношению к разным людям может быть одновременно назван внуком, сыном, отцом, дедом, братом. Обратимся к персонажам повести и зафиксируем эти номинативные ряды, отражающие прежде всего отношения свойства.

В начале повести в описании событий Успеньева дня, когда фронтовик Ванька Дрынов решил увести из Сосновки Катерину замуж самоходкой, автор называет почти всех «взрослых» родственников Ивана Африкановича. Благодаря частушке об участии будущей жены («лучше деверя четыре, чем одна золовушка») показана кровная связь между Дрыновым и Ньюшкой. Со свойственными автору повторами устанавливается родство между участниками этой давней истории, последствия событий того дня и нынешнее положение дел. Помощницей невесты становится ее «самолучшая подружка» Ньюшка – дочь двоюродной по отцу тетки Ивана Африкановича, жениха Катерины, троюродного брата Ньюшки. Угроза исходила вовсе и не от золовки или деверей (которых и вовсе не было), мать жениха (ныне покойная) оказалась виновницей разлуки молодых людей, потому как прочила сыну другую невесту. Несмотря на упрямство нынешней тещи, через четыре года Дрынову все же удастся жениться на Катерине, которая вот-вот родит девятого ребенка, троюродная сестра Ньюшка к сорока – старая дева («все еще в девках» – так перифрастически называет ее положение В. Белов).

Жена Катерина, думая или говоря о муже, обращаясь к нему, называет его по имени (Иван) или имени-отчеству. Последнее обращение – привычное дело и для самого Дрынова («Пьяного она меня пальцем не тронет, потому что знает *Ивана Африкановича*, век прожили» [1, с. 10]), и для Катерины. Для жителей деревни отчество – это свидетельство уважения к семейному человеку, что подтверждает реплика повествователя, напоминающего о другом времени холостой жизни героя, когда он ходил в женихах и мать называла его Ванькой: «Иван Африканович, а по-тогдашнему *Ванька Дры-*

нов, гостил у Нюшкиной матери...» [1, с. 20]. В редкие минуты особой нежности, оказавшись у родника, Катерина ласково называет мужа Иванушкой («Ты, *Иванушка*, чего? Расстроился, вижу, наплюнь, ладно» [1, с. 24]).

Слово «муж» в отношении Дрынова возникает в описанных автором воспоминаниях Катерины о событиях первого года замужества – «медового месяца» (растерянности мужа-фронтовика, не решившегося заколоть петуха, и дневных обниманиях за шкапом). Слово «жена» в основном характеризует авторское повествование от третьего лица: «Еще вчера, пока ездил в сельпо, *жену* его, Катерину, увезли в больницу родить, *жены* не оказалось... [1, с. 16].

В тексте наряду с конверсивной парой *муж – жена* фиксируем вариантную ей *мужик – баба*, которая традиционна в использовании сельскими жителями по отношению к людям, вступившим в брак и имеющим детей. Реализация семантики брачно-семейных связей с помощью слов «мужик» / «баба» поддерживается устойчивой синтагматической связью с местоимениями «свой», «мой». Отражен и типичный для северной, в том числе вологодской, деревни случай употребления местоимения «мой» без термина родства, в разговоре о муже: «Это чего там *мой-то* наделал?» – спрашивает Катерина Курова [1, с. 70].

Лексема «мужик» ('муж') употребляется, во-первых, при описании физического («телесного») проявления чувств героини: «Катерина на ходу шлепнула рукавицей *своего мужика* и не остановилась, побежала к скотному двору... Она ухмыльнулась, вспоминая, как вчера ночью по привычке хотел он ее пообнимать, а она отодвинулась, и он обиделся..., и ей было так радостно, что он обижался»; «Сливая молоко, она опять ласково ухмыльнулась, вспоминая *мужика*...» [1, с. 37]. Во-вторых, в ситуациях, связанных с трудовой деятельностью: «Ежели бы *мужик*... вот ежели бы и *мужика*... Только чего! Разве пойдет *мужик* на двор? Вся деревня захохочет, скажут, *Иван Африканович* скотником заделался» [1, с. 40]. И в этом случае Катерина, говоря «мужик», имеет в виду именно своего мужа, а не любую мужскую силу вообще.

В свою очередь Иван Африканович периодически называет Катерину «бабой»: в «диалоге» с конем Парменом («А как думаешь, Парменко, попадет нам от *бабы-то*?» [1, с. 9]; «Вот ты говоришь, *баба*. *Баба*, она, конечно, *баба* и есть. Только у *меня баба* не такая, она и отряховку даст кому хошь. А мне ни-ни с пьяным...» [1, с. 10]); в разговорах с Мишкой («Она с *моей бабой* недавно на слете была...»

[1, с. 12], «...до обеда только косил. Баба пришла домой, я и не пошел с обеда-то» [1, с. 48]). Маркирующим это значение оказывается синтагматически связанное со словом «баба» местоимение «моя». В основе такого обозначения – диалектное влияние. В северных говорах слово «баба» традиционно используется в качестве синонимической замены литературного «жена» ('замужняя женщина, как правило, имеющая детей').

Только дважды использует Иван Африканович в своей речи слово «женка». Первый раз – рассказывая встреченному по дороге домой парню, как «настрадался без женки», когда был на лесозаготовках, и тут же советует «не жить врозь со своей бабой». Второй – в разговоре с председателем на сороковой день после смерти жены. Выбор автором слова «женка», по-видимому, способ выражения эмоционального состояния героя при расставании с Катериной. В минуты особой тревоги за Катерину, нежности к жене Иван Африканович вместо родственных номинаций прибегает к оценочно-характеризующим: «голубушка», «милая» в сочетании с именем (*Катерина, Катя*).

Окружающие, как это традиционно принято в деревне, называют Катерину «хозяйкой», выделяя прежде всего ее организующую роль в доме и семье, ее супружеская функция передается контекстным окружением слова. «Не родила еще хозяйка-то?» [1, с. 14] – спрашивает Степановна у заехавшего к ней Ивана Африкановича; «Пришла Африкановича хозяйка-то?» [1, с. 49] – интересуется у мужиков Куров.

Особое использование терминов родства, характерное для общения мужа и жены, имеющих детей, включает автор в речь персонажей. Обращаясь к Ивану Африкановичу сразу после разговора о судьбе старшей дочери Танюшки, Катерина называет мужа отцом («Вот и наша Танюшка скоро невеста будет. Ну спи, отец, спи, завтра и тебе рано, и мне на ферму бежать» [1, с. 58]). Таким образом, «в плане фразеологии» (термин Б. А. Успенского [4]) взрослый персонаж закрепляет «точку зрения» ребенка, используя термин родства без учета его реляционного характера. Такое изменение в именовании мужа смещает акцент с родства брачного на кровное, еще больше сближает героев, добавляет содержанию речи особой душевности и теплоты. Интересно, что Катерина, называя Танюшку *невестой*, имеет в виду прежде всего возраст дочери («невеста» – 'девушка, достигшая брачного возраста'), а не наличие жениха или предложений выйти замуж. При этом Катерина выражает смешанные чувства: сожаления о быстро текущем времени; жалости к

девочке, рано покинувшей дом, живущей в далеком «чужом» городе, и в то же время нежности, гордости за дочь, надежды на лучшее будущее для нее.

В отношении к брату Катерины Иван Африканович дважды в тексте повести назван зятем, в свою очередь Митька пять раз именуется шурином. Использование слов соотносительной пары «шурин – зять» осуществляется сначала в описании обаятельного и деятельного, легкого на подъем и «удачливого» брата Катерины («Иван Африканович не мог надивиться на *шурина*» [1, с. 73]). Потом в ситуации с «конфискацией» сена («– Сено где? – резко обернулся *шурин*... Митька сплюнул и презрительно, долго глядел на *зятя* [1, с. 83]) и в эпизоде с установлением сторонними людьми родства Ивана Африкановича и задержанного милицией Митьки («Легко отделался твой Митька... Можешь отнести передачу своему *шурину*...» [1, с. 79-80]). И еще раз в авторской речи при описании уговоров уехать с Митькой на заработки в город: «А Митька, видя, что *зять* уступает и сейчас вовсе сдастся, старался закрепить победу» [1, с. 85]. При этом во всех случаях повествователь, используя термин свойства, принимает «точку зрения» своих персонажей.

В тексте повести Евстоля предстает в трех функциях: *мать*, *теща*, *бабушка*. И каждая из этих ролей регулярно обозначается в повести соответствующими цепочками терминов родства. Складывается несколько моделей именования этого персонажа: термин родства (*бабка* / *мать*) + имя (*Евстоля*), термин свойства или родства без имени (*теща*, *матка*, *баба*, *бабка*, *бабушка* / *баушка*), этикетное обращение (*матушка*).

По отношению к дочери Катерине именования Евстоля матерью поначалу (маткой) довольно редки. Регулярно в авторском повествовании она называется бабкой, за исключением отдельных случаев («*Мать* Евстоля растопляла печь» [1, с. 37], «Катерина очнулась от забытья, над ней стояла *мать* – Евстоля» [1, с. 91]). В прямой и несобственно-прямой речи персонажей термины родства, применяемые к Евстолю, более разнообразны.

Катерина в разговоре с мужем, раздраженная на него, называет ее то *старухой*, то *бабкой*, особенно если речь идет о детях. Много раз автор разными способами специально подчеркивает старость Евстоли, ухудшение здоровья и слабость. Тем самым показывает главенствующий статус ее дочери в доме: время Евстоли прошло, она лишь помощница по хозяйству и нянька для оравы внуков. Вспо-

миная о событиях прошлого, связанных с замужеством, Катерина нередко в потоке мыслей именуется ее то матерью / маткой, то тещей, принимая таким образом в плане фразеологии «точку зрения» мужа.

Слова «мама», «мамушка» в речи Катерины появляются только в ситуации выражения сильных чувств: тревоги, беспокойства за детей, состояния отчаяния и тоски по мужу, в последние трагические минуты жизни («Мама, это ты сидишь-то? – «Я, я, милая, лежи ты спокойно, лежи ради Христа»; «Мама, говорит, нет от Ивана-то писем?»; «Мамушка, – говорит, – разбуди ребят-то, ведь я умираю...» [1, с. 110].)

Соотносительная пара *теща* – *зять* нередко оказывается в рамках общей фразы или небольшого текстового фрагмента, оба элемента довольно частотны и встречаются в речи рассказчика и несобственно-прямой речи персонажей, в ряде случаев границы между этими планами повествования размыты: «*Катерина вспомнила*, как на первом году *пришли они* в Сосновку, Евстоля тогда жила еще там, и сосновский дом стоял ядреный, и *Евстоля, теща Иванова*, попросила *зятя* отрубить петуху голову. А муж молодой заоглядывался, растерялся, только *теща* даже не думала, что у нее такой *зять*... Евстоля поймала шустрого петуха и ушла творить блины, а *зять* как мальчишка, осторожно прижимал петуха к пиджаку» [1, с. 37].

Так, в приведенном контексте повествование начинается как воспоминание главной героини, однако уже во второй части того же самого предложения воспринимается как авторское (ведь с точки зрения Катерины Евстоля должна была бы быть обозначена как мать, формулировка «*теща Иванова*» скорее демонстрирует позицию не дочери, а «чужого», стороннего человека), но уже в следующем предложении упоминание о муже снова маркирует изложение как рассказ самой Катерины.

Смерть Катерины сближает Ивана Африкановича с тещей, свойство словно перерастает в родство. Особое теплое отношение проявляется и в обращениях Дрынова к Евстоле, ведь только после утраты родного человека он начинает постоянно называть тещу маткой: «*Матка, матка*, чево мне теперече, что я без Катерины, куда...» [1, с. 111], «Не управиться бы *матке* со всеми-то. Худая стала, все говорит, что руки болят, да ведь и годы уж...» [1, с. 125] и др.).

Для стиля В. Белова характерно использование в рамках небольшого текстового фрагмента рядов терминов родства и свойства (цепочек из 3 или 4 элементов), устанавливающих отношения сразу между несколькими персонажами произведения. Так, например,

описывая родственные связи только что приехавшего из Заполярья и сразу опознанного стариком Федором Катерина брата Митрея, автор тут же упоминает и о его матери Евстоле, которая «хоть и ругала, однако накормила его на славу» [1, с. 64], и об отсутствовавших дома зяте Иване и сестре, у которой Митька собирается занять денег, чтоб отметить приезд. Продemonстрируем похожий с описанным выше случай употребления номинативных цепочек на небольшом текстовом фрагменте: «...еще вчера, пока ездил в сельпо, жену его, Катерину, увезли в больницу родить, жены не оказалось, и будто бы он сказал теще, старухе Евстоле, что, мол, все равно он, Иван Африканович, задавится, что он без Катерины хуже всякой сироты. Теща же Евстоля, по словам баб, сказала Ивану Африкановичу, что она, хватит, намаялась, что уедет к сыну Митьке в Северодвинск» [1, с. 16]. Автор активно использует прием тавтологии, создающей эффект навязчивого и подробного пересказа бабьих сплетен так, чтобы не запутать «слушателя», подробно и последовательно описать, как было дело, кто и что именно сказал или сделал.

Так в художественном пространстве произведения формируется система родственных отношений и ценностей семьи, которая является основой бытия русского крестьянина. Благодаря фонетическим и некоторым грамматическим особенностям речи персонажей угадываются носители вологодского говора, в особом использовании некоторых именований родственников и их вариантных замен чувствуется дух северной деревни, так хорошо знакомой В.И. Белову.

Литература

1. Белов В.И. Собрание соч.: в 7-ми томах. Т. 2. Классика, 2011.
2. Евсеев В.Н. Творчество Василия Белова как художественная система: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.02, МГПИ. М., 1989. 16 с.
3. Моисеев А.И. Термины родства в современном русском языке // НДВШ Филологические науки. 1963. № 3. С. 120-132.
4. Успенский Б.А. Поэтика композиции // Успенский Б.А. Семиотика искусства. М., 1995.

ПРИЕМЫ ЭТНИЧЕСКОЙ МОБИЛИЗАЦИИ В ПУБЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЯХ АРХИЕПИСКОПА НИКОНА (РОЖДЕСТВЕНСКОГО)*

Аннотация. В статье исследуются языковые средства и приемы этнической мобилизации в устной публичной речи одного из известнейших членов «Союза русского народа» архиепископа Никона (Рождественского). Рассматриваются языковые выражения образа врага в его проповедях. Делаются выводы об основных риторических средствах, используемых православными священниками-националистами в начале XX века.

Ключевые слова: риторика, русский национализм, речевое воздействие, этническая мобилизация, архиепископ Никон (Рождественский).

Актуальность данной работы обусловлена обращением к исследованию языка вражды в контексте изучения истории русской политической риторики в начале XX века, когда в условиях сложных социокультурных и политико-экономических угроз государство усиливает активность общественно-мобилизационного дискурса. Как следствие, в институциональное поле входит политический национализм, представленный монархическими партиями. Но деятельность монархистов не ограничивалась площадками Государственной думы и другими представительными органами власти разных уровней. Внеинституциональная деятельность монархистов также заслуживает внимания, поскольку имела гораздо большее значение для широких слоев населения.

Одним из эффективных «каналов» этнонациональной мобилизации в стране в начале XX века была церковь. Выполняя целый комплекс функций, в том числе нравственно-просветительскую, образовательную, учетно-статистическую, церковь для каждого православного жителя Империи была наиболее близким «официальным

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект № 16-34-01050-ОГН «Риторика русского национализма: воздействие, аргументация, образы (на материале публичных дискуссий начала XX века)».

учреждением». Церковь была основным источником официальной информации для огромного числа населения. О событиях общегосударственной важности прихожане часто узнавали именно от приходского священника. По мнению Т.Г. Леонтьевой, приходскому священнику всегда объективно отводилась роль транслятора политики государства, а в эпоху начавшейся в стране модернизации духовенству вообще предстояло «разбудить» традиционалистскую массу и повести ее в нужном направлении [3, с. 28].

Риторика поучений архиепископа Никона была предназначена для широкой массы православных верующих и имела цель воздействовать на систему их политических и идеологических представлений с позиций церкви, поддерживающей государственную власть, то есть формировала у адресата представление о политической реальности. Риторика мобилизации направлена на актуализацию в сознании адресата бинарной оппозиции «свой-чужие». Зачастую основной функцией языка вражды становится формирование в представлении адресатов сообщения образа врага, противника, угрожающего безопасности, да и самому существованию группы, к которой принадлежит оратор. Архиепископ Никон в качестве своих основных идеологических оппонентов однозначно определяет, во-первых, представителей других этносов и конфессий. Прежде всего, это евреи/иудеи, западные народы/католики и протестанты и в целом – «иноверцы». Во-вторых, оппонентами становятся политические противники левых взглядов – «социалисты». К ним примыкает целый социальный слой «сочувствующих» – интеллигенция.

Негативный образ противоположной группы передавался, прежде всего, самым эмоциональным тоном текста. Церковное поучение, в форме которого повествует Никон, как правило, отличается мажорным, патетическим звучанием. Неудивительно, что и вопросы, затрагивающие межгрупповые взаимоотношения, освещались Никоном высоким, пафосным тоном. Таким образом реализовывалась эмотивная или экспрессивная функция высказывания, выражающая негативные эмоции и особый психологический настрой адресанта. Патетический тон характеризуется особыми риторическими средствами – тропами и фигурами. Мы выделили и проанализировали фрагменты речи Никона, посвященные аутогруппам и характеризующиеся негативными интенциями содержания по отношению к ним.

Какие лексические средства формировали речевую тональность? Во-первых, Никон в тех фрагментах или целых текстах, которые посвящались оппонентам, активно использовал возвышенные художественно-изобразительные словосочетания книжной речи: «...*Со всех сторон **мрак сгущается**: всюду есть **великая потребность возжигать свечи**...*»; «...Свобода для всех иноверцев и инородцев <...> *оскорблять заветные святыни нашего православного русского сердца, издеваться над нашею **святою верою**, бить нас по самым **нежным струнам** нашего измученного сердца!*...» [1, с. 14, 98]. Выражения книжного, «возвышенного» характера, отличающиеся от устной лексики, несомненно, привлекали внимание адресатов и усиливали значимость сообщаемой информации, добавляли выразительности и выполняли дополнительные функции. Например, могли создавать дополнительное ощущение тревоги, опасности.

Во-вторых, выбранные фрагменты текстов отличаются широким использованием эпитетов – прилагательных, причастий и наречий. Добавляя речи выразительность и красоту, эпитеты также усиливали прагматическую задачу воздействия на аудиторию: «...*Невольню начинаешь стыдиться за тех, кои именуют себя православными, но своим поведением, своею деятельностью блазнят только **младенчествующих инородцев**...*» [1, с. 16, 45]. Здесь же добавляется еще одна особенность – использование метафор: «...*Будто сатана вышел из **глубин преисподних** и, Божьим попусцием, **пустил струю смертоносных веяний** по Русской земле. Разгонит ли Господь духом уст Своих эти **сатанинския веяния**? Отрезвятся ли Русские люди от этого **губительного угара**?...*» [1, с. 52].

Фрагменты речи, посвященные иным группам, часто наполнялись лексическими повторами: «...*Грозное время мы переживаем, еще более грозные времена наступают...*»; «...*Так многообразно проявляется **бессовестность наша**, с которою сравнится разве только **бессовестность иудеев**...*» [1, с. 57, 84]. В приведенных примерах такой риторический прием усиливает ощущение трагичности ситуации.

Рассмотренные фрагменты поучений активно оформлялись синтаксическими риторическими фигурами. Как и в любой пафосной речи, этнически окрашенные фрагменты поучений Никона для передачи эмоциональности наполнялись восклицательными предложе-

ниями, следующими друг за другом: «...Враг у дверей вашей ограды... он уже вторгается в сию ограду! Горе нам, нам спящим, если он начнет свое гибельное дело соращения и расхищения наших овец!..» [1, с. 57]. Не менее частым было и использование вопросительных предложений: «...Скажите же ради Бога: какой смысл в такой терпимости? За что мучают наше сердце разрешением на все это? Кому нам жаловаться? Где искать защиты от этого – простите – прямо сквернословия?..» [1, с. 197-198]. Функционально использование вопросительных конструкций обусловлено общей структурой церковного поучения, в котором проповедник дает ответы на актуальные вопросы. В то же время у Никона вопросы зачастую приобретали характер риторических и дополнительно усиливали выразительность речи.

Еще один синтаксический прием – риторические обращения: «...О Русь! До чего ты дожила?!»; «...Проснись же, родная наша матушка Русь! Сбрось с себя все чужое, наносное, вспомни заветы предков и то, к чему зовет тебя Господь! Слышишь: даже язычники камчадалы взывают к тебе: Христос воскрес!..» [1, с. 16, 47].

Несомненно, структура церковного поучения также предопределяла и активное использование повелительных предложений: «...Пастыри Церкви! Готовьтесь отражать волков! <...> Мужайтесь! Подвигом очищайтесь! Силами благодатными запасайтесь!..» [1, с. 14, 57]. Подобным образом Никон обращался к читателям, к верующим в целом, к православным, к русскому народу.

Общий характер высказываний Никона сводится к установке «не допустить» проникновения аутогрупп в устоявшиеся сферы общественных отношений, прежде всего – государственных и религиозных. Никон «отказывает» иноверцам и инородцам в равном доступе к привычным для русских православных подданных вещам, постоянно высказывает мысль о противоестественности равного сосуществования.

Рассуждая о непропорциональном превосходстве аутогрупп, Никон выражал опасения по поводу их доминирования или превосходства, в том числе потенциального, в той или иной сфере общественной жизни. Никон замечает «нашествие» чужаков в политике, прессе, производственных и торговых отношениях, медицине, культуре, системе образования: «...они имеют своих агентов среди самих правящих сфер, искусно внушают там все,

что им нужно, между тем как наши благонамеренные интеллигенты и подозревать того не хотят!..» [1, с. 320]. Например, Никон высказывает опасения по поводу «вторжения» иудеев в систему церковного образования [1, с. 77]. Как следствие, выдвигаются обвинения в негативном влиянии группы на общество или государство в целом. Такое обвинение становится одним из самых распространенных в риторике Никона.

Важно отметить, что негативность влияния часто ассоциировалась у Никона с семантикой болезни, заражения, отравления чего-либо, что несет разложение, гибель. Подобным образом Никон рассуждает о влиянии на молодежь: *«...Теперь все их усилия и направлены к отравлению юношества <...> надобно с детства вытравить из души этот закон <...> наполнить всю атмосферу русской жизни ядом неверия, безбожия, анархизма <...> а чтобы этот яд скорее принять к сердцу – источнику духовной жизни, надо всячески развращать нравственно и физически молодежь...»* [1, с. 197]. Русская интеллигенция, по Никону, заражена «духовными ядами» вольнодумства, вольтерьянства, масонства, приведшими западные народы к разложению [1, с. 102]. Еще одно сравнение интеллигенции – с «микробом» в организме «нашего богатыря-народа».

Таким образом, набор языковых средств этнической мобилизации постоянен. Важно отметить, что риторика архиепископа Никона обладает определенной спецификой. Она обуславливалась как социокультурной ситуацией, так и личностью самого адресанта, толкующего окружающую реальность сквозь призму религиозного мировоззрения, социального статуса и политической принадлежности. Содержательными чертами риторики Никона можно назвать ксенофобию и «охранительство» самодержавия и православия. Главными адресатами сообщений являлись православные подданные, при этом их этническая принадлежность, «русскость», отходит на второй план. Дискурс вражды в его риторике имел преимущественно религиозный, а не этнический, как у профессиональных националистов-политиков, характер. В качестве лингвистических особенностей отметим обращение Никона к речевому жанру поучения и использование патетического тона в качестве основы риторики вражды.

Литература

1. Архиепископ Никон (Рождественский). Козни врагов наших сокруши...: дневники. М., 2008.
2. Гладилин А.В. «Язык вражды» как коммуникация» // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012 № 11 (19). URL: www.sisp.nkras.ru (дата обращения 14.11.17).
3. Леонтьева Т.Г. Православное сельское духовенство в условиях модернизации России (вторая половина XIX – начало XX века): автореф. дис. ... доктора ист. наук. М., 2002.
4. Малькова В.К., Тишков В.А. Этничность и толерантность в средствах массовой информации. М., 2002. 348 с.
5. Никон, епископ Вологодский и Тотемский. Идите и вы в виноградник Христов! // Вологодские епархиальные ведомости. 1910. № 13.
6. Язык вражды против общества: сб. статей / сост. А. Верховский. М., 2007. 259 с.

НАЗВАНИЯ ЖИВОТНЫХ-КОМПАНЬОНОВ (КОШКА, СОБАКА) В СОВРЕМЕННЫХ ВОЛОГОДСКИХ ГОВОРАХ

Аннотация. В статье характеризуются образы кошки и собаки в локальной картине мира, эксплицируемые в процессе анализа названий животных-компаньонов в современных вологодских говорах.

Ключевые слова: языковая картина мира, вологодские говоры, лексика животного мира.

Изучение образов животных в языковом сознании сельских жителей Русского Севера относится к числу актуальных проблем современной русистики: диалектологии [9], лингвистики текста [3], этнолингвистики [2, 1] и др. Наша статья посвящена исследованию образов животных-компаньонов, имеющих для человека особое значение [5]. К числу древнейших компаньонов человека относятся кошки и собаки: они являются древнейшими спутниками человека на охоте (собака) или в доме (кошка); их присутствие, кроме практической пользы, приносит хозяину положительные эмоции. Отношение к кошкам и собакам в северной крестьянской культуре было весьма различным, о чем свидетельствуют записи устной речи сельских жителей Вологодского края.

Среди названий кошки преобладают общерусские названия с корневым элементом *-кот-* / *-кош-* (*кот, кошка, котёнок*) – ср.: **kattus* «дикая кошка» (начиная с IV в. н.э.) [10, т. 2, с. 350]. Рядом с ними сосуществуют производные слова, характеризующие кошку по цвету или качеству шерсти (клички *Бусик* – ср.: *бусый* «серый, дымчатый» [СВГ, вып. 1, с. 51], *Рыжко* – ср.: *рыжий, Серко* – ср.: *серый, Пушок, Цыган* и др.), специфике издаваемых ею звуковых сигналов (*кавка* – ср.: *кавкать, каучить* «мяукать» [СВГ, вып. 3, с. 89, 91]), способности ловить мышей (*ловуха* от *ловить*: «*Без лоухи-те мышей может появиться много*» [СВГ, вып. 4, с. 43]) и заводить в шерсти паразитов (*блоховатик* – от **блоховатый, блоха*: «*Блоховатик мой любит, чтобы я его гладила, мурчит всё*» [СВРГ, с. 25]). Производные от родового названия называют детёнышей кошки (*котенёнок, котёничик, котёшко*), а также маркируют признак по принадлежности (обычно в составных наименованиях растений: *кошачьи (кисьи) лапки* «растение бессмертник» [СВРГ, с. 239]).

Неморфемные образования реализуют типичный семантический перенос, называя предметы бытового назначения: ср. *кошка* «деревянная ручка, вращением которой приводится в движение барабан с тросом, поднимающим воду из колодца» [СВРГ, с. 220].

Изучение контекстуальной информации свидетельствует о том, что при характеристике этого животного наиболее важными характеристиками являются его проживание в доме, в непосредственной близости к людям («*Замну я тебя сегодня, однако, киска. Под ногами всё вертисся*»; «*Одна кошка на одной руке спит, другая на второй руке, а третья кошка на брюшине*»), обладание густой, приятной на ощупь шерстью («*Котёнок-то шерстнатой был*»), ласковое, миролюбивое поведение («*Деушки-ти набегжат, дак котика имеют. Не убежит он от тебя, станет шоркаться о тебя*»), способность к порождению звуковых сигналов, выражающих удовольствие («*Закурначит, закурначит, как Володька придёт. Знаёт, что он всегда уж её погладит*») или просьбу, жалобу («*Слышишь, кошка-то каучит, дак выпусти её*»), а также порождать различного рода шум («*А котёнок-от всю ночь лапами боркотил по полу*»), особенности питания («*Муська, пей молоко, ведь ты доишь своего котёнка*»; «*Кошка под кроватью кавкает, костью подавилась*»; «*Чего-то нашей кошки нет опять. Опять чего-нибудь столкла, наверное. Не успела положить, а она всё столкла. Ну и кошка! Где бы что столочь!*»), способность охотиться на мышей («*Пушинка-то до чего ловкая кошка была! Сколько мышей наловит да и на кровать положит*»). Достаточно часто информанты обращаются к кошке как к постоянному спутнику, собеседнику, свидетелю различных обстоятельств их жизни: «*Вот, Муроцька, до какой жирки дожили! Сиди у окошецька да поглядывай в окошецькё!*» Спектр эмоций, которые вызывает кошка у наших информантов, весьма широк: от умиления («*какиё котёнцики-то баскиё народилися, загляденье!*» Кир. Борб.) до раздражения («*Чего-то нашей кошки нет опять. Опять чего-нибудь столкла, наверное. Не успела положить, а она всё столкла. Ну и кошка! Где бы что столочь!*» Сямж. Монаст.).

С образом кошки диалектоносители связывают некоторые традиционные представления, приметы. Так, по мнению наших информантов, если кошка спит, спрятав мордочку в шерсти, то к ночи ожидается похолодание («*К ночи подморозит – смотри, Мурка нос-от попрятала*» Кир. Борб.). Трехцветная кошка приносит удачу («*Муся у нас троёшёрстная, такие кошки редко, к удаче*» Кир. Ник. Торжок),

а в новый дом лучше первой пускать чёрную кошку – она надёжнее договорится с домовым («А кошку пускали, свою брали, а своей если нет, дак любую бери, лучше чёрную – она ловчей с хозяином-то домовым столкнется» Кир. Борб.). Приведенные нами иллюстрации подтверждают мысль о том, что кошка занимает особое положение в мифологической картине мира, являясь проводником между реальным и инфернальным миром [6, с. 661].

Лексическую основу названий собак также составляют общерусские имена существительные: *нёс* [10, т. 3, с. 248], *собака* (ср.: **sabāka* [10, т. 3, с. 702]), *сука* (ср.: **spka* [10, т. 3, с. 798]), *кобель* (ср.: **ко-бѣль* [10, т. 2, с. 267]), *щенок* (ср.: **ščenę* [10, т. 4, с. 502]). Изначально наиболее древнее из них, родовое название животного *нёс* по употребительности уступает более позднему существительному *собака*.

Контекстуальный анализ высказываний о собаках достаточно хорошо представляет их повадки: собака живёт на улице, в конуре («*Тузик в собачарник улез: коровы испугалсё*»), обладает острым нюхом («*Девки стукнут воротами настояшшо, чтобы собака уцюла*») и громким голосом («*На всех-то дурут, что за собака! Вот чужой человек зашёл в дом, так он «ав-ав» – и задурит, и задурит!*»), не особенно сытно питается («*Пойду собаку гаркать, ведь седни не кормлена*»; «*Собака-то у нас кощая, одне рёбра торчат*»).

От существительного *собака* в вологодских говорах образуются морфемные производные:

– *существительные* со значением незрелых существ (*собачошко*, *собачонок* «щенок», *собачоночек* «ласк. к собачонок»: «*У собаки-то собачата, дак она и злится*» [СВГ, вып. 10, с. 65]) и предметов, имеющих отношение к собаке (*собачарня* «будка для собаки, конура»: «*Тузик в собачарник улез: коровы испугалсё*» [СВГ, вып. 10, с. 65]),

– *прилагательные* со значением «принадлежащий / свойственный собаке»: в устойчивых названиях растений (*собачий гигель* «тмин обыкновенный» [СВГ, вып. 10, с. 65], *собачья дудка* «тмин обыкновенный» [СВГ, вып. 10, с. 65]), в названиях несъедобных или обладающих невысоким качеством грибов (*собачий гриб* «несъедобный гриб» [СВГ, вып. 10, с. 65], *собачья губа* «1) гриб поганка; 2) гриб опёнок; 3) гриб, считающийся в данной местности несъедобным» [СВГ, вып. 10, с. 65]), а также используемых для характеристики человека – невоспитанного, грубого, своенравного, непослушного, драчливого и пр. (*собаковатый*: «*Робята собаковаты шибко, шибко*

шаловиты» [СВГ, вып. 10, с. 64], *собаковитый*: «*Собаковитой парень, не совладаёшь с ним всё шалит*» [СВГ, вып. 10, с. 64], *собачливый*: «*Деука-та собачливая была*» [СВГ, вып. 10, с. 65], *собачный*: «*Он не собашной был у нас старичок-от*» [СВГ, вып. 10, с. 65]],

– *наречия*, маркирующие неподобающее качество выполнения какого-либо действия (*по-собачьи* «небрежно, кое-как» «*Ведь не по-собачьи брали снопы. А сейчас лён худо убирают*» [СВРГ, с. 399], *насобачиво* «назло»: «*Они насобачиво хоть щё сделают*» [СВГ, вып. 5, с. 72]),

– *глаголы*, маркирующие неподобающее поведение (*собачиться* «1) играя, резвясь, шуметь, шалить; 2) подшучивать, подсмеиваться» [СВГ, вып. 10, с. 65]; *насобачиться* «нарезвиться»: «*Робята-то насобачились, дак быстрей уснули*» [СВГ, вып. 5, с. 72]) или называющие интенсивное, экспрессивное действие: *пересобачить* «устроить беспорядок, положить вещи не на свои места»: «*В избе-то всё пересобачено, всё не по-черёдному*» Кир. Борб.

Неморфемное словообразование реализует модель «название животного» > «название предмета бытового назначения»: *собака* «подставка для пилки дров; козлы», *собачка* «деталь ткацкого станка, предназначенная для держания бёрда» и др.

Диалектные производные от существительного *пёс*: *псовка* «о ком-, чём-либо плохом, скверном» [СВГ, вып. 8, с. 106], *псотить* «сплетничать» [СВГ, вып. 8, с. 107], *напсотить* «наклеветать, возвести напраслину» [СВГ, вып. 5, с. 63] – также подтверждают вывод о том, что в крестьянском сознании собака как «нечистое» животное в целом воспринимается с отрицательными коннотациями [2, с. 658]. Подтверждают этот вывод и производные от существительного *сука*: *засукасть* «изгрызть, испортить что-либо» [СВГ, вып. 2, с. 153]; *заисучить* «сильно искушать» [СВГ, вып. 2, с. 119] и др.

Существительное *щенок*, вероятно, по аналогии с *дать щелчка* («ударить, стукнуть») участвует в образовании устойчивого сочетания *дать щенка* («прогнать выставить») в сямженских говорах: «*Дала щенка – да и живи, как хошь, сама делай всё!*» [СВРГ, с. 592].

Таким образом, изучение бытования в вологодских говорах названий животных-компаньонов позволяет сделать вывод о том, что в традиционном языковом сознании с образом кошки связано больше положительных коннотаций, чем с образом собаки. Обнаруживая известную близость в реализации деривационных отношений, названия кошки и собаки по-разному реализуют свой потен-

циал: у названий собаки он значительно богаче и в большей мере связан с отрицательной характеристикой человеческого поведения. Полученные нами результаты свидетельствуют в пользу выявленных ранее отличительных особенностей языковой картины мира вологодского крестьянина: парцеллированности, утилитарности, традиционности и экспрессивности.

Литература

1. Вендина Т.И. Языковая картина мира через призму словообразования (макрокосм). М.: Индрик, 1998. 236 с.
2. Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 910 с.
3. Звонарева Л.У. Зооморфный код в прозе Василия Белова // Беловский сборник. Вып. 3. Вологда: ВолНЦ РАН, 2017. С. 164-169.
4. Золотые россыпи: словарь устойчивых оборотов речи в вологодских народных говорах. Вологда: ВГПУ, 2014. 304 с. [ЗР]
5. Модельный закон об обращении с животными от 31.10.2017. URL: <https://official.academic.ru>
6. Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 2. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2009.
7. Словарь вологодских говоров. Вып. 1-12. Вологда: ВГПИ; ВГПУ. 1983-2007 (СВГ); картотека словаря [КСВГ]
8. Словарь вологодского режского говора (по материалам диалектологических экспедиций в Сямженский район Вологодской области). Вологда: ВоГУ, 2017. 604 с. [СВРГ]
9. Слюсарева О.А. О полярности образов кошки и собаки в диалектной картине мира (на материале лексики села Краснолипыя Репьевского района Воронежской области) // Актуальные проблемы русской диалектологии: К 100-летию издания «Диалектологического атласа русского языка». Тезисы докладов. М.: ИРЯ РАН, 2015. С. 191-193.
10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с немецкого и доп. О.Н. Трубачева. М: Прогресс, 1986.

ПОНИМАНИЕ СЛОВА *день* В XX ВЕКЕ

Аннотация. Слова, обозначающие время, активно используются современным русским человеком, поскольку в том ритме, в котором он живёт, невозможно не учитывать способности времени к измерению, не учитывать его повторяемости, цикличности, или, наоборот, его линейности. Особенно это касается слова *день*, которое, согласно историческим памятникам, активно «живёт» в речи русского человека уже с X века. Рассмотрим – как же понималось в недалёком XX веке слово *день* в русском литературном языке.

Ключевые слова: время, *день*, понимание времени, цикличность, линейность времени.

Василий Иванович Белов – приверженец традиционных взглядов на слово, понимание слова; в его произведениях отражены традиционные представления русского человека – крестьянина – о мире. В своих книгах он формирует духовные ценности молодёжи своего времени.

Значения, которые человек придавал слову *день*, с течением времени менялись: одни значения совсем утрачивались, другие, наоборот, «обрастали» новыми смыслами, появлялись оттенки значений, которые затем активно преобразовывались в новые значения. Тем не менее в основных – традиционных – значениях слово *день* и в XX веке активно использовалось человеком; это, соответственно, отразилось в литературе того времени.

В «Словаре русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой основное значение слова *день* – ‘часть суток от восхода до заката солнца, от утра до вечера’: «Незаметная, но хлопотливая и суетная жизнь течет в тайге в эти погожие *дни* и звездные, гулкие *ночи*» (Марков, Строговы) [5: 387]. В другом словаре основное значение дня – ‘час суток от утра до вечера’: *день* может быть чудесным, солнечным, пасмурным, морозным, майским [2: 215]. Таким образом, определены границы дня: начало (восход солнца или утро) и его конец (заход солнца или вечер); *день* может иметь начало, часть, середину, продолжительность: «День незаметно клонился к вечеру» (Бунин) [2: 215]. «Наиболее актуальный временной отрезок для современного русского языкового сознания – это *день*, который свя-

зан с 290 разными словами-стимулами согласно данным Обратного словаря [4]. Самым типичным для русского является день *весенний* (163), *светлый* (130), *тяжелый* (97) и *прекрасный* (84). Ближе всего к понятию *день* стоит *неделя* (22), затем следует *год* (17), *месяц* (11), *час* (7). Самое типичное действие, связанное с понятием *день* – это *провести* (19), *кончиться* (8), *кончать* (3)» [6: 151].

Слово *день* часто входит в состав устойчивых выражений – фразеологизмов; так выражение *ясно как божий день* имеет значение ‘совершенно ясно’ [3: 314]; ‘совершенно ясно, очевидно’ [5: 387]; возникновение выражения *среди (среди) бела дня* со значением ‘днем, когда светло’ [5: 387] связано со световым пониманием прилагательного *белый*, которое имеет значение ‘ясный, светлый’ [1: 154]. В выражении *ясно как [белый] день* со значением ‘абсолютно ясно’ «отражено не только временное, но и мифологическое противостояние светлых и тёмных частей суток» (Мокиенко 1990, 44) [1: 154]; в выражении *[весь] белый день* со значениями 1) ‘целый, полный день’ и 2) ‘светлый период суток’ «отразилось «световое» значением прилагательного *белый*. Противоположное ему значение имеет *чёрный день* – ‘трудный период жизни, время неудач’ [3: 314]; ‘тяжёлое, трудное время’: «Откладывать деньги на *чёрный день*» [5: 388].

На ассоциации дня как светлого времени суток строится и выражение *днём с огнём (с фонарём) не найти (не сыскать)* со значением ‘очень трудно, почти невозможно найти, отыскать (о ком-л. выдающемся или о чём-либо редком)’ [2: 216]. «Выражение показывает крайнюю редкость того, что приходится искать, добавляя к дневному свету искусственный, либо же характеризует полную невозможность найти нужный предмет или лицо» (Вартаньян 1973, 79) [1: 154].

В XX в. *день* понимается и как ‘сутки’, ‘сутки, промежутки в 24 часа’: «Последние четыре дня он ничего не ел» (В. Кожевников, Март-апрель) [5: 387]; «Знакомство их произошло несколько дней назад» (А.Н. Толстой) [2: 215]. Наличие выражения «в году 365 дней» указывает на то, что *день* теперь входит в состав *года*.

«Сутки делятся либо на две части, светлую – *день* и тёмную – *ночь*, либо на четыре части: *утро, день, вечер, ночь*. В первом случае день начинается с восходом солнца и заканчивается с его заходом: «Всходило солнце – начинался новый *день*. Зашло солнце – вот и ещё один *день* прошёл». При делении на четыре части днём называется отрезок времени от полудня (иногда – от 11 часов) до пяти часов» [2: 313]. Так же, как и в предыдущие века, остаётся акту-

альным противопоставление дня ночи. На это указывает наличие устойчивого выражения *(и) день и ночь* – ‘все время, не переставая’: «Все думать, думать об одном *И день и ночь* до новой встречи» (Пушкин, Евгений Онегин) [5: 387], ‘всё время, постоянно, непрерывно’ [2: 216]. Отсюда – наличие устойчивых выражений *отличаться друг от друга как день и ночь* со значением ‘о чём-либо диаметрально отличии друг от друга’, в котором только отражены чисто временные представления, но и мифологические, где светлая и тёмная части суток воплощали противоборство добра и зла, божественного и бесовского начал, «чистых» и «нечистых» сил (Мокиенко 1990, 44) [1: 153-154] и пословицы *день и ночь – сутки прочь* со значением ‘о быстром течении времени с чередованием дня и ночи’, в которой «слово *сутки* объединяет промежуток времени, равный дню и ночи. В других языках такого «объединяющего» слова нет» [1: 153]

Денно и ночью со значением ‘круглые сутки, постоянно, всё время’ – «оборот старославянский по происхождению и относится ко времени, когда в русском литературном языке не было обобщающего слова *сутки*. Он сохранил свою архаическую звуковую форму, благодаря чему обладает особой экспрессией. Эта экспрессия повышается и благодаря содержанию, совмещающему в себе два противоположных полюса: день и ночь, свет и тьму, как бы символизируя бесконечность» (Мокиенко 1990, 43-44) [1: 152].

День в XX в. подвергается счёту, указывает на конкретную календарную дату: «В больнице было два приемных *дня*: четверг и воскресенье» (Авдеев, Хорошая знакомая). День способен делиться на *часы*, при этом он является частью недели: «первый *день* недели», «в любой *день* недели», «субботний *день*», «воскресный *день*».

Согласно данным словарей, *день* может выступать как ‘календарная дата, число месяца’: «[Тихменев] приказал флоту готовиться к уходу в Севастополь и назначил *день* – семнадцатое июня» (Паустовский, Черное море) [5: 387], то есть день – это уже время фиксированное. При этом день – это одна из частей месяца, который «объединяет» дни. День во множественном числе звучит обобщённо, охватывая длительное по продолжительности важное событие: *революционные дни, счастливые дни юности* [3: 314]. *День* – это также и ‘время, пора, период’: «*дни юности*»; «В *дни* Отечественной войны в полной мере развернулся талант этого выдающегося советского полководца» (Б. Полевой, Маршал-солдат) [5: 387]. День здесь понимается философски и имеет оттенок ‘жизнь’: «Говорили, что его пришибло какое-то горе и он дал обет молчания до конца *дней*

своих» (М. Горький, Жизнь Клим Самгина). Как и раньше, жизнь измеряется днями, человек как бы наполняется ими и, когда дни заканчиваются, он умирает: окончание жизни = окончание дней.

На линейность времени указывает наличие выражения **вчерашний день** – ‘то, что принадлежит прошлому и не соответствует современному состоянию’ [Апресян, 314]; ‘прошлое, прошедшее’ [5: 242]. Выражение **искать вчерашний день** имеет значение ‘тратить время на поиски того, чего уже нет’ [5: 242]; ‘пытаться вернуть то, что осталось в прошлом и не может быть в настоящем’ [3, 314]. Со значением ‘будущее’ употребляется выражение **завтрашний день**: «Какова будет эта культура завтрашнего дня, я знаю не больше всякого другого, – могу лишь гадать (М. Гаспаров)» [3: 314]; также оно имеет значение ‘ближкое будущее’: «Великолепно, когда имеешь возможность бесстрашно смотреть в свой **завтрашний день** и в **завтрашний день** твоей страны» (Панова, Кружилиха) [5: 242].

На цикличность дня указывают выражения **изо дня в день** со значением ‘каждый день, ежедневно (употребляется для обозначения непрерывности, постоянства какого-л. действия)’ [2: 216]; просторечное **на дню** со значением ‘в течение дня’: «По целым часам она играла в теннис, по два раза **на дню** купалась» (Толстой А.Н. Сестры) [5: 387]; **день за день** со значением ‘однообразно, без каких-либо изменений, событий’ [5: 387]; **день ото дня** со значением ‘с каждым днем, постепенно’: «Я одного желаю вновь, Сильней **день ото дня**, Желаю, чтоб твоя любовь Пережила меня» (Щипачев, Поверь – ты все в моей судьбе) [5: 387]; **день за днём** – ‘постепенно’ [2: 216].

Таким образом, практически все значения слова **день** в XX веке – в пределах календаря: это отражено в самих определениях значений, **день** имеет некие рамки, границы, даже его продолжительность, длительность определяются календарём.

В сознании человека XX в. можно отметить взаимодействие циклического и линейного времени: день – это часть суток, наполненная деятельностью.

Таким образом, **день** в русском языковом сознании – «это непосредственный слепок с жизни, которая движется восходами и заходами солнца. В этом смысле время дня – это время внешнего пространства бытия, данного в непосредственном восприятии, неминуемого и общего для всех». Иными словами, день описывает мир внешний; природный (светлый, солнечный и т.д.), социальный (рабочий, безрезультатный и т.д.), возрастной, то есть является выразителем некоего «вещного» плана жизни [7: 273].

Литература

1. Комплексный словарь русского языка / под ред. д.ф.н., проф. А.Н. Тихонова. М., 2001.
2. Проспект активного словаря русского языка / отв. ред. Ю.Д. Апресян. М., 2010.
3. РАС – Караулов Ю.С. Русский ассоциативный словарь // <http://thesaurus.ru/dict/index.php>
4. Словарь русского языка: в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. Т. 1. М., 1999.
5. Уфимцева Н.В. Русские: опыт ещё одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания, М., 1996.
6. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994.

**ИСКАНИЯ И ОТКРЫТИЯ
ПИСАТЕЛЕЙ ВОЛОГОДСКОГО КРАЯ**

ЛИРИЧЕСКАЯ ПРОЗА ЮРИЯ ЛУНИНА

Аннотация. В статье анализируются рассказы и повести Юрия Лунина, одного из самых талантливых и заметных современных прозаиков. Лирическая проза Юрия Лунина соответствует следующей формуле: жизнь – любовь – смерть. Её оригинальность заключается в исключительно эмоциональной передаче оттенков сумрачной картины жизни и в верности духовному идеалу спасения – подлинному идеалу красоты. Языковая и человеческая достоверность, стремление к духовной высоте и нравственной цельности – главные творческие принципы Юрия Лунина.

Ключевые слова: лирическая проза, Юрий Лунин, повести и рассказы, идеал, психологизм.

Поэзией вначале называлось искусство слова в целом, без разделения на прозу и поэзию. Стихотворная форма, конечно, зримей, чем прозаическая, но и в прозе должен быть внутренний ритм, звучание стиля, иначе язык перестает быть поэтическим. Иногда проза и поэзия сложным и не до конца понятным образом взаимопроникают друг в друга, и тогда рождается довольно редкое явление, которое принято называть лирической прозой. Формальная структура лирической прозы важна, но она – всего лишь мертвое тело. Чтобы оживить его, требуется главное – дух. Если его нет, если цель не идеальна, то ничего не получится. Итак, ключевое слово здесь: идеал.

«А.С. Пушкин писал: «Цель поэзии – поэзия... Цель художества есть идеал...» Идеал – это то, чего нет на свете, но что существует в идеальной реальности, онтологический образец, соответствовать которому может лишь преображенная реальность. Поэтому в творчестве особенно актуальной оказывается проблема веры» [5].

Вот тут начинается самое сложное, так как мы имеем дело с духовной сферой, которую невозможно «потрогать руками». Обратимся за помощью к Н.В. Гоголю: «В лиризме наших поэтов есть что-то такое, чего нет у поэтов других наций, именно – что-то близкое к библейскому – то высшее состояние лиризма, которое чуждо движений страстных и есть твердый взлет в свете разума, верховное торжество духовной трезвости» [2].

Еще в 2008 году Екатерина Босина отметила подобную «духовную трезвость» в прозе Лунина: «И, наконец, Юрий Лунин. Вот его надо читать обязательно. Лунин ставит вопросы. Совершенно не молодежные, не подростковые какие-нибудь, а самые настоящие взрослые, общечеловеческие вопросы» [1].

«Визитной карточкой» Лунина является замечательный рассказ «Три века русской поэзии» [8]. Филолог Гурий Судаков пишет: «Рассказ Юрия Лунина «Три века русской поэзии» <...> поражает глубоким психологизмом в передаче процесса пробуждения поэта в семнадцатилетнем юноше» [7, с. 4].

Но поражает не только психологизм! Во вступлении к рассказу автор сразу раскрывает главную его цель и содержание: «Парень чувствует, что этот запах и синее каким-то образом связаны друг с другом и что в этой связи кроется нечто не по-земному прекрасное. Ему очень хочется разгадать тайну этой связи, и в то же время ему особенно приятно, что он не может ее разгадать».

В больничной палате парень прочёл антологию «Три века русской поэзии»: Тютчева, Заболоцкого, Фета, Рубцова, Пастернака, Полонского, Державина, Фофанова... «Видимо, боль, с которой он познакомился в больнице, распахнула в его сердце какую-то тайную дверь, в которую сразу и ворвалось понимание этих стихов».

Поэзия изменила его взгляд на мир, точнее, мир изменился сам, и столкновение с прагматическим, обыденным (разговор с отцом) убеждает героя: возврат к прежнему состоянию невозможен. «Он вспоминает свою вчерашнюю мысль, – что стихи делают идеальным неидеальный мир, – и понимает, что был неправ: стихи уже содержатся в мире, только в особом, небуквенном виде».

Ещё раз вспомним Гоголя: «Наши собственные сокровища станут нам открываться больше и больше, по мере того, как мы станем внимательней вчитываться в наших поэтов. По мере большего и лучшего их узнанья нам откроются и другие их высшие стороны, доселе почти никем не замечаемые: увидим, что они были не одними казначеями сокровищ наших, но отчасти даже и строителями нашими» [3].

Теперь герой способен видеть земной мир как мир Божий: «Мир – это рай. Я в раю», – думает парень, слыша гудение пчел, стрекотание кузнечиков и вдумчивый полуденный щебет маленьких птиц». Предуготовленная к любви душа сразу же, «в золотые секунды», встречает «ту, что приближалась к нему издалека». Это девушка на велосипеде, у которого даже колеса хрустальные – под

взглядом героя рассказа все становится поэтическим. И следующая встреча, с «женщиной с рюкзачком» и ее дочкой, девочкой лет пятнадцати, вроде бы оказывается еще одной встречей с красотой: «Девочка улыбается, – видно, что не ему и не о нём, а, наверное, просто от привычки улыбаться, оттого, что нет причин не улыбаться. В такой улыбке тоже кроется красота». И вот тут, в самый воздушный, ангельский миг диссонансом вторгается пошлость: «– Давай, давай, не ломайся, – подбадривает мама. – Одной клубникой нормального мужика в дом не заманишь. Мужчине нужно другое – сама знаешь что». Не верится, что так, сразу, при первом знакомстве, мать этой девочки способна сказать такие, например, слова: «– Вот если приедет в гости, тогда оставляю вас вдвоём – будете целоваться сколько хотите. А сейчас поехали. В женщине должна быть недоговорённость». И тут на пути героя случайно (случайно ли?) встречается молодой священник отец Андрей, благословивший парня потрудиться «во славу Божию» – собрать стожок в поле. Соработник парня, Андрейка, больше похожий на бомжа, любитель выпить и покурить, оказывается вовлеченным в тот же поэтический круг: «Неожиданно парень чувствует к Матвейке то же самое, что он чувствовал к тем местам у реки, где ему сегодня приходилось останавливаться: этот человек уже не чужой ему и никогда не будет чужим, он навсегда отпечатался в его сердце и тоже стал его милой родиной. Парень снова ощущает рядом присутствие стихов – каких-то новых, не о любви, не о лесе, а, наверное, просто о человеке, – но он уже не пытается услышать слова этих стихов. Ему достаточно знать, что стихи есть, что они снова рядом». После работы герой рассказа идет не в гости к «женщине с рюкзачком» и ее дочери, где затаилось липкое и сладкое, – до дрожи, – но гибельное телесное начало, а поворачивает к храму, похожему на «инопланетный космический корабль, в котором всё, что кажется созданным просто так, для красоты, на самом деле имеет какое-то гораздо более важное, таинственное назначение». И теперь мы знаем, почему юный герой делает такой выбор: *«Без этого смысла невозможны и стихи»* (выделено мною. – В.Б.).

Всё-таки герой разгадал тайну поэзии! И встреча с соблазном состоялась уже после храма: «– Эх, художник, – говорит мама, взбивая ладонями свои короткие обвисшие от влаги волосы, – на такую ты картину чуть-чуть не успел! Мы сейчас там с Алисой около леса купались... – она перегибается через руль и добавляет шёпотом, как бы по секрету: – Голенькие!...» Герой преодолевает соблазн, спасается

почти бегством: «–Художник! – всё-таки слышит он за спиной. – Вы куда?!.. Что с вами, художник?!.. Художник, а вы случайно не голубой?!.. Или художники все голубы-ы-ые?!..» Музыкальное описание последовавшего в конце пути очищающего ливня звучит торжественным аккордом: «Поле вспыхивает белым светом, река на миг становится ртутной и пропадает в черноте, гром ударяет так сильно, что его слышно не столько ушами, сколько грудью, – и дождь принимается за работу сразу, без разгона».

Вторая встреча с НЕЙ, той девушкой на велосипеде, о которой парень думал весь этот бесконечный, длиною в целую жизнь, день, будет иметь продолжение – она оставила ему платок, совсем как в романах золотого века: «Он бережно складывает косынку в несколько раз, кладёт её в карман и уезжает в направлении дома».

День прошел. «Сегодня солнце и дождь, небо и облака, поле и река, храм и бетонная будка, Алиса и её мама, отец Андрей и Матвейка, богомольные старушки и, конечно, она, – всё как будто договорилось выступить перед ним, обыкновенным парнем, единым согласным хором, в котором каждая партия была исполнена великого, хоть и не всегда понятного значения». Он чувствует, что готов лишь к одному: «к бестолковой и великой судьбе поэта».

Главная мысль рассказа заключается в подчеркивании спасительного предназначения настоящей поэзии. Это сверхзадача для всех «служителей муз». Служим мы, конечно, не музам, а Богу, истине и Родине, и если не стремимся к спасению сами и не призываем к спасению других, то какая всем нам от такого творчества польза?.. «Поэзия наша, – утверждает Н.В. Гоголь, – пробовала все аккорды, воспитывалась литературами всех народов, прислушивалась к лирам всех поэтов, добывала какой-то всемирный язык затем, чтобы приготовить всех к служению более значительному. Нельзя уже теперь заговорить о тех пустяках, о которых еще продолжает ветрено лепетать молодое, не давшее себе отчета, нынешнее поколение поэтов; нельзя служить и самому искусству – как ни прекрасно это служение, – не уразумев его цели высшей и не определив себе, зачем дано нам искусство» [3].

Если в рассказе «Три века русской поэзии» пошлость – внешняя сила, от которой герой спасается бегством, то в повести «Клетка» [4] от нее так просто не убежишь – в лунинском тексте показана внутренняя драма духовного помрачения. Впервые образ зла, выбравшегося из клетки, появляется в рассказе «Смертное»: «Утром я

заклучил, что вчера в очередной раз выходил из клетки мой зверь, и все происшедшее произошло лишь потому, что я эту клетку вовремя не запер».

Этот зверь называется в христианстве блудным грехом. И как его ни поэтизируй, как ни оправдывай – он таковым и останется. И в бунинском «Солнечном ударе», и в чеховской «Даме с собачкой». Лунин сознательно создает вариацию на чеховскую тему – есть в его тексте и упоминание классического произведения, и действие лунинского рассказа происходит в Таганроге.

Его герой, как и персонаж в рассказе Чехова, несчастлив в семейной жизни, да и семью создал вынужденно, из-за беременности подруги. В приступе тоски, в пьяном угаре он соединяется со случайной женщиной в поезде, в туалете (!), а потом следует за ней, ведомый только лишь влечением, а не чувством.

Лунин специально снижает образ как самого героя, так и его спутницы. Дама в рассказе – некий фантом, реализовавшийся лишь в воображении автора, она не похожа на настоящую, живую женщину, у неё нет эмоций, нет чувств. Если говорить прямо: перед нами пьющая, курящая, развратная особь, в душе которой нет даже намёка на раскаяние, нет той боли, которая есть у главного героя. И это вдвойне печально, потому как именно женщина является источником и хранительницей любви.

Безвременье наше уничтожает многие светлые чувства и порывы, – слишком оно приземлённое и безысходное в своей неотвратимости, но неужели даже любовь в нём невозможна? Неужели мы живём в последние времена, когда, согласно словам Святителя Иоанна Златоуста, *«по причине умножения беззакония во многих охладает любовь»*?

Курортный роман закончился, герой не ищет нечаянную любовницу, в нём нет любви, есть лишь вина перед близкими. Но это чувство искреннее, в нём залог будущего спасения, и не только литературного. Мы как «Отче наш» должны помнить сакральную фразу, определяющую грань в отношениях между мужчиной и женщиной вне брака: **«ЧУВСТВА СВЯТЫ, ВЛЕЧЕНИЕ ГРЕХОВНО».**

Итак, лирическая проза Юрия Лунина соответствует следующей формуле: *жизнь – любовь – смерть*. Лунин здесь не оригинален, вся мировая литература подчинена этому триединому вечному сюжету. Он оригинален в исключительно эмоциональной передаче оттенков сумрачной картины и в верности духовному идеалу спасения – подлинному идеалу красоты.

«У моих рассказов нет ясных сюжетных линий, – объясняет Юрий Лунин, – для меня идеал рассказа – чтобы внешнее событийное всколыхнулось минимально, а во внутреннем плане произошло большое движение» [6].

Верность языковой, человеческой достоверности, стремление к духовной высоте и нравственной цельности – главные творческие принципы Юрия Лунина, которым, надеемся, он будет следовать всегда.

Литература

1. Босина Екатерина. Мы кажемся такими // Октябрь. 2008. № 5. URL: <http://magazines.russ.ru/october/2008/5/bo32.html>
2. Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями. О лиризме наших поэтов. URL: http://az.lib.ru/g/gogolx_n_w/text_0160.shtml
3. Гоголь Н.В. В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: [В 14 т.] / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). [М.; Л.]: Изд-во АН СССР, 1937–1952. Т. 8. Статьи. 1952. С. 369–409. URL: <http://feb-web.ru/feb/gogol/texts/ps0/ps8/ps8-369-.htm>
4. Лунин Юрий. Клетка: рассказ // Наш современник. 2017. № 8. С. 15–29. Одновременно текст появился в «Российском писателе» как повесть (<http://rospisatel.ru/lunin-povest.htm>). Автор, видимо, не определился с жанром.
5. Николаева О. Современная культура и православие. М., 1999. URL: <https://scibook.net/religiya-pravoslavie/tvorchestvo-kak-podvig-15640.html>
6. Прозаик Юрий Лунин: иногда кабинет нужен писателю, чтобы скрыться от стыда (интервью). URL: <http://ulgrad.ru/?p=158812>
7. Судаков Гурий. Что впереди у русской литературы? (Вместо предисловия) // Проза: сборник лучших произведений Всероссийского конкурса современной прозы им. В.И. Белова «Всё впереди». Вологда: ВОУНБ; Полиграф-Периодика, 2017. С. 4.
8. Цит. по: Проза: сборник лучших произведений Всероссийского конкурса современной прозы им. В.И. Белова «Всё впереди». Вологда: ВОУНБ; Полиграф-Периодика, 2017. 313 с.
9. Цит. по: «Святой день» (сборник) – вышел в 2017 году, пока в электронном виде: <https://profilib.net/chtenie/93003/yuriy-lunin-svyatoy-den-sbornik.php>

«ПАРА ГНЕДЫХ» И «ХЛЕБ ДЛЯ СОБАКИ» В.Ф. ТЕНДРЯКОВА КАК ДИЛОГИЯ О КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

Аннотация. В статье анализируются структура и идейный мир рассказов В.Ф. Тендрякова «Пара гнедых» и «Хлеб для собаки», являющихся частью автобиографического цикла. Делается вывод об их тематической, сюжетной, персонажной, структурной и идейной общности.

Ключевые слова: деревенская проза, региональная литература, В.Ф. Тендряков, автобиографический цикл.

В.Ф. Тендрякова называют одним из предшественников деревенской прозы, значительная часть его произведений написана о жизни села («Падение Ивана Чупрова», «Ухабы», «Поденка – век короткий», «Кончина», «Пара гнедых», «Хлеб для собаки» и др.). На рубеже 1960–1970-х гг. писатель создал несколько автобиографических произведений, опубликованных в конце 1980-х в рамках «возвращенной литературы». Их объединяют история главного героя, общность проблематики, идейного мира и структуры. Это позволяет говорить о цикле, сложенном по типу «повествование в рассказах». В него входят шесть произведений: «Пара гнедых», «Хлеб для собаки», «Параня», «Донна Анна», «Охота», «На блаженном острове коммунизма» и примыкает очерк-эссе «Люди и нелюди». Все произведения написаны от первого лица и построены как воспоминания Володи Тенкова, за именем которого легко угадывается автобиографический рассказчик. В итоге повествование охватывает 30 лет: с 1929 по 1960 годы.

Два начальных рассказа цикла можно рассматривать как дилогию о коллективизации. В основу обоих легли воспоминания автора о детстве на Вологодчине: в Сямже, куда отца писателя направили председателем райисполкома начинать коллективизацию на селе («Пара гнедых»), и в Вожеге, где Тендряков-младший застал разгар коллективизации, стал свидетелем голода («Хлеб для собаки»). Время, проведенное в этих местах, Тендряков подробно описал в своей автобиографии [2], на основе которой можно выделить фактологическую базу рассказов. Писатель изображает два эпизода коллективизации: начало («Пара гнедых») и разгар («Хлеб для собаки»). Место действия обозначено обобщенно и не имеет даже вымыш-

ленного названия: село с единственной улицей («Пара гнедых») и северный железнодорожный поселок («Хлеб для собаки»). Время же не просто четко указано, а акцентировано: с отсылки к нему начинается каждый рассказ: «Лето 1929 года...» и «Лето 1933 года...» соответственно.

Ретроспективное повествование позволяет совместить два взгляда: ребенка, переживающего ситуацию здесь и сейчас, первые сталкивающегося с жестокостью и несправедливостью мира, и взрослого, который осмысливает то же самое с высоты прожитой жизни и накопленного опыта. В «Паре гнедых» герою-повествователю всего пять лет, однако в экспозиции прямо заявлена установка на объективность изложения и достоверность его воспоминаний: «... Тут я уже помню в ё (разрядка автора – Т.В.), не клочками, не вспыхивающими звездами, а сплошным потоком <...> Поднимаю с самого дна моей памяти... Но памяти надежной, за которую я готов нести прямую ответственность» [2, с. 428]¹. Дальнейшее повествование приобретает статус свидетельства очевидца и участника событий. С одной стороны, автобиографический рассказчик выступает в роли наблюдателя. Однако анализу подвергнуты не только обстоятельства, но и их влияние на формирование и становление героя, автор старается быть предельно честным с читателем.

Как писателю аналитического склада, Тендрякову свойственна рационалистическая заданность сюжета и связанная с ней манера беспристрастного повествования: анализ предлагаемых обстоятельств приведет внимательного читателя к верным выводам. Основной пафос – пафос поиска истины, призыв к размышлению. С ним связаны открытая публицистичность творческой манеры писателя, очерковое начало его произведений. Эти черты отражены в структуре обоих рассказов: в начале каждого автор заявляет тему для осмысления, далее предлагает иллюстративную ситуацию, вовлекающую читателя в соразмышление, а в завершение приводит «документальную реплику»-итог. Последняя в сочетании со свидетельством автобиографического героя придает текстам звучание документа, преобразует частное воспоминание в закономерное явление.

В «Паре гнедых» Тендряков сталкивает романтические идеалы революции и их уродливое, абсурдное воплощение в реальность.

¹ Здесь и далее тексты Тендрякова цитируются по изданию: Тендряков В.Ф. Люди или нелюди: повести и рассказы. – М.: Современник, 1990.

Показано начало коллективизации, проходящее под знаком восстановления социальной справедливости: зажиточные крестьяне меняются домами с беднотой. Именно над понятиями равенства и справедливости автор предлагает задуматься читателю. В начале рассказа заявлено: «Справедливость... Я родился в воспаленное время и очень рано услышал это слово». Слова повествователя и намерение воплотить идеалы в жизнь здесь и сейчас подкреплены фразой отца, инициатора всеобщего переезда на селе: «Не речи о равенстве толкаем, а делом занимаемся». Выдвинутый тезис «Не было в мире справедливости – она есть!» далее подвергается сомнению всем ходом повествования, развивающегося по законам абсурда.

Апофеозом «торжества» справедливости оказывается то, что пьяница и бездельник, а поэтому и беднейший на селе Акуля становится хозяином лучшего дома в деревне, которым он не в состоянии распорядиться: в первый же день продает железо с крыши и пропивает. Церемония переезда непутевого семейства в новые палаты демонстрирует, как переворачиваются, обесмысливаются высокие слова при столкновении с жизненной практикой. Неряшливая жена несет обмотанную никогда не стиранной занавеской квашню – «священный сосуд, дарующий жизнь», а замыкающий процессию Ваня Акуля, зная, что над ним все смеются, паясничает и выкрикивает лозунги в духе: «Да здравствуют братство да равенство!». Картина снабжена саркастическими ремарками автора: «Двигается племя к новой жизни», «Свершилось – идет Ваня Акуля!». Высокая цель получает гротескно-пародийное воплощение, превращается с собственную противоположность. Нелепость ситуации усугубляется тем, что изначально прекрасный, сделанный на века дом-пятистенки без крыши становится непригодным для жилья, и «пролетарий» Ваня Акуля с семейством вскоре возвращаются обратно в баню, где жили до этого.

Прием контраста Тендряков использует не только на сюжетном, но и на персонажном уровне текста. Образ Антона Коробова, крепкого хозяина, владельца пары гнедых лошадей, построен на анти-тезе Акуле: полное имя – кличка, зажиточный – бедный, серьезный – шут, бездетный – многодетный. Фигура Коробова в рассказе неоднозначна. Кулак, «хват», его на селе любят дети и животные, но не любят взрослые. Жесткий, сильный, скрытный, с «двойным дном» и «тонкой улыбочкой», он наделен прекрасным чутьем, позволяющим вовремя уйти от опасности быть сосланным или расстрелянным. Коробову, действующему вопреки своей сути собственника, удастся

вовремя избавиться от всего имущества и натурализоваться: стать пролетарием, тем самым спастись от надвигающейся репрессивной машины. В глазах маленького Володи Тенкова Коробов – почти супергерой, в зрелом авторском видении – человек умный и опасный, вызывающий уважение. Именно «Тонька-хват», чьи чутье и прозорливость не вызывают сомнений, дает точную оценку событиям. Так, в диалоге с отцом он отзывается о настоящем торжестве социальной справедливости, приведшем к тому, что бедные и богатые не уравнились, а просто поменялись местами: «Ты наверху, я внизу – равенство <...> Вам старые ухваточки приспособить не терпится». Он же произносит знаковые слова: «Мне б волю дать, я бы... великую Россию досыта накормил».

Ситуация в рассказе развивается по принципу нарастания абсурда. Между беднейшим по собственной лениности Акулькой и кулаком Коробовым оказывается Мирон Богаткин, у которого «самой большой ценностью в хозяйстве было оцинкованное корыто». Изможденный тяжелым трудом и беспросветной бедностью, он воспринимает сложившиеся обстоятельства как счастливый случай «денек первым человеком в селе пожить». Он с отчаянной решимостью становится обладателем железа с крыши и пары лошадей, надеется с этим подспорьем «вьестись в землю» и хоть немного пожить по-человечески. Дальнейшая участь Мирона, во имя благосостояния которого изначально и предпринимались столь радикальные перемены, остается за пределами повествования, но легко прочерчивается по словам Коробова («По твоим костям пройдут и хруста не услышат»), предостережениям отца Володи, авторским ремаркам: «Жизнь тогда менялась с каждым днем – что было законно на прошлой неделе, становилось преступным сейчас». «Документальная реплика» в финале рассказа не оставляет никаких сомнений в том, как именно была в итоге установлена социальная справедливость на селе: это ссылка на инструкцию ЦИК от 4.02.1930 г. и особенности ее выполнения на местах, на страшную статистику высланных раскулаченных крестьян, большую часть которых составляли середняки и бедняки. Автор буквально подталкивает читателя к выводу, что именно Мирон одним из первых пополнит список брошенных в тюрьмы, высланных на голодную смерть крестьян. Комически-гротескная ситуация обретает трагическое звучание. Эту тональность привносят и слова старика Санко, цитирующего то Евангелие, то Откровение Иоанна Богослова. Зловещие пророчества, извергаемые стариком с «апостольской лысиной» в белых одеждах – новым

Евангелистом, свидетелем конца мира, придают частной ситуации бытийное измерение и возводят ее к Апокалипсису.

В итоге самое начало установления справедливости на селе оказалось бессмысленным и бесплодным. Кони, гордость Коробова, непозволительная роскошь, воплощение сбывшейся мечты, в ситуации раскулачивания превращаются в черную метку для того, кому они достанутся. А заглавие отсылает к начальным строкам известного романа, словно намекающим на дальнейшую судьбу лошадей: «Пара гнедых, запряженных с зарею, / Тощих, голодных и грустных на вид...» Бессмысленность разорения богатого подворья, символом которого являются кони, социальный абсурд наталкивают читателя на размышления о сложности воплощения высоких идей равенства и справедливости в реальность.

Рассказ «Хлеб для собаки» является логическим продолжением предыдущего, в нем показан разгар коллективизации и сопряженный с ней голод лета 1933 г. Текст начинается с шокирующего натуралистического описания «куркулей» – раскулаченных крестьян, сосланных с лишением гражданских прав и брошенных умирать от голода в привокзальном скверике. Тендряков называет физиологические подробности крайнего истощения, обстоятельно изображает агонию. Эти жестокие детали необходимы для того, чтобы создать эффект контраста: приведенная картина – ежедневное зрелище детей и в их числе – рассказчика, десятилетнего Володи Тенкова. Автор безжалостно воскрешает в тексте чувства, пережитые в детстве: замороженность смертью, «зверушечье любопытство», побуждающее подглядывать за умирающими людьми. Вопрос для размышления, к которому Тендряков приглашает читателя, вложен в уста начальника станции и звучит в начале текста: «Что же вырастет из таких детей? Любуются смертью. Что за мир станет жить после нас? Что за мир?...» Этот вопрос акцентирует нравственную проблематику рассказа, центральное место в произведении занимает мысль о воздействии привычного созерцания голодной смерти на неокрепшую детскую душу, о том, как одновременно спасительна и страшна для психики ребенка «возможность как-то попривыкнуть, обмозолиться». Поэтому здесь в фокусе внимания автора – не столько сами события внешнего мира, сколько отклик на них в душе героя-ребенка. Володя совестливый, он знает, «как стыдно быть у нас сытым». Отец объясняет сыну, что у страны не хватит хлеба на всех. Но дома, в семье ответственного служащего, получающего паек, еды достаточно, и мальчик, терзаемый совестью

и сомнениями, констатирует: «Я съел сейчас столько, что, наверное, пятерым хватило бы спастись от голодной смерти. Не спас пятерых, съел их жизнь <...> Есть мне приходится по три раза в день». Попытка Володи потихоньку подкармливать умирающих терпит фиаско: постепенно к нему подползают все новые и новые «куркули», они ему неприятны, не выдержав, он кричит и отказывает. Но совесть точит сознание ребенка, и для того, чтобы ее успокоить, в финале он кормит бродячего пса: «...Мне вполне было достаточно того, что я кого-то кормлю, поддерживаю чью-то жизнь, значит, и сам имею право есть и жить. Не облезшего от голода пса кормил я кусками хлеба, а свою совесть». Автор открыто формулирует итог пережитого героем – навсегда неуспокоенная, больная совесть. Ни скудность возможностей ребенка изменить ситуацию, ни слова отца («Чайной ложкой море не вычерпашешь») не снимают с героя ответственности за себя и происходящее вокруг. Персонификацией этой больной совести выступает не только собака, но и начальник станции, покончивший с собой в финале. Пожалуй, самое страшное в рассказе – ощущение бессилия и безысходности, невозможности повлиять на ситуацию, как и невозможности принять ее. С ужасающей картиной смерти резко диссонируют звучащие из репродуктора слова браваурной песни на музыку Д. Шостаковича: «Страна встает со славою навстречу дня» и «документальная реплика» в финале. В последней приводится призыв Сталина в этом же голодном году: «Сделаем всех колхозников зажиточными!» и данные об экспорте миллионов тонн зерна за границу. Так автор опять создает резкий контраст между пропагандистскими клише и полностью опровергающей их реальностью. Тендряков заставляет читателя задуматься о справедливости, о милости к павшим через размышление Володи над казавшимся раньше простым и понятным лозунгом «Если враг не сдается, его уничтожают!»: «А кто враг?.. Враг ли тот, кто грызет кору? Он им был – да! – но сейчас ему не до вражды, нет мяса на его костях, нет силы даже в его голосе...». Вопрос о границе между классовым врагом и беспомощным умирающим от голода человеком так же, как и предыдущий, обращен к читателю и призван разбудить его сознание.

Рассказы «Пара гнедых» и «Хлеб для собаки» объединяют и прямые отсылки друг к другу. В «Хлебе для собаки» есть эпизод встречи первого секретаря партии Дыбакова с безымянным «куркулем». Вопрос последнего, обращенный к начальнику, невольно заставляет вспомнить историю, рассказанную в «Паре гнедых»: «Перед смертью

скажи... за что... за что меня?.. Неужель всерьез за то, что две лошади имел?» История Мирона Богаткина получает логическое завершение. Персонаж не назван, что это именно МIRON, однозначно утверждать нельзя, однако упоминание пары лошадей, ключевой детали предыдущего текста, а также намеченная в нем же участь персонажа позволяют сделать такое предположение. Описание «куркуля» не может вызвать иных чувств, кроме сострадания: «Костяк в изношенной, слишком просторной коже», «случайные мощи». Тем не менее именно он представлен Дыбаковым в диалоге как классовый враг, подлежащий уничтожению. Проекция на данный эпизод истории Мирона Богаткина заставляет не только усомниться в торжестве социальной справедливости, но и убедиться в обратном. В этом контексте буквально сбывается приведенное ранее пророчество Коробова («По твоим костям пройдут и хруста не услышат»): «Дыбаков перешагнул через тощие, как палки, ноги собеседника, двинулся дальше». Эта сцена наталкивает Володю на размышления о том, кто такой враг и где границы сострадания.

Таким образом, рассказы «Пара гнедых» и «Хлеб для собаки» можно рассматривать как дилогию, объединенную общностью тематики, проблематики, сюжета, персонажей и структуры. Движущей пружиной обоих произведений является сомнение в правильности идеологических аксиом, установленного порядка вещей. Тендрякову свойственна интенция разбудить мысль читателя с помощью неудобных вопросов, воссоздания острой драматической ситуации, требующей определить свою позицию. Подобная оценка творчества писателя звучит в словах Д. Быкова: «После Тендрякова стыдно есть, стыдно жить, и стыд – вообще самое частое состояние у его героя. <...> Тендряков всей сутью своего мрачного, неровного, нервного творчества направлен против единомыслия и самодовольства; его тексты отрицают любую успокоенность» [1, с. 89, 92].

Литература

1. Быков Д. Владимир Тендряков // Дилетант. 2015. № 2. С. 88-92.
2. Тендряков В.Ф. Автобиография. Вологда: ВОЮБ, 2007. 21 с.
3. Тендряков В.Ф. Пара гнедых. Хлеб для собаки // Тендряков В.Ф. Люди или нелюди: повести и рассказы. М.: Современник, 1990. С. 428-470.

**«СЫРУ-БОРУ-55!»:
К ЮБИЛЕЮ ПЕРВОГО СБОРНИКА О.А. ФОКИНОЙ**

Аннотация. Статья посвящена обстоятельствам выхода первого поэтического сборника О.А. Фокиной «Сыр-бор».

Ключевые слова: редактор, Литинститут, Север, сборник.

«Книга Ольги Фокиной «Сыр-бор» – это весенний цвет. Должно ждать творческого лета, доброплодного, ягодного...» [2, с. 3]. Так начинается «Напутствие» Бориса Викторовича Шергина (1893–1973), прозаика, поэта, фольклориста, одного из самых значимых мастеров слова северной Поморской земли, помещенное в качестве предисловия к первой поэтической книге Ольги Фокиной. Книга появилась в Московском издательстве «Молодая гвардия» в 1963 году. Почему автор предисловия – Борис Шергин, в ту пору один из последних патриархов классической русской прозы, переживший десятилетия творческой изоляции, – человек именитый, живая легенда, однако весьма далекий от всяческой литературно-институтской педагогики? (О.А. Фокина только что окончила Литинститут им. Горького).

Кроме юбилейности издания, с момента появления которого прошло 55 лет, а также 125-летия со дня рождения и надвигающегося 45-летия ухода Бориса Шергина, размышления по поводу первой книги О.А. Фокиной актуализированы присуждением поэту награды «Достояние Севера», врученной несколько месяцев назад и вызвавшей некоторые печатные и интернетные дискуссии. Почему «Севера...»? Казалось бы, социально-публицистическая нота поэзии О.А. Фокиной в последнее время перебивает «краевой» колорит, провоцирует определить его как общероссийский, вроде бы поднимая значимость и укрупняя масштаб поэтического явления. И всё же «исток», первая книга автора, именно «север» определяет как базовый компонент в «химическом» составе поэзии О. Фокиной: по-видимому, наличие северного колорита ее «весеннего цвета» дало возможность Борису Шергину предречь выпускнице «доброплодное, ягодное лето» на её поэтических «делянках». Но – всё по порядку.

История выхода подписанного в печать 19.09.1962 года сборника самой Ольгой Александровной описывается следующим образом:

«Сыр-бор» – итог моего стихотворчества с 1952 по 1962 гг. Конечно, основа диплома, за который я получила отличную оценку. Каждому из студентов Литинститута мечталось издаться, и многим это удавалось... Первоначальным редактором сборника планировался поэт Владимир Цыбин, выпускник Литинститута. Я отказалась от его кандидатуры, зная неродственность его поэзии и натуры моим представлениям и о поэзии, и о личности поэта. Согласившийся быть редактором Александр Яшин, наш земляк-северянин, был в это время в опале (после публикации «Вологодской свадьбы» и еще какого-то очерка), его как редактора не утвердили в ЦК Комсомола (издательство «Молодая гвардия» в ту пору был органом ЦК). Редактором назначили Николая Николаевича Сидоренко, руководителя моего творческого семинара. Разумеется, финансировало издание государство, как и другие книги молодых авторов, публиковавшихся в «Молодой гвардии» (издательство для молодых). Работа над сборником традиционно продолжалась примерно около года. Никакой презентации не было – в те годы это не практиковалось. Фотография – поспешная, автор – Чирков Иван Кириллович, преподаватель физкультуры в Литинституте, по совместительству – фотограф-любитель. Среди родных сборник был встречен доброжелательно, но без восторгов, ибо занятие литературой у крестьян не считается достойным настоящего труженика. Мама, сама знавшая наизусть множество стихов классиков, конечно, читала мои «художества», но особенно не восхищалась. Что касается идеи обратиться к Б.В. Шергину, то она принадлежала редакции «Молодая гвардия». За отзывом к нему меня сопровождал Владимир Ильич Мильков, работник издательства, будущий руководитель творческого семинара в Литинституте. К моему большому удивлению, Б.В. Шергин был растроган, даже прослезился. Видимо, ему в Москве действительно было очень дорого все родное. В.И. Милькову после ухода от Шергина, на скамейке Рождественского (?) бульвара, пришлось долго увещевать меня, чтобы «не зазнавалась» из-за высокой оценки... Шергин – сухонький, слепенький, очень скромный. Замечательный. В ту пору ему было около 70 лет...»

История самодостаточна, однако осмелимся прокомментировать некоторые моменты. Во-первых, отвергнутая самой О. А. кандидатура Владимира Дмитриевича Цыбина, поэта, прозаика, переводчика и эссеиста (1932–2001). Его творческая тональность объ-

ективно также тяготеет к деревенской, «почвеннической», хотя определяется как связанная не «с традициями реалистического психологизма А. Твардовского», а «с романтико-метафорическими традициями С. Есенина, П. Васильева, Б. Корнилова» [1, с. 625]. Разумеется, О. Фокиной, по её собственному определению, ближе поэтика Твардовского. Кроме того, В. Цыбин родился в Сибири, совсем маленьким был перевезен в Среднюю Азию, и северная эстетика не была ему особенно близка, а именно «северные ноты» отличали индивидуальность Фокиной-студентки, и она не имела желания даже в Москве, даже в угоду большей «цивилизованности», с этой индивидуальностью расставаться. Когда О. Фокина поступила в Литинститут, В. Цыбин учился на старших курсах и, со свойственной опытным поэтам-мужчинам уверенностью в завтрашнем поэтическом дне, чувствовал свой несомненный профессионализм, что привело к некоторому творческому несовпадению при переходе О. Фокиной в их семинар. Разумеется, кандидатура Владимира Цыбина, практически ровесника и соучащегося, на роль редактора не очень подходила из-за отсутствия необходимой временной, профессиональной и культурной дистанции, и, надо сказать, издательство не настаивало. Н.Н. Сидоренко, человек гораздо более опытный и потому, наверное, менее амбициозный в вопросах «живого редактирования», оказался редактором идеальным, ибо был неразлучен с обычной врачебной мантрой «не навреди». Нельзя сказать, что лирическому поэту военного поколения Николаю Николаевичу Сидоренко (1905–1980), руководителю общего для О. Фокиной и В. Цыбина семинара, а впоследствии и семинара, где учился Н. Рубцов, понравилось абсолютно всё. В частности, он предлагал изменить графику стихотворения «Речка Содонга», посчитав её слишком вычурной. Но авторская позиция, мотивированная связью естественного рельефа местности – обрывистые осыпи берегов, стремительность и порывы течения, резкие повороты русла – с интонацией, тканью, звучанием и очертанием текста – авторская позиция осталась неизменной. И недаром: именно на «речкину речь» этого стихотворения впоследствии обратил внимание Б. Шергин, отметив «живой слог» автора, «расслушавшего песни» разных северных рек, в том числе и другой «речной» голос – «песню тихославной Двины» (поразительно и то, что один из сборников самого Б. Шергина называется «У песенных рек», 1939) [1, с. 709].

Следующий комментарий касается неслучившегося редакторства Александра Яшина, до последних дней с огромным участием

относившегося к младшим поэтам-вологжанам, а в случае с О. Фокиной благословившем её женский, но тоже весьма поэтический, выбор (со слов О.А.: «Поставил нас рядом с будущим супругом, тоже выпускником Литературного института Александром Чурбановым, обошёл вокруг и весело сказал: «Хорошо! Пара!». Что ж, редакторство в иных сферах...). Действительно, как крестный литературный отец Александр Яшин был желанен и авторитетен, но Николай Николаевич Сидоренко тоже сыграл важную роль, оказавшись готовым к уважению авторской самостоятельности, благодаря чему Борис Шергин с его благословением, возможно, обозначил близкие ему мотивы творчества О. Фокиной, невольно задав направление будущего развития поэта. Безусловно, на особую восприимчивость к текстам молодого автора повлияли обстоятельства жизни Бориса Шергина того времени: его затворничество, московская тоска по Северу, пребывание в фольклорном сказочно-былинном дискурсе – и в то же время понимание трудового созидания как области литературно-художественного изображения, поэзии труда жителей Севера, поморов, землепашцев и сказителей как высшей поэтической сущности, что чрезвычайно близко будущим творческим состояниям и интересам О. Фокиной. И они, эти состояния, были не столько осмыслены, сколько ДОмыслены и угаданы как некая базовая родственность – по первой книге. Борис Шергин обращает внимание и на «прозрачную простоту» поэтического языка О. Фокиной, и на особую нежность образов, которые возникают и с моцартовской непринужденностью, и с крестьянской привычкой к долгой выделке и кропотливой обработке... Видимо, это те высоты, которые для самого Б. Шергина становились целью. Но не всё оказалось очевидным и артикулированным: например, интригует то, что одной из выделяемых повествовательных традиций Б. Шергина считается «фонетическая, лексическая, синтаксическая имитация устной речи» [1, с. 710] – именно то, что позже будет считаться и фокинским стилистическим кредо, но в первой книге еще не развернуто даже до стилистической особенности. И пусть из 71 стихотворения, включенных в сборник, более трети – те, которые войдут в «золотой фонд» фокинского «стратегического запаса», это не те тексты, которые поддерживают имитационный речевой колорит (достаточно перечислить лишь некоторые: «Северная Двина», «Речка Содонга», «Матери», «Уезжая учиться», «Четыре дня до сентября», «Он не уехал из колхоза», «Черемуха», «В цветной бумажке розовое мыло...», «Я в стихах, конечно, первоклассник...», «Насмотришься, зорька, в реченьку...», «Лес да лес... А за лесом что?..»,

«Там, где касается небо земли...», «Мать», «Мой отец... Он давно не с нами...», «Из детства», «Я в лес ушла от матери украдкой...», «Свежими осенними утрами...», «Весенняя сказка» и др.). То есть многое из родственного ему, северного, того, что в будущем станет «достоянием», Б. Шергин просто оставил созреть до «ягодного лета»...

В заключении «Напутствия» Б. Шергин пишет: «Ольга Фокина – поэт-лирик. А сила и угодье лирической поэзии таковы: доверчивое слово поэта, радостное и печальное, люди будут применять к себе: «Это он мой ум рассказал» [2, с. 6]. В каком-то смысле северный сказитель-лирик Борис Шергин «рассказал» угаданный по первой книге «поэтический ум» Ольги Фокиной. Разумеется, похожее счастливое совпадение в книжном и временном пространстве случается редко, но дай Бог каждому молодому автору Напутствующего, который «расскажет» его будущий талант, его счастливую поэтическую жизнь и судьбу.

Литература

1. Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги: биограф. словарь: в 3-х т. / под ред. Н.Н. Скатова. М.: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005. Т. 3. П-Я. 830 с., ил.
2. Фокина О.А. Сыр-бор. М.: Молодая гвардия, 1963. 128 с.
3. Цыбин В.Д. Бессонница сердца: стихи и поэмы. М.: Современник, 1976. 253 с.
4. Шергин Б.В. Собрание сочинений: в 4-х т. / сост. Ю.М. Шульман. М.: ИЦ «Московедение», 2013. Т. 1: Былины. Песни. Сказки. 448 с.
5. Шергин Б.В. Собрание сочинений: в 4-х т. / сост. Ю.М. Шульман. М.: ИЦ «Московедение», 2013. Т. 2: Сказы. 496 с.

ПИСАТЕЛИ ВОЛОГДЫ В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ В.П. АСТАФЬЕВА

Аннотация. В статье содержится анализ высказываний В. Астафьева о писателях Вологды, его воспоминаний о десятилетнем проживании в городе. Особое внимание уделено оценкам творчества В. Белова и попыткам разобраться в трагической судьбе Н. Рубцова как олицетворении, по мнению В. Астафьева, судьбы таланта в России.

Ключевые слова: В. Астафьев, В. Белов, В. Коротаев, Г. Сапронов, воспоминания о Н. Рубцове, Вологда, Иркутск.

Вологодские писатели занимают заметное место в творческом наследии В.П. Астафьева. Данный материал основан, прежде всего, на малоизвестной переписке В. Астафьева, вошедшей в книгу «Нет мне ответа...», изданную в Иркутске в 2009 г. [2].

Необходимо сказать несколько слов об ее издателе. Геннадий Константинович Сапронов (1952–2009), иркутский журналист, известный далеко за пределами родного города. Выпускник отделения журналистики Иркутского госуниверситета, комсомольский работник. С 1985 по 1991 г. был собственным корреспондентом газеты «Комсомольская правда» по Восточной Сибири, а затем собкором «Комсомолки» в Монголии.

Г. Сапронов вместе с В. Распутиным и В. Курбатовым стал организатором литературных встреч «Этим летом в Иркутске», гостями которых были многие известные литераторы России.

Книги под маркой «Издатель Сапронов» начали выпускаться с 1999 года. Все они отличались высоким качеством исполнения. (Было выпущено более ста наименований с замечательным оформлением книг иркутским художником Сергеем Элояном). Среди подарочных изданий – «Царь-рыба» Виктора Астафьева, четырёхтомник Валентина Распутина и его «Прощание с Матёрой», другие неизменно пользующиеся спросом и читательским вниманием книги.

«Царь-рыба» в 2004 году на конкурсе «Лучшие книги года» получила диплом лауреата; на Всероссийском конкурсе «Лучшая книга года» – 2007 «Сибирь, Сибирь...» победила в номинации «Издание, ставшее событием года»; юбилейное (к 70-летию автора) издание в четырёх томах произведений В.Г. Распутина завоевало диплом пер-

вой степени «Лучшие книги года» – 2008 и Всероссийскую литературную премию «Александр Невский».

Названная выше книга представляет собой объемистый эпистолярный дневник Виктора Петровича Астафьева, составленный из нескольких сотен его писем на протяжении пятидесяти лет, большинство из которых было опубликовано впервые. Книга широко проиллюстрирована фотографиями из семейного архива писателя. Есть среди них и фотографии вологодского периода жизни писателя. Как известно, в Вологде он прожил десять лет и в письмах оставил добрые слова о многих людях, его окружавших. На одной из фотографий В. Астафьев запечатлен с В. Беловым, на других с ним рядом стоит Н. Рубцов. Ни тот, ни другой, к сожалению, астафьевскими адресатами не были (либо письма не сохранились), однако их личностная и творческая характеристики в издании присутствуют в достаточной мере.

В. Белов из вологодских писателей упоминается чаще других – 21 раз, Н. Рубцов – 17 раз. Первое упоминание о В. Белове – 24 августа 1966 г. (письмо из Быковки А.М. Борщаговскому): «Насчёт Катаева я прочитал у Дудинцева и разделяю Вашу точку зрения. От «Сына трудового народа» и к «Колодцу» – это путь, заслуживающий того, чтоб наш брат мотал себе на ус и учился. Вообще, судьбы наших классиков, живых и мёртвых, – это страшная школа. Увы, многие из них даже и до «Колодца» не дойдут, так и разменяют свой талант и жизнь на суету и пятаки...

Меня особенно потрясает судьба Суркова. Какой поэт мог быть! Я благоговел перед многими его великими стихами – русские, всегда сдержанные в эмоциях и оттого особенно эмоциональные. За этими стихами угадывался очень сильный и глубоко душевный человек, а из него получился литературный вождь, который кому только ручку не целовал!..

Ну да бог с ними. Хорошо уж и то, что они были, есть и нам, добрым молодцам, дают повседневный урок. Думаю, не без этого урока пересаливают хлеб чёрствый, едят хрен с квасом, но не пишут на потребу и Вася Белов, и Юра Казаков, и Костя Воробьёв, и Володя Сапожников, и тот же Солженицын, и Максимов, и Климент Борисов, множество других – дай им бог дальнейшего мужества и здоровья!» [2, с. 88]. В письме отчетливо выражен «поколенческий аспект», мысли о прошлом и настоящем советской литературы, а в подтексте угадываются раздумья и о собственном месте в литературной жизни.

Второе письмо – 8 августа 1967 г. тому же А.М. Борщаговскому: «А вы читали ль в № 1 «Севера» повесть Васи Белова «Привычное дело»? Вот эта вещь меня потрясла, хотя и проста она, как земля. Очень советую прочесть, а то её непременно замолчат в критике и ничего о ней не узнают люди. «Север»-то читает совсем мало народу» [2, с. 122]. Два года спустя В. Белов и Н. Рубцов упоминаются в добром контексте внутри «обоймы» вологодских писателей. Месяцем ранее – первое впечатление от нового местопребывания: 16 марта 1969 г. Вологда (А.М. Борщаговскому): «Пишу Вам письмо из Вологды, куда я переехал жить. Долго объяснять, как надоел мне угрюмый Урал за 24 года со всем своим могуществом и героизмом, которым так любят кичиться люди, ничего героического, кроме подлостей, не сделавшие. Писательской среды нет никакой, то есть она есть, но такая, что не дай бог смотреть на неё – под стать своему городу...

Вот и выбрал я старинную Вологду, где есть друзья и ещё пахнет Русью, близкой моему сердцу. Пока мне здесь хорошо. Народ тут простодушнее, добрее, и природа сохранилась, и тихо тут, нетопливо.

Дали мне такую же точно квартиру, как в Перми, только получше построенную, на три метра поменьше, да это пустяки. Встретили меня хорошо и власти, и писатели. Я уже работаю, и на рыбалку ездил два раза. Первый раз разбил себе локоть и термос, и ящик – до того «нарыбачился», а второй раз поймал судака и подлещика» [2, с. 141].

7 апреля 1969 г. Вологда (Адресат не установлен): «По-моему, все с облегчением вздохнули на Урале, когда я уехал. Уж больно я их беспокоил своими откровенными словами о том, что говно – это говно, а иногда и статьи писал такие, что графоманы давиться собирались и словоблуды стишки писать бросали.

Вот так вот «спокойно». Литератор, мечтающий в наше время жить спокойно, то есть печатать всякую брехню, жрать сладко и срать гладко, — это уже в моих глазах не литератор, а человек-обыватель, которому до лампочки всё, кроме себя.

А в Вологде действительно очень небольшая, но крепкая и дружная организация. Здесь живёт превосходный прозаик Вася Белов, поэт Коля Рубцов (обязательно достань в библиотеке его сборник «Звезда полей»), Ольга Фокина, Саша Романов, и много на подходе интересных парней. Они понимают хорошо, что такое работа, и сидеть за столом не мешают. Нет здесь той массы необязательных знакомых, какой я оброс на Урале, меньше раздражителей в лице газет, издательства,

телевидения, и потому я живу и работаю собранней, чем прежде» [2, с. 143]. Однако в одном из писем (Е.И. Носову 7 июня 1975 г.) цитируется и мрачная «гулаговская» шутка про «вологодский конвой», по словам В. Астафьева, «приводящая в бешенство» В. Белова [2, с. 214]. В 1990-е годы в отдельных личных письмах В. Астафьев допускает весьма нелицеприятные выражения в адрес В. Белова и других писателей, однако публично отмечает всякие попытки посеять вражду между ними. Наглядным примером тому служат строки из письма в «Литературную газету» от 20 ноября 1991 г. (Копия: в «Литературный Иркутск»): «В литературе талантливый писатель всегда одиночка, а бьёт и топчет его околотитературная шпана, объединённая в шайки, писательские и журналистские, где всегда были и есть люди для хулы. И вставными зубами хватают и кусают слабого, кто не там и не так думает, говорит, живёт и работает.

Очень жаль, что и «Литературная газета» даёт возможность литературным, а чаще – околотитературным шавкам рвать то у Распутина, то у Белова штаны. Ещё более жаль, что уважаемые мною газеты «Комсомольская правда», «Известия» и «Московские новости» не хотят в этом пакостном деле отставать от «Литературной газеты», которую совсем почти оставили в покое видные писатели и полосы которой забивались и забиваются в последние годы чем угодно, но только не теми делами и материалами, которыми надлежит ей заниматься соответственно названию своему.

Что касается «доброжелателей», вдруг обрадовавшихся нашему якобы с Распутиным и Беловым расхождению в жизни и творчестве, то и фронтовые мои друзья, и бывшие содетдомовцы, ещё оставшиеся в живых, могут подтвердить, что товарищей и друзей своих я никогда не предавал и не оставлял в беде. А друзья по литературе, есть у меня и такие, подтвердят, что я не разучился уважать убеждения других людей, как бы они ни расходились с моими, и умею бережно относиться к ранимому сердцу любого художника, где бы он ни жил, какой бы национальности ни был и какой бы характер ни имел. Всё-таки, пусть и отстало, я сужу так, что писателя надо принимать таким или не принимать его, не судить, но скорее обсуждать за труды его, за книги, а не за поведение «на общественной ниве». Это уже политиканство, это мы проходили совсем недавно, и давайте-ка, дорогие товарищи, помаленьку отвыкать от этого позорного явления не на словах, а на деле» [2, с. 479-480].

Особое внимание следует уделить воспоминаниям В. Астафьева о Н. Рубцове. Написанные в сентябре-октябре 1999 г., они были

опубликованы впервые в 2000 г. (по словам В. Астафьева, на один номер раньше, чем предполагалось) на страницах «Нового мира» как очередной цикл «Затесей» [1]. На следующий год «Погибшие строки» будут опубликованы в изданном в последний год жизни писателя однотомнике В. Астафьева «Пролётный гусь» [3]. В этой публикации по каким-то причинам была опущена весьма примечательная авторская преамбула: «В России почти всегда посмертная судьба поэта удачливей прижизненной. Не стал исключением и поэт Николай Рубцов. Я не стал бы очень-то уж мрачно расписывать его судьбу, во многом она творится обладателем этой именно и никакой другой жизни и еще перстом откуда-то, привычно скажем, свыше указующим. Рубцов по-своему любил свою жизнь, себя в ней любил, но, как истинно русский человек, несколько пренебрежительно, иногда наплевательски, относился к ней.

Но не об этом речь, а о том, о чем со вздохом сказано во многих рассуждениях, опять же российского порядка, то есть о том, что унес с собою рано нас покинувший творец. В книге, наиболее подробно и с любовью изданной московским издательством «Воскресенье», повторившей название первой, прижизненной книги Рубцова в Москве – «Звезда полей», этот горестный вздох облечен в вопрос – сколько же погибло вместе с поэтом строк и стихов? Могу сказать с твердым убеждением: много, очень много. Даровитейший российский поэт Николай Рубцов не реализовал себя и наполовину, свидетелем одного погибшего стихотворения, начальных его, совершенно изумительных, строк, был и я» [1].

Вот как сам писатель характеризовал в письме 2000 г. Ю. Сбитневу «сверхзадачу» своих воспоминаний: «За весь год написал с десяток «затесей» и заметки о Николае Рубцове (вышли во втором номере «Нового мира»). Надоело читать то, что обычно пишут на Руси, погубив талант или, точнее, помогши ему погибнуть, превращая его в гения и херувима. Захотелось рассказать, что всё было гораздо сложнее и – проще. Великие таланты плохо уживаются с Россией и в России, потому как надоели они ей. Она их рождает-рождает, губит-губит, а всё неймётся народу, выталкивает из себя не одну только грязь и мерзких вождей, но, хотя и редко, нет-нет и выбросит на русскую помойку человека, не желающего и неспособного ходить в строю. Его равняют, в ранжир ставят, а он выбивается и выбивается из рядов, тогда его нищетой, сумой или тюрьмой заставляют быть похожим на всех – тут и конец таланту, тут он, не похожий ни на кого, и должен либо подчиниться и влезть в стадо, либо погибнет,

как погиб Николай Рубцов. Правда, кончина его по чудовищности редкостна и уникальна. Словом, посмотрите заметки, там не только о Коле речь, но и обо всех нас, о нашей российской судьбе, похожей на Родину свою несчастную, нами же добываемую, и добывание происходит и начинается с певцов, её любящих безмерно, о ней плакавших и плачущих. Да вот слёз-то наших никто видеть не желает, и не утрёт их платочком батистовым родная наша Русь, вот пинка под зад дать либо растереть, как мизгиря, по деревянному забору, это всегда пожалуйста» [2, с. 659].

«Погибшие строки» состоят из трех частей – заглавной и еще двух: «Урок» и «Новоселье». В них с предельной искренностью звучат не только горько-веселые строки о главном герое воспоминаний, но и поминаются добрым словом секретарь Вологодского обкома Анатолий Дрыгин, писательский «воевода» Александр Романов, поэт Виктор Коротаев, а главное, делается мучительная попытка понять и трагизм судьбы Людмилы Дербиной, которая, по словам В. Астафьева, была «даровитым поэтом».

Размышления о судьбе Н. Рубцова как символе России разбросаны и по письмам. Вот отрывок одного из них. 15 октября 1980 г. Красноярск (А.М. Абрамову): «Коля Рубцов предчувствовал свою только смерть, и где-то жило в нём тоскливое предчувствие угасания Родины – России. Оно у него с годами всё явственней и заунывней звучало, ибо он видел и ощущал, как оголяется, пустеет Вологодчина и как вместе с ним закипаются и дичают на городских просторах вчерашние крестьяне, деревенские устои и семьи, прежде всего, распадутся под натиском малогабаритного городского «рая» [2, с. 290].

И «Затеси» с воспоминаниями о Н. Рубцове, и эпистолярное наследие В. Астафьева позволяют еще глубже понять место и значение личности автора «Последнего поклона», «Царь-рыбы» и многих других его произведений, без знания и понимания которых уже немыслима русская литература.

Литература

1. Астафьев В. Затеси: Из тетрадей о Николае Рубцове. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2000/2 (дата обращения 20.08. 2018).
2. Астафьев В.П. Нет мне ответа... Эпистолярный дневник 1952–2001 / сост., предисл. Г. Сапронова. Иркутск: Издатель Сапронов, 2009. 720 с., ил.
3. Астафьев В.П. Пролетный гусь: рассказы, затеси, воспоминания / послесл. В. Курбатова. Иркутск: ИП Сапронов Г.К., 2001. 496 с., ил.

КРЕСТЬЯНЕ РУССКОГО СЕВЕРА В МЕМУАРАХ АМЕРИКАНЦЕВ 1918–19 гг.

Аннотация. В статье впервые предпринята попытка анализа этнографических записей о жизни крестьян Русского Севера из мемуаров американских военнослужащих из Экспедиционного корпуса, приглашенного правительством Северной области для помощи в борьбе с большевиками. На тот момент правительство Н.В. Чайковского обладало всеми признаками легитимности власти и населением края иностранные военные рассматривались как союзные силы. Сведения о русском крестьянстве из мемуаров оригинальны и разрушают стереотип западного мышления о русском народе.

Ключевые слова: крестьянство Русского Севера, иностранная интервенция на Севере, Северная область в 1918–19 гг.

В комплексе нарративных источников, содержащем сведения о населении Русского Севера в начале XX в., особое место составляют материалы Архива экспедиции «Полярных (Белых) медведей», хранящиеся в Исторической библиотеке Бентли, Мичиганского Университета. Большая часть этих уникальных материалов, содержащая дневниковые записи, мемуары, фото- и киноматериалы, выложена на сайте университета и доступна для исследования [<https://quod.lib.umich.edu/p/polaread/russian.html>].

Авторы документов – солдаты, сержанты и офицеры 339 полка армии Североамериканских Соединенных Штатов и нескольких вспомогательных подразделений – прибыли на Север России в начале сентября 1918 г. Они были уверены, что будут охранять склады с военным имуществом и материальными ценностями от возможного наступления немецких войск.

Реальность оказалась другой. Американцы по прибытии были отправлены на фронты только что образованной Северной области, где шло противостояние между белым движением и союзными ему силами и большевистскими отрядами, вскоре преобразованными в регулярную армию. Осенью 1918 г. белые и союзники активно наступали, захватив большие территории по реке Двине до Тулгаса, реке Ваге до Шенкурска, по железнодорожному полотну до станции Плесецкая и часть земель в районе р. Онеги.

В отличие от англичан на Севере России американские экспедиционные войска выполняли подчиненную роль, не имели никаких политических амбиций, территориальных или экономических целей. Когда солдаты стали понимать, что они являются стороной внутри русского конфликта, началось недовольство и волнения. Весной 1918 г. правительство Штатов заверило сограждан, что их солдат скоро вернут на родину, и к маю 1919 г. все американские военнослужащие покинули фронт и в середине лета отбыли на Родину.

В 1922 г. в США была основана ассоциация «Полярных медведей», так в шутку называли себя американские солдаты, хотя там, где им пришлось воевать, никаких белых медведей не бывает. Тем не менее это название прижилось, и постепенно сформировался значительный архив воспоминаний участников Северной экспедиции. Всю информацию архива можно разделить на несколько тем. В большинстве своем это беглый, иногда очень точный, иногда предвзятый взгляд иностранца на реалии русской жизни как в ее мирном течении, так и во время боевых действий.

В рамках данной небольшой работы мы проанализируем несколько сюжетов, оказавшихся представленными в мемуарах американцев: жизнь и быт северного крестьянства.

Знакомство американцев с русской деревней началось во время переброски войск из Архангельска на Двинской и Железнодорожный фронты. Первые впечатления о деревенской жизни у выходцев из Детройта, большинство солдат в составе американского экспедиционного корпуса было призвано из штата Мичиган, оказались далеки от восхищения. Северная деревня показалась им бедной и угрюмой.

«Мы проплывали мимо дремучих деревень, теснившихся по берегам реки, иногда останавливались, чтобы натаскать на борт буксира несчетное количество охапок дров. Жители, приходившие со своими услугами, предлагали нам купить у них «yetsels» (яйца) и карликовый картофель (картошка здесь, на далеком Севере, просто не вырастает до нормальных размеров)», – писал санитар Годфри Андерсон. «Плывем по Двине. Пейзажи вокруг довольно красивы, а закаты просто великолепны. В каждой из деревень, мимо которых мы проплываем, есть большая церковь с пятью куполами», – сообщал в своем дневнике капрал Дума.

На ночлег солдаты останавливались в крестьянском жилище. Описанию избы, главной ее достопримечательности – русской печи – посвящено немало строк в мемуарах американцев: *«Дом, в котором*

мы остановились, был бревенчатой избой. Это было очень опрятно построенное здание. Стены дома с внутренней стороны были столь же гладкими, как оштукатуренные стены любого американского дома. Хозяйственный сарай и навес с дровами помещались на задах дома», – читаем в дневнике рядового Куйерса.

«Двухэтажные дома крестьян построены из гладко окоренных сосновых бревен, плотно и прочно сцепленных по углам. Щели аккуратно и тщательно проконопачены мхом или льном. Большая крыша надежно укрывает жилую часть дома и хозяйственные службы со скотом. На повети, расположенной на уровне второго этажа, хранится сено, зерно, рыба, мясо, сено, инвентарь, а выход наружу представляет собой широкий пологий съезд, построенный из бревен для того. Чтобы по нему могла сновать туда-сюда лошадь с санями или телегой. Все внутренние помещения дома соединены между собой, и чтобы пройти их насквозь, не требуется выходить на улицу.

Окна избы – двойные. Рамы, как и вся внутренняя отделка дома, сделаны из досок, искусно обработанных вручную пилой и топором. Северные крестьяне – мастеровитые лесорубы, виртуозно и изобретательно владеющие инструментом. Они способны построить избу без единого гвоздя.

В обычном крестьянском доме было совсем немного мебели, а стены, полы, скамейки и столы, как правило, содержались в чистоте. Их часто драили водой с песком. Дома женщины и дети, как правило, ходили босиком, а мужчины иногда одевали вязаные носки. Стулья и кровати встречаются редко. Обыкновенно у каждого член семьи есть постель, которая на ночь расстилается на полу, на скамье, на полатах под потолком или на печи, где традиционно спят старые и малые. Постельное белье состоит из тонких покрывал, стеганых лоскутных одеял или овчины. Днем постельные принадлежности убирают на полати», – зафиксировал детали быта лейтенант Примм. Ему же принадлежит и очень интересное описание русской печи:

«Центральным объектом дома, привлекающим внимание больше всего, является огромная русская печь. Она сложена из кирпичей, сделанных, скорее всего, из местной глины. В больших домах иногда ставят две или несколько печей. Система отопления продумана так, что печь обогревает и первый и второй этаж дома посредством хитроумной и оригинальной системы дымоходов. После прогорания дров в топке печи ее закрывают железным листом, как дверью, дожидаясь пока алые угли не прогорят до золы, полностью отдав тепло. Только после этого в дымоходе закрывают задвижку, пресе-

кающую ток горячего воздуха наружу. Вся конструкция массивной печи, жарко прогретая и горячо накаленная, начинает излучать в дом нежное тепло. Если только на улице не царит страшный мороз, топить печь снова требуется разве что спустя сутки.

Смолистые дрова дают мало золы. Печь не требует частой чистки зимой.

Нутро печи представляет собой накаляемую кирпичную пещеру, в которой горят дрова. Когда жар достигает нужной кондиции, угли удаляют и в печи искусно выпекают хлеб или пироги. На кухне иногда бывает устроена печь с плитой, на которой варят, жарят и парят. Конструкция печей обычно продумана и весьма оригинальна. Они просты и эффективны, часто эстетично оформлены и прекрасно обогревают по несколько помещений в доме».

Дополним описание офицера мнением рядового того же американского полка: «В углу стояла огромная печь из кирпича. Она отапливала помещение и служила для приготовления еды. Это была комбинация полезных качеств! Из духовки в нужное время убирали угли, и тогда женщины начинали печь пироги и хлеб – огромные, длинные черные батоны хлеба и другую выпечку, название которой известно только этим женщинам. Изделия имели прекрасный вкус несмотря на шелуху и мусор. Печь сохраняла высокую температуру в течение многих часов. Это была одна из самых хитрых и изобретательно придуманных вещей, которые мы наблюдали здесь. Кстати сказать, самое лучшее спальное место в доме было наверху печи», – писал рядовой Торгтен.

Не меньшее удивление вызвала у американцев и русская баня. Вот как описывает процесс лейтенант Кларенс Примм:

«Банное бдение оказалось еще большим спортом, любимым местными жителями, чем предполагали американцы. Крестьяне моются по определенному бытовому ритуалу в банях с двумя-тремя отделениями. Одна дверь ведет наружу, вторая – в моечное отделение, а третья – в парилку, где царит натуральный температурный ад. Здесь построена небольшая каменная печь, с котлом горячей и бочкой ледяной воды, стоят скамьи и полки с несколькими уровнями высоты, есть ковш, набор медных тазов и ароматных веников из веток различных деревьев. Таково устройство дедовской русской бани, нашедшей кое-где свое место и в наших городах. После длительного сидения в жаре на самой высокой ступеньке полка, когда организм находится уже на пределе выносливости или добровольного обморока, человек бросается наружу и ныряет в пушистый сугроб снега. Затем он воз-

вращается в баню, обливается теплой водой, насухо вытирается и одевается, чувствуя себя наверху блаженства. Пожалуй, на его месте американец сначала составит завещание и позвонит гробовщику, прежде чем отправиться в русскую баню».

Не менее любопытно и мнение о бане рядового Куейрса:

«Баня была совсем небольшой, примерно 10 на 14 футов, располагаясь, как обычно, у водоема. Всюду, как принято в России, были рамы с двойными стеклами. Когда нас отправили в баню, то мы подробно изучили ее устройство. Там был большой котел с горячей водой, вделанный в каменную печь высотой четыре фута. Чтобы привести баню в боевую готовность, ее топят дровами в течение часа, нагревая воду. Затем на крыше бани открывали отверстие и дым изнутри уходил наружу минут за десять, и баня была готова. Холодная вода всегда была наготове в деревянной бадье. Пол в ванной был покатым, чтобы грязная вода немедленно стекала прочь.

Первым делом в бане бросали ковш воды на горячие камни, и они взрывались облаком пара, от которых начинаешь немедленно потеть. Если же этого недостаточно, то можно взобраться и повыше. Через десять-пятнадцать минут после такого прогревания можно было взять горячей воды и помыться точно так же, как это делается в Америке. Мы имели обыкновение наслаждаться русской баней, в которую вы могли войти замерзшим, сопливым и больным, а выйти румяным и здоровым».

Вопреки сложившемуся за годы советской пропаганды отношение местного населения к иностранным постояльцам было в большинстве случаев либо положительное, либо нейтральное: «Примерно на две недели деревня Обозерская стала нашим домом. В крестьянских хижинах, где мы мылись и чистились, нам пришлось научиться терпеть отвратительные запахи, заполняющий комнаты, – один хуже другого. Оказалось, причина их в том, что из-за нехватки настоящего мыла крестьяне пользуются смесью из рыбьего жира и керосина. От этого-то и воняет их одежда.

Привыкли американские солдаты и к тому, что женщины здесь занимаются тяжелой физической работой, и к *barishnas* (барышням) в кожаных сапогах, и к зазорному *burr-burr-burr* (мпру!) возникших телег-*droski*, пытающихся притормозить своих неугомонных лошадок, которых мы по привычке называли пони», – писал впоследствии в своей мемуарной повести командир роты Джоел Мур.

«В каждом крестьянском доме стоит неприятное зловоние, причину которого я так и не мог определить – то ли от соленой рыбы,

то ли от рыбьего жира, или от льна, или от застоявшегося без вентиляции воздуха. Что уж говорить об несметных полчищах тараканов, вшей и клопов!» – вторит офицеру санитар Андерсон.

Мур приводит и еще один казус, касающийся отсутствия в то время в регионе элементарных средств гигиены: *«Заметив на улице солдата с высоко задранном носом и поджатыми губами, вы, вероятно, сочтете его высоकोмерным. Но не спешите с выводами. Вероятнее всего, он возвращается от прачки, только что выстиравшей его рубашку, используя рыбий жир вместо мыла. Теперь бедняга всего лишь пытается не вдыхать аромат! Отдавая в стирку одежду, всегда приходилось просить не использовать рыбий жир, на что прачки отвечали, что для придания рубашке вкусного запаха они могут использовать пирожное – мыла-то у них все равно нет...»*

Впрочем, сами американские военные, неделями сидевшие в болотах, тоже не являлись образцом чистоплотности, и все вышеприведенные эскапады никак не относятся к уничижительной характеристике крестьян Севера, просто фиксируют реалии военного времени. Примером этого является отрывок из воспоминаний Кларенса Примма:

«Несмотря на общую чистоплотность, крестьяне часто выглядят засаленными и душно пахнут из-за своей привычки смазывать волосы и кожу салом и маслом, особенно – рыбьим жиром, поэтому запах заношенных мехов является типичным для крестьян и надолго впитывается в одежду любого путешественника, попадающего в атмосферу северного жилья. Американские солдаты в 1918–1919 годах так привыкли к этому запаху, что ощущали нехватку чего-то знакомого, постоянно приносясь к воздуху. Эта загадочная привычка янки сохранялась некоторое время по возвращении домой...»

В воспоминаниях часто встречаются примеры прекрасных отношений и взаимопомощи американцев и крестьян. Вот один из них.

«Наше постоянное место в пути обычно выглядит так: небольшая деревушка примерно на сотню домов. Американские солдаты разместились в каждом. Сначала жители не доверяли им. Однако они завоевали доверие как детей, так и стариков. Солдаты помогают крестьянам, относятся к ним с симпатией, стараются прийти к перемирию. Один из них рассказал мне, как встретил на улице женщину в слезах – она плакала из-за того, что их запасы продовольствия на исходе и скоро им придется жевать солому... Женщина бережно достала из коробки и развернула салфетку с куском хлеба, который предстояло разделить на троих. Для нее он был на вес золота. Ее

семья не рассчитала ежемесячный паек в пятнадцать фунтов муки на человека – на три дня они оставались без еды. Женщина лишилась дара речи, когда наши парни поделились с ней сухарями и сахаром. А американскому солдату и самому было приятно порадовать человека, – сообщил С.Т. Вильямс, сотрудник Американского Красного Креста.

Некоторые мемуаристы в трудах попытались обобщить сведения о Северной России. Санитар Годфри Андерсон был образованным и очень наблюдательным человеком, относившимся к стране своего временного пребывания с должным уважением.

«Селяне тут живут своего рода коммунальной системой. Вокруг каждой деревни расположены участки пахотной земли, где каждой семье отведен надел, за который она несет ответственность. Зерновые культуры в этих местах незрелы и рискованны в культивировании, исключая овес и лен. Зато значительные успехи видны в выращивании ржи, гречихи, репы, капусты и картофеля. Основу питания составляют именно эти продукты плюс черный ржаной хлеб, капустный суп-щи и соленая рыба.

Кое-кому удастся держать несколько кур, которые дают небольшое количество яиц и мяса. В сезон крестьяне собирают дикие ягоды и грибы. Болота изобилуют клюквой. Есть много зайцев, куропаток, диких уток.

Долгой зимой в темные вечера женщины прядут нити из льна и ткнут полотна».

Лейтенант Кларенс Примм увидел быт крестьян Севера несколько по-иному: *«Повседневная жизнь северян спокойна, уютна и проста. В семье все делят работу на всех, у каждого своя роль в командной игре. На взрослых мужчинах лежит охота, рыбная ловля, рубка леса, строительство, транспортировка, часть наиболее трудоемких сельхозработ. Женщины, мальчики и девочки ухаживают за скотом, заняты в поле и трудятся по хозяйству, включая вязание, прядение, ткачество, шитье одежды. Тип прядильного оборудования, которым пользовались женщины, крайне примитивен, но эффективен. Весь процесс был по силам всего лишь одному человеку. Мальчишки долгими зимними вечерами занимаются вязанием различных рыболовных сетей, с чем они справляются весьма искусно.*

Северяне – более низкорослы и, как правило, коренасты, нежели средний американец. Среди них преобладают шатены. Их лица и руки обветрены, морщины прорезаются рано.

Крестьянин Севера обычно тихий и спокойный человек с большим чувством юмора, которое трудно заподозрить в нем, если думать о русских как о флегматичных и пассивных людях. В нем также есть большая робость, ибо christianik (крестьянин) мало что понимает за пределами привычного ему круга вещей, обычаев и традиций, поскольку живет изолированной деревенской жизнью вдали от крупных событий мира. Чувство юмора, терпения и адаптивность в прошлом и настоящем являются спасением северянина перед крупными изменениями окружающего мира, с которыми можно только считаться, но повлиять на них невозможно. Любезность этого человека, отмечающая его поведение в повседневности, не распространена у нас в Америке. Он умен, находчив в меру своих талантов, хотя и не образован».

Американцы характеризуют повседневную, особенно зимнюю одежду крестьян как малоприглядную, лишенную даже половых отличий, часто рваную и засаленную. Вот пример подобных рассуждений от Кларенса Примма и сотрудника Красного Креста Вильямса:

«В будние дни и на работе рабочая одежда крестьянина-северянина была затрапезна и зачастую выглядела жалко, на грани лохмотьев. Зимой проблема одежды была несколько упрощена, так как основные элементы теплой экипировки изготавливались обычно в домашних условиях: стеганое пальто на вате или полушубок, валенки, теплые штаны, меховая шапка и варежки».

«Оленьи шкуры лишают людей пола и возраста – глядя на человека в меховой одежде, невозможно сказать, мужчина это или женщина, подросток или пожилой папаша».

Когда дело касается отдыха, крестьяне преображались. Праздничной одежде в мемуарах также посвящено несколько интересных абзацев. «Мы встречаем большую группу нарядно одетых людей, направляющихся в церковь. Сегодня день празднования памяти Святого Николая Чудотворца», – отмечал в своей книге капитан Мур. Наиболее подробно этот раздел отражен в мемуарах лейтенанта Примма: «По воскресеньям и праздникам даже на четвертый год затянувшейся войны нарядная одежда северян сохраняла свою скромную красоту и гармоничность. Женщины и девушки одевали белые, красные и желтые пышные юбки с талией и зашнурованными лифами темного цвета, а головы украшали причудливыми уборами и завораживающего вида платками, соблазняющими взгляд иностранца, когда местные красавицы попадались ему по пути в церковь или на танцы. Мужчины в такие дни обычно удовлетворялись

чистыми брюками, парой высоких сапог из хорошей кожи, вышитой рубахой, широким поясом и шерстяной шапкой без козырька. Никаких корсетов или подтяжек».

За девять месяцев пребывания на Севере американцы так и не смогли понять, как может русская женщина, работающая наравне с мужчинами и несущая все тяготы нелегкой крестьянской жизни, нарядившись, преображаться так, что многие американские парни просто сходили с ума от барышень.

«После караульного наряда пошел к русским на посиделки. Там были три barishnas: полногрудые, хорошие, сильные и добрые девчурки, полные здоровья, и с ними было приятно общаться. Мы хорошо провели время», – сообщал рядовой Шой. Подобных примеров в мемуарах немало.

Особняком выглядит точка зрения капрала Дума, который несколько раз, определенно педалируя эту тему, написал о развратности русских женщин.

«Молодая русская женщина залезла ко мне в кровать и хотела провести со мной ночь. Я выгнал ее без лишней суеты»; «Ко мне в дом пришла русская женщина и попросила одно из моих одеял. Она предложила мне переспать с ней за одеяло. Ничего не делаю, одеяло все еще со мной». Можем ли мы верить американцу с украинской фамилией, читатель решит сам.

К сожалению, формат издания не позволяет более полно остановиться на описании некоторых других страниц жизни крестьян, также попавших на страницы американских мемуаров.

Американцы поняли характер и душу крестьян Русского Севера, и лучшим доказательством этого будут слова из мемуаров Кларенса Примма:

«Обычный северянин – человек лично порядочный. Он чувствителен в этом отношении, как ребенок. Естественно, он встает на дыбы и не изъясляет благосклонности, когда с ним обращаются жестоко или несправедливо. Но он всегда нормально реагирует на доброжелательность, на совесть и разумное отношение к себе. Он будет перевозить на дальние расстояния груз продовольствия, не имея над собой надзора или контроля, но, несмотря на царящий в крае голод, ответственно и честно доставит каждый ящик или пакет в целостности и сохранности, по счету. Он любит торговаться, заключая сделку, и может списать комиссию с обоих концов дороги, подразумевая это логичным. Он охотно и по-детски примет «подарок» от любого и в любом виде, не имея при этом особого чувства долга

за этот нечаянный презент. В то же время он сам склонен щедро и на отрыв без видимых причин и выгод дарить что-либо человеку, к которому он дружески расположен.

Он любит откладывать дела на завтрашний день, а обычное обещание немедленно исполнить требуемое означает «при первом удобном случае». Такова природа северянина! Его кодекс поведения сложился сообразно нравам и морально-этическим воззрениям, и если не нарушать их, то с таким соседом можно было бы спокойно дожить до самого Судного Дня.

В своих контактах с американцами Экспедиционного корпуса в Северной России крестьяне много раз демонстрировали свою простую и искреннюю честность по отношению к тем, кто завоевал их доверие».

ТАК В ЧЁМ ЖЕ ТАЙНА?

(Романтические мотивы в повести Н.М. Коншина «Тайна»)

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению романтических мотивов в повести Н.М. Коншина «Тайна». Повесть имеет черты сходства со светской повестью 1830-х-1840-х годов: типы героев, любовный конфликт, традиционный хронотоп бала. Для раскрытия внутреннего мира героев Коншин обращается к традиции экфрасиса, характерной для русской романтической повести.

Ключевые слова: романтическая проза, романтическая тайна, светская повесть, романтический герой, романтические мотивы, байронический герой, экфрасис.

«Золотой» век русской литературы богат на имена выдающихся поэтов и писателей, мастеров художественного слова. Именно они, благодаря своему изысканному слогу и непревзойдённому таланту, определили дальнейшее развитие русской литературы. Однако в тени пушкинской плеяды скромно прячутся множество мелких, туманных «звёздочек», чьи литературные дарования оказались незаслуженно забытыми. А ведь именно авторы «второй» и «третьей» величины иногда оказывались более восприимчивы к духу времени, нежели гении эпохи.

К таким не слишком выдающимся, но характерным представителям своего века относится Николай Михайлович Коншин, который, в первую очередь, прославился не плодами своего творчества, а тесной дружбой с Баратынским и приятельскими отношениями с Дельвигом и Пушкиным. Николай Коншин родился в Вологде в 1793 году, а, следовательно, его «юности прекрасные порывы» совпали с расцветом романтического направления в русской литературе. Не удивительно, что многие художественные произведения Коншина имеют определённый романтический оттенок. На поприще литературы Николай Коншин вступил как поэт. Его первое стихотворение, опубликованное в 1820 году в журнале «Благонамеренный», было посвящено литературному учителю и наставнику Евгению Баратынскому, с которым Коншин служил в то время в Финляндии в Нейшлотском полку. По всей видимости, его более искусственные в

поэзии товарищи благосклонно относились к опытам Коншина в изящной словесности и старались их поощрять. В 1821 году, вероятно, благодаря покровительству Баратынского, Николай Михайлович Коншин был принят в Вольное общество любителей российской словесности.

Стихотворения Коншина по форме и содержанию, как правило, представляли собой удачные и не очень подражания сентиментальным традициям предшествующей эпохи (Н.М. Карамзин, П.И. Шаликов) или отражали романтические веяния его времени (В.А. Жуковский, А.С. Пушкин, Е.А. Баратынский). По словам автора биографического очерка о Коншине, историка литературы А.И. Кирпичникова, «задушевный друг» Баратынского оказался «учеником не бездарным, но ни капельки не опасным для учителя» [5, с. 149]. Исследователь даже выдвигает предположение о том, что некоторые из стихотворений Коншина были созданы «вскладчину», совместными усилиями поэта и близких ему друзей-литераторов (например, стихотворение «К нашим», написанное по образцу пушкинских «Пирующих студентов»).

В 30-е годы Коншин, поддавшись всеобщей моде на повести, выступает в роли беллетриста. В 1830 году в альманахе «Царское село», изданном им совместно с бароном Розеном, Коншин публикует повесть «Остров на Садовом озере», написанную в сентиментальной манере, а спустя три года выпускает отдельной книгой две повести – «Густав Верт» и «Тайна». В 1834 году выходит его исторический роман «Граф Обоянский, или Смоленск в 1812 году».

О творчестве Коншина современники, за исключением круга его единомышленников, были отнюдь не высокого мнения. Критики признавали наличие литературных дарований у Коншина. Однако это не мешало им писать столь «уничтожающие» рецензии на его произведения, что автор ещё долго не осмеливался взяться за перо.

Основные мотивы лирики и прозы Николая Коншина во многом созвучны романтическим настроениям его эпохи. Ярче всего традиции романтизма проявляются в его прозаических произведениях, например в повестях, изданных в 1833 году. Мы обратимся к повести Коншина «Тайна». По словам редактора журнала «Московский телеграф» Николая Полевого, именно эта повесть Коншина лучше и оригинальнее, в отличие от «Густава Верта», которую он называет «составленной из чужих впечатлений» и «неестественной». Кроме того, название повести настраивает читателя на восприятие её в контексте романтизма.

Русская романтическая повесть того времени делилась на некоторые внутрижанровые разновидности в зависимости от актуализируемой темы и идеи. «Тайна» Коншина наиболее близка к светской повести 1830-х – 1840-х годов. Отличительным признаком этой вариации романтической повести является конфликт исключительного героя и светского общества, сопровождающийся, как правило, наличием любовной интриги. Эта особенность светской повести отмечена в книге «Русская повесть XIX века. История и проблематика жанра»: «В основе светской повести лежит любовно-психологическая драма, действие которой протекает в светской среде и герои которой принадлежат (во всяком случае – один из них) к этой среде. Взаимоотношения героев светской повести складываются в зависимости от света: эволюция этих отношений <...> объясняется не простым саморазвитием чувств <...>, а давлением «обстоятельств» – в данном случае светского общества» [4, с. 173].

Чтобы выявить сходства повести Николая Коншина со светскими повестями, обратимся к сюжету «Тайны». Действие повести происходит в Финляндии, на острове Котка. Эти таинственные и суровые северные края были воспеты Оссианом и его «потомками». Коншин начинает повесть с пейзажной зарисовки. Подобно «оссиановским» пейзажам природа в повести Коншина созвучна настроению героев, отражает их внутренний мир и происходящие события. Образ природы, представленный в начале повести, вызывает несколько противоречивые впечатления. Мрачный горный ландшафт («каменные горы», «серые, нагие скалы») создаёт тревожную атмосферу, а скрытая от других, безлюдная земная твердь («пустынный берег», «уединённый остров») порождает чувства тоски и одиночества. Однако насыщенный растительный мир («дремучий лес», «зелёные кустарники», «цветущие поляны и равнина») придаёт острову яркий, живописный вид. Безмятежная водная стихия («море спокойно и величественно красуется») словно окутывает покоем этот уютный «мирок». В небольшом финском городке, который воспринимается как другой, идеальный мир, недоступный русскому читателю, на фоне благоухающей северной природы расцветают чувства главных героев.

Образу величавого, неприступного севера противопоставлена жаркая и солнечная Италия – страна, которая многим русским и западноевропейским романтикам казалась идеальной. В.В. Ванслов в монографии «Эстетика романтизма» так характеризует отношение немецких романтиков к этой стране: «Италия часто казалась

олицетворением гармонии и красоты жизни» [2, с. 129]. Герои повести «Тайна» восхищаются этими южными краями. «Природа торжествует праздник любви, как торжествует путешественник, увидев очаровательные берега золотой Италии» [6, с. 47]. В повести наблюдается персонификация образа Италии, которая заключается в сравнении человеческих страстей с этой горячей, темпераментной страной. «Её подруга, пламенная, как небо Италии, под которым расцвела её молодость, увлекала всемогущую прелестью свободы...» [6, с. 14].

Главные герои повести – полковник Торињи и баронесса Эмилия Розенталь, представители дворянского сословия, традиционные для светской повести типы персонажей. «Полковник Торињи был молодой человек прекрасной наружности и блестящего образования» [6, с. 8]. Принадлежность к дворянскому роду определила образ жизни героя, подобающий человеку его социального статуса. Для Торињи привычна «бурная, рассеянная жизнь света». «Видно было, что он испытал уже многое, что душа его, мечтательная и честлюбивая, разочаровалась в волшебных сновидениях молодости; глаза его были или холодны, или мрачны, но уже не блистали увлечением» [6, с. 8]. Разочарование (мнимое или истинное) – модное чувство эпохи романтизма, заимствованное русскими романтиками у байроновских героев, было свойственно многим персонажам светской повести (например, Чадину из повести А. Иваницкого «Мечтатель»). В своём дневнике Чадин говорит о преждевременной старости души, как нередко называли романтики эту болезнь века: «Душа отцвела; опыт сделал меня стариком» [3, с. 154].

Мрачность героя повести Коншина не препятствует глубокой привязанности к нему товарищей и сослуживцев. «Он был любим, как отец и друг, каждым из своих офицеров; каждый из них рад был идти на тысячу смертей, с ним или без него» [6, с. 8]. Это сближает его с героем светской повести Е. Ростопчиной «Поединок» – полковником Валевицем, обладающим чертами байронической личности. «Их странный товарищ успел, однако, снискать себе их любовь и уважение. Он при случае доказывал им, какая бездна добра и великодушия скрывалась под его унынием» [9, с. 241].

Полковник Торињи не всегда был «холоден, сух, задумчив», «мрачен, как ночь». По словам других персонажей повести, он «переменился после вояжа с принцем» [6, с. 9]. После этой роковой поездки с высокопоставленной особой полковник Торињи был арестован в собственном доме во время бала. В чём же вина Торињи? Это и есть тайна повести Коншина, которую автор не спешит раскрывать чита-

телю. Мотив неразгаданной тайны часто встречается в литературе предромантической (Н. Карамзин «Остров Борнгольм») и романтической (В. Жуковский «Замок Смальгольм, или Иванов вечер»). «Романтики полагали, что наибольшей выразительности повествование достигает тогда, когда оно не завершено, а события, в нём изображённые, выглядят несколько загадочно» [1, с. 12].

Возлюбленная полковника Ториньи – Эмилия Розенталь – обладает внешними и внутренними чертами, характерными для положительной героини русской романтической повести. Она красивая, бледная (как все возвышенные личности), обладающая широким кругозором девушка. «Стройный стан, большие голубые глаза, томная бледность, очаровательная любезность обращения и высокая образованность отличали Эмилию в блестящем кругу красавиц» [6, с. 14-15]. Как известно, неизменными спутниками романтического героя являются одиночество, печаль, «мировая скорбь», вызванные несовершенством реального мира. В начале повести Эмилия находится в подавленном, угнетённом состоянии, словно её гложет какая-то неведомая тоска, причину которой автор не сообщает. «Грусть отражалась в её глазах; видно было, что душа её страдает, что общая радость не только ей чужда, но даже тягостна» [6, с. 16]. После неожиданного ареста Ториньи девушка отдаляется от высшего света и уезжает в своё поместье в Лифляндию, где, судя по всему, ведёт жизнь уединённую, ограничивая свой «мир» пределами комнаты. При изображении интерьера комнаты автор обращается к традиции экфрасиса, восходящей к античной культуре [10]. Русские романтики нередко использовали приёмы описания произведения искусства в прозаических художественных текстах, особенно в повестях о героях-художниках (Н. Полевой «Живописец», Н. Гоголь «Портрет», К. Аксаков «Вальтер Эйзенберг»). В повести Коншина в качестве объектов экфрасиса выступают три портрета. «Один представлял заслуженного воина, с фельдмаршальским жезлом; на другом изображена была молодая женщина в домашнем уборе, любующаяся сидящим на руках дитятей, а третий портрет задёрнут был чёрной тафтой» [6, с. 26]. Здесь экфрасис реализует мотив тайны, загадки, так как автор не разъясняет, почему именно эти портреты находятся в комнате Эмилии и что скрывает чёрная ткань на последней картине. Те же мотивы присущи экфрасису в повести Ростопчиной «Поединок» (портрет красивого юноши в комнате Валевиша, завешенный чёрным сукном). Позднее станет известно, что фельдмаршал – это покойный дядя Эмилии, воспитавший её как собственную

дочь, женщина с ребёнком – это рано умершая мать Эмили и она сама в младенчестве. На третьей картине «спрятан» портрет юной Эмили, нарисованный несколько лет назад. В портрете воплощается один из основных принципов романтизма – двоемирие. Эмили на портрете – эта идеальная Эмили, испытывающая взаимную любовь, одухотворённая этим чувством. «Какое счастье дышит на этом лице!» [6, с. 71]. Реальный мир отнимает у девушки мечты и надежды. Она считает своего возлюбленного погибшим. «Смерть облила холодом мою душу – вот что стала я» [6, с. 71]. Утратив возможность обретения идеала, то есть соединения с возлюбленным, Эмили теряет черты сходства со своим портретом. «Я наказала его (портрет. – А.Т.) за равнодушие, – запретила ему видеть меня. Эта тафта отделяет его от меня, так как страдание удалило черты мои от подобия с ним!» [6, с. 71].

В повести наблюдается расхождение фабульной и сюжетной линий. Например, о детстве Эмили Розенталь, её знакомстве с Торињи, о невиновности арестованного полковника мы узнаём ретроспективно. Нарушение хронологической последовательности событий придаёт повествованию дополнительную таинственность, напряжённость, интригу, поскольку читатель не всегда понимает мотивировку поведения персонажей.

Действие одной из глав повести происходит на балу. Именно там разворачиваются события, имеющие большую значимость для главных героев (вручение баронессой венка своему возлюбленному, их беседа, арест Торињи). Бал выступает привычной формой культурного досуга героев в светской повести. А.В. Леонавичус выделяет следующие структурообразующие компоненты бала в художественной литературе: ночь как время проведения бала, роскошный интерьер, яркое освещение, толпа гостей в великолепных нарядах, музыка, танцы, любовные игры, флирт [7, с. 35-37]. Бал в повести Коншина включает в себя все указанные элементы. Особое внимание автор уделяет интерьеру дома, посвящая несколько страниц описанию богатых и со вкусом убранных комнат.

Среди второстепенных персонажей, принадлежащих к светскому обществу, наиболее важными для развития сюжета являются ещё двое влюблённых. Это графиня Брюсс, подруга Эмили, и барон Сталь, товарищ студенческих лет полковника Торињи. Именно благодаря им главные герои повести встречаются после длительной разлуки. У обоих персонажей обнаруживаются характерные черты благородных романтических личностей (пламенное воображение,

чувствительность, возвышенность). Эти черты настолько «густые», яркие и типичные, что, на первый взгляд, могут быть восприняты как авторская ирония над героями. Однако после прочтения повести становится понятно, что она не является пародийной. Коншин серьёзно относится к своим персонажам, среди которых, к слову сказать, нет героев-антагонистов. Из-за отсутствия отрицательных героев повесть Коншина подвергается критике. «В повести все лица необыкновенно добродетельны и благородны. Видно, что автор очень добрый и чувствительный человек (окончание в повести счастливое), но плохой романист, лишённый наблюдательности и не богатый воображением» [5, с. 159].

Как мы уже упоминали, светская повесть эпохи романтизма была построена на конфликте исключительной личности и высшего общества, исполненного пороками и предрассудками. Однако в повести Коншина такой конфликт не наблюдается. Представители большого света не препятствуют взаимному чувству героев. Напротив, они принимают живое участие в их судьбе, способствуя соединению любящих сердец. Даже единственный «злодей» в повести является мнимым. Отрицательным героем мог бы выступить принц, связанный тайной с полковником Торињи. Оказывается, Торињи взял на себя его вину. Коншин не сообщает об этом открыто, довольствуясь лишь намёками. В чём провинился наследник престола, автор также не объясняет, предлагая читателям активизировать своё воображение. Поступок полковника Торињи по отношению к принцу указывает на его великодушие и благородство. Но, с точки зрения законов общества, он поступил опрометчиво, поставив под сомнение свою репутацию. В таком случае можно говорить, что в данной повести реализован конфликт не между положительными и отрицательными героями, а между хранящими тайну и непосвящёнными. Тайна раскрывается благодаря самому виновному, который раскаялся в содеянном. «Он у ног моих признался в обмане», – объясняет король полковнику Торињи. Принц не только совершает справедливый поступок, но ещё и отказывается от социального превосходства. Он просит Торињи принять его в общество как равного, а не как царственную особу. Этим он окончательно располагает к себе читателей.

Благополучный финал повести Коншина отличает её от светской прозы 30–40-х годов XIX века. В светских повестях за редким исключением (например, повесть А. Бестужева-Марлинского «Испытание») счастье героев, скованных приличиями высшего света, ока-

зывалось невозможным. Однако у Коншина супружеский союз обеих влюблённых пар складывается по-настоящему успешно. Автору чужда ирония над своими персонажами. Поэтому семейная идиллия здесь не превращается в филистерский уют, наполненный символами обыденного существования (кухонная утварь в «Золотом горшке» и «Крошке Цахесе» Гофмана, трубка и халат в «Сильфиде» Одоевского и так далее). Кстати, и в остальных произведениях Коншина сюжет получает непременно счастливую развязку, объяснение которой иногда кажется неправдоподобным. Например, в повести «Остров на Садовом озере» на брачный союз влюблённых благословляет... сама императрица Екатерина Великая. Безграничная симпатия Коншина к своим героям и стремление сделать их счастливыми нашли отражение и в его поэтических опытах. Не случайно критики отмечали, что «лучше удавались ему стихотворения <...> не элегического, а добродушно-весёлого характера» [5, с. 153]. В таких стихотворениях автор довольно удачно использует в общем-то нехарактерную для него иронию:

Звучит призывный барабан;
Окончилось служенье Фебу;
Певец взглянул прискорбно к небу,
И спрятал лиру в чемодан.
[5, с. 153]

Таким образом, повесть Николая Коншина «Тайна» имеет определённые черты сходства со светской повестью 1830-х – 1840-х годов: типы героев (идеальная светская женщина, идеальный герой с чертами байронической личности), любовный конфликт, традиционный хронотоп бала. Однако есть и существенные различия. Конфликт в повести построен не на противостоянии героя с обществом, а на его жертве любовью ради дружбы. Все персонажи Коншина бескорыстны и добродетельны, а исход повести благополучный, что также является нехарактерным для светской повести того периода.

И всё-таки, несмотря на литературные несовершенства повести и слабые стороны таланта Николая Коншина, его произведения отражают особенности той эпохи, наполнены приметами времени. Поэтому творческое наследие автора требует дальнейшего исследования, извлечения его из разряда «забытых» писателей, в первую очередь для того, чтобы глубже осмыслить особенности культуры первой половины XIX века.

Литература

1. Баранов С.Ю. Романтическая тайна в балладе В.А. Жуковского «Замок Смальгольм, или Иванов вечер» // Вопросы романтизма. Вып. 2. Калинин: КГУ, 1975.
2. Ванслов В.В. Эстетика романтизма. М.: Искусство, 1966.
3. Иваницкий А.И. Мечтатель // Маяк. 1840. Ч. 8.
4. Иезуитова Р.В. Повесть 20–30-х годов, её разновидности и тенденции // Русская повесть XIX века. История и проблематика жанра / под. ред. Б.С. Мейлаха. Л.: Наука, 1973.
5. Кирпичников А.И. Н.М. Коншин 1793–1859 // Русская мысль. 1897. № 5.
6. Коншин Н.М. Тайна // Две повести [Соч.] Н. Коншина (Из его записок о Финляндии). СПб: Тип. вдовы Плюшар с сыном, 1833.
7. Леоновичус А.В. Хронотоп бала в русской литературе (к истокам традиции) // Новый филологический вестник. 2015. № 4 (35).
8. Полевой Н.А. Две повести Н. Коншина // Московский телеграф. 1833. № 11.
9. Ростопчина Е.П. Поединок // Русская романтическая новелла / сост., вступ. ст. и примеч. А. Немзера. М.: Художественная литература, 1989.
10. Экфрасис в русской литературе: труды Лозаннского симпозиума. М.: МИК, 2002.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИЧЕСКОГО СИНТАКСИСА ШЕКСНИНСКИХ ЧАСТУШЕК

Аннотация. В статье рассматриваются особенности поэтического синтаксиса частушек, зафиксированных с 1963 по 2017 г. в деревнях и сёлах Шекснинского района Вологодской области. Рассматриваются структурные и функциональные виды повторов, параллелизмов, обращений. Отмечается тенденция к лексикализации риторических фигур, что приводит к созданию традиционных поэтических формул.

Ключевые слова: вологодские частушки, поэтический синтаксис, повторы, параллелизм, риторический вопрос, обращение, традиционные поэтические формулы.

Шекснинские частушки, ставшие объектом данного исследования, собирались фольклористами с 1963 по 2017 год в деревнях и сёлах близ посёлка Чаромское Шекснинского района Вологодской области [16, 17, 19]. Цель статьи – описание особенностей поэтического синтаксиса языка шекснинских частушек для получения «научно объективного представления об эстетической структуре народной <...> песни» [2, с. 31]. Новизна исследования заключается как в самом объекте изучения (большая часть текстов не публиковалась и не была предметом исследования), так и в поставленной цели, поскольку работ, посвящённых изучению поэтического синтаксиса шекснинских частушек, нет.

Традиционность языка старинных шекснинских частушек обнаруживается не только на фонетическом [8], словообразовательном [9] и лексическом уровнях текста, но также и на синтаксическом уровне – в характерных для этого жанра конструкциях поэтического синтаксиса.

Одним из самых распространённых средств художественной выразительности в шекснинских частушках является *повтор*. Известный исследователь русской частушки И.В. Зырянов в работе «Поэтика русской частушки» уделил особое внимание данному стилистическому средству [3].

В изучаемых нами текстах шекснинских частушек встречаются различные виды повтора: стык, анафора, эпифора, сочетание стыка

и анафоры, кольцевой повтор, многократные повторы, тавтологические сочетания. Приведём примеры.

– Анадиплосис (стык, подхват): «Мы ребята-ёжики, / По карманам **ножики**. / **Ножики** не точены – / Ребята не колочены» [КЧШР]; «Шёл я лесом, видел **беса**, / **Бес** на дереве сидит. / Ой с ноги – то кожу обдирает, / Сапоги себе кроит» [МОНМЦ] и др.

– Анафора: «**Подари**, милка, платочек, / **Подари**, милка, другой, да. / **Подари**, милашка, третий, / Если я тебе любой» [КЧШР]; «**Задумевная** подруга, / **Задумевная** давно, / Чем любить такова дролечку, / Ак лучше неково» [МОНМЦ]; «**Не прийти** севодни дроле, / **Не прийти** румяному, / **Не прийти**, не выйти с дому, / Дорогому пьяному» [МОНМЦ] и др.

– Эпифора: «Платье чёрной **одела**, / Мама заругалася: / – Ты не так (его) **одела**, / С кем-нибудь рассталася» [КЧШР]; «Ох, **топнула я**, / Ох, **притопнула я**, / Съела целого быка – / И не **лопнула я!**» [МОНМЦ] и др.

– Сочетание стыка и анафоры: «Поиграй **повеселее**, / **Веселее** будем петь, / **Веселее** будет девушке / Изменушку терпеть» [КЧШР]; «Говорят, я **боевая**, / **Боевая** я и есть, / **Боевая** я и дома, / **Боевая** я и здесь» [МОНМЦ] и др.

– Кольцевой повтор: «**Цыганскую**» **игру** / Лучше всякого люблю, / Когда буду помирать, / Прошу «**Цыганочку**» **играть**» [МОНМЦ]; «У милого есть **тальяночка**, / Не может не носить, / Надо чуночки с верёвочкой – / **Тальяночку** возить» [МОНМЦ] и др.

– Многократное повторение: «**Жалко, жалко, жалковато**, / **Жалко**, дролечка, тебя, да. / Ты живёшь далековато. / Редковато вижу я» [КЧШР]; «**Пароходы, пароходы, / Пароходы**, буксира, / **Пароходские** робятка / Целоваться мастера» [МОНМЦ] и др.

– Тавтологические сочетания: «**Ягодинка-ягодка**, / Далёко ука-тилася. / Жалею времячко того, / Уехал – не простилася» [КЧШР]; «Ох, мы-то **гуляли-гулели**, / Ох, ни о чем – то не думали, / Ох только думали о том / Как бы попасть в высокий дом» [МОНМЦ]; «**Некрута-некрутики**, / Ломали в поле прутики, / Ломали да и ставили, / Любили да оставили» [МОНМЦ] и пр.

Исследователи отмечают, что в русской частушке очень распространённым видом повтора является анафора [5, с. 49]. Это характерно и для шекснинских частушек.

Использование повтора в качестве средства художественной выразительности в частушке – малом жанре народного творчества, тяготеющем к экономии языковых средств, – имеет свою специфику,

хотя эта фигура речи, как известно, характерна и для других жанров фольклора [2, 4, 6]. Частушка близка к народной устной речи, в которой часто используются повторы [3, с. 52]. Очевидной функцией повтора является участие в построении композиции текста частушки, создании ритма и рифмы. И, безусловно, важнейшую роль играет повтор в усилении эмоционального фона частушки, выразительности ее содержания.

Яркой специфичной чертой, определяющей частушку как жанр, является использование такого приёма, как *параллелизм* [5, с. 52]. Выделяют несколько видов параллелизма, зависящих от различных условий: от уровня языка (звуковой, лексический, грамматический, морфологический, синтаксический), от состава конструкции (полный, неполный, конструкционный – характерный для народной поэзии [12]), от количества эквивалентных структур (одночленный, двучленный, многочленный), от логической модели (утвердительный, отрицательный), от рисунка параллельных структур (прямой, хиастический, лестничный), от расположения внутри текста (внутристрочный, в смежных строках), от парадигматических отношений, составляющих параллелизм компонентов (основаны на синонимии, антонимии) [4, 9]. К данной классификации, разработанной в связи с исследованием лирики Б.П. Пастернака [8] и русской народной сказки [4], мы добавим такую важную для жанра частушек характеристику параллелизма, как степень сохранения символизма, и будем в связи с этим различать символические, логические, формальные и «игровые» параллелизмы. Символизм, формализм, логический (свободно-поэтический) и игровой характер параллельных конструкций (а также фольклорных формул-зачинов, являющихся первым членом параллельной конструкции частушки) рассмотрены в работах таких известных исследователей фольклора, как В.П. Аникин [1, с. 695-702], И.В. Зырянов [3, с. 70-84], С.Г. Лазутин [6, с. 71-77].

По нашим наблюдениям, наиболее распространённые виды параллелизма в шекснинских частушках – синтаксические, конструкционные, двучленные, утвердительные, прямые, внутристрофные, символические и логические (свободно-поэтические), основанные на синонимии. Встречаются также параллелизмы формальные и «игровые», основанные на антонимии и отрицании.

Общеизвестно, что параллелизм является одним из самых древних, дотроповых средств художественной выразительности фольклора. Говоря о параллелизме в таком контексте, исследователи, как правило, имеют в виду *параллелизм символического характера*,

т. е. основанный на образах-символах, «заимствованных частушкой из традиционных лирических песен» [6, с. 80]. Например: «*Что-то, белая берёзка, / Ветру нет, но ты шумишь? / Что-то, милое сердечко, / Горя нет, но ты болишь?*» [КЧШР]; «*Не от солнышка рябина / Кисти принавесила. / Не от радости девчонка / Голову повесила*» [КЧШР] и др. Символами девичей тоски, печали являются использованные в первых строках частушек традиционные фольклорные образы (*белая берёзка и рябина*) [3, с. 71].

Достаточно распространён в шекснинских частушках и *логический* (свободно-поэтический) вид параллелизма, при котором две образные картины сопоставляются на основе реальной, логической аналогии [6, с. 81]. Такая трансформация в текстах частушек возникла, как утверждает С.Г. Лазутин, под влиянием нового времени и реалистичного метода. Данный тип образной конструкции восходит к жанру пословиц, часто построенных именно на основе логического параллелизма [6, с. 81]. Приведём примеры текстов с логическим параллелизмом: «*Ветерочек поддувает, / Оттого и холодно. / А меня милка забывает, / Оттого и холодно*» [КЧШР]; «*Под окошечком у нас / Завяли помидорчики. / Подружка, здешние ребята / Нам не ухажорчики*» [КЧШР] и др. Преимущество такого вида параллелизма в том, что он не сковывает создателя частушки никакими символическими рамками и канонами, а наоборот, позволяет втягивать в параллельные поэтические ряды любые образы реальной действительности, дает возможность безгранично расширять тематику частушек [6, с. 81].

Гораздо меньше в шекснинской частушке используется *формальный параллелизм*, когда фольклорный символ, на котором основан параллелизм, теряет своё первоначальное значение, а приём используется для создания рифмы [6, с. 77-79] или с целью сохранения жанра, например: «*Под горою калина, / Под горою малина. / Ну, что ж, кому дело калина, / Ну, кому какое дело малина?*» [КЧШР].

«*Игровые*» параллелизмы основаны на своеобразной игре, «поэтическом озорстве» [3, с. 83] – намеренном нарушении создателем частушки традиционной символики. Такой вид параллелизма используется для создания комического и сатирического эффекта. «Игровые» параллелизмы встречаются в коллекции шекснинских частушек достаточно редко (в силу своего позднего происхождения), например: «*Во саду ли в огороде, / Выросла морковка, / Я, Миколка-дурачек, / Думал сороковка*» [МОНМЦ]; «*Я по бережку ходила, / Берег осыпался, / Я беззубого любила, / Чтобы не кусался*» [КЧШР].

Встречается в шекснинских частушках и *отрицательный параллелизм*: «*Ни кокушка ли кокуёт, / Соловеюшко поёт, / Иё бедная головушка / Без папоньки живёт*» [МОНМЦ]; «*Не от солнышка рябина / Кисти принавесила. / Не от радости девчонка / Голову повесила*» [КЧШР]. Статистика, приведённая А.В. Кулагиной, показала, что из 20 000 текстов только 24 частушки построены на основе отрицательного параллелизма (из них лишь 12 – это основные тексты, а 8 – варианты) [5, с. 54]. Однако статистика использования отрицательных параллелизмов в шекснинских частушках несколько иная: в 20 из 3000 изученных нами текстов используется отрицательный параллелизм (в том числе в 4 – положительно-отрицательный). Отрицательный параллелизм – это архаичное средство художественной выразительности, поэтому причина большой разницы между нашими данными и статистикой, представленной в работе А.В. Кулагиной, может заключаться в том, что в коллекции наших частушек отражён более архаичный пласт устного народного творчества.

В основе некоторых параллелизмов, использованных в шекснинских частушках, лежит *антитеза* – противопоставление образов, например: «*Раньше, было, запевала, / Запевалоцькой была. / А тепере запевалоцькой / Товароцька моя*» [МОНМЦ]; «*Не гармошка завлекает, / Не её весёлый тон, - / То, играя, завлекает, / До чего хороший он*» [КЧШР].

Несмотря на то, что в современных частушках доля параллелизмов уменьшается [5, с. 52], этот синтаксический приём является неотъемлемой частью шекснинских частушек, служит основой для построения композиции, играет важную ритмико-интонационную роль, участвует в формировании поэтического языка символов.

Особенность поэтического синтаксиса шекснинских частушек заключается также в использовании большого количества обращений, в том числе *риторического* характера, например: «*Эх, топни, нога, / Топни, правенькая – / Всё рано ребята любят, / Хоть и маленькая*» [КЧШР]; «*Что-то, белая берёзка, / Ветру нет, но ты шумишь? / Что-то, милоё сердечко, / Горя нет, но ты болишь?*» [КЧШР]. Риторические обращения в частушках служат средством усиления выразительности основной мысли текста [6, с. 76].

Значительную часть обращений, используемых в частушках, составляют *обращения прямые*, адресованные конкретному человеку, например: «*Не ходи, милашка, полём, / Ходи пригородоцькой. / Не могу налюбоваться / Над твоей походоцькой*» [МОНМЦ]; «*Задущевная подруга, / Где же наши милые? / А неужели не болят / У них*

сер[д]ца ретивые?» [МОНМЦ]. Наличие большого количества прямых обращений в текстах частушек можно считать коммуникативной спецификой жанра. Исполняемая публично, рассчитанная на обязательную реакцию, частушка всегда имеет смысловую и эмоциональную обращенность к слушателям [6, с. 76].

Лирический герой / героиня чаще всего обращается к милой / милому, родителям, товарищу / товарочке, подругам (девкам), гармонисту, лиходею / лиходейке. В шекснинских частушках нередко встречается обращение к конкретному лицу, названному по имени: *«Миленький Иванушко, / Подумай про старинушку, / Как сидели на лугу – / Кушали малинушку»* [Яцкевич]; *«Милый Саша, воля ваша: / Хоть ходи, хоть не ходи. / Наговаривают девушки – / На это не гляди»* [Яцкевич]; *«Поиграй-ка, Вася, в хромочку, / А я пойду плясать / Не воротись того времечка / Весёлого опять»* [МСЦТНК] и др. Обращения, включенные в частушку, конкретизируют выражаемое ею содержание, точно называют объект, в адрес которого направлены те или иные мысли и чувства. Во время исполнения они облегчают восприятие частушки, говорят о том, кого частушка касается прежде всего, кто ее должен слушать особенно внимательно, кто при желании может ответить на нее своей частушкой [6, с. 77].

Говоря о прямых обращениях, стоит поднять вопрос о переходе таковых в разряд риторических, условных. Так происходит, во-первых, потому, что обращение приобретает функцию устойчивого поэтического выражения – формулы, которую исполнитель частушки может использовать, например, в качестве зачина: *«Задушевная подруга, / Трепачи то дешевы. / По одиннадцать копеек / Самые хорошие»* [Ляпичева]; *«Задушевная подруга, / На Луне-то я была / Ох, на Луне миня не приняли, / Что пензия мала»* [МОНМЦ]. В данных примерах обращение имеет условный характер, используется в качестве формулы-зачина, а основной акцент в тексте делается на содержание 2–4 строк. Во-вторых, функции прямого обращения могут по-разному реализоваться в различных коммуникативных условиях, в которых исполнялась частушка. Например, частушка *«Хорошо тебе, товарищ, / Утя милка важная / А моя-то – полоротая / Целует каждого!»* [МСЦТНК] может быть исполнена даже в отсутствии того самого товарища, у которого может не быть никакой важной милки, но исполнитель выбирает именно этот текст, где сила переживаний лирического героя подчеркнута противопоставлением своей милки, которая целует каждого, и важной милки товарища. О таких ситуациях нам не единожды сообщали наши

информанты в ходе экспедиции в июне 2017 года, указывая на то, что частушки не только сочиняли, импровизируя, но и «подбирали по ситуации», соответствующей определённому моменту жизни. Ещё более усиливается риторический характер прямого обращения в ситуациях, когда молодёжная (по теме, содержанию) частушка исполняется на праздниках, посиделках в кругу пожилых людей – а именно в таком формате продолжает жить традиционная частушка в современной деревне.

Исследователи произведений устного народного творчества уже отмечали, что слово в фольклорном тексте наделено отличительным свойством – тяготением к блоковости [10, с. 112]. Причину такой блоковости учёные видят в процессе перехода «от малоодаточности лексического способа номинирования к необходимому дополнению текстовыми номинантами (бинарными, многокомпонентными сочетаниями, тематико-ситуативными комплексами), являющимися уже единицами синтаксического способа номинирования» [10, с. 112].

В шекснинских частушках также наблюдается подобное явление, которое проявляется как в использовании известных другим жанрам фольклора устойчивых поэтических формул (*чисто поле, серые глаза, красно солнышко, светлый день, холодный ветерок, быстрая река, белое лицо, белое платье, крутой бережок* и пр.), так и формул, характерных исключительно для частушек (*хорошо игрок играет; пошла плясать; говорят, что мне измена; я девчонка боевая* и пр.). Формулы шекснинских частушек могут иметь как структуру словосочетания, так и предложения разного состава и полноты [13]: «**Говорят, что мне измена**, / Говорят и повторяют. / Мне за этим гоняться – / Надо совесть потерять» [КЧШР]; «**Я пошла плясать**, / Дома нечего кусать – / Сухари да корки, / На ногах опорки» [КЧШР]; «**Пляши, Матвей, / Не жалея лаптей.** / Старые – порвутся, / Новые – найдутся» [КЧШР]. Таким образом, в текстах шекснинских частушек наблюдается процесс лексикализации повторяющихся синтаксических конструкций и образования устойчивых поэтических формул, которые характерны исключительно для языка фольклора. Использование таких сочетаний в обыденной речи и в языке художественных произведений мотивируется, как правило, лишь созданием особого фольклорно-поэтического стиля.

В результате проведённого исследования мы выявили наиболее яркие синтаксические особенности поэтики шекснинской частушки: различные виды параллелизмов, повторов, обращений,

лексикализованных конструкций. Некоторые особенности были переняты частушкой у лирической песни, пословицы. Однако следует отметить приёмы, специфичные именно для жанра частушек: использование большого количества обращений, многократных повторов, особых устойчивых поэтических формул. Использование повторов также мотивируется близостью частушки к живой народной речи. Рассматривая параллельные конструкции шекснинских частушек, мы пришли к необходимости внести в известную нам классификацию уточнение: рассматривать виды параллелизмов по степени сохранения символизма и разграничивать символические и логические параллелизмы в шекснинских частушках. Подчёркивая важность прямых обращений в исследуемых текстах, отметим также их переход при некоторых условиях в разряд риторических.

В настоящей статье были рассмотрены лишь некоторые яркие особенности поэтического синтаксиса частушек, однако даже они позволяют нам сделать вывод о своеобразии поэтики и богатстве изобразительных приёмов частушек Шекснинского района Вологодской области.

Литература

1. Аникин В.П. Русское устное народное творчество: учеб. для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Выш. шк., 2004.
2. Артеменко Е.Б. Синтаксический строй русской народной лирической песни в аспекте её художественной организации. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1977.
3. Зырянов И.В. Поэтика русской частушки. Пермь: Пермский Гос. Пед. Институт, 1974.
4. Катаян Р. Синтаксический параллелизм, его виды и функции в текстах русских народных сказок // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 2 (68). Ч. 2. С. 134-139.
5. Кулагина А.В. Поэтический мир частушки. М.: Наука, 2000. 303 с.
6. Лазутин С.Г. Поэтика русского фольклора: учеб. пособие для филол. спец. ун-тов. М.: Высшая школа, 1981.
7. Логвиненко И.А. Формальный параллелизм в поэтическом произведении (на основе стихотворений Б.Л. Пастернака). URL: <http://www.academia.edu/6519743/>
8. Медведева А.А. Диалектные фонетические особенности языка шекснинских частушек // Севернорусские говоры: межвузовский сборник / ред.: А.С. Герд, Е.В. Пурицкая. Вып. 17. СПб, 2018. С. 98-112.

9. Медведева А.А. Словообразовательные особенности языка вологодских частушек // Грамматические исследования поэтического текста: материалы международной научной конференции (7-10 сентября 2017 г., г. Петрозаводск) / отв. ред. Л.Л. Шестакова, Н.В. Патроева; М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования Петрозавод. гос. ун-т, Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2017. С. 143-146.
10. Соколова Т.С. Фольклорный вербальный код этнокультурной информации // Вестник ВГУ. Серия Филология. Журналистика. 2005. № 2. С. 109-115.
11. Хроленко А.Т. Введение в лингвофольклористику: учеб. пособие. М: Флинта; Наука, 2010. 192 с.
12. Якобсон Р.О. Грамматический параллелизм и его русские аспекты // Якобсон Р.О. Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. С. 99-132.
13. Яцкевич Л.Г., Медведева А.А. Структурные типы традиционных поэтических формул шекснинских частушек // Вестник ЧГУ: Технические науки, филологические науки, педагогические науки. 2018. № 3 (84). С. 103-111.
14. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1991. 258 с.

Источники

1. Карабанов А.А. Телец. Автобиографический роман. Часть I. Труженицы тыла и дети войны. Вологда, 2011 [Карабанов].
2. Коллекция частушек (и репортажей) Шекснинского района Вологодской области, составленная по материалам экспедиции Медведевой А.А. в с. Сизьма, Чаромское, д. Квасюнино, Малый Овинец в июне 2017 г. Вологда, 2017. (Машинопись) [КЧШР].
3. Пропою я вам частушки: сб. частушек И.П. Ляпичевой / сост. Т. Ляпичева; конс., рук. Е.Н. Быкова. Сизьма, 2017. (Машинопись) [Ляпичева].
4. Материалы фольклорно-этнографических фондов Вологодского областного научно-методического центра культуры (БУК ВО «Центр народной культуры»). Вологда, 1999–2006 [МОНМЦ].
5. Материалы фольклорно-этнографических фондов центра традиционной народной культуры с. Сизьма (БУК ШМР «РЦТНК»). Сизьма, 1998–2009 [МСЦТНК].
6. Яцкевич Л.Г. Слово о родной деревне. Вологда, 2011 [Яцкевич].

ПОЛИСЕМΙΑ СЛОВ «ДОМ» И «ИЗБА» В ПОЭЗИИ С.В. ВИКУЛОВА

Аннотация. В статье описана лексика тематической группы «дом», зафиксированная в лирических текстах С.В. Викулова. Выявлены характерные для образной картины мира поэта особенности функционирования лексем данной тематической группы в текстах автора, определена полисемия слов «дом», «изба» и их производных.

Ключевые слова: тематическая группа «дом», полисемия, поэтический текст, образная семантика.

Традиционно с понятиями «дом» и «изба» соотносятся важнейшие категории бытия человека: дом – начало начал, память рода, семьи, Родины. Стоит только взять в руки книгу по народной эстетике В.И. Белова «Лад», как сразу осознаешь важнейшую сущность «родового гнезда», влияющую на мировосприятие и дальнейшую судьбу человека. Сергей Васильевич Викулов отмечает, что вологодская деревня первых послевоенных лет и начала пятидесятых годов глубоко потрясла его, особенно трудовой деятельностью, укладом жизни и тесной связью членов семьи. Поэт уверен, что неразрывная связь *дома, семьи, труда и совести человека* легла в основу преодоления всех военных трудностей [12, с. 126]. С.В. Викулов так объяснял свой интерес к деревне и ее жизненному укладу: *«Меня всю жизнь занимала и даже интриговала «загадка» деревни, «тайна ее души»; в крестьянах бродит и никак не перебродит, не уляжется кровь предков, твердивших, ложась спать и вставая, одну и ту же мольбу: мой дом, моя земля»* [9, с. 437].

В.В. Сорокин считает, что С.В. Викулов создал образ современного «строителя» села, поскольку его книги рисуют живого человека, хозяина – радетеля за землю, за ее процветание [13, с. 193]. Выявил В.В. Сорокин и некоторые особенности языка поэзии Сергея Викулова: простота изложения, весомость разговора, многозначность переживаний, бесхитростная картина жизни, биография целой семьи, целого поколения, типичность примет, фактов, ответственность за свое слово, за дарование перед собой и перед народом [13, с. 195]. Все эти установки отражаются и в понимании «избы» и «дома» поэтом как цельного храма души человека.

В лирике С.В. Викулова «домашний мир» представлен такими словами, как *дом, изба, окно, крыльцо, крыша, стол, самовар*. Все эти лексемы в поэтической картине мира автора составляют понятие *дома*. Перейдем к характеристике каждой из них.

Дом как средоточие жизни человека, как «свое» пространство в лирике С.В. Викулова прямо связан с настроением хозяина. Отсутствие бед, невзгод, происшествий выражается в покое и самого человека, и дома: *«Я сморщусь: «Здравствуй, солнце!» / И пойму, что, слава богу, это мне приснилось, / Что в мире ничего не изменилось, / Покой и лад в моем родном доме»* [7, с. 129]. Характеризуя дом, поэт употребляет лексему *родной*, которая не только выражает любовь человека к тому месту, где он родился и провел детство, но и указывает на близость, неразрывность здания с жильцом. Ведь дом – это сокровищница воспоминаний.

Дом тесно связан с семьей. Мотив спокойствия, тишины олицетворяет это строение, здание, жилье: дом выполняет свойственные физиологии человека действия (*помалу дышит*). Прослеживается связь того места (земли), где построен дом, с понятием Родины: *Всем, кто рождением оттуда, / Кто от земли свой начал путь, / Всем, у кого еще куда / Есть там, в деревне, кто-нибудь; / Чей дом пока под крышей низкой / Помалу дышит, не забит; / Кто не забыл родных и близких / И сам ответно не забыт* [6, с. 95]. Наличие в поэтической ткани стихотворения обобщенно-предметных местоимений (*всем; сам, кто, у кого, чей, кто-нибудь*) создает олицетворенность художественной картины, вводит в лирический текст лица. Относительные местоимения (*кто, у кого, чей*) выполняют различные функции: функцию перечисления неопределенных участников и лиц, к коим обращается поэт (для создания живости, олицетворения поэтической мысли, для указания на принадлежность людей (по происхождению) к конкретной среде, местности (к деревне)), и грамматическую функцию (местоимения употребляются в сложноподчиненном предложении в качестве союзных слов для связи главной и придаточной частей, выполняя в придаточной части роль подлежащих).

Иногда в поэзии С. Викулова дается описание внешнего облика и самого дома. В частности, называются:

1) Материал, из которого сооружен дом (*«Дом бревенчатый у реки, / В окнах яркие огоньки... / А в окошко, что распахнуто на село, / Целый вечер поют гармошки. / И за помоймой – взглядишь немножко*

– / От ромашек белым-бело... / И не тягостно за работой / В ночь такую встретить рассвет, / Ну, а если тебе всего-то / Девятнадцать неполных лет!» [1, с. 138-139]). При описании материала, из которого построен дом, автор использует относительное прилагательное *бревенчатый*. Бревно (материал, который получают из срубленных и обработанных деревьев) прямо соотносится с природой, которая присутствует у поэта за окном. Дом становится такой же частью природы (он изготовлен из природного материала), гармонично сливается с окружающей средой.

2) Размер здания, цветовые отличия («На улице-посаде / Совхозного села / Построили мы **домик** – / Веселые дела! / Он **встал до неба, белый**. / Любуется народ: / - Глядите-ка, глядите, / **Не дом, а пароход!** / И в самом деле был он / **На пароход похож**: / Плывет – а справа-слева / То лен в цвету, то рожь. / А наравне и выше – / Одни лишь облака» [8, с. 27]). При описании дома автор прибегает к гиперболе (преувеличение размеров описываемого объекта): *домик встал до неба*. Примечательно и несоответствие, которое заключается в именовании предмета (*домик* – уменьшительно-ласкательная форма) и описании его параметров (*встал до неба*). Внешне невелик (потому '*домик*'), но по затрате сил на его возведение, обустройство он обретает значительные масштабы (*до неба*). Белый цвет, которым наделяет поэт дом в стихотворении, символизирует не только светлость, благодать, чистоту бытия, но и новую жизнь, которая в нем поселится (там будет жить семья). Этот цвет выражает благородство, знатность, величие, благосостояние, красоту, а также является показателем общественного положения хозяина.

3) Архитектурное своеобразие, отличительные характеристики («Плывет наш дом, на избы / Взирая свысока. / Плывет по перелескам, / Равнинам и горам... / **Пять застекленных палуб** / Открыты всем ветрам. / Плывет веселый, звонкий, / **Набит народом** всклень / **Из двадцати окрестных** / **Пропавших деревень**» [8, с. 27-28]). В качестве архитектурного параметра выступает внешняя величина здания, которая выражена в предложении-олицетворении (*Плывет наш дом, на избы / Взирая свысока*), и его композиционные детали (*пять застекленных палуб*). В тексте прослеживается сравнение дома с палубой, кораблем, на котором по волнам жизни плывут люди. Присутствие человека в таком здании создает внешний звуковой и эмоциональный фон строения (*веселый, звонкий*).

Образ дома тесно связан с темой труда. В стихотворении «Дом» С.В. Викулов сразу соединяет несколько понятий, близких и дорогих крестьянину: работу, семью, радость от сотворения чего-то своими руками; просторы родной деревни; бытовые праздники. И все это в дальнейшем возможно лишь при одном условии: если человек будет трудиться и создавать блага собственными руками.

Дом рубить посредине лета,
На виду у родных –
Нет, не сыщешь – пройди полсвета –
Дела, этого веселей!
В чубе – *щепок летящих крошево,*
Блики солнышка на спине.
А на сердце – одно хорошее,
А плохое все в стороне.
Поднимайся, мой дом, как звонница,
Полнись светом и радуй взгляд!
Здесь вот будет, конечно, *горница,*
Здесь вот – *комната для ребят.*
(Будут! Что ты поджала губы?!)
Строим дом, а не монастырь).
Ну, а здесь вот *окно* прорубим,
Чтобы в очи – и даль и ширь.
Чтоб откинула *занавеску*
И увидела, вздрогнув чуть,
Как оттуда вон, из-за леса,
Я с работы домой качу...
Ну, а здесь вот кипеть веселью!
В красном, как говорят, *углу*
В день осенний на новоселье
Мы *родню* соберем к столу.
Пусть поахает, подивится,
Пусть порадует *родня,*
Пусть опробует *половицы,*
В пляске головы наклоняя,
Пусть ударит частою «дробью»
Вот хоть *здесь у стола,* хоть *тут,* –
Словно вкопанные, не дрогнут
Рюмки, капельки не прольют!

*...С самой ранней зари-денницы
И до ночи я при делах.
Не топор, а перо жар-птицы
Трепыхает в моих руках.
Ярок высверк его и росчерк,
Будто молния у плеча...
Новый дом – это жизнь!
А проще –
Это кров родной и очаг.
Это яблонька по-над прясом,
Луг недалний, в ромашках весь.
Ну, а главное – это ясность,
Ясность полная: жить вот здесь!.. [2, с. 40-42].*

Стихотворение представляет творческий план построения дома. В авторском чертеже предусматривается место для работы и отдыха, для встреч, для творческого оснащения комнаты различными предметами мебели. Так дом в поэзии С. Викулова реализует и значение творческого осмысления реальности. Стихотворение имеет три логически части.

Первая часть содержит информацию о процессе возведения здания от момента задумки до реального воплощения идеи. Автор использует восклицательные предложения, содержащие сказуемые, выраженные глаголами 2 лица в повелительном наклонении. Это своеобразное заклинание-пожелание удачи в работе. Примечательно сравнение (нераспространенное сравнение с союзом как, выраженное именем существительным) дома со звонницей ('сооружение с проемами для церковных колоколов', 'колокольня'). Это сооружение символизирует прожитую человеком жизнь, а значит и потраченные им дни, силы, время на возведение здания. Храм изображает собою космос, земной рай, самого человека.

Вторая часть – углубление авторской задумки, план распределения и расположения частей дома (комнат, построек). Композицию второй части составляют в лирическом тексте имена существительные в сочетании с прилагательными. Они называют реальные помещения (*горница, комната для ребят*), объекты (*окно, красный угол, половицы*), предметы мебели, интерьера в помещении (*занавеска, стол, рюмки*). Авторский план возведения дома (пока еще мысленный) в конце данной логической части завершается обра-

зом новоселья и воссоединения родственников, что символизирует окончание строения, подводит итог работе, предполагает радость и веселье.

Третья часть – воплощение творческих задумок. Ярким образом является топор. Автор пытается уловить красоту и предмета (орудия) труда, и те действия, которые он производит. В создании данного образа употребляются сравнение, построенное по принципу противопоставления (*Не топор, а перо жар-птицы*), и сравнительный оборот с союзом *будто* (*Ярок высверк его и росчерк, Будто молния у плеча*). Эти языковые средства выразительности вносят образность в ткань текста и ассоциируют топор со сказочным предметом. Как отмечает словарь «Славянские древности» [11], топор «выполнял ритуально-магическую функцию оберега против нечистой силы и болезней. Рубка топором символически соотносится с уничтожением, с разрушением границ. В народных верованиях топор ассоциировался с мужским началом; без него не обходилось ни одно строительство» [11, с. 289-290]. В какой-то мере эти представления находят отражение и в стихотворении С.В. Викулова.

Готовый для проживания дом автор символизирует с началом новой жизни (*«Новый дом – это жизнь, Это кров родной и очаг»*). Он соотносит его с образом дерева яблони и с лугом. Луг символизирует свободу фантазии, начало новой жизни с чистого листа, широту, жизнь в полном объеме. Частотным является указательное место *это*, употребленное в тексте стихотворения четыре раза. Во всех примерах оно указывает на то, как расширяется ассоциативный ряд слова *дом* в сознании поэта (*Новый дом – Это жизнь! Это кров родной и очаг, Это яблонька по-над пряслом, Луг недалёкий, в ромашках весь... это ясность*). Мы видим, что все данные слова называют движение жизни в прямом и в образном смыслах. Яблоня – «символ устроенности, оседлости, достатка, плодородия, материнства и материнского благословения. В верованиях это дерево связывается с ростом, плодородием, здоровьем, счастьем, красотой, любовью. Запрет срубить яблоню объясняется тем, что на этом дереве якобы отдыхает Богородица, когда сходит на землю» [11, с. 611-613].

Связь дома с тем или иным деревом-оберегом – нередкий случай в лирике С.В. Викулова. Например, при описании *дома* может фигурировать образ черемухи: *«И встала черемуха, рядышком с домом, / И любо ей было занятие одно: / Мести по карнизам зеле-*

ным подолом, / Пахучей метелью швыряться в окно» [2, с. 79]. Черемуха в России символизирует молодость, жизнелюбие. Она вселяет в душу оптимизм, радость, унимает боль от разочарований и помогает в любви [11].

Иногда лексема 'дом' в поэзии С.В. Викулова вступает в синтагматическую связь с терминами родства (если речь идет об отсутствии дома и родственника): «*Но нету матери на свете. / И дома отчего давно / Нет у меня. Мне в душу светит / Теперь лишь дядькино окно*» [6, с. 96].

Изба в поэзии С.В. Викулова выступает символом творчества, посредником между бытовыми делами человека и его духовным началом, увлечениями: «*Что мне прочитат такое, чтоб в избу вошел мой стих. / Как запах от каравая, что корочкою хрустит. / Вошел, как сама работа, как гул посевной страды, / Как женщина входит в избу с ведром ключевой воды*» [2, с. 22]. Стих как выбранная и желаемая автором форма словесного художественного творчества в тексте стихотворения распространена рядом сравнительных оборотов, причем предмет сравнения назван лишь одним словом, а образ сравнения очень развит. Так, например, используются для образной характеристики стиха распространенные (*Как запах от каравая, как гул посевной страды, / Как женщина входит в избу с ведром ключевой воды*) и нераспространенные сравнения, выраженные именами существительными (*Как сама работа*).

Части дома, избы

Окно, как важный элемент дома, выполняет не только функцию связи человека с окружающим миром, но и вызывает в душе и сознании хозяина избы философские размышления. С образом окна в поэзии С.В. Викулова связаны всегда какие-либо события и состояния, волнующие человека:

1) события, связанные с изменением в природе и привлекающие внимание человека («*Снова бьет в окно заря румяна. / Нарядились в лучший свой убор*» [2, с. 65]);

2) события, связанные с душевным и эмоциональным состоянием человека («*И старик, послушный и спокойный, / Открывал все окна в палисад, / Ставил патефон на подоконник / И играл, что было, все подряд*» [2, с. 65]);

3) события, вызывающие философские размышления о смысле жизни, в которых окно становится символом уединенного пространства, местом для обдумывания, осмысления («*Твержу, на тополь*

глядя сквозь окно: / – Есть смысл в великом жизненном завете: / Когда, хотя бы дерево одно ты посадил – / Не зря прожил на свете» [5, с. 98]].

В этом контексте мы получаем ответ на вопрос о многократном использовании поэтом в лирических текстах образов-символов различных деревьев. Посаженное дерево – это знак продолжения жизни и знак необходимости существования человека на Земле. Например, тополь, согласно словарю «Славянские древности», является мужским и женским символом начала жизни [11].

Крыльцо в поэзии С.В. Викулова связано с понятиями спокойствия, отсутствия движения, замирания времени: *«Плыли песни... Опускались росы... / Липы замирали у крыльца... / И, забыты, гасли папиросы, / И восторгом полнились сердца»* [2, с. 66]. На эти характеристики указывают разные части речи. Глаголы *плыли, опускались* выражают плавность, равномерность, медленность совершаемых действий. Глагол *гасли* определяет законченность, завершенность, а глагол *полнились* – постепенность, такую же неторопливость, неспешность. Кажется, что данные слова также создают для человека уединение, выражают спокойствие в обдумывании каких-либо событий. Дерево липы «считалось символом богини весны, покровительницы брака и любви Лады. Листья липы стали воплощением сердечности и доброжелательности. Согласно легендам, липа прикрыла своими ветвями Богородицу с маленьким Христом во время их бегства в Египет, поэтому не случайно, что старые большие липы росли вблизи церквей и храмов. Липу также сажали около домов, считая ее деревом, приносящим счастье» [11].

Иногда крыльцо образно характеризует начало создания жизни, начало становления Руси, нашей Родны. Оно становится первой ступенью, от которой зарождаются и развиваются в дальнейшем любые процессы: *«Да, я стартовал от крылечка! / И этим, мой недруг, горжусь! / Крылечко, да русская печка, / Да сани, да в бляшках уздечка – / Сама изначальная Русь. / Расправив могучие плечи / и смутных желаний полна, / на небо и землю с крылечек / веками глядела она. / Поскольку была избяною / и сплошь земляною была, поскольку, добавлю / иною пока она быть не могла»* [4, с. 10]. Крылечко, русская печка создают образ дома-родины. Как и столица нашей страны (Москва), которая изначально была деревянной, так и для поэта его первой столицей, первым местом осознания своей принадлежности к Великой державе России, где он родился, была деревенская изба.

Предметный мир дома

Самовар является главным атрибутом стола. Это символ гостеприимства, семейного достатка, благополучия, щедрости русского человека, образ жизненного уклада. В некоторых контекстах автором употребляется глагол *сесть*, который включает этот предмет домашней утвари в конкретные действия, происходящие за столом: «Я вижу их землеробов. Разувшись через порог, / Они **к самоварам сели** неспешно: всему свой срок» [2, с. 22]; «А когда **за самовары / Сядут** (солоно солят!), / Пьют, покуда клубы пара / Из сапог не повалят» [2, с. 72]; «Поперек и вдоль сто раз! / По домам идут, как новые. / Там их ждут – давно готовые – / **Самовары на столах**» [2, с. 22].

Таким образом, настроение человека в доме в поэзии С.В. Викулова определяется внешними факторами (красотами природы и состоянием земли, на которой работала семья поэта). Дом – результат собственного труда человека. Поэт наделяет постройки различными смыслами (олицетворяется физическая мощь, сила человека; предметы дома – это символы гостеприимства, благополучия, щедрости русского человека). Часто при помощи дома или избы формируется образ жизненного уклада. В основном дом/изба – это символы-объекты, которые выражают непрерываемость человеческого существования (окно, крыльцо демонстрируют хозяина не только физически крепким, но и думающим, способным философски размышлять человеком). Частотны примеры употребления в стихотворениях с образами дома или избы различных лиственных деревьев. Дом в лирике С.В. Викулова всегда существует лишь рядом с семьей, которая в нем проживает. Лингвистический анализ стихотворений С.В. Викулова показывает, что слова *дом/изба* в контексте стихотворений могут выражать разные значения, а также называть временные, пространственные характеристики.

Литература

1. Викулов С. Деревьям снятся сны. Вологда: Вологодское книжное издательство, 1962. 224 с.
2. Викулов С. Избранное. М.: Советская Россия, 1972. 336 с.
3. Викулов С. Остался в поле след: стихи и поэмы. М.: Современник, 1979. 144 с.
4. Викулов С. От крылечка. Стихи. Поэмы. М.: Московский рабочий, 1973. 184 с.
5. Викулов С. Плуг и борозда: стихи. М.: Советская Россия, 1976. 128 с.

6. Викулов С. В. Постоянство: стихи и поэмы. М.: Молодая гвардия, 1977. 128 с.
7. Викулов С.В. Прости, береза: стихи. М.: Молодая гвардия, 1981. 144 с.
8. Викулов С.В. Разговоры-разговоры: стихотворения и поэма. М.: Современник, 1985. 159 с.
9. Выдающиеся вологжане / гл. редактор Г.В. Судаков. Изд. 2-е, испр. и доп. Вологда: ВГПУ, 2010. 655 с.
10. Ларин Б.А. Эстетика слова и язык писателя. Избранные статьи / вступит. статья А.В. Федорова. Ленинград: Художественная литература, 1973. 288 с.
11. Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 2. 656 с.
12. Советские писатели. Автобиографии: в 5 т. М.: Художественная литература, 1988. Т. 5. 528 с.
13. Сорокин В.В. Благодарение. Поэт о поэтах: Портреты писателей, очерки, литературная критика / предисловие Е. Остерова. М., 1986. 304 с.

СОЕДИНЕНИЕ ПСИХИЧЕСКОГО И ФИЗИЧЕСКОГО В ПОЭЗИИ О.Ф. БЕРГГОЛЬЦ

Аннотация. В статье представлены и проанализированы поэтические контексты О.Ф. Берггольц, содержащие в себе примеры соединения психического и физического для передачи более интенсивного проявления чувства.

Ключевые слова: психическое и физическое состояние, эмоциональное состояние.

В творчестве О.Ф. Берггольц нами было отмечено открытое выражение психического состояния лирического героя с помощью эмоций и чувств, которые в текстах выражены вербально и представлены, как правило, эксплицитно.

Эмоции и чувства выделяются учеными в одной из составляющих структуры психики – психическом состоянии [7, с. 12]. Они тесно связаны с восприятием и зависят от конкретной ситуации, в которой находится человек. Эмоции и чувства сопровождаются рядом вегетативных явлений (изменения дыхания, тонуса мышц и пр.) и физиологическими реакциями организма. Например, чувство страха вызывает у объекта дрожание мышц тела, учащение пульса, а во время веселья непроизвольной реакцией психической разрядки является смех [4, с. 277, 281]. Таким образом, эмоциональное состояние человека нередко может быть выражено через различные физиологические реакции и явления организма, а также через физические действия (прикосновения, объятия). Подобная связь психического и физического нашла отражение в поэзии Берггольц. Рассмотрим примеры подробнее.

Утрата возможности двигаться

Подобное состояние человек испытывает, находясь под влиянием сильного чувства (например, страха) или столкнувшись с определенной неожиданностью.

Взаимосвязь психического и физического состояния отражает стихотворение «Отрывок». Лирический герой впадает в состояние оцепенения, оказавшись в «пограничном» состоянии между прошлым и настоящим: *«Я редко прихожу туда, случайно. / Войду – и*

цепенею, не дыша: / еще не бывшей на земле печалью / без слез, без слов терзается душа» [2, с. 53]. Парадигматическая цепочка *войду – цепенею – не дыша – печалью – терзается душа* позволяет проследить взаимосвязь психического и физического состояния.

В стихотворении «Сиделка» медсестра Мария ухаживает за лежащими пациентами: *И каждый, костеня, труся, / о смерти зная наперед, / зовет ее к себе: / «Маруся»* [1, с. 132].

Ю.Д. Апресян отмечает, что чувство страха вызывает «определенное положение вещей, которое субъект воспринимает как ведущее к неприятному для него событию» [3, с. 61]. Осознание возможного смертельного исхода вызывает у человека чувство страха. Лексема «трусить» содержит в себе значение невозможности преодоления данного состояния [6, т. 1, с. 89]. Кроме того, чувство страха здесь имеет физическое проявление: *костенеть* – 2. Терять способность двигаться, застывать в каком-либо положении (от смущения, испуга и т. п.) [5, т. 2, с. 113].

Физическое проявление страха

Лгать и дрожать ежеминутно. / Лгать и дрожать: / а вдруг – не так солгу?» [2, с. 107]. Состояние страха, опасения у лирического героя вызвано возможностью разоблачения лжи и соответствующими последствиями. Чувство страха выражается в контексте через лексему «дрожать». *Дрожать* – 1. Испытывать дрожь, быть охваченным дрожью, трястись, сотрясаться. 2. Перен.; перед кем-чем и без доп. Бояться кого-л.; трепетать [5, т. 1, с. 448]. Следовательно, чувство страха выражается через совмещение психического и физического состояния человека.

Объятия

Лирический герой в стихотворении «Озерный край» обращается к другому человеку с просьбой полюбить: *«Не жалея, не грустя, / полюби, хороший мой, / чтобы скрипнули в локтях / ручки заброшенные»* [1, с. 74]. Желаемое чувство любви сопровождается негативными чувствами жалости, грусти и страха: *«Ты не бойся, не жалея, / Ежели ты около...»*. Парадигматическая цепочка *не бойся – не жалея – не грусти – полюби* позволяет понять, что лирический герой, осознавая, что любви что-то препятствует, ненавязчиво пытается убедить другого освободиться от негативных эмоций, полюбить и обнять. Именно через физическое действие, прикосновение должно было проявиться желаемое чувство любви, что свидетельствует о взаимодействии физического и психического в человеке.

Кроме того, через физическое проявление выражается негативное чувство тоски, грусти, разочарования из-за невозможности осуществления желаемого: *«Только белая слеза / накапливает на глазах»*.

Слёзы

«А может быть, люди в слезах горевали / о светлой, о доброй, несущей прохладу, / над высохшим руслом ее вспоминали, / простую, бесценную давнюю радость» [2, с. 132]. Чувство горечи здесь связано с утратой и воспоминанием о прошлом, которое кажется лучше настоящего времени. Противопоставление двух времен свидетельствует и о противопоставлении испытываемых объектами чувств: *в слезах горевали – вспоминали радость*. Таким образом, утрата ценности становится причиной смены положительных чувств на отрицательные.

В стихотворении «Грипп» лирический герой из-за болезни не может уехать вместе с любимым человеком: *«Ты просил меня, любимый, / не скучать. / Я старалась не заплакать / при тебе»* [1, с. 60]. Скука мыслится как нежелательное состояние, отсюда и просьба предотвратить его. Отмена совместной поездки вызывает у лирического героя чувство грусти и разочарования, о чем свидетельствует физическая реакция организма (слезы), которую герой пытался контролировать.

В стихотворении «Надежды» лирический герой созерцает природу: *«Смотрю как на чудо на каплю воды, / и слезы восторга бегут <...> / Я все еще верю, что ранее утро / <...> вернется опять / ко мне – обнищавшей, / безрадостно-мудрой, / не смеющей радоваться и рыдать»* [2, с. 103].

В данном контексте положительные чувства вызывает капля росы, напоминающая герою о красоте и ценности жизни. Чувство восторга, которое по своей интенсивности является более сильным, чем радость (восторг – сильный подъем радостных чувств [5, т. 1, с. 218]), выражается через физическое проявление – слезы. Однако мудрость, которую субъект осознает, не позволяет ему радоваться. Такая установка объясняется тем, что мудрость дает возможность осознавать определенные важные жизненные ценности и в то же время «запрещает» проявлять чувство радости.

В поэме «Февральский дневник» лирический герой рассуждает о способности трудиться и радоваться во время войны: *«Ликуя, плача, сердце позовет / и эту тьму, и голос мой, и холод, / и баррикаду около ворот»* [2, с. 38].

В данном контексте ликование является коллективным чувством, которое заражает одного за другим участников войны. Это объясняется тем, что в условиях войны, как правило, «стирается» местоимение «я» и на первый план выходит коллектив. Способность всем вместе работать и противостоять врагу вызывает общее ликование, выраженное в контексте голосом одного лирического героя. Но в то же время ликование совмещается с плачем, выражающим отрицательное чувство – горечь, осознание предстоящих потерь и скорби, которые переданы через зрительные и осязательные образы (*тьма, холод, баррикады* и др.) Также стоит отметить, что здесь используется образ органа чувств: сердце зовет людей действовать и защищать друг друга.

Напряжение

В стихотворении «Сестре» лирический герой обращается к своей сестре Марии и рассказывает о бомбардировке фашистами их родного города Ленинграда: *«Машенька, теперь в него стреляют, / прямо в город, прямо в нашу жизнь»* [2, с. 15]. На происходящие события накладываются воспоминания юности (*«Ведь это наша юность, / комсомол и первая любовь»*), и всё это вызывает у героя чувство ненависти и скорби: *«Но, жестоко душу напрягая, / смертно ненавдя и скорбя, / я со всеми вместе присягаю / и даю присягу за тебя»*. Наречие «смертно» увеличивает интенсивность проявления данного чувства. В выражении *«жестоко душу напрягая»* лексема «напрячь» употреблена во втором своем значении: «прилагая усилия, повысить степень проявления, действия чего-л.» [5, т. 2, с. 385]. Оно несёт в себе основные семы первичного значения (*«сделать упругим, натянуть»*). Это вызывает в сознании прочную ассоциацию с физическим напряжением, с выражениями типа «напрячь тело», «напрячь мышцы», что создаёт особую образность текста.

Изгибаться в корчах

Иногда чувство горечи максимально связано с физическими ощущениями. Так, в поэме «Твой путь» (часть 4) лирический герой живет в условиях войны, голода, переживает смерть близких людей: *«От горя корчась, я почти мычала»* [2, с. 78]. Чувство горя физически давит на человека. Подобное действие сравнимо с состоянием боли (ср. *корчиться от боли*). Кроме того, негативное чувство выражается и через мычание. То, что герой не криком выражает свое состояние, указывает на попытку сдержаться, контролировать себя. Однако это свидетельствует и о высокой степени интенсивности проявления горя, когда нет сил молча его переживать.

Слабость

В «Ленинградской поэме» лирический герой рассказывает в своем письме сестре о том, что нужно сообщить родственникам: *«Сказать <...>, / что Митю долго мучил фриц, / но мальчик жив, хоть очень слабый»* [2, с. 44]. Герой, о котором идет речь, испытывал в плену не только физическое давление, но и психологическое. Такое соединение усиливает страдания объекта и вызывает физическое истощение, которое сопровождается и психологической слабостью.

Таким образом, в поэзии О.Ф. Берггольц наблюдается соединение психического и физического. Эмоциональное состояние выражается через обращение к описанию состояния физического, физиологических реакций организма или физических действий. Это позволяет поэте выразить большую интенсивность того или иного чувства.

Литература

1. Берггольц О.Ф. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1: Стихотворения, 1924–1941; Проза, 1930–1941: Повести и рассказы / сост. М. Берггольц. Ленинград: Худож. лит., 1988. 680 с.
2. Берггольц О.Ф. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 2: Стихотворения и поэмы, 1941–1953; Проза 1941–1954: Говорит Ленинград / сост. М. Берггольц. Ленинград: Худож. лит., 1989. 461 с.
3. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / отв. ред. Ю.Д. Апресян. М.: Школа «Языки славянской культуры», 2003. 1488 с.
4. Общая психология: учебное пособие / под общ. ред. Н.П. Ансимовой. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2013. 492 с.
5. Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981–1984.
6. Словарь синонимов русского языка: в 2 т. / АН СССР, Институт русского языка; под ред. А.П. Евгеньевой. Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1970.
7. Щербатых Ю.В. Общая психология. СПб.: Питер, 2008. 272 с.

**ЛИТЕРАТУРА РУССКОГО СЕВЕРА
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ И КУЛЬТУРНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ**

РОЛЬ ТРУДА В СТАНОВЛЕНИИ ЛИЧНОСТИ (на примере произведений В.И. Белова)

Аннотация. В статье рассматриваются аспекты развития личности в трудовой деятельности. Раскрывается роль труда в становлении личности в творчестве В.И. Белова, духовно-нравственный потенциал произведений с позиции приобщения детей к труду. Использование наследия В.И. Белова на занятиях объединения «Жизнь в общении».

Ключевые слова: В.И. Белов, труд, развитие личности, качества личности, рефлексия, психологический портрет.

В современной психолого-педагогической науке значение труда в развитии личности общепризнано.

Богатейшим источником знаний об окружающей действительности выступают предмет, орудие и условия труда. Знания являются основным звеном в мировоззрении человека. В разные периоды времени труд выступает как средство гармоничного развития личности. В нем человек выражает свою духовную сущность, видит себя как в зеркале. В труде формируется такое важное качество личности, как практичность. Человек, обладающий данным качеством, свободно ориентируется на производстве и в быту. Труд развивает умственные способности человека, его сообразительность, творческую смекалку [3].

Труд имеет большое значение в развитии способностей учащегося. Формирование способностей осуществляется в той или иной деятельности. В процессе труда, например, распределение внимания становится более широким, а его переключение более быстрым. Для успешного осуществления трудовой деятельности требуется участие всей личности индивидуума: его психических процессов, состояний и свойств [5].

Труд должен вызывать интерес у ребенка. Потому-то надо облачать трудовую деятельность подростков, особенно младших, в занимательные формы, окрашивать ее романтикой, что диктуется психологическими особенностями детей этого возраста [3].

В «Центре детского творчества и методического обеспечения» подростки обучаются по программе «Жизнь в общении». Программа направлена на изучение психологических особенностей личности,

познания мотивов поведения, изучения межличностных отношений, адаптацию в коллективе, профессиональное самоопределение и выбор трудовой деятельности.

В реализации целей программы учебно-воспитательному процессу способствует литературное наследие Василия Ивановича Белова. Та «школа», описанная в произведениях писателя, в которой люди, трудясь и отдыхая, приобретали огромные знания о мире всю жизнь: от колыбели до гробовой доски. В.И. Белов заставил оценить нас великое просветительское значение черного ручного труда, в котором человек взаимодействовал с живой и неживой природой, проходил естественный курс природоведения [4, с. 5].

Через произведения Василия Ивановича Белова для детей подросткового возраста открывается иная сторона повседневного труда, происходит осознание того, что труд на земле просвещал, он был постоянной гимнастикой для ума, а крестьянская трудовая культура искала свое воплощение в слове [4, 5].

Исключительно велико значение труда в нравственном воспитании личности. Правильно осуществляемое трудовое воспитание, непосредственное участие детей в общественно полезном, производительном труде является действительным фактором гражданского взросления, морального и интеллектуального формирования личности, её физического развития. Труд имеет огромное значение на всех этапах становления личности. Он лежит в основе нравственного воспитания [3].

Выстроить диалог не только в рамках личностного развития учащихся, но и способствовать их духовно-нравственному развитию помогает повесть «Привычное дело».

Василий Иванович отводит особое место в этой повести труду. В «Привычном деле» труд является ключевым и основным инструментом жизни. Для Ивана Африкановича трудиться – означает «жить», заниматься привычным делом, в повседневном труде герой повести видит свое существование [1].

Обобщением мыслей, рефлексией по данному произведению является упражнение, которое способствует анализу образа персонажа, когда он занимался своим привычным трудом и после его отъезда в город. Что может сделать один опрометчивый поступок с укладом всей семьи. Учащиеся выделяют в персонажах такие качества как: трудолюбие, любовь к земле, к природе; культура земледельческого труда; воля, выдержка. Все эти качества формировались у людей посредством труда.

Участвуя в коллективном труде, ребенок познает не только других, но и себя: кто он есть, какую ценность представляет для других, что он может. В результате трудовой деятельности происходят существенные изменения, прежде всего изменяется его отношение к себе, а затем и отношение окружающих [5]. В процессе организованного коллективного труда у подростков к интересу постепенно присоединяется и чувство долга, появляется наслаждение трудом.

Ярким примером коллективного дела является рассказ Василия Ивановича Белова «Каникулы». В маленькой детской повести прослеживается и нравственный выбор ее персонажей, когда детям приходится обманывать родителей, но на протяжении всей повести мы видим муки совести каждого из детей. Ярko описана и детская солидарность. Как бы Миньку ни ругала бабка Ключиха, он со Стасиком идет помогать полоть капусту Хомутову. На протяжении всего произведения мы видим, как общий бытовой труд на заводе сплачивает и воспитывает очень разных детей, при этом у них вырабатываются настойчивость, воля, терпение [1, 2].

После изучения данных произведений подросткам предлагается составить психологический портрет героев и определить те изменения, которые произошли с ними к концу повести.

Интересным этапом в трудовой деятельности учащихся объединения «Жизнь в общении» можно считать совместные занятия с детьми дошкольного возраста. Ребята подросткового возраста выходят на занятия к младшим детям, знакомят их с детскими рассказами Василия Ивановича Белова. В своей деятельности ребята опираются на сборник «Катюшин дождик», где деревня становится основным местом действий. Носителями традиционных ценностей здесь выступают представители старшего поколения: бабушка и дедушка. Именно они приобщают внуков, Катюшу и Антона, к труду на земле, воспитывают в детских душах умение видеть прекрасное, ответственность за свои поступки. Бабушка и дедушка формируют мировоззрение детей, дают Катюше и Антону нравственные ориентиры. Бабушка включает детей в социальную среду, прививает им навыки труда, общения с людьми.

Ребята обсуждают небольшие рассказы, делают к ним зарисовки, лепят героев и ставят небольшие сценки. В деятельности они проигрывают роли, понимают, что хорошо, а что плохо, что важно помогать взрослым, трудиться в любом возрасте. Ярким примером для такой работы является произведение Василия Ивановича Белова «На сенокосе». В произведении в доступной для читателя форме

рассказывается о приобщении детей к труду через свой пример, рассказ, игру [1, с. 443].

В процессе труда и общения с другими членами трудового коллектива происходит развитие чувств. Включаясь в трудовой процесс, ребенок коренным образом меняет свое представление о себе и об окружающем мире. Изменяется самооценка, становится дифференцированной. Работа в коллективе развивает социализацию личности как ребенка подросткового возраста в роли педагога, так и дошкольника в роли ученика. Развитие способностей, чувств и мышления делает личность ребенка более гармоничной. Следовательно, труд является важнейшим фактором, влияющим на развитие личности ребенка. Труд – безграничное поле для самовоспитания человека. Благодаря неисчерпаемости труда и человек неисчерпаем в возможностях своего самосовершенствования.

Сухомлинский говорил: «В любом труде основа всестороннего развития личности. От труда идут крепкие нити к интеллектуальному, моральному, эстетическому, эмоциональному, физическому развитию, к становлению идейной, гражданской основы личности» [5]. Где, как не в произведениях Василия Ивановича Белова, можно найти подтверждение словам Сухомлинского.

Литература

1. Белов В.И. Избранные произведения: в 3 т. Т. 2: Повести, рассказы. М.: Современник, 1983. 543 с.
2. Белов В.И. Собрание сочинений в 7 т. Т. 5: Очерки. Произведения для детей. М.: Классика, 2012. 630 с.
3. Иващенко Ф.И. Труд и развитие личности школьника: кн. для учителя. М.: Просвещение, 1987. 94 с.
4. Кокшнева К. Лад привычного дела // Вологодский лад: литературный художественный журнал. 2007. № 3. С. 4-8.
5. Сухомлинский В.А. Мудрая власть коллектива. М.: Молодая гвардия, 1975. 238 с.
6. Цимбалова Ю.А. Образ ребёнка в рассказах В.И. Белова // Филологические науки. Вопросы теории и практики: в 2 ч. Тамбов: Грамота, 2015. № 5 (47). Ч. I. С. 209-213.

ФОРМИРОВАНИЕ НАВЫКА РАБОТЫ С ТЕКСТОМ ПРИ ПОДГОТОВКЕ К ЕГЭ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ

(на примере произведений В.И. Белова)

Аннотация. В статье обосновывается необходимость работы с текстом на уроках русского языка в старших классах современной школы. Предложены задания, связанные с комплексным анализом художественных и публицистических текстов В.И. Белова и направленные на подготовку к написанию сочинений.

Ключевые слова: коммуникативная компетенция, комплексный анализ текста, дидактический материал, подготовка к сочинению, В.И. Белов.

В связи с подготовкой к экзамену по русскому языку в выпускных классах в современном образовании остро встает необходимость формирования коммуникативной компетенции, которая предполагает овладение всеми видами речевой деятельности, основами культуры устной и письменной речи, базовыми умениями и навыками использования языка. Старшеклассники должны уметь рассуждать на предложенную тему, приводить аргументы и формулировать свое отношение к поднятым вопросам, делать выводы и т. д. Именно текст на уроках русского языка становится тем методическим средством, на основе которого происходит формирование не только лингвистической, но и коммуникативной компетенции. Современный урок должен быть направлен на развитие умения учащегося анализировать текст, выявлять авторскую позицию, определять проблемы и идею произведения. Особенно актуально это при проведении уроков русского языка в рамках подготовки к ГИА и ЕГЭ. Комплексное повторение изученного программного материала на основе текста и развитие коммуникативных навыков придают особую методическую ценность такого рода урокам.

Использование текстов региональных авторов не только позволит расширить представление учащихся о творчестве писателей-земляков, но и даст возможность убедиться в значимости их произведений в современности.

Василий Иванович Белов (1932–2012) — русский писатель, публицист, один из крупнейших представителей «деревенской

прозы». Центральная тема творчества — интерес к жизни современного человека, к его духовному миру. В.И. Белов известен читателю как писатель, поднимающий значимые для каждого вопросы, акцентирующий внимание на нравственных аспектах жизни общества. Обращение к публицистике и рассказам Белова способствует воспитанию у подрастающего поколения уважения к языку и культуре народа. Позиция писателя, его отношение к важным проблемам современности продолжают оставаться актуальными. Его произведения содержат в себе огромный воспитательный потенциал для формирования активной гражданской позиции и нравственности у подрастающего поколения.

Использование отрывков из произведений писателя позволит учителю работать с текстами разных стилей (собственно художественного и публицистического), выявляя и анализируя их специфику. Рассказы и статьи В.И. Белова помогут педагогу решить важные практические задачи: повторить программный материал, выявить особенности стиля на примере конкретного произведения, систематизировать и закрепить знания о разных средствах художественной выразительности, используемых автором, и подтолкнуть учащихся к размышлению о поднятых писателем проблемах, об актуальности произведений Белова в современности.

Такая работа совершенствует и навыки исследовательской деятельности, которая связана с умениями школьников самостоятельно решать поставленные задачи, давать критическую оценку произведению, а также развивает творческие способности старшеклассников: создание текстов как устных выступлений, так и письменных работ с учетом особенностей жанра.

В качестве одного из вариантов работы с текстом литературного произведения на уроках русского языка в старших классах можно предложить его комплексный анализ. Учащиеся, ознакомившись с предложенным учителем фрагментом текста Белова, анализируют его, опираясь на план: определяют волнующий писателя вопрос, подбирают цитаты, раскрывающие позицию автора. Рассматривая языковые особенности текста, выявляют черты стиля, указывают примеры и выявляют роль основных лексических, грамматических и синтаксических средств, повторяют правила орфографии и пунктуации.

В зависимости от цели и задач урока, а также уровня подготовленности класса учитель может выбрать разные формы работы с предложенными текстами, степень самостоятельности аналитических

действий учеников тоже может быть различной. Рекомендованные варианты заданий можно дополнять и варьировать применительно к определенным учебным задачам. Наиболее подготовленным учащимся учитель может предложить самостоятельно сформулировать задания, направленные на повторение орфографических или пунктуационных правил на основе текста, выполнение различных видов разбора. Итогом работы может стать создание учащимися собственных устных или письменных монологических высказываний по поднятой проблеме и редактирование чужих текстов.

В рамках групповой работы на уроках можно использовать сопоставительный анализ текстов, в котором возможно сравнение собственно художественного и публицистического наследия автора.

Кроме того, предложенные дидактические материалы на основе отрывков из статей и рассказов В.И. Белова могут быть взяты обучающимися в качестве литературных примеров к текстам схожей проблематики других авторов, т. к. в них нашли отражение наиболее часто встречающиеся и, как правило, затруднительные для подбора аргументов вопросы сохранения чистоты языка, бережного отношения к наследию прошлого, экологии, связи жизни природы и человека и др.

Таким образом, систематическое использование на уроках русского языка в качестве дидактической единицы текстов произведений способствует развитию таких качеств речи у школьников, как коммуникативная целесообразность, точность, логичность, доказательность, эмоциональность, оценочность. Подобная работа будет способствовать достижению необходимых предметных результатов, умению осмысливать проблематику текста и его языковые особенности, кроме того, позволит решить задачи, поставленные перед школой образовательным стандартом, нацеленным на развитие личности и формирование коммуникативных компетенций учащихся.

Дидактические материалы

Текст № 1

(1) Разговор о языке – очень серьезный разговор. (2) Достаточно вспомнить Евангелие от Иоанна: «Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». (3) Язык – это народ. (4) Когда я говорю о спасении России, я говорю о спасении языка.

(5) Спасать прежде всего нужно кириллицу, потому что начинается наш разгром с того, что кириллицу в России вытесняет латинский шрифт. (6) Я вам напомню о том, что разрушение Югославии

началось именно с этого. (7) Все началось с безобидных вывесок, с безобидных объявлений на латинском шрифте – и кончилось (да еще не кончилось!) видите чем. (8) Страшные вещи происходят: кириллица вытесняется насильно, целенаправленно.

(9) О плановом уничтожении языка можно говорить очень много. (10) Но достаточно сказать о словарях наших.

(11) В словаре Даля 220 тысяч слов, хотя в нем отражена отнюдь не вся русская лексика. (12) Я знаю десяток или два коренных русских слов, которых нет в словаре Даля.

(13) А в словаре Ожегова? (14) Там ведь всего лишь около 80 тысяч слов. (15) Вот как у нас получается: из двухсот двадцати тысяч слов сделали всего восемьдесят. (16) Да и то половина с пометками: «устарелое», «областное», «просторечное», «специальное» или еще какое-нибудь. (17) Так и прививали у нас недоверие к собственному языку.

(18) Язык обеднен не только по количеству слов, он еще обеднен и интонационно. (19) Он утратил ритмичность и тональность.

(20) Говорить об исключении иностранщины из нашей лексики вполне правомерно. (21) И нечего этого бояться. (22) Надо безжалостно исключать «чужесловы» из нашей речи. (23) Безжалостно выбрасывать. (24) А нам прививают намеренно эту лексику. (25) Я понимаю, когда пишут медицинский рецепт на латыни. (26) Но когда журналисты намеренно всовывают в статьи иностранные термины, нарочно, как бы презирая русский язык, это те журналисты, которые вообще не любят Россию и которым все равно, где жить и как говорить, лишь бы было сытно.

(По В. Белову. Фрагменты статьи «Спасем язык – спасем и Россию»)

Вопросы для анализа текста:

1. Определите стиль текста и тип речи. Аргументируйте свою точку зрения.

2. В каком значении употреблено слово «лексика» (предложение 11)?

3. Просклоняйте числительное из предложения 11.

4. Выполните пунктуационный разбор предложения 26.

5. Произведите на материале текста разные виды разбора.

6. Прочитайте фрагмент рецензии. В нём рассматриваются языковые особенности текста. Некоторые термины, использованные в рецензии, пропущены. Вставьте на места пропусков цифры, соответствующие номеру термина из списка.

«Автор текста приглашает современников порассуждать о языке. Чтобы заинтересовать читателей, вовлечь их в обсуждение, Белов использует очень эмоциональный тон речи. Проникнуть в мысли автора помогают лексические средства, в частности, (А)_____ («чужесловы» – предложение 22), (Б)_____ («всовывают» – предложение 26). Писатель предельно искренен в своих размышлениях. Авторская оценка выражается с помощью приема (В)_____ (предложение 2) и синтаксического средства (Г)_____ (предложения 22, 23).

Список терминов:

- 1) контекстные антонимы
- 2) парцелляция
- 3) фразеологизм
- 4) разговорная лексика
- 5) развёрнутая метафора
- 6) индивидуально-авторские слова
- 7) вопросно-ответная форма изложения
- 8) цитирование
- 9) ряды однородных членов

Текст № 2

(1) И вот опять родные места встретили меня сдержанным шепотом ольшаника. (2) Забелела чешуей драночных крыш старая моя деревня, вот и дом с потрескавшимися углами. (3) По этим углам залезал я когда-то под крышу, неутомимый в своем стремлении к высоте, и смотрел на синие зубчатые леса, прятал в щелях витых кражей нехитрые мальчишечьи богатства.

(4) Из этой сосновой крепости, из этих удивительных ворот уходил я когда-то в большой и грозный мир, наивно поклявшись, никогда не возвращаться, но чем дальше и быстрее уходил, тем яростней тянуло меня обратно...

(5) Старый дом наш заколочен. (6) Я ставлю поклажу на крыльцо соседки и ступаю в солнечное поле, размышляя о прошлом.

(7) Мне кажется, что я слышу, как растет на полях трава, я ощущаю каждую травинку, с маху сдергиваю пропотелые сапоги и босиком выбегаю на рыжий песчаный берег, снова стою над рекой и бросаю лесные шишки в синюю тугую воду, в эту прохладную русалочью постель, и смотрю, как расходятся и умирают водяные круги.

(8) Тихая моя родина, ты все так же не даешь мне стареть и врачуешь душу своей зеленой тишиной! (9) Но будет ли предел тишине!

(10) Я выхожу на зеленый откос и гляжу туда, где еще совсем недавно было так много деревень, а теперь белеют одни березы. (11) Нет, в здешних местах пожары не часты, и лет пятьсот уже не было нашествий. (12) Может быть, так оно и надо? (13) Исчезают деревни, а взамен рождаются веселые шумные города... (14) Я обнимаю родную землю, слышу теплоту родимой травы, и надо мной качаются купальницы с лютиками.

(15) Шумят невдалеке сосны, шелестят березы. (16) И вдруг в этот шум вплетается непонятный нарастающий свист, он разрастается, заполняет весь этот тихий зеленый мир. (17) Я смотрю в небо, но серебряное туловище реактивного самолета уже исчезает за горизонтом.

(18) Как мне понять, что это? (19) Или мои слезы, а может быть, выпала в полдень скупая соленая роса?

(По В. Белову. Фрагменты рассказа «На родине»)

Вопросы для анализа текста:

1. Среди предложений 4–7 найдите такое (-ие), которое (-ые) осложнено (-ы) обособленным обстоятельством.

2. Из предложений 15–19 выпишите слова, в которых есть чередующаяся безударная гласная корня. Графически объясните написание.

3. Определите значение слова «кряж» (предложение 3).

4. Выпишите контекстные антонимы из предложения 13. Какую роль они выполняют?

5. Определите роль аллитерации в предложениях 15–16.

6. Среди предложений 8–14 найдите такое, которое связано с предыдущим с помощью формы слова и противительного союза.

7. Прочитайте фрагмент рецензии. В нём рассматриваются языковые особенности текста. Некоторые термины, использованные в рецензии, пропущены. Вставьте на места пропусков цифры, соответствующие номеру термина из списка.

«Детские воспоминания спустя много лет живы в душе автора. Яркость впечатлений отражают использованные в тексте тропы: (А)_____ («сдержанным шепотом» – предложение 1, «нехитрые богатства» – предложение 3), (Б)_____ («сосновой крепости» – предложение 4, «русалочью постель» – предложение 7). Автор делится с читателем мыслями о том, что ему кажется важным, акцентируя внимание с помощью приема (В)_____ (предложения 4, 13) и синтаксического средства (Г)_____ (предложения 18, 19).

Список терминов:

- 1) антитеза
- 2) парцелляция
- 3) фразеологизм
- 4) разговорная лексика
- 5) метафора
- 6) риторический вопрос
- 7) вопросно-ответная форма изложения
- 8) гипербола
- 9) эпитет

Текст № 3

(1) Ровесница Москвы Вологда строилась не одним десятком поколений русских людей. (2) Она известна не только как промышленный, культурный и административный центр Северо-Запада, но и как город со своим собственным архитектурным обликом. (3) А облик Вологды и до сих пор тесно связан с деревянной архитектурой. (4) Замечательное плотницкое искусство веками процветало на вологодской земле. (5) Здешние древodelьцы еще до распространения обычной пилы, одним топором, творили подлинные чудеса.

(6) К несчастью, время не пощадило многое из того, что создавали наши предки – талантливые древние зодчие. (7) Так, в Смутное время город был не однажды выжжен захватчиками. (8) Позже некоторые бесценные памятники национальной культуры стали жертвами собственного нерадения и равнодушия.

(9) И все-таки город каким-то чудом сберег для современника свою архитектурную неповторимость. (10) Казалось бы, зачем в наше-то время – время сплошной грамотности – говорить о бережном отношении к культурному наследию прошлого? (11) Но говорить, оказывается, надо...

(12) Дело в том, что в азарте нового строительства мы иногда просто не видим необратимых изменений и ни с чем не сравнимых потерь. (13) На мой взгляд, вся беда в том сугубо рационалистическом подходе к делу, который подразумевает лишь сиюминутную пользу. (14) Слов нет, мы должны строить быстро, дешево и экономно. (15) Но можно ли во имя экономии игнорировать художественные, исторические и эстетические ценности? (16) Ведь если следовать незамысловатой логике рационалиста, то зачем, например, при ремонте старого дома восстанавливать лепные карнизы, розетки, пилястры и прочую, по мнению иного экономиста, чепуху?

(17) Не лучше ли сковырнуть остатки архитектурных украшений и заштукатурить все подряд? (18) Как говорится, и дешево и сердито.

(19) К сожалению, подобное отношение к архитектурным ценностям совсем не редкость.

(20) Вологда, как и другие старые русские города, конечно же, будет строиться, расти вширь и дополняться новыми микрорайонами и поселками. (21) Этот процесс необходим и естествен. (22) Но одновременно мы должны сохранить для потомков и те бесценные достижения в деревянном и каменном зодчестве, которые оставлены нашими пращурами. (23) Оставлены на нашу совесть и сердечное бережение.

(По В. Белову. Фрагменты статьи «Судьба двухэтажной Вологды»)

Вопросы для анализа текста:

1. Среди предложений 13–19 найдите такое (-ие), которое (-ые) осложнено (-ы) вводными словами.

2. Из предложений 8, 9 выпишите слова, в которых пишется Н – НН. Графически объясните написание.

3. Определите значение слов «нерадение» (предложение 8) и «пращур» (предложение 22).

4. Выпишите контекстные синонимы из предложения 12. Какую роль они выполняют?

5. Среди предложений 6–11 найдите такое, которое связано с предыдущим с помощью лексического повтора и противительного союза.

6. Прочитайте фрагмент рецензии. В нём рассматриваются языковые особенности текста. Некоторые термины, использованные в рецензии, пропущены. Вставьте на места пропусков цифры, соответствующие номеру термина из списка.

«Автор предлагает читателям задуматься о судьбе памятников архитектуры. Большую роль в тексте играет использование синтаксических средств (А)_____ (предложения 15, 16, 17) и (Б)_____ (предложения 2, 14, 21). Убеждённость автора, его позиция подчёркивается с помощью (В)_____ в 6, 10, 13 предложениях. Особую выразительность тексту придаёт лексическое средство – употребление (Г)_____ (предложение 16).

Список терминов:

- 1) антитеза
- 2) парцелляция
- 3) фразеологизм

- 4) специальная лексика
- 5) метафора
- 6) риторический вопрос
- 7) вопросно-ответная форма изложения
- 8) ряд однородных членов
- 9) вводное слово

Текст № 4

(1) Весной в родимом лесу нечаянно-быстро приходит та радостно-страшная ночь, когда весь мир и вся Вселенная встают на дыбы. (2) Жизнь и земля со всю природой выходят из своих берегов и топят душу в безжалостном счастье. (3) Это тогда постигают многие люди, что нет нигде ни конца, ни начала.

(4) Прошла единственная минута, короткий момент исчезания последнего холода. (5) Ушла, изморила вконец поверженная апрелем зима. (6) Вот в тревожной темени родилось и двинулось всесветное, уже не слоистое, а тугое, плотное тепло, превращая себя в мощный и ровный ветер. (7) Дрогнули готовые распуститься деревья. (8) Где-то в невидимом, но почти осязаемом небе сшиблись широкими лбами темные облака. (9) Неяркая вешняя молния сиганула в лесную теплую мглу, и первый трескучий гром чисто и смело прокатился над миром.

(10) Утром золотые столбы испарений поднимаются в лесных прогалинах, словно добрые призраки, они безмолвно и быстро меняют свои исполинские контуры. (11) Солнце выходит очень быстро. (12) Яростно-новое, с неопределенными очертаниями, оно греет еще бледную, но густеющую с каждой минутой зелень березняка. (13) Птицы поют взахлеб, земля продолжает сопеть и попискивать, все поминутно меняет свой образ. (14) Везде в мире жизнь и свобода, и сердце сопереживает чувство освобождения: да не будет конца свободе и радости!

(15) Да не будет конца. (16) Но там, за чередой весенних дней, земля уж обрастает жирной травой. (17) Зелень полян незаметно теряет свою первозданную свежесть, и жесткими бородавками покрывается когда-то нежный березовый лист. (18) В такую пору в лесу впервые ощущается запах гнили. (19) Еще не стихло зеленое, разнузданное пиршество лета, а нити грибных дождей уже напрасно сшивают самобранную июльскую скатерть: в сентябре одно за другим все умирает, засыпает будто в похмельном сне.

(20) Зачем же, ради чего была тогда и весна? (21) Если в декабре снова все в мире оцепенело, если опять все сковано ледяными цепями, белою снежною шубой?

(22) Но снова ждешь почему-то такой же весенней ночи. (23) Ждешь, хотя знаешь, что с нею придет то же самое и что все будет точь-в-точь, как и раньше.

(По В. Белову. Фрагменты рассказа «Весенняя ночь»)

Вопросы для анализа текста:

1. Определите стилевую принадлежность текста. Аргументируйте свою точку зрения.

2. Укажите основную мысль текста.

3. На какие смысловые части можно разделить текст? Составьте план текста, сформулировав его микротемы.

4. Какие образы, созданные автором, произвели на вас впечатление? В чем проявляется, на ваш взгляд, мастерство писателя.

5. Какие чувства у вас зарождаются с приближением и наступлением весны? Созвучны ли они мыслям автора?

6. Прочитайте фрагмент рецензии. В нём рассматриваются языковые особенности текста. Некоторые термины, использованные в рецензии, пропущены. Вставьте на места пропусков цифры, соответствующие номеру термина из списка.

«Воспеть красоту природы образно и эмоционально Белову помогают различные языковые средства выразительности. Это тропы: (А)_____ («в безжалостном счастье» – предложение 2, «первозданную свежесть» – предложение 17) и (Б)_____ (предложения 5, 8, 9). Рассуждая о связи жизни человека и окружающего мира, писатель использует такое синтаксическое средство, как (В)_____ (предложения 20, 21) и (Г)_____ («ждёшь» – предложения 22, 23).

Список терминов:

- 1) антитеза
- 2) парцелляция
- 3) фразеологизм
- 4) лексический повтор
- 5) развёрнутая метафора
- 6) риторический вопрос
- 7) вопросно-ответная форма изложения
- 8) гиперболы
- 9) эпитет

Текст № 5

(1) Если уж в европейской части страны исчезла тайга, если на европейском Севере тундра сроднилась с лесостепью, значит, наши возможности ограничены, но мы этого не хотим признать, когда речь идет о наших потребностях. (2) Мы тут эгоисты. (3) Мы живем за счет будущего, за счет наших внуков. (4) Никто из нас на Земле не имеет права пользоваться тем, что не сотворено его руками, его трудом. (5) Самое страшное то, что в борьбе за сохранение окружающей среды мы, писатели, находимся не на равных с технократами, у которых и власть, и средства массовой информации.

(6) В результате мы хвастаемся, когда у нас появляется самый крупный карьер, самая большая обогатительная фабрика, самый крупный стан, самый крупный экскаватор. (7) И всякий раз мы убеждались, что в таком максимализме больше самоцели, нежели оптимального подхода. (8) Мне иногда говорят, что я не специалист в частных вопросах. (9) А я ведь всегда в частностях ссылаюсь на специалистов. (10) Однако меня куда больше волнуют не частности, а проблемы общего характера, волнует судьба человека, нации, планеты.

(11) Самоограничение наших желаний связано с самосовершенствованием, которое целиком зависит от нравственных установок личности. (12) Самоограничение сначала личное, затем – государственное, планетарное. (13) Другого не дано. (14) Преступно забывать, что каждое дерево – это и воздух, и вода. (15) Вырубил дерево – высох родник. (16) Высох родник – исчезло село. (17) Мы строим атомные станции, а до сих пор не разрешена еще проблема уничтожения радиоактивных отходов. (18) Ведь не надо быть специалистом, чтобы с убежденностью сказать, где бы энергетики ни прятали зловещие атомные отходы, рано или поздно от них радиоактивными будут земля и вода. (19) Когда я говорю, что плотины на реках наносят ущерб Родине, мне отвечают: люди нуждаются в электроэнергии. (20) Но больше всего энергии пожирает вооружение. (21) Немалая часть пресной воды превращается в отраву – как на Байкале, на Севане, на Биве. (22) И больше всего потерь было за последнее десятилетие.

(По В. Белову. Фрагменты статьи «Вырубил дерево – высох родник»)

**Вопросы для подготовки к написанию
сочинения-рассуждения по предложенному тексту:**

1. Определите тему текста.
2. Сформулируйте проблему, поставленную автором.
3. На каком материале раскрывается данная проблема? Как подчеркивается ее важность?
4. Сформулируйте позицию автора по поставленной проблеме.
5. Каково ваше мнение по этому вопросу? Почему вы так считаете?
6. Какие аргументы из читательского (и/или жизненного) опыта в доказательство своей точки зрения вы можете привести?
7. Какой вывод следует из ваших рассуждений?

Опираясь на предложенные вопросы, напишите сочинение-рассуждение по прочитанному тексту. Объем работы не менее 150 слов.

Литература

1. Белов В.И. Весенняя ночь // Белов В.И. Избранные произведения: в 3 т. М., 1983. Т. 1.
2. Белов В.И. Вырубил дерево – высох родник // Вологодский комсомолец. Вологда, 1987. 16 окт.
3. Белов В.И. На родине // Белов В.И. Душа бессмертна: книга рассказов. М., 2010.
4. Белов В.И. Спасем язык – спасем и Россию // Белов В.И. Раздумья о дне сегодняшнем. Рыбинск, 2002.
5. Белов В.И. Судьба двухэтажной Вологды // Белов В.И. Раздумья на родине: очерки и статьи. М., 1989.

ПОЗНАНИЕ ОКРУЖАЮЩЕГО МИРА НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (через изучение творчества В.И. Белова)

Аннотация. В статье рассмотрены способы познания окружающего мира, духовно-нравственных традиций родного края через приобщение учащихся к творчеству В.И. Белова посредством изобразительной деятельности.

Ключевые слова: В.И. Белов, программа «Гармония», изобразительная деятельность, региональный компонент, творчество, искусство.

Художественное образование и эстетическое воспитание учащихся предполагает овладение простейшими знаниями и умениями в изобразительном искусстве, самостоятельное составление композиций, ознакомление с творческим наследием известных художников прошлого и настоящего, развитие и формирование творческих способностей, художественных интересов и потребностей.

Работа учащегося станет яркой и эмоционально насыщенной, если он будет изображать то, что ему хорошо знакомо, близко и прочувствовано сердцем. Но все это невозможно без привития любви к родному краю. Именно художественная деятельность открывает широкие возможности для приобщения учащихся к процессу познания через собственное восприятие культуры своего края. Занятия изобразительной деятельностью по программе «Гармония», направленные на раскрытие регионального историко-культурного стандарта, способствуют активизации проектно-исследовательской деятельности учащихся.

В дополнительном образовании работа ведется согласно дополнительным общеобразовательным общеразвивающим программам. Главной целью программы художественной направленности «Гармония» является гармоничное духовное развитие личности учащегося и привитие ему основополагающих принципов нравственности на основе культурно-исторических традиций России.

Реализация поставленной цели способствует решению следующих задач:

- формировать у детей знания, умения, навыки изобразительного искусства через освоение программного материала;

- формировать готовность и способность к реализации творческого потенциала в предметно-продуктивной деятельности;
- способствовать принятию нравственных ценностей русского народа;
- способствовать развитию художественного вкуса [2].

В программе «Гармония» большой блок отводится рисованию русской природы, изображению животного и растительного мира. Учить городских детей познавать красоту русской природы непросто. Многие дети никогда не были в деревне, не почувствовали прелести деревенской жизни, деревенского общения; не увидели неброскую красоту северного края.

Сегодня мы видим правоту Василия Белова в том, что «город съедает деревню, выманивает из нее народ, делает ненужным и бессмысленным труд на земле, но уже за все это платит, и очень большую цену – платит демографическим кризисом и здоровьем нации. Но есть и ещё более глубокая печаль: разделяя мир на деревенский и городской...» [3].

Знакомить необходимо детей с миром деревни, красотой окружающего мира, ибо это история русского народа. Мне, как педагогу, приходится искать пути, как интереснее это сделать для детей-горожан. Одну такую тропинку я нашла, знакомя детей с удивительным миром природы через произведения нашего вологодского писателя Василия Ивановича Белова. Читая его произведения, можно найти ответы на многие жизненные вопросы.

Чтение прозы В.И. Белова «сродни неспешному путешествию – не на самолёте и не на машине, но скорее в деревенской телеге, ведь от того, на чем едешь, и зависит восприятие мира, степень погруженности в него и возможность «вневременной необъятной созерцательности». Тогда ритм прозы не подавляет читателя, тогда можно привольно вжиться в описание текучего северного пейзажа, возводя свой взор от земли к небу, вдыхая душистое разнотравье скошенной травы...» [3].

Занятия в объединении «Гармония» несут в себе большой воспитательный потенциал, если они интегрируются с изучением творчества В.И. Белова. Учащийся, осмысливая мир культуры, картину мира, адаптируется к действиям и поведению окружающих опытным путем, осваивая эти ценности, нормы. Анализ произведений Василия Ивановича помогает вовлечь ребенка в ситуации нового образца поведения, мотивировать его взять этот образец за свою норму жизни.

Работая с детьми младшего школьного возраста, использую на занятиях «Рассказы для детей» Василия Белова [1]. В рассказах повествуется о жизни двух детей в деревне у бабушки с дедушкой. Каждый рассказ несет в себе не только воспитательный, но и познавательный потенциал.

В программе есть тема «Рисование птиц». Зимой внимание детей привлекли снегири. Для некоторых учащихся стало открытием то, что это перелётные птицы, но прилетают не как все на лето, а на зиму. И не так часто их можно увидеть. Читаем с детьми рассказ «Птички-рукавички». Рассказ небольшой, читается легко и быстро.

После прочитанного рассказа обязательно беседуем с детьми о том, что нужно беречь свои вещи. Рассматриваем их рукавички, на примере рукавичек литературных героев знакомимся с орнаментом Северного края. Обращаем внимание на красный цвет, основу русской одежды. Традиционно в русской культуре красный цвет олицетворяет праздник и радость. В произведении В.И. Белова это радость от подарка мамы.

Эстетика крестьянской одежды на Русском Севере полностью зависела от национальных традиций, которые вместе с национальным характером складывались под влиянием климатических, экономических и прочих условий. Народному отношению к одежде была свойственна прежде всего удивительная бережливость, она прослеживается в рассказе В.И. Белова «Птички-рукавички» [1]. В произведении метафорически рукавички сравниваются со снегириями.

После изучения рассказа учащиеся словесно описывают снегирей и рисуют их в своих работах. Вписываем птиц в пейзаж русской природы. Творчество детей, а это, в моем понимании, гармоничное сочетание фантазии каждого учащегося и конструктивной, личностно привлекательной и социально значимой деятельности по ее воплощению, проявилось в стремлении нарисовать снегиря не только реалистично, но и исходить из своей «выдумки», фантазии.

Другой пример – это рисование с детьми луга. Прочитав рассказ «На сенокосе» [1], вспомнили с детьми материал о луговом сообществе, изученный на уроках окружающего мира. Учащиеся обратили внимание на то, что на лугах произрастает огромное разнообразие травянистых растений: тысячелистник, колокольчик, ромашка, валериана, мята, мышиный горошек, щавель, лютик, тимopheевка и другие травы. После рассматривания иллюстраций растений луга даю задание найти дома информацию про то растение, которое они захотят нарисовать. Дети с удовольствием выполняют задание и на

следующем занятии рассказывают о своем цветке. Вика Б. сказала, что была у бабушки в деревне и слышала о цветке «куриная слепота». Учащимся стало интересно узнать, что это за цветок?

Я предложила прочитать рассказ Василия Белова «Жадный петух», в котором Василий Иванович обращает внимание на то, что нужно жить дружно, без ссор [1]. Автор ненавязчиво повествует детям о том, к чему приводит жадность. Несмотря на занятость, дедушка находит время, чтобы удовлетворить любопытство внучки и рассказывает о желтеньких цветочках, которые называют «куриная слепота». Мы с детьми беседуем не только на тему дружбы, но и находим информацию о цветке, который заинтересовал девочку.

Вика Б. рассказала нам, что цветок «куриная слепота» – это народное название лютика. Лютик едкий – многолетнее растение. Верхние листья у цветка сидячие, трехраздельные с линейными зубчатыми долями. Листья нижние – пятиугольные, пальчатораздельные. Цветки – ярко-желтого цвета со множеством тычинок и пестиков. Дети узнали, что цветок «куриная слепота» (лютик едкий) применяется в народной медицине для лечения ожогов, ран, фурункулов.

Нарисованные цветы собираем на «лугу», и получается картина луга. Дети создали коллективную творческую работу «Луговые цветы».

Таким образом, учащиеся объединения «Гармония» познают окружающий мир на занятиях по изобразительной деятельности через творчество В.И. Белова. В своих произведениях Василий Иванович Белов доносит до читателя красоту окружающего мира, открывает истинное предназначение человека. Читая его произведения, мы воспитываем в самих себе такие высокие чувства, как дружба, доверие, верность, честность, любовь, совесть. Не спеша познаем мир деревни, открываем детям красоту северного говора, северной природы, северного костюма.

Литература

1. Белов В.И. Избранные произведения: в 3 т. Т. 2: Повести, рассказы. М.: Современник, 1983. 543 с.
2. Дополнительная общеобразовательная – дополнительная общеразвивающая программа «Гармония» (художественная направленность, изобразительное искусство) для детей в возрасте от 7 до 17 лет.
3. Кокшнев К. Лад привычного дела // Вологодский лад: литературный художественный журнал. 2007. № 3. С 4-8.

НРАВСТВЕННОЕ И ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ ЛИЧНОСТИ НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Аннотация. В статье на материале учебных пособий по литературному краеведению, созданных в Ханты-Мансийском автономном округе, рассматриваются тексты региональной литературы как средство нравственного воспитания личности студентов и школьников.

Ключевые слова: региональная литература, литературное краеведение, филологический анализ текста, югорский текст.

Как известно, важнейшими факторами формирования художественного произведения являются время и место его создания. Любая национальная литература представляет собой систему текстов, созданных в разное время авторами, живущими в различных регионах России. Поэтому в рамках современной регионалистики выделилось такое направление, как литературная регионалистика, призванное исследовать локальные тексты и их роль в формировании сознания региональной личности.

Несмотря на то, что идея исследования, описания и использования методического потенциала регионального текста не является новой, югорская литература не так часто привлекалась как материал для системного ее изучения. Поэтому, исходя из практических потребностей, в 2017–2018 учебном году были созданы учебные пособия для школьников ХМАО-Югры и студентов-филологов «Литературное краеведение: филологический анализ регионального текста». Коротко расскажу о каждом из них.

Учебно-методическое пособие для общеобразовательных школ ХМАО-Югры предназначено для учителей, начинающих вести элективный курс по филологическому анализу югорского текста, и представляет собой материалы к занятиям элективного курса. В нем предложены темы занятий, задания для самостоятельного изучения, описана методика работы, даны списки литературы.

Назову основные темы курса. Они идут от общего к частному:

1. Что такое текст.
2. Художественный текст как текст культуры.

3. Региональный текст.
4. Югорский текст.
5. Югорский текст в историко-культурном контексте региона.
6. Роль пейзажа в региональном тексте.
7. Образ автора в региональном тексте. Биографический контекст.
8. Этническая культура в зеркале регионального текста.
9. Основные мотивы югорского текста.
10. Научно-практическая конференция «Актуальные проблемы филологического анализа югорского текста».

Изучение каждой темы курса может занимать до 3–4 занятий. Каждая тема подразделяется на учебные ситуации, их в теме может быть от трех до шести.

Первая учебная ситуация – это всегда работа по формированию понятий, необходимых для описания того или иного явления югорского текста. Именно во время этой работы в наибольшей степени формируются метапредметные умения: сравнивать, сопоставлять и т. п. Например, при изучении темы «Роль пейзажа в региональном тексте» школьникам предлагается рассмотреть репродукции картин Сергея Бирюкова и Виталия Карпенко и построить письменное высказывание с использованием двух типов речи – рассуждения и описания, в котором доказать, что югорская природа изображена именно на определенной картине.

Цель второй учебной ситуации – продолжить формирование понятий в работе с региональными художественными текстами. В названной выше теме школьники складывают пейзаж регионального текста из определенных знаков, образов, анализируя тексты Маргариты Сладковой, Павла Черкашина, Сергея Луцкого, Леонида Гайкевича.

Далее следует исследовательское задание, самостоятельный филологический анализ текста в аспекте, актуальном для данной темы. Так, например, в рассматриваемой нами теме дети отвечают на вопрос о том, какую роль играют пейзажные зарисовки в рассказе Альбины Кузьминой «Главный лесничий», какими художественными деталями отличаются описания природы, какие функции выполняет пейзаж в рассказе, благодаря каким знакам в тексте можно узнать природу Югры.

Итоговые задания, завершающие каждое занятие, обобщают и систематизируют знания, полученные на этом занятии, и одновременно являются своеобразным «мостиком» к теме следующего.

Тип этих заданий довольно разнообразен: ответы на вопросы, мини-проекты различной направленности, исследовательская работа и т. д.

Так, завершая изучение темы пейзажа, ребята составляют кластер «Знаки югорской природы» и, используя этот материал, пишут дома мини-сочинение «Моя Югра».

В конце занятий предлагаются темы для дискуссии. Например, на занятии, посвященном югорскому тексту, можно построить дискуссию, исходя из следующего положения: «Историки утверждают, что ни одно историческое событие не может быть оценено как безусловно положительное или безусловно отрицательное. Западная Сибирь в течение нескольких столетий была местом ссылки и каторги. Подумайте, можно ли сказать, что это было благом?»

Завершается пособие приложениями, в которых представлены списки литературы для учащихся и учителей, а также материалы к словарю югорского текста, созданные по материалам сайта «Культурное наследие Югры». В данном приложении приводится лишь по одному слову на каждую букву алфавита (аганские ханты, Барсова гора, вороний праздник и т. д.). Учитель, работая с учащимися по предлагаемому элективному курсу, может значительно расширить список таких слов, предложить детям ответить на вопрос, какие же еще слова являются для югорского текста ключевыми.

Курс рассчитан на 34 часа, должен изучаться в течение учебного года.

Издание данного пособия привело к тому, что возникла мысль о разработке подобной дисциплины по выбору для студентов-филологов, поскольку именно они прежде всего должны овладеть методикой работы по лингвистическому краеведению, чтобы более эффективно работать с югорским литературным материалом в рамках школы. Поэтому следом появляется учебное пособие для студентов, о котором я уже сказала в начале своего выступления.

Главным отличием его от школьного пособия является наличие теоретической части, которая так и называется – «Теоретические аспекты филологического анализа регионального (югорского) текста». Данный материал, написанный одним из ведущих югорских литературоведов Дмитрием Владимировичем Ларковичем, безусловно, необходим педагогу, пытающемуся не только самому осмыслить понятие «региональный текст», но и донести это понимание до своих учеников. О том, как формировать понятие «региональный текст» на уроках литературы, мы с Софьей Витальевной Галян

попытались поразмышлять в своей статье, которая опубликована в августовском номере журнала «Литература в школе» (этот номер целиком посвящен литературе Югры, и презентация его состоится в рамках Международной научной конференции, которая пройдет в СурГПУ в конце ноября этого года).

Сегодня же хочется отметить, что составители пособия впервые предприняли сознательную попытку введения в научный оборот термина «югорский текст». Сделано это было, как отмечает Дмитрий Владимирович, вполне обоснованно, поскольку для введения и разработки данной дефиниции имеются основания как внешнего (историко-культурный и геополитический статус локуса), так и внутреннего (территориальная мифология, обладающая текстопорождающими интенциями) порядка.

Югорский текст рассматривается нами как неотъемлемая составляющая северного текста, включающая, в узком понимании, различные тексты локальной культуры (памятники деловой письменности, художественные произведения региональных авторов, устные речевые произведения жителей города и деревни – воспоминания, дневники и т. д.), в широком понимании – все семиотическое пространство Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (обряды коренных жителей региона, фольклор пришлого русского населения, вербальные проявления региональной языковой личности, ономастическое пространство данной территории и многое другое).

В теоретической части пособия ведется речь о методах филологического анализа текста, отмечается своеобразие югорского текста, называются его ключевые мотивы и делается вывод о том, что югорский текст отличают идеологическая вариативность и внутренняя противоречивость, что обусловлено его полиэтнической и поликультурной природой. Однако, несмотря на это, он является цельным, и эта цельность обеспечивается единством авторских устремлений создать художественный образ уникальной по своему культурно-историческому, природному и этно-национальному ландшафту территории.

Что касается других структурных особенностей учебного пособия для студентов, то в него не включаются сами тексты или отрывки из текстов (этот материал студенты могут найти самостоятельно), однако даны списки ключевых терминов по каждой теме (например, для самой первой темы – «Что такое текст» это такие термины, как

денотат, знак, информация, культурный код, пресуппозиция и т. д.), а также задания для самостоятельной работы и методические рекомендации.

Методические рекомендации содержат комментарий к каждой учебной ситуации определенной темы, описывают основные учебные результаты. Так, например, говорится о том, что для достижения учебных результатов по теме «Югорский текст в историко-культурном контексте региона» студентам необходимо усвоить такие понятия, как знаки времени, историзм, историко-культурный анализ, историко-культурный контекст, исторический персонаж, историческое событие, среда бытования. Главным в данной терминосистеме является понятие «историзм», поэтому ключом к пониманию его являются материалы первой учебной ситуации. Вокруг понятия «исторический персонаж» выстроена вторая учебная ситуация. Рассмотрение конкретных исторических персонажей, судьба которых связана с севером Западной Сибири, должно послужить основой для рассуждений о роли каждого из них в истории Югры, о роли отдельной личности в истории страны. Наконец, третья учебная ситуация посвящена понятию «исторический контекст». Отдельные бытовые дела, описанные авторами, приметы реального времени – все это создает историко-культурный контекст, без рассмотрения которого немыслим филологический анализ регионального текста.

Таким образом, тексты региональной художественной литературы обладают не только несомненным методическим потенциалом, но и потенциалом воспитательным. Анализируя их, школьники учатся любить свою малую родину, с уважением относиться к ее истории и традициям, приобщаются к тому культурному наследию, которое веками создавалось их предками.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ АККОРДЫ: ЗНАКОМСТВО ЧИТАТЕЛЯ С СОВРЕМЕННЫМ ЛИТЕРАТУРНО-МУЗЫКАЛЬНЫМ ТВОРЧЕСТВОМ СЕВЕРНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Аннотация. Пинежский район Архангельской области является родиной великого русского писателя Фёдора Абрамова и плеяды народных сказителей, поэтому задача библиотеки – развивать литературное творчество современных северных поэтов и прозаиков. В 2017–2018 годах Карпогорской библиотекой был задуман проект «Литературные аккорды», в результате реализации которого создались условия для развития литературно-музыкального потенциала среди молодёжи.

Ключевые слова: Карпогорская библиотека, литературные аккорды, северная поэзия, поэтическое творчество.

«Краем родникового слова» называл Фёдор Абрамов Русский Север, Поморье.

«На Севере издревле своя жизнь, и повседневная и праздничная, была пронизана многоцветным краснословьем, будь ли то обычная бытовая речь или по-местному «говоря», то ли песня и сказка, то ли героическая былина и искромётная скоморошина, то ли задиристая и забористая частушка... Народно-поэтическое творчество Севера всегда жило в дружбе с книжной культурой...» [1: 71, 72].

Так писал Фёдор Абрамов в статье к 400-летию Архангельска «В краю родникового слова». Сегодня среди нас живут авторы, продолжающие лучшие традиции поэтического северного творчества, а в наших библиотеках есть читатели, готовые слушать и воспринимать современную поэзию и авторскую песню. И поэту, и читателю нужны встречи, чтобы получить положительные эмоции и новый взгляд на жизнь, чтобы открывать, созидать и давать себе надежду. Поэтому специалистами Карпогорской библиотеки был задуман проект «Литературные аккорды», куратором которого стала Наталья Леонович, журналист радио «Поморье», поэт, лауреат международных и российских фестивалей авторской песни и поэзии.

В 2018 году Карпогорская центральная библиотека имени Ф.А. Абрамова отметила свой столетний юбилей. В преддверии столь знаменательного события с января 2017 года библиотека стала реа-

лизировать проект «Литературные аккорды», работа которого была рассчитана на полтора года.

«Литературные аккорды» – это культурный проект, объединяющий и поддерживающий современных северных поэтов и музыкантов, дающий им возможность для повышения профессионального мастерства и встреч со зрителями. Проект способствовал раскрытию творческого потенциала молодёжи через живое общение с состоявшимися поэтами и музыкантами Архангельской области и Санкт-Петербурга.

В рамках проекта в 2017 году прошло 13 творческих встреч. «Литературные аккорды» побывали в Ясном, Суре, Кушкопале, Сосновке, Верколе, Си, Пинеге, Карпогорах, туристическом комплексе «Голубино», где творческими площадками стали библиотеки, дома культуры, школы. Пинежане познакомились с творчеством Натальи Леонович (г. Архангельск), Игоря Гуревича, писателя, члена Союза писателей России (г. Архангельск), поэтов – Светланы Макарыной (г. Архангельск), Татьяны Москвиной (Приморский район Архангельской области), Владислава Попова (Пинежский район Архангельской области), авторов-исполнителей Марины Зарубиной (г. Архангельск), Ольги Волковой (г. Северодвинск), Светланы Семпокрыловой (Приморский район Архангельской области), Ивана Тарутина (г. Архангельск).

«Литературные аккорды» принимали дуэт «Лад» сестёр Любимовых и молодёжный клуб авторов «Барды Маймаксы и компания» из г. Архангельска.

Настоящим открытием для пинежан стало выступление Елены Гудковой, автора-исполнителя из Санкт-Петербурга, телеведущей, члена Союза концертных деятелей России. В рамках регионального фестиваля мастеров и фольклора «Петровская ярмарка: открытый мир культур» в июле 2017 года гостями «Литературных аккордов» стали четыре литературных объединения Архангельской области из Архангельска, Няндомы, Северодвинска, Карпогор.

А в 2018 году жителям Пинежского района были представлены дуэт «Гармония» поэта Татьяны Рудной и автора-исполнителя Андрея Повилайтиса (г. Архангельск), поэты-песенники Андрей Постников (г. Северодвинск) и Сергей Григорьев (г. Архангельск).

Почётными гостями проекта «Литературные аккорды» стали Василий Матонин, поэт, прозаик, профессор Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, председатель правления Архангельского регионального отделения Союза писателей России, главный редактор историко-литературного аль-

манаха «Соловецкое море», и Андрей Петров, доктор филологических наук, профессор Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, председатель Архангельского Абрамовского сообщества, руководитель студенческого театра «Балаганчик».

В ходе реализации проекта в библиотеку пришли молодые талантливые пинежане, занимающиеся поэтическим и музыкальным творчеством. Ребята влились в литературное объединение «Лествица» при Карпогорской библиотеке и сегодня получают профессиональную поддержку состоявшихся поэтов и прозаиков. Свой талант они смогли продемонстрировать читателю на поэтическом поединке «Проба пера» для молодых авторов Пинежья.

«Литературные аккорды» на протяжении всего времени очень часто удивляли своего зрителя и слушателя. Впервые в Карпогорах на творческой площадке «Литературные аккорды» выступили сразу два музыканта.

Первый из них, Виктор Хабаров, саксофонист, выпускник Санкт-Петербургской консерватории имени Римского-Корсакова, автор и аранжировщик Архангельского театра кукол, солист филармонических концертов, участник многих проектов джазовых музыкантов.

Второй – архангельский художник и музыкант Иван Тарутин.

12 июля 2018 года на уличной площадке Карпогорской центральной библиотеки имени Ф.А. Абрамова состоялся завершающий гала-концерт участников проекта «Литературные аккорды», который собрал большое количество любителей поэзии, прозы и авторской песни.

«Литературные аккорды» за полтора года стали брендом Карпогорской библиотеки и подарили гостям и жителям Пинежья множество встреч с новыми талантливыми людьми, которые своим творчеством делают наш мир эмоционально богаче, душевнее, добрее. У каждого из них своя читательская аудитория, свои поклонники, но самое главное – это то, что они любят свою малую родину и воспевают её в своих произведениях.

«Писать – значит творить добро», – так говорил Фёдор Абрамов, и этот завет бережно хранят «Литературные аккорды», ведь Север один на всех...

Литература

1. Абрамов Ф.А. В краю родникового слова // Собрание сочинений: в 6 т. СПб., 1990–1995. Т. 5.: Публицистика. Литературные портреты и статьи. Из записных книжек, 1954–1983. Один бог для всех: пьеса. С. 70-74.

КАКИМ БЫТЬ СОВРЕМЕННОМУ УРОКУ ЛИТЕРАТУРЫ?

Аннотация. Размышления об основной задаче учителя литературы – воспитании личности, способной незаурядно мыслить и действовать сообразно своим убеждениям.

Ключевые слова: урок литературы, читатель, педагогическое воздействие.

Редкий школьный предмет требует от учителя столько изобретательности при создании максимально положительных условий для восприятия, сколько литература. Это связано прежде всего с избирательностью вкусов читателей – учеников. В разное время в связи со сложным комплексом причин приходят к ребятам их Пушкин, Толстой, Маяковский, Достоевский и другие великие мастера слова.

Вечное противоречие, которое учитель словесности обязан смягчить, но никогда не сможет устранить полностью, – это противоречие между временной строгостью программного изучения произведения и субъективным желанием наших учеников именно в этот момент увлекаться иными книгами. Только кропотливый, заранее подготовленный, ненавязчивый подступ к изучению может дать всплеск общего интереса к книге и её автору в необходимое нам время.

Современный учитель литературы понимает, что результат педагогического воздействия лежит в достаточном удалении от момента воздействия. Чем глубже и надёжнее он, тем дальше. Этому парадоксу не следует удивляться, ведь в данном случае я имею в виду не конкретное усвоение определённых знаний, а художественный вкус и нравственные уроки, извлекаемые при чтении и перечитывании великих книг.

Современный учитель литературы должен понимать, что, когда он знакомит учащихся с текстами «трудных» книг, ученикам очень важно, как он, учитель, их комментирует, что он в них видит сам и как улавливает детское восприятие, насколько умеет думать вслух и учит своих учеников мыслить в связи с чтением. Очевидно, что любое целенаправленное раздумье преображает человека. На современном уроке литературы нужно думать не только о близлежащих,

но и об отдалённых из-за возраста или иных причин проблемах, на которые нацеливает писатель.

Основная задача учителя на уроке литературы – воспитать личность, способную незаурядно мыслить и действовать сообразно своим убеждениям.

Ещё очень важно, чтобы современный учитель литературы программировал в своей сегодняшней работе будущее перечитывание классики его учениками. Когда говорят, что классика трудна, что её нужно сокращать в школьном курсе, что все могут прочитать эти книги, когда станут взрослыми, то ошибаются. Если подросток не задумается над классикой в меру своих сил в 15–16 лет, то не обратится к ней всерьёз и в 30. Конечно, формирует человека жизнь, но я вижу сегодня большое количество начитанных взрослых людей, начисто лишённых нравственных принципов. И я понимаю, что для них книга и жизнь не перекрещивались, то есть они не читали вглубь, не забирали для себя, для своей души из книги ничего. Кто знает, может быть, и уроки литературы когда-то прошли мимо них. А кто в этом виноват? Конечно же, в первую очередь они сами, потому что не посчитали нужным усвоить бесценные уроки литературы, и ещё учитель, который не сумел заинтересовать, привить любовь к своему предмету.

Я определяю для себя современный урок литературы как трибуну и сцену одновременно. Организовать его надо так, чтобы он был особенным в череде других уроков не только по содержанию, но и по форме. Вот почему современный учитель литературы должен расценивать каждое литературное произведение и «режиссёрски», так как его специфика подсказывает тип урока, форму работы учебного коллектива и преподавателя.

Что же необходимо уроку литературы, чтобы он стал ярким, неординарным, запоминающимся? Интеллект, артистизм, методическая точность учителя и постоянная обратная связь в виде реакции ребят, их участия – соразмышления, сочувствия, творческой самоотдачи.

Если урок литературы – трибуна, то предполагается научить детей решать социальные и нравственные проблемы на художественном материале, соотносить искусство и действительность, уметь через прошлое видеть настоящее и будущее. Если урок литературы – сцена, никогда нельзя забывать о том, что преподавать искусство слова – не значит просто учить очередному предмету. Для учителя литературы школьный класс – это та же сценическая пло-

щадка, где он должен проявить свои лучшие артистические и человеческие качества.

В любом случае прежде всего учитель выступает как читатель, интерпретатор книги, как исследователь, выбирающий свою позицию в спорах критиков и литературоведов, а также как педагог и артист.

Современный учитель литературы должен осознавать, что учительское слово – это монолог, в котором могут впервые зазвучать неизвестные для ребёнка мысли, а строки поэзии и прозы оставят сильное впечатление, дойдут до читательских сердец в том случае, если ученики ни на минуту не усомнятся, что всё, о чём говорит учитель, не бездушное изложение информации, не «сухое» чтение с листа, порой по написанному, а итог «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет» любимого учителя.

Современный учитель литературы должен стремиться к тому, чтобы «из урока в урок в течение долгих лет быть интересным собеседником, которого ждут очень разные ребята, чтобы суметь их понять, помочь им, научить их. Для этого нужен огромный запас душевных и физических сил и разнообразных знаний, иначе приходит «страшнейшая из амортизаций – амортизация сердца и души». Чаще всего душевную молодость сохраняют в школе именно мастера своего дела, и учитель литературы, преподающий один из величайших видов искусства – искусство слова, должен обязательно быть мастером!

АВТОРСКАЯ ПРОГРАММА «ЧИТАЕМ ДЛЯ ЖИЗНИ»: ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ КРУГА ДЕТСКОГО ЧТЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается проблема формирования круга детского чтения современных детей на примере авторской программы «Читаем для жизни». Автор статьи предлагает собственное видение проблемы содержания КДЧ современных детей и понимания подходов к формированию круга детского чтения в информационном обществе.

Ключевые слова: авторская программа «Читаем для жизни», круг детского чтения, подходы к формированию круга детского чтения.

Авторская комплексная программа «Читаем для жизни», рассчитанная на детей дошкольного, младшего и среднего школьного возраста, является результатом многолетнего научного поиска путей и способов продвижения книги и чтения, применения системного подхода к решению серьезных проблем, связанных с кризисом читательского развития современных детей, создания условий для социализирующего процесса чтения [3].

Программа реализуется автором в БОУ ДО ВО «Духовно-просветительский центр «Северная Фиваида» (с 2012-2013 уч. года), а также в «Ресурсном центре чтения «Доброе слово» (с 2016-2017 уч. года) и семейной школе «Селектика» (с 2017-2018 уч. года), транслируется в педагогическую среду, идеи программы доводятся до родительской общественности. Осознание важнейшей социально-ценностной роли семьи в воспитании ребенка-читателя привело автора программы к идее организации интернет-сообщества с одноименным названием, призванного оказывать научно-методическую и социально-психологическую помощь семье в воспитании ребенка-читателя на ранних этапах читательского развития [1].

В названии программы отражена идея формирования личности чтеца и читателя для жизни в современном мире. Имеется в виду не только привитие навыков чтения как базовой образовательной потребности, необходимой для успешного существования в информационном обществе, но и любви к чтению как жизненно необходимой потребности, развитие умения планировать чтение как стратегию жизни.

Сложная и многоаспектная проблема формирования круга детского чтения (далее – КДЧ) – постоянный предмет нашего внимания, начиная с момента моделирования авторской программы и до сегодняшнего дня. Проблема тесно связана с педагогическим руководством чтением и формированием такого личностного качества обучающихся, как читательская самостоятельность.

В энциклопедическом словаре «Книговедение» под кругом чтения понимается «совокупность произведений печати, отражающая основные интересы и потребности в чтении определенной читательской группы. Круг чтения социально и исторически обусловлен» [2]. Понятие «круг чтения» отсылает нас к имени Л.Н. Толстого: так называлось религиозно-философское сочинение писателя, составленное на основе творчества мыслителей различных эпох. Автор отмечал: «...цель моей книги состоит <...> в том, чтобы, воспользовавшись великими плодотворными мыслями разных писателей, дать большему числу читателей доступный им ежедневный круг чтения, возбуждающий лучшие мысли и чувства».

В процессе формирования КДЧ мы ориентируемся прежде всего на книги, «возбуждающие лучшие мысли и чувства», то есть книги, которые прошли строгую проверку временем. Но, вместе с тем, стараемся избежать распространенной ошибки игнорирования запросов и интересов современного ребенка-читателя. Это позволяет сохранить баланс между нормативной системой ценностных ориентаций (В. Собкин), которые передаются через изучение произведений, заданных программой (школьной или дополнительного образования), и ситуативной системой ценностных ориентаций (В. Собкин), которые формируются в свободном чтении.

Анализ публикаций на заявленную тему, результаты собственного исследования, а также многолетний опыт преподавания по авторской программе позволили нам выявить болевые точки данной проблемы и представить собственное видение содержательного наполнения КДЧ современного ребенка-читателя, понимание подходов к его формированию.

Для того чтобы ребенок из объекта чтения становился субъектом чтения, вместе с текстами, которые изучаются согласно учебному плану программы, обучающимся предлагается список литературы для организации свободного (досугового) чтения, то есть канон и список разводятся.

В детской литературе есть состав текстов – подлинно художественных произведений, обладающих особой «энергетикой», неким

нравственным зарядом, заложенным писателем. Мимо них, на наш взгляд, не должен пройти юный читатель. В группу произведений, проникнутых любовью к людям, способствующих обретению связей личности с миром, помогающих ребенку открыть свою подлинную природу, входят по преимуществу короткие рассказы, нередко с ситуацией морального выбора: В. Осеева «Бабка», Б. Алмазов «Лягушонок», Ю. Нагибин «Комаров», В. Солоухин «Ножичек с костяной ручкой» и др.

Рекомендательный список для свободного чтения формируется с учетом возрастных особенностей, вкусов и интересов обучающихся, даже с учетом специфики конкретной учебной группы. Этот список позволяет лучше мотивировать детей на свободное чтение как процесс и как деятельность. С этой целью читательские интересы детей постоянно изучаются, во внимание принимаются исследования современных ученых в области чтения. К составлению списков привлекаются и сами обучающиеся, а также их родители, библиотекари. В список включаются в основном объемные произведения. Непременным условием свободного чтения является обратная связь по поводу прочитанной книги. Дети делятся читательскими впечатлениями на занятиях, стимулируя группу к прочтению понравившейся книги.

Для обновления рекомендательного списка литературы мы применяем различные приемы и технологии. Например, технология «Встречное движение» позволяет старшему и младшему поколениям во встречном движении лучше узнать друг друга через книги. В список включаются только те книги, которые позволяют познакомить читателей разных поколений друг с другом. Чтобы убедить других в необходимости включения в список той или иной книги, нужно ее «вкусно» представить. На заключительном этапе выбирается пара книг из разных колонок – детей и родителей.

В пространство свободного чтения вовлекают детей различные проекты, представляющие собой специально смоделированную педагогическую ситуацию применительно к читательской деятельности: «ЛуЧиК» (= лучший читатель книг), «День рождения Снеговика», «Жила-была конфета» и др. Проектная деятельность стимулирует читательский интерес, убеждает каждого участника в личной значимости чтения, открывает уникальные стороны этого процесса.

Для подключения детей к информации о книгах для свободного чтения вместе с читателями создается навигатор «Откуда я могу

узнать о книгах?» в виде списка интернет-ресурсов. В него непременно включаются рекомендательные списки Библиогида, различных издательств, писателей, форумов читателей и т. д.

Поскольку в процессе чтения дети должны научиться взаимодействовать с текстами разных видов посредством освоения мыслительных стратегий (в год – более 30), развить аналитические читательские умения, то КДЧ формируется в соответствии с ними. Например, работа по стратегиям «Закладка-подсказка», «Новости», «Мозаика» и т. п. требует обращения к элементам книги и тестам в ее составе. С большим интересом обучающиеся работают с книгами С. Востокова «Кум королю», Д. Шеварова «Хорошо дома», Иво Бекле «Письма собаке» и др. При освоении стратегий «Чтение с пометками», «Граф-схема текста», «Пирамида фактов», «Поставь проблему. Предложи решение» и др. используются научно-познавательные тексты из книг, а также журнальные и газетные статьи из разных источников: «Детское чтение для сердца и разума», «Наука и жизнь», «Юный краевед», «Красный Север – толстушка», литературно-художественными альманахами творческого объединения «Объектив» при ВУНБ «Страницы памяти», «Окно в природу», «Зимородок» и др.

При формировании КДЧ мы ориентируемся прежде всего на тексты, содержащие в себе большие возможности «продуктивного многочтения». Специально составленные задания обуславливают продуктивность неоднократного обращения обучающихся к тексту.

При формировании КДЧ мы стремимся сохранить баланс между классической и современной литературой (русской и зарубежной) и включать тексты, не входящие в школьную программу. Например, произведения А. Федорова-Давыдова «Одиночество», Уйды «Нелло и Патраш», Арсения Седугина «Огонек во льду», М. Махи «День рождения торта».

Каждому поколению детей хочется читать современную ему литературу, в которой отражается современный жизненный мир и его проблемы. Чтобы наши рекомендации не вступали в противоречие с запросами юных читателей, мы поддерживаем постоянное диалоговое взаимодействие с детьми на основе современной отечественной и зарубежной литературы. Вместе с ними мы осваиваем круг актуального чтения современных школьников, язык и содержание современных детских книг. Особое внимание обращаем на книги, помогающие детям ориентироваться в культурно-социальном пространстве современной жизни, вырабатывать собственную нравственную позицию по отношению к тем или иным

общественным явлениям. Работая с произведениями на «трудные» темы, стараемся избегать однозначных решений. В этом отношении весьма интересны книги рассказов нашего земляка А.М. Сидоренко «Наши дети» и «Ницшенка» (остросоциальные рассказы «Вовка на паперти», «Мамонт» и др.). Большим подспорьем для организации чтения с обсуждением служит книга одного из лучших специалистов по чтению в стране И.И. Тихомировой «Добру откроем сердце» [4]. В ней собраны и сгруппированы в тематические циклы лучшие рассказы отечественных авторов, «раскрывающие близкую опыту подростка ту или иную жизненную ситуацию и ее разрешение». К каждому рассказу составлены методические аннотации, вопросы для обсуждения и список дополнительной литературы по теме, что значительно облегчает работу по формированию КДЧ.

В КДЧ правомерно включаются произведения, созданные самими детьми. Например, обучающиеся с интересом работают с рукописными книгами юных авторов из Кич-Городка («Будильник» Ивана Капустина и «Капитошка» Иры Паюсовой), созданными под руководством талантливого учителя начальных классов Т.Л. Степановской, которая сама прекрасно владеет словом и публикуется. Полезно знакомить детей с произведениями победителей различных конкурсов. Например, с замечательным рассказом Людмилы Поповой, ученицы МБОУ «СОШ № 2» г. Никольска «В Старине душа на месте», занявшей 1 место в возрастной категории 6–9 лет в конкурсе «Радужное детство», проведенном Региональным отделением Российского детского фонда. Используются произведения детей, привлекая издательское внимание: Книга стихов и графики. М.: РИФ-РОЙ, 2000; Вайман Г. Незнайка в каменном городе. М.: Издательский дом «Юстицинформ», 2000; и др.

Вовлечение детей-читателей в творческую деятельность, создание собственных, а не интерпретационных текстов по мотивам прочитанного – еще один способ формирования КДЧ. Например, проектирование журнала детского чтения «Лабиринты чтения» (название придумано детьми) потребовало повышения читательской активности, чтобы подобрать список книг, рекомендуемый ровесникам в соответствии с разработанными рубриками. Также детей могут привлечь к чтению книг необычные творческие задания. Нами практикуется разработка вместе с детьми сценария Встречи с писателем и подготовка к диалогу с ним.

В процессе формирования КДЧ уделяется внимание и книгам о творчестве: «Учись видеть» и «Учись слышать» М. Москвиной,

«Право писать» Джулии Кэмерон и др. Помимо наиболее известной книги Д. Родари «Грамматика фантазии» в КДЧ можно включить «Книгу моих стихов» Маши Лукашкиной – самоучитель, раскрывающий секреты поэтического мастерства, и «Книгу моих историй» Луи Стоуэлла, объясняющую, как создавать интересные рассказы с захватывающим сюжетом. Также в процессе читательской деятельности дети учатся работать с творческими копилками – по Дине Рубиной, «священным мусором», куда входят списки сюжетов, варианты названий произведений, интересные слова и реплики.

Обязательно включаем в круг профессионального чтения книги о детстве, детских писателях и детях, например, книги Т.В. Бабушкиной «Что хранится в карманах детства» и Йенса Андерсена «Астрид Линдгрен. Этот день и есть жизнь». Такие книги помогают разобраться в самом феномене детства, природе детства и понять духовные запросы современных детей.

В рамках реализации авторской программы работа по формированию КДЧ чрезвычайно важна для стимулирования сотрудничества детей, педагога и родителей, поддержки читательского сообщества разных поколений. Авторская программа ориентирует взрослого – посредника между ребенком и книгой – работать с литературными предпочтениями детей, проявлять готовность обсуждать с детьми актуальный для них круг чтения, стимулировать и укреплять необходимые диалоговые связи на ранних этапах читательского развития, тем самым повышать эффективность достижения планируемых результатов.

Литература

1. Интернет-сообщество «Читаем для жизни». URL: https://vk.com/chitaem_dlya_zhizny
2. Книговедение: энцикл. слов. URL: <http://redkayakniga.ru/knigovedenie/> (дата обращения 22.08.2018).
3. Маркевич О.А. Возможности программы «Читаем для жизни» в социализации младших школьников // Вестник Череповецкого государственного университета. 2013. Т. 2. № 4 {52}. С. 121-125.
4. Тихомирова И.И. Добру откроем сердце: школа развивающего чтения (читаем, размышляем, выражаем в слове): методическое пособие для руководителей детского чтения, снабженное текстами литературных произведений для обсуждения с подростками. 2-е изд. М.: РШБА, 2015. 344 с.

МУЛЬТФИЛЬМ КАК СПОСОБ ПОЗНАНИЯ РОДНОГО КРАЯ

Аннотация. В статье рассказывается, как учащиеся объединения «Мультстудия «Романтика» создают буктрейлер (короткое видео какой-либо книги, в свободной форме повествующее о произведении) по произведениям В.И. Белова «Про Мальку», «Рассказы о всякой живности», «Каникулы».

Ключевые слова: мультфильмы, мультипликация, мультстудия «Романтика», В.И. Белов, буктрейлер, книга.

Современные условия диктуют новые требования к человеку: сегодня востребованы активные, коммуникабельные, творческие личности, способные масштабно мыслить и действовать, возникла необходимость укрепления связей ребенка с новыми информационными компьютерными технологиями и экранным искусством. Искусство анимации представляет собой совокупность различных видов деятельности (изобразительной, технической), формирующих гармонично развитую личность.

Дополнительная общеобразовательная общеразвивающая программа «Мультфильмы» относится к технической направленности, так как создает условия, обеспечивающие развитие технических способностей детей в анимационной деятельности с учетом их индивидуальных возможностей. Актуальность данной программы в том, что она позволяет средствами дополнительного образования формировать художественно-эстетический вкус учащихся, создает основу для образно-эмоционального восприятия экранных искусств.

Актуальность программы еще и в ее высокой технической значимости. Учащиеся приобретают опыт работы с информационными объектами, с помощью которых осуществляется видеосъемка, проводится монтаж отснятого материала с использованием возможностей специальных компьютерных инструментов.

Мультипликация представляет собой сложный и многоструктурный процесс, построенный на объединении областей нескольких видов искусства (универсальность).

За сравнительно немногие годы своего существования искусство мультипликации успело вобрать в себя множество сюжетов, взятых из всемирного фольклора, из произведений классики, из книг дет-

ских писателей. Познавательная, нравственно-эстетическая сила такой малой формы, как мультфильм, чрезвычайно велика. Средствами этого вида искусства мы можем говорить с детьми об учении и труде, о мужестве и героизме, о дружбе и привязанности, о честности и легкомыслии, о зле эгоистического равнодушия и радости чувства сопереживания. Все это заложено в наших мультфильмах по произведениям В.И. Белова. Детям также дается возможность проявить свои творческие способности: придумать сюжет для мультфильма, рисованных или кукольных персонажей. Очень полезны и интересны зарисовки, сделанные школьниками под впечатлением просмотренного мультфильма. Занятие анимацией прививает устойчивый интерес к литературе, театру, совершенствует навык воплощать в игре определенные переживания, побуждает к созданию новых образов, тем самым развивая личность ребенка.

Огромное значение имеет воспитательная роль мультипликации. Сказка для ребенка – энциклопедия жизни, она учит его тому, что доброе начало восторжествует, а зло будет наказано. А возможность самому воплотить сказку наяву, буквально сделать ее своими руками – это очень важный жизненный опыт, повышение самооценки, гармонизация всей личности ребенка. Мультфильмы собственного производства обладают мощным потенциалом. Это необычное хобби поможет детям почувствовать себя увереннее, определиться со своими будущими целями, понять вечные жизненные ценности.

Главная педагогическая ценность мультипликации, как вида современного искусства, заключается в возможности комплексного развивающего обучения детей. Кроме того, именно мультипликация помогает максимально сближать интересы взрослого и ребенка, отличаясь доступностью и неповторимостью жанра. С ее помощью можно сделать процесс обучения удовольствием для детей. Положительное воздействие анимации может стать прекрасным развивающим пособием для раскрепощения мышления, развития творческого потенциала ребенка.

В объединении «Мультстудия «Романтика» ребята работают над созданием мультфильмов, видеороликов разной тематики. Это коллективные фильмы по стихотворениям детских писателей, интерактивные открытки к разным праздникам: День учителя, Новый год, 8 Марта, День защитника Отечества, авторские мультфильмы (идея и сценарий коллектива ребят), индивидуальные мультфильмы (авторские лимерики учащихся).

Новое направление, в котором наш коллектив решил поучаствовать – создание буктрейлера. Что это такое? Многие из взрослых и детей этого не знают. Мы тоже впервые столкнулись с этим направлением. *Буктрейлер* – это короткое видео, можно сказать, «превью» какой-либо книги, которое в свободной форме повествует о произведении. Такие ролики создаются с целью пропаганды чтения, а также для повышения интереса к книгам. Их можно сравнить с трейлерами к кинофильмам. Буктрейлер обычно не продолжается более двух-трех минут и может прилагаться как к современному, так и к классическому произведению. Буктрейлер объединяет три области: книга, реклама, видео.

Какую же книгу нам взять для создания буктрейлера?

Ребята предлагали произведения Н. Носова, В. Драгунского – очень популярных писателей среди учащихся начальной школы. Но когда я спросила ребят о писателях Вологодской области, они почти хором ответили, что читали книгу Василия Белова «Про Мальку». Дети рассказали мне истории из книги про деревню и ее жителей. Ребята (ученики 3 класса) на уроках внеклассного чтения в школе познакомились с творчеством Василия Белова. Они с удовольствием делились впечатлениями от прочитанных произведений. Мы решили остановиться на создании буктрейлера по произведениям Василия Белова, потому что его герои близки ребятам по мироощущению, доброте, отзывчивости, по проявлению чувств душевного подъема человека. Традиционный уклад русской деревни близок и понятен школьникам, так как большинство из них каникулы проводят у бабушек и дедушек, в деревне, на дачах. Все, о чем пишет Василий Иванович, дети знают не понаслышке. У учащихся складывается впечатление, что автор пишет о них, это они сами герои книг.

Предстояла сложная работа, которая была организована поэтапно:

Первый этап:

- выбор книги Василия Белова («Рассказы о всякой живности»);
- чтение книг о вологодском селе и его обитателях.

Второй этап: просмотр примеров буктрейлеров с учетом формата:

- 1) игровых (минифильм по книге);
- 2) неигровых (набор слайдов с цитатами, иллюстрациями, книжными разворотами, тематическими рисунками, фотографиями и т. п.);
- 3) анимационных (мультфильм по книге). Именно этот формат и был выбран нами.

Третий этап:

- написание сценария;
- создание раскадровки, где прорисовываются все сцены мультфильма;
- создание мультяшных пластилиновых героев, фона.

Четвертый этап:

- съемка вступительной и заключительной частей, где героями выступают сами учащиеся;
- съемка в покадровой технике мультфильма.

Пятый этап:

- соединение трех частей в одно целое с помощью монтажа в программе «Киностудия Windowslive»,
- озвучка,
- наложение музыки.

Заключительный этап:

- просмотр видеоролика;
- отправление буктрейлера на городской конкурс «Книжная полка» 2017 года.

Ребята мультстудии с нетерпением ждали результатов конкурса. Победа и приз зрительских симпатий вызвали бурю радостных эмоций у всей студии.

Второй год подряд мы создаем буктрейлер по книгам Василия Белова. Для учеников нашей мультстудии «Романтика» Василий Иванович Белов – самый популярный писатель Вологодской области, т. к. его произведения для детей, о детях и животных; живые, зрительно воспроизводимые. Язык автора многоликий и родной, достоверный и чистый. Произведения В.И. Белова позволяют создавать буктрейлер легко и творчески, необычно и увлекательно.

Литература

1. Буктрейлер. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>
2. Белов В.И. Рассказы о всякой живности. Вологда: ПФ «Полиграфист», 2000.
3. Белов В.И. Каникулы. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1981.
4. Белов В.И. Про Мальку // Белов В.И. Рассказы о всякой живности. М.: Детская литература, 2010.
5. Дополнительная общеобразовательная – дополнительная общеразвивающая программа «Мультфильмы». МБОУ ДО «ЦДТ и МО». Череповец. Утв. приказом № 286 от 09.06.2017.

ОДЕЖДА – ПАМЯТЬ ПРЕДКОВ

Аннотация. Статья отражает рефлексию на тему гармоничной ритмичности жизни через личные рассуждения автора и образы, созданные в рассказах современных вологодских писателей. К исследованию привлекается книга В.И. Белова «ЛАД». На практических примерах показана тенденция закрепления памяти предков через одежду.

Ключевые слова: ритм, гармония, одежда, «оболочка», мода, ретро, образ, память.

Шагнуть вперед можно лишь тогда, когда нога отталкивается от чего-то, движение от ничего или из ничего невозможно. Именно поэтому так велик интерес у нашей молодежи к тому, что волновало дедов и прадедов.

В. Белов

Человеку свойственны взлеты и падения, черная полоса жизни и белая, позитивное настроение и состояние, когда «опускаются руки»... Разнополярность создаёт равновесие и, как это ни странно, гармонизирует бытие, уклад жизни.

Именно это обеспечивает взаимосвязь истинной красоты и пользы. И именно об этой гармонии повествуют очерки народной этики Василия Ивановича Белова. Такая гармония полярных понятий и есть внутренний мир Вселенной. Все остальные – цикличность и отметки – подчинены дуальному правилу.

На чашу «весовой гармонии» Василием Беловым положено всё народное и антинародное. При этом главенствующее влияние уделено первой категории: «...труд, быт и поэтическое творчество составляли когда-то единый сплав жизни» [1, с. 24]. При этом ритм – основа не только труда. Он необходим человеку во всей остальной деятельности.

Последовательно переплетаются нити основы и утка при создании ткани. Не «пробежит» поперечная нить вовремя – будет нарушен ткацкий рисунок. Коклюшки переплетаются между собой, образуя на сколке кружевной узор по своим правилам и канонам. Стежки, порой аккуратные, а другой раз совсем иные, – дружно ложатся на полотно. Это уже народная вышивка, кружево или шитьё.

Нити, ткани, одежда... Рождается человек и сразу его облачают в одежду. В одежде провожают и в последний путь. «Можно лишь сократить или удлинить какое-либо возрастное состояние, но ни перескочить через него, ни выбросить из жизни невозможно» [1, с. 98]. «Человек менял свои возрастные особенности незаметно для самого себя, последовательно, постепенно» [1, с. 97].

«Одежду в народе до сих пор называют «оболочкой», одеянием – «оболакиванием». Оболакиваться, оболотаться – значит одеваться. В терминах этих звучит нечто зыбкое, легкое, временное, напоминающее преходящую красоту небесного облака» [1, с. 172]. Отношение к одежде сказывалось в простоте, в чувстве меры, в экономической доступности, в красочности и многообразии.

Что же происходит сейчас?

Современное «клиповое» сознание, не имея цепочки логического и гармоничного, суетно вышвыривает какие-то сумбурные не связанные друг с другом понятия. И в одежде – так же. А ведь «нигде, как в одежде, так прочно и наглядно не смешались воедино два человеческих понятия: духовное и материальное...» [1, с. 172].

Сегодня мы наблюдаем огромное желание наряжаться в «нечистую силу». Популярны на западе праздники «Хэллоуин», пышные балы с карнавальными шествиями всякого уродства и нечисти. «Существует какая-то странная, на наш современный взгляд, эстетическая потребность – потребность время от времени вывернуть себя наизнанку. Может быть, с помощью антиобраза (святочная личина, противоестественный наряд, вывернутая наизнанку шуба) наши предки освобождали себя от потенции безобразного [1, с. 223]. Люди в этих образах «представлялись». Что это значит? «Представление – это нечто поставленное, подготовленное заранее; представляться – значит выдавать себя за кого-то другого. Потребность представляться вызывается, вероятно, периодической потребностью преобразиться, отрешиться от своего «я», как бы со стороны разглядеть самого себя, а может быть даже отдохнуть от этого «я», превратившись на короткое время хотя бы в собственную противоположность... Но всего вероятнее, наряжаясь, например, чертом, человек как бы отмежевывался от всего дурного в себе, концентрируя в своём новом, «вывернутом образе» всю свою чертовщину, чтобы освободиться от неё, сбросив наряд. При этом происходило своеобразное, как бы языческое «очищение». Чтобы освободиться от нечисти, надо было выявить эту нечисть, олицетворить ее (то есть ввести в образ) ...» [1, с. 223]. Хочется верить, что теперь это так и есть, что человек остаётся человеком.

Нитью народа пронизаны рассуждения и упоминания об одежде в произведениях современников В. Белова. Эта нить, как клубочек, тянется от рассказа к рассказу, переплетая всех мудростью и самобытностью. В рассказе «Семнадцатый» писателя Станислава Мишнева из Тарногского района понятно настроение героя по одной фразе «...Маня, достань костюм, в котором я последний раз на пленуме райкома партии был...». «Лёлькины картинки» сокольского автора Галины Швецовой напоминают нам о старой газете «Красный Север», о вологодском словечке «полоротый», пословице «ищем, как нитку в стоге сена». А еще автор вспоминает плюшевую шапку, старую кроличью шубку, модное пальто с капюшоном, мамины любимые конфеты «Школьные». Очень интересно описание семейного праздника: «...мама в красивом платье с кружевным воротником, папа и Сергей – в белых шёлковых рубашках, а Таня – в модной кофточке... А Лёлке досталось от сестры ещё новое, с вышивкой, платье».

Два утверждения В. Белова: «Одежда стоит в одном ряду с внешней красотой» [1, с. 179] и «Мода вообще вредна в таком деле, как дело нахождения себя» [1, с. 295] – предопределили работу над творческим проектом «Ретро» и демонстрацией созданной коллекции учащимися МБОУ ДО «Центр детского творчества и методического обеспечения». Слово «ретро» означает возвращение в прошлое. И многие современные дизайнеры постоянно затрагивают эту тему, включая ретро-модели в свои коллекции. Сейчас можно смело говорить о том, что ретро – это особая категория стиля в моде. Это, скорее, диффузный сплав десятилетий. Как здесь не вспомнить, что на каждом витке цивилизации берется всё самое важное и прогрессивное и переносится в настоящее. Так происходит, когда мы говорим «ретро». Ведь в моде важны элементы красоты и гармонии и эстетические каноны поколений. Какая бы ни была мода, всё самое лучшее запоминается и превозносится на её новом витке с новыми материалами и технологиями.

Название книги миниатюр устюжанина Юрия Максина «Лоскутки памяти» говорит само за себя. «Как сентябрьское небо» Зои Александровны Кокаревой – рассказ о жизни женщины с её воспоминаниями через одежду (платок и платье), переосмысление и великое прощение. Поражает название платья – «нёбовое» (как сентябрьское небо). Рассказ под названием «Матрац» Натальи Мелёхиной вообще показывает жизнь рода, память предков и ещё очень многое через обычный предмет быта, у которого «шкура-обивка из

холстины стала серой, словно поседела от времени...».

Наша коллекция «Ретро» – это память времени в одежде. В ней есть изделия из старинных материалов (креп, шифон, «шотландка», бархат на хлопчатобумажной основе и др.), раритетные аксессуары (бусы, сумки, зонты), обувь, кружевные блузки, школьная форма – классические платья из шерсти с лавсаном (ткань так и называлась «школьная») с шёлковым белым и шерстяным черным фартуками. Оборка батистовой блузы украшена кружевом прабабушки (по-видимому, это кружево сплетено на коклюшках). Много детских платьев, которые носили мамы девочек и шили когда-то бабушки и тётки – с кружевами и вышивками.

Наша коллекция – это образ. И мы создавали его, подбирая изделия по фигуре, фасонам, настроениям. Подбирая модели, облачаясь в них, у девочек и девушек происходило преображение внутреннего мира. Что-то принималось сразу, к чему-то привыкали. А некоторые модели вообще попросили поносить по окончании работы. Вот только никто решительно не захотел примерить свадебное платье (наверное, старое поверье, что наденешь платье – замуж не выйдешь – пережило века). Через одежду мы почувствовали дух времени своих родных. Одежда сблизила поколения, и дети почувствовали ритм жизни предков.

Наши мамы и бабушки берегут свои любимые и дорогие наряды. Про отношение к одежде есть поговорка «Не поносишь плаченого – не видать злачёного» – о бережливости и умении ухаживать за одеждой.

Девочки, приводя в порядок изделия (их надо было постирать, почистить, подремонтировать, поутюжить и т. д.), тоже приобщились к народным мудростям, которые ярко представлены в рассказах сокольской кружевницы Нины Павловны Гавриковой, где самобытно представлена практически полная технология старинного вологодского промысла. Читаешь рассказ и вспоминаешь современную блузку с прабабушкиным кружевом из нашей коллекции «Ретро». Если правильно подходить к понятиям и жизненным коллизиям, то стоит задуматься над высказыванием в «Ладе», что «мода вообще вредна в таком деле, как дело нахождения себя» [1, с. 295].

Может, и в моде можно найти «сермяжную правду» – память предков. Например, в другом нашем проекте «Древо жизни» представлена генеалогическая память, которая выражена в составляющих костюма: корсет (становая часть) из кожи старого плаща (80-е годы), юбка из уличного баннера (полимерное полотно), раститель-

ный декор из декоративного материала; съёмные манжеты-нарукавники из деталей – паты плаща; берестяное очелье.

«Народному отношению к одежде была свойственна, прежде всего, удивительная бережливость» [1, с. 173], поэтому нам и удалось создать коллекцию «Ретро».

Так и стучатся в память слёзы прошлого, оставляя бегущие ручьи мокрых дорожек. Эти ручейки сливаются в одно русло. И главное, что всё это движется. Важно – направление движения. Оказывается, это и есть жизнь! «Вне памяти, вне традиций истории и культуры нет личности. Память формирует духовную крепость человека», – писал В. Белов. А работа объединения «Сам себе дизайнер» формирует не только мировоззрение девушек, но и их отношение к миру.

Литература

1. Белов В. Лад (очерки о народной этике). М.: Молодая гвардия, 1982.
2. Вологодский ЛАД: литературно-художественный журнал». 2015. № 31; 2016. № 33.
3. Проза: сборник лучших произведений Всероссийского конкурса современной прозы им. В.И. Белова «Всё впереди». ВРО ООО «Союз писателей России», 2017.

НРАВСТВЕННОЕ И ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЕЖИ НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ИРИНЫ БОГДАНОВОЙ

Аннотация. В статье рассматривается произведение И.А. Богдановой «Дом, где тебя ждут» на предмет формирования у читателей духовно-нравственных ценностей.

Ключевые слова: литература, воспитание, вечные ценности, семья, Родина, вера.

Тема влияния литературы на подрастающее поколение всегда остается актуальной, так как книги – это одно из средств воспитания и формирования нравственных ценностей у взрослеющего человека.

Цель данной работы – выяснить, какое дидактическое и нравственно-патриотическое влияние на молодежь могут оказать произведения Ирины Богдановой. Для достижения этой цели были поставлены задачи: 1) представить краткую информацию о писательнице Ирине Анатольевне Богдановой и о ее творчестве; 2) ознакомиться с литературными обзорами на ее произведения; 3) выбрать книгу для анализа; 4) проиллюстрировать на конкретных примерах из выбранной книги, какие нравственные уроки могут вынести для себя читатели; 5) сделать выводы на основе представленного материала.

Ирина Анатольевна Богданова живет в Санкт-Петербурге, она номинант Патриаршей премии 2017 года. По профессии она воспитатель в детском саду. Именно работа воспитателем и подтолкнула Ирину Анатольевну к литературной деятельности. Не найдя ни одной книги, доступно рассказывающей детям о русском народном творчестве, она решила написать ее сама. На сегодняшний день писательница уже создала несколько замечательных книг, которые помогают детям знакомиться с исконно русской культурой. В ее творческом арсенале есть не только сказки, но и романы: «Жизнь как на ладони» в двух книгах, «Три Анны», «Мечта длиною в лето», «Фарфоровая память». Ирина Богданова – лауреат конкурса «Просвещение через книгу» за роман «Я спряду тебе счастье».

Валентина Курицина, кандидат филологических наук и редактор сайта Издательского Совета Русской Православной Церкви, в своей статье, посвященной роману «Жизнь как на ладони», отмечает: «Романы и повести писательницы Ирины Богдановой не раз отмечались премией «Просвещение через книгу». За последние несколько лет она завоевала признание у читателей, потому что пишет о вечных ценностях – любви, верности, умении с честью проходить через жизненные испытания. Важно, что большинство героев повести положительные. Создавать достоверные положительные образы гораздо сложнее, чем создание литературных злодеев. Это требует большего авторского мастерства. Но опыт положительных героев необходим юным читателям, которым писатель художественными средствами должен не только показать, «что такое хорошо и что такое плохо», но и ненавязчиво подсказать вариант ответа на извечный литературно-философский вопрос «что делать?». Ирине Богдановой это удастся» [3].

Ирина Анатольевна пишет в жанре исторического романа. С первых страниц тебя увлекает история одного человека или одной семьи, истории разных людей, которые постепенно, подобно ручейкам в большую реку или маленьким стежкам в большое панно, вплетаются в историю России. Сергей Арутюнов, доцент кафедры творчества Литературного института им. Горького, в своем обзоре на одну из книг Ирины Богдановой пишет: «Богданова обходится без плакатных нравоучений, и всё же заметна нарочитая разница в описании дореволюционного прошлого (в чуть сказовом и слегка мифотворческом ключе), революционных событий (хроникально-лично, подобно многим интеллигентским дневникам той поры, со следами «Хождения по мукам» Алексея Толстого) и настоящего, не существующего без памфлетного налёта». В той же статье он подмечает: «Как всякий русский, роман пробует ответить на вопрос, что сделал с нами двадцатый век, насколько сильно (безвозвратно) изуродованы мы им для возврата к самим себе, а заодно и в лоно традиции, основной принцип которой читается примерно так: «Получаешь не то, что хочешь, а то, что заповедано». Тайнственная Божья Воля проступает из текстовой ткани тем, что поверхностным страстям, кажущимся поначалу средоточием жизни, суждено упокоится на дне гигантского озера смыслов, а ослепительному Пути, начертанному над ними, – воссиять» [1].

Митрополит Калужский и Боровский Климент так отзываясь о ее творчестве: «Ирина Анатольевна не устает познавать историю своей семьи, своего рода. Многие сохранили ее предки, немало интеле-

ресных находок сделала она сама. Ее интерес к истории не ограничивается только судьбой собственной семьи. Писательница стремится узнать, как можно глубже, историю всей нашей страны. Все герои ее взрослых книг живут в определенном историческом периоде. Она не только предлагает читателям увлекательный сюжет и интересных героев, но и ненавязчиво передает множество исторических деталей, помогает глазами персонажей книг увидеть ту или иную историческую ситуацию изнутри» [4].

Воссоздавая в своих произведениях ту или иную историческую эпоху, Ирина Анатольевна часто обращается к мемуарам, газетам и журналам того времени, а также к сотрудникам музеев за консультациями. «С историческими периодами у меня просто. Я пишу то, в чем хорошо ориентируюсь, и первая половина XX века для меня гораздо ближе, чем нынешнее время. Я люблю старину. Мне нравится и речь литературных салонов, и крепкие деревенские словечки, и народные обычаи, и светский этикет.

Кроме того, прошлый век дает мне гораздо больше возможностей для сюжетного маневра, поскольку время было очень насыщенное событиями, и практически ничего не надо придумывать», – рассказывает писательница [6].

В своем интервью на телеканале «Спас» Ирина Анатольевна говорит: «Я не воспринимаю человека отдельно от истории страны и от истории семьи» [7]. Эта мысль находит отражение в ее романе «Дом, где тебя ждут», который был выбран для анализа. На наш взгляд, эта книга может воспитать в читателе самые лучшие качества. Роман охватывает период с 1920-х годов до наших дней, в нем рассказывается история семьи эмигрантов и связанных с ними людей на фоне различных исторических событий.

Образ дома является центральным для этой книги и раскладывается на три составляющие: дом как семья, дом как Родина и дом как храм. И через эти образы герои романа демонстрируют любовь к своей семье, любовь к Родине и любовь к Богу.

Любовь к семье проявляется у Ирины Анатольевны в таких прекрасных качествах, как забота, самопожертвование и верность. Так Фелицата Горностаева, вдова расстрелянного министра, в 1922 году чудом сбегает из Советской России, спасая свою дочь Таню. Причем она не просто слепо хочет бежать за кордон, а просит совета у духовника, разрываясь между тревогой за людей, потерявших в огне революций все, которым она помогает, и желанием уберечь ребенка от беспризорной жизни. Не озлобившись на мир в вихре революционных событий и в несладкой жизни эмигрантки во Франции,

Фелицата сумела воспитать из Тани доброго и достойного человека. Татьяна, разлученная со своим мужем Юрием Никольским, сыном того самого священника отца Игнатия, благословившего их на побег, хранила ему верность на протяжении десяти лет.

История другой героини, полячки Марии, показывает, что нужно ценить и беречь своих родителей. Иногда взрослеющие дети воспринимают своих маму и папу как воздух или солнце, полагая, что те будут всегда рядом, и не особо задумываясь о своем отношении к ним. Они забывают о таких вещах, как послушание, уважение и смирение. Вот так и Мария, узнав, что мать второй раз выходит замуж после смерти отца, стала демонстративно бунтовать. О счастье мамы она не думала, упиваясь собственным эгоизмом. А потом мама с отчимом погибли в аварии, а раскаивающейся в своем поведении Марии пришлось заботиться о новорожденном братике Ноэле. Но впоследствии судьба ее сложилась хорошо – после многих злоключений ее спас сын Татьяны и Юрия и взял в жены.

В этой книге есть замечательное выражение, произнесенное Фелицатой Андреевной – «куда иголка, туда и нитка». Именно так поступила Варвара, ее внучка и старшая дочь Никольских, когда ее муж-француз Этьен захотел поехать в Анголу, где бушевала война. «Как гром среди ясного неба прозвучало заявление мужа, что он мечтает уехать в Африку и уже получил приглашение от миссии «Ангел Спасения» под эгидой Красного Креста. Надо так надо. Немного поплавав над крахом своей карьеры, Варвара приняла выбор Этьена как неизбежную данность – пути Господни неисповедимы...» [2, с. 377]. И она последовала за мужем, показывая пример любви и преданности. Но когда в Анголе они оказались в окружении армии ЮАР, Этьен не просто не смог защитить беременную жену, он просто бросил ее, он был больше взволнован спасением собственной жизни, даже не захотев помочь Варваре выбраться из машины, на которой они ехали: *«– Завтра же улетаем на первом самолете. Проклятое место, проклятая земля, проклятые люди. Небо раскачивалось перед глазами, и уже не помнилось, как кубинские солдаты отвезли ее в госпиталь. Этьен сдержал слово и на следующий день улетел во Францию, а Варвара, похоронив недоношенного ребенка, осталась в Африке навсегда»* [2, с. 385-386].

Варвару в Анголе прозвали Русской Варей за ее доброту и заботу о беженцах. «В редкие свободные минуты она размышляла о своем пути и думала, как верно Он (Бог) распорядился ее судьбой, направив силы на то, в чем действительно нуждались несчастные и обездоленные, и что жизнь, потерявшая было смысл, внезапно

наполнилась до краев... Варвара узнавала своего малыша в каждой протянутой к ней детской ручке, какого бы цвета она ни была...» [2, с. 395]. Русская Варя всю себя посвятила служению ближним, возлюбила их, преодолевая страх и чувство безысходности. То, что для ее сбежавшего мужа было игрой в спасение человечества, для Варвары стало делом жизни. Читая о героических поступках этой волевой женщины, невольно думаешь, насколько мизерными кажутся твои «беды» в сравнении с тем, что пришлось пережить ей. «Сама Варвара имела простое объяснение своей смелости: Господь помогает» [2, с. 396].

И здесь поднимается еще одна интересная тема, над которой стоит задуматься. Кто действительно является близким человеком? Иногда бывает так, что самые близкие предают, а любовь и понимание приходит к нам от самых неожиданных людей. Варвара встретила в Анголе с советским офицером Сергеем Ладыниным. Их судьбы были схожи – от Ладынина ушла жена, когда он лежал с перебитым позвоночником, а еще он был тоже внуком священника. Они виделись буквально два раза и называли друг друга на «вы», но между ними образовалась крепкая связь, как между родственными душами. Ладынин – это образ того мужчины, за чьей крепкой спиной ничего не страшно, суровый военный, немного неуклюжий в общении, он по-настоящему смог окружить Варвару заботой и даже спас от наемного убийцы. Родившись и живя в двух государствах, практически в двух разных мирах, они оказались самыми близкими людьми, потому как они оба были русскими. А это не просто национальная принадлежность. Это образ мыслей и состояние души, это вера и поступки, это самоотречение и подвиг. Очень показателен следующий диалог между Варварой и Ладыниным:

«– Сергей Дмитриевич, дайте нам вертолеты вывезти людей из сожженной деревни... вы прекрасно знаете, что ни французы, ни американцы на выручку местным никогда не пойдут. Они слишком дорожат своими жизнями...»

– А мы, значит, дешевые, – горькая ирония его голоса соседствовала с ехидством.

– Мы не дешевые, – ответила Варя, – мы русские.

– Советские, – мягко поправил Сергей Дмитриевич <...>.

– Я не советская, я русская. <...> Время убивать, и время врачевать, время разрушать, и время строить, – подхватила Варвара. – И вы должны мне помочь, чтобы не свершилось еще одно злодеяние. Там, – она указала рукой на небо, – не спросят, какое у тебя звание или сколько ты написал научных трудов.

Сдаваясь, он поднял руки вверх:

– *Спросят, накормил ли ты голодного, утешил ли плачущего»* [2, с. 379-380].

В этих репликах, как и в поступках Варвары и Ладынина, наглядно демонстрируется способность русского человека распознавать, что вечное, а что эфемерное. После слов Вари ощущаешь гордость за свой народ и страну. Ирина Анатольевна часто ненавязчиво вызывает к этому чувству устами своих героев, отчего куда-то вдруг улетучивается модное нынче презрение к «этой стране», а на его место приходит любовь и уважение к нашему прошлому. Также в ее романе чувствуется просьба хранить в памяти тот подвиг, который явил собой воплощение евангельских слов «нет большей любви, чем положить живот свой за други своя».

Еще одна показательная сцена. К Татьяне, когда Франция уже сдалась войскам Вермахта, приходит соседка-еврейка и умоляет ее спрятать сына, поскольку их вот-вот увезут в концлагерь. *«Помогите, только вы. Больше никто. Вы понимаете, вы понимаете. Русские все понимают...»*, – говорит она Татьяне [2, с. 159]. А Танина мама, Фелицата Андреевна, глядя на французов, спешно покидающих Париж, искренне считает бегство неприемлемым для себя. *«Некуда, да и хватит бежать. Я... останусь на посту. ...Я русская»* [2, с. 136].

Русский человек не мыслит себя без любви к Родине, эта любовь является краеугольным камнем романа Ирины Богдановой. Татьяна и ее подруга-эмигрантка Люда, когда во Франции начинает процветать коллаборационизм, понимают, что готовы умереть, лишь бы не «пропустить в Россию эту фашистскую погань». *«На фронт хочу, чтобы лицом к лицу, как наши предки. Ведь мы же русские. Русские!»* [2, с. 143].

Известно, что некоторые эмигранты пособничали немцам во время Великой Отечественной войны, веря, что избавляют свою страну от «коммунистической заразы». Это что угодно, только не любовь к Родине. И тут даже не спасет тот факт, что нацисты якобы были лояльны к Церкви. Один из идеологов нацизма, Альфред Розенберг, к примеру, был открытым ненавистником не только христианства, но и любых других религий, выступая за уничтожение, в частности, Русской Православной Церкви. И в принципе, идеология национал-социализма, с ее теориями о высших и низших расах и о сверхчеловеке, – это откровенное богоборчество.

Но наряду с примерами предательства в истории участия русских эмигрантов в войне были и примеры преданности и исполнения долга перед Родиной. Наши соотечественники были в рядах фран-

цузского Сопротивления, а гимн для партизан-французов написала русская, Анна Марли, роль русских эмигрантов в Великой Отечественной войне нашла отражение в романе Ирины Анатольевны.

Татьяна и Фелицата Андреевна принимают известие о нападении нацистской Германии на СССР как свою личную страшную беду. Они понимают, что сопротивление французов на фоне героического сражения русских просто смешно, если не глупо. *«Покорить Францию – это значит занять ее территорию и установить свои порядки, а покорить Россию – значит убить почти всех русских, потому что русские никогда не сложат оружие перед вторжением иноплемennых»* [2, с. 171].

В этой книге чудесно раскрываются такие вещи, как тоска по Родине и радость возвращения. Это «чувство Родины» нашло замечательное отражение в поступках и мыслях героев. Фелицата Андреевна, узнав благую весть о Победе, «нашей Победе», желает более всего *«обнять их, опуститься на колени перед их подвигом и стоять с повинной головой за то, что все это время была далека от Родины»* [2, с. 237]. Мне кажется, что мы иногда ведем себя словно эмигранты в своей собственной стране, хоть мы и находимся на ее территории, но мы словно далеки от своей Родины. И порой мы даже не представляем, насколько ее любим, пока не окажемся за ее пределами. Ирина Анатольевна показывает читателям, как бывает мучительно находиться вдали от своего дома-Родины.

«Я мимолетом из Москвы, она такая прекрасная! Знаешь, я очень боялась, что разочаруюсь в Москве и город покажется мне чужим, – тетя Варя стиснула руки. – В первый момент так и было, слишком уж Москва, – она подобрала слово, – русская. Непривычная. А потом я встретила друга моего друга – девочку Аглаю <...>. Ей непременно хотелось показать место, где ее крестили. И вот, когда я подошла к церкви и приложила ладонь к стене, меня как будто Ангел обнял.<...> Я даже почувствовала тепло от его крыльев. А потом, когда посмотрела вокруг, на людей, на дома, на церковные купола с православными крестами, то внезапно осознала, что мир будет жить ровно до той секунды, пока стоит Москва...» [2, с. 621-622].

В этих словах можно углядеть отсылку к богословской теории монаха Филофея «Москва – Третий Рим», но также слова Варвары указывают на еще одно значение понятия «дом». И на протяжении всего романа Ирина Богданова аккуратно ведет читателя к пониманию того, что в жизни каждого человека должно быть место, куда можно вернуться и где тебя всегда встретят с любовью и радостью. «Дом, где нас всегда ждут» – это еще и Дом Божий, то есть храм.

В финальной сцене книги, когда персонажи Филипп и Аглая идут сквозь рождественскую метель к маленькой деревенской церкви, проводится параллель с долгим путем из плена египетского. *«Наша семья многие десятилетия блуждала по пустыне, чтобы снова обрести свою Обетованную землю»* [2, с. 700]. И на этом тяжелом пути длиной в девяносто лет нашим героям помогала вера, сияя во мраке Вифлеемской звездой. Ирина Богданова на конкретных примерах в своём романе показала, что христианские ценности являются поистине вечными.

Резюмируя все вышесказанное, хочу отметить, что, на мой взгляд, произведения этого автора могут положительно повлиять на подрастающее поколение. В поступках персонажей Ирины Богдановой нет напускного пафоса и тяжелого морализаторства, ее герои не бредят идеями спасения человечества, а просто делают, что должно, преодолевая себя, не идут на сделку с совестью, понимая, что даже маленькие уступки могут привести к большой беде. Огромное количество хороших отзывов от благодарных читателей, среди которых я сама, говорит о том, что Ирина Богданова пишет добрые книги, которые находят отклик в сердцах людей. И успех ее, как было отмечено в представленных обзорах и статьях, заключается в том, что Ирина Анатольевна, в отличие от писателей-флюгеров, не старается подражать различным модным веяниям или кому-то угодить, она пишет о действительно вечных ценностях, продолжая традиции лучших примеров классической литературы.

Литература

1. Арутюнов С. В руках Господних и своих. URL: <https://pravchtenie.ru/obzory/>
2. Богданова И.А. Дом, где тебя ждут: роман. М.: Сибирская Благозвонница, 2016. 701 с.
3. Курицина В. «Жизнь как на ладони» Ирины Богдановой. URL: http://naslednick.online/rubric/culture/culture_6137.html
4. Митрополит Калужский и Боровский Климент. С любовью к человеку, к Родине // Литературная Газета. 2017. № 17-18 (6596). 3 мая/
5. Фрагмент из интервью с Ириной Богдановой «Веретено жизни» // Православное книжное обозрение. 2017. № 12.
6. Фрагмент из телепередачи «Знакомство с автором» // Телеканал «Спас», запись от 11.04. 2017.

ЧТЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ СКАЗОК КАК СРЕДСТВО ДЛЯ РАЗВИТИЯ ТВОРЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Аннотация. Представлена методическая разработка занятий по изучению «Кружевных сказок» вологодского писателя Д.А. Ермакова в младшей школе.

Ключевые слова: Д.А. Ермаков, региональная литература, читательская деятельность, процесс воспитания.

Данная методическая разработка направлена на формирование интереса к современной региональной литературе. Практическая ее реализация позволяет так организовать читательскую деятельность младших школьников, чтобы посредством знакомства с книгой Д.А. Ермакова «Кружевные сказки» способствовать воспитанию общечеловеческих ценностей, любви к родине, народным традициям и промыслам.

Цель разработки – воспитание духовно развитой, нравственно отзывчивой личности ребенка через изучение современной литературы Вологодского края.

Задачи работы:

1. Приобщение детей младшего школьного возраста к литературе Вологодского края.
2. Формирование нравственных ценностей.
3. Воспитание активной жизненной позиции школьников в вопросах изучения и сохранения историко-культурного наследия региона.
4. Повышение эффективности использования краеведческого фонда библиотеки.
5. Пропаганда краеведческих знаний в системе образования и воспитания личности.

Дмитрий Анатольевич Ермаков – член Союза писателей России, лауреат Всероссийского конкурса им. Шукшина «Светлые души», дипломант Международного конкурса детской литературы им. А. Толстого, лауреат международной литературной премии «Югра», победитель международного конкурса «Благословение».

Романы, повести, рассказы и статьи Ермакова публиковались в журналах «Наш современник», «Роман-газета», «Москва», «Север», «Двина», «Сибирские огни», «Лад вологодский». Отдельные произведения переведены на финский, немецкий, арабский и китайский языки. Сегодня в писательском багаже Д. Ермакова два крупных романа, более 10 повестей, сотни рассказов, очерков и статей.

В 2017 году вышла в свет книга для всей семьи «Кружевные сказки». Так случилось, что сказки Дмитрия Ермакова еще прежде появились на страницах крупных журналов и были озвучены на радио в разных регионах страны. Потом герои Ермаковских сказок «заговорили» и голосами вологодских «чудожурналистов» под руководством Веры Кулигиной. И почти сразу были отмечены на всероссийском конкурсе «Патриот России-2017».

Сказки Д.А. Ермакова необходимы не только детям, но и взрослым. Его книга – прекрасное подтверждение мысли о том, что «сказка с её психологизмом, умением проникнуть в «тайны тайн» внутреннего мира ребёнка – двуадресна, она столь же для взрослых, сколько и для детей» [1, с. 45].

Писатель всматривается в наш взрослый мир, чтобы рассказать юному читателю о трудолюбии и взаимопомощи, о любви и сострадании. Вот девушка (сказка «Гармонист и кружевница») беспокоится о женихе, словно чувствует, что останется после войны только фотография, два письма и гармошка.

А радоваться миру, восхищаться родной природой, любоваться творением мастеров – это тоже работа. И непростая, если хочешь, чтобы это пережил и юный читатель. Смеётся бабушка Петровна, когда кружево плетёт. Вот только развернуть труд незрячей мастерицы придётся позднее, чтобы восхититься не только кружевом, но и родным городом. Вся Вологда на одной скатерти!

Чтение сказок Д. Ермакова требует особой атмосферы. Лучше всего они воспринимаются детьми «с голоса», дающего возможность передать интонационное богатство, чудесный авторский язык сказки. Библиотечными формами работы могут стать громкие чтения, рассматривание иллюстраций художника О.Б. Малинина, обсуждение прочитанного, творческие викторины и игры.

Чтения в библиотеке сказок Д. Ермакова должны быть тихими, неспешными. На них неуместны бойкие игры и КВНы. Каждая сказка от первой до последней минуты должна быть «сотворчеством» писателя – библиотекаря – читателя, будь то чтение или слушание, рассматривание иллюстраций или обсуждение прочитанного.

Одним из вариантов работы библиотекаря с читателем может быть занятие, помогающее услышать *голос сказки*. Для этого можно использовать приложение к книге – диск звукорежиссёра студии «Чудо-радио» Веры Кулигиной. Достаточно прослушать одну сказку. Спешить с вопросами или переходить к другому произведению не стоит. Лучше подольше остановиться на первичном эмоциональном восприятии, просто «плыть по течению» вместе с детьми, фантазировать, мечтать. Можно нарисовать свои кружевные узоры зимней Вологды, рассмотреть иллюстрации к сказке, вспомнить мелодии, сопровождающие звучание произведения, их изменение по ходу действия произведения.

Другой вариант чтений и размышлений – *групповое обсуждение сказок*.

Далее прилагается методика обсуждения некоторых сказок. Любой библиотекарь, педагог может изменить или дополнить перечень вопросов, развернуть их с помощью цитат.

«Тёплая Снежинка, сказ о том, как вологодское кружево появилось»

Вопросы на первичное эмоциональное восприятие

1. Понравилась ли вам Настенька? Почему?
2. Какая мелодия может передать ваше настроение после чтения? (*Нежная, тихая, лирическая*).

Вопросы по содержанию

1. Где живёт Настенька? *«В селе Ковырине, что под Вологдой, жила семья: отец Иван, мать Катерина да дочка их Настенька»* [2, с. 3].

2. Что произошло с девочкой в хороший, морозный денёк? *«Поставила Настенька ладошку в варежку вязаную одетую, и легла на неё снежинка. Лежит и не тает... Никогда ещё Настенька так близко одну маленькую снежинку не рассматривала»* [2, с. 3].

3. Что случилось со снежинкой в избе? *«Понесла Настенька снежинку на варежке в избу, матушке показать. Да только через порог шагнула, снежинка и растаяла, в капельку обратилась...»* [2, с. 4].

4. Как решила помочь Катерина Настеньке? *«Думала она, думала и поехала с мужем Иваном в город на базар...»* [2, с. 4].

5. Что увидела однажды Настенька на подушке? *«Однажды открыла глаза, а рядом, на подушке снежинка лежит – настоящая, каждый лучик у нее ровный, между лучиками паутинки тонкие...»* [2, с. 7].

6. Как изменилась жизнь девочки после знакомства с кружевной снежинкой? *«Поправилась Настенька, стала вместе с Катериной теплые снежинки плести»* [2, с. 7].

Внутренние мотивы произведения

1. Почему Настенька не могла отвести глаз от снежинки? *«Смотрит, любится – до того снежинка красивая! Каждый лучик ровненько из серединки выходит, а от лучика еще стрелки граненые, и каждая грань на солнышке сверкает, и не верится, что само по себе так могло сделаться, это уж какой-то мастер такую снежинку из капли воды сковал»* [2, с. 2].

2. Почему девочка тяжело пережила потерю снежного чуда? *(Снежинка настолько восхитила Настеньку, что она не смогла пережить потерю).*

3. Почему Катерина решила сама смастерить снежинку? *(Мечтала излечить дочь).*

4. Почему кружевная снежинка оказалась тёплой? *(Терпенье, труд, забота помогли кружевной снежинке стать ещё более тёплой).*

5. Почему в селе Ковырине и даже в Вологде повсюду зазвенели коклюшки? *(Появились новые мастерицы).*

Язык произведения

1. Почему кружевная сказка называется сказом? *(Автор использует язык, подражающий фольклорным произведениям. Есть и реальные герои, населённые пункты: Ковырино, Вологда.)*

2. Почему автор подробно описывает механизм плетения кружева? *(Пытается проявить интерес к вологодскому кружевоплетению).*

3. Почему автор – рассказчик меняет современный язык на сказочный, фольклорный? *(Соответственно жанру).*

Обобщение, выводы

1. Чему учит нас произведение Д. Ермакова?

2. Нарисуйте тёплую снежинку. Объясните, почему именно такими узорами вы украсили свою работу?

«Кружевница и гармонист»

Зимний вечер. На улице уже темно. Мороз. А в бревенчатой избушке, утопающей в снегу по самые оконца, жарко топится печка, горит лучина. На скамейках сидят молодые девушки, которые собрались на посиделки. Они плетут кружева.

Звучит отрывок записи «Чудо-радио» «Гармонист и кружевница».

Чтение и обсуждение

Эмоциональное отношение (первичное восприятие)

1. Нарисуйте (словесно) понравившийся эпизод.

2. Почему использовали именно эти краски?

Основной замысел произведения

1. Где зимой собираются на «беседы»? *«Зимой-от соберёмся в избе, у кого попросторнее – каждая деушка со своей подушкой, с пляцками – кружева плетём, беседы ведём»* [2, с. 30].

2. Как раньше велись «беседы»? *«А уж по воскресеньям-то и плясали. Сперва тоже – плетём, поговорим, поговорим да и замолчим. Тут которая побойчее и пропоёт...»* [2, с. 30].

3. Как Сашка-гармонист оказался на ёлке? *«До чего обидчив-то был – тут же за порог... Вот и слушает всё, как играет он. И всё дальше, дальше, уж за деревню по дороге ушёл»* [2, с. 33].

4. Как гармонист и деушка вернулись в деревню? *«Слез Сашка – ни жив, ни мёртв. А как деушку-то увидел – воспрянул! Русского заиграл. Так с гармоньей да песнями в деревню и вернулись»* [2, с. 34].

5. Что стоит в старой избе, занесённой снегом деревеньки, на комод? *«В старой избе, в дальней, занесённой снегом деревеньке, на комод стоит гармошка-хромка с перламутровыми кнопочками, накрыта полотенцем белым с кружевным подзором»* [2, с. 35].

Внутренние мотивы произведения

1. Почему девушки заигрывают с гармонистом? *(Гармонист в деревне видный жених).*

2. Случайно ли деушка обидела гармониста? *(Не хотела показать, что он ей тоже нравится).*

3. Почему он залез на дерево? *(Испугался волков).*

4. Как война изменила привычную жизнь героев? *(Погиб на войне гармонист, овдовела жена).*

5. Для чего гармошка накрыта «белым полотенцем с кружевным подзором» в самом конце произведения? *(История судьбы людей показана как самое дорогое в истории страны).*

Язык произведения и особенности построения

1. Можно ли назвать сказку «Гармонист и кружевница» сказом? *Сказ – это вид литературно-художественного повествования, подражающий фольклорным произведениям стилем, специфической интонацией и стилизацией речи.*

2. Для чего автор вводит в произведение народные частушки? *(Передать устную народную речь).*

3. Какова функция диалектных слов в кружевных сказках? *(Передаёт колорит народной речи вологжан).*

4. Для чего автор использует юмор в данном произведении? *(Юмор делает историю интересной и помогает пережить трагическую развязку сказа).*

5. Почему писатель заканчивает произведение очень печально? *(Писатель повествует историю страны в период войны).*

6. Почему Д.А. Ермаков не прорисовывает портретные характеристики героев? Известно ли имя кружевницы? (*Подобные судьбы и истории характерны для того времени*).

7. Какую роль играет послесловие в данном произведении Д.А. Ермакова? (*Оно делает произведение более возвышенным*).

Обобщение, основные выводы

1. Чему учит нас произведение Д.А. Ермакова?

2. Почему автор большое внимание обращает на тему человеческой памяти?

3. Отражает ли кружево историю нашей страны?

Звучит песня «Кружевница» сл. Д. Ермакова, муз. М. Кулаковой.

Возможен отбор сказок на основе определённой темы. Так, предложенная для чтения сказка «Гармонист и кружевница» может быть изучена вместе с историей «Валентин и Валентина», они условно объединены темой войны.

Темы:

1. «Война и судьбы людей»

«Валентин и Валентина», «Гармонист и кружевница».

2. «Откуда кружево появилось?»

«Тёплая снежинка», «Добрые руки»

3. «Терпение и труд»

«Другое зрение», «Про жадную купчиху, матушку-императрицу и Любашу-кружевницу».

4. «История и судьбы»

«Дорогой заказ», «Кружевное приданное», «Валентин и Валентина».

Чтение и творчество

У сказок Д. Ермакова есть ценное свойство – они приглашают читателя поразмыслить о судьбе героев, вступить в литературное или художественное соавторство. Даже в самой книге предусмотрены страницы для отзывов и рисунков. Импульсом к творчеству могут быть разные приёмы. В том числе и хорошо известные – *продолжи сказку*. Дети способны рассказать о судьбе, например, Настеньки, от лица самой героини; придумать новые истории на предложенные темы, сочинить частушки или песенки.

Чтение сказок и сочинительство может входить в уроки рисования по творчеству Д. Ермакова. Необходимо предложить читателям нарисовать свои иллюстрации к полюбившимся сказкам. Ребятам будет легче творить, если они будут коллективно обсуждать

сюжет или тему. Если же коллективный рисунок не удаётся, пусть ребята это сделают дома, совместно с родителями. Тогда следующую встречу можно начать с семейной творческой импровизации, которая позволит ещё раз обратиться к произведению и осмыслить его. Интересно будет устроить совместную выставку «*Рисуем сказку кружевную*». Выставка не должна иметь жёсткой структуры. Работы после мероприятий должны приниматься вне зависимости от мастерства исполнения. Интерес к выставке не угаснет на протяжении нескольких месяцев, если будут появляться новые работы и новые, вовлечённые в творчество читатели. По мере накопления рисунки можно подшивать в рукописные книги. Интересно будет и пригласить на выставку писателя. Здесь можно удивить собственной *театрализацией* и озвучиванием сказок.

И хотя в детских постановках по произведениям Д. Ермакова рассказчик будет занимать ключевое место, театрализация обещает быть неповторимой благодаря интонации и языку героев, представленной атрибутике и правильно подобранной музыке.

А ещё дети должны усвоить, что сказка о кружеве – это сказка, которая никогда не закончится. Красивую, украшенную этими узорами, одежду носили ещё в Европе в XVII веке герои сказок Ш. Перро. Интересная коллекция лучших образцов европейских центров представлена и в уникальном вологодском «Музее кружева».

Не забудьте вспомнить, что в наших краях в XX веке красавица Кубена учила вологжан плести первые кружева. О ней на ленинградском фронте написала свои сказки Елена Тринова. Ночами при свете фонаря «летучая мышь» рассказывала она раненым, чтобы облегчить их боль, успокоить, свои неповторимые северные истории. Пройдёт больше 40 лет. И вновь на вологодской земле появятся живые кружевные сказки, в которых будет описание невзгод и счастья, войны и мира, любви и разочарования. Подарит их своим читателям Дмитрий Ермаков. Умело, используя кружевные термины, автор обратит внимание на вечную, жизнеутверждающую, мудрую тему человеческого бытия (звучит песня «Вологодские кружева», ст. Л. Юдникова, муз. В. Андреева).

Литература

1. Сафонова Н.К. Воспитание сказкой // Детская литература. 1989. №8. С. 45.
2. Ермаков Д.А. Кружевные сказки: для всей семьи / [худ. О.Б. Малинин]. Вологда: Киселёв А.В., 2017. 68 с.

**РАБОТА УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ
С ИМЕНЕМ ПИСАТЕЛЯ**

ЕЛИЗАВЕТИНСКАЯ БИБЛИЯ: ИСТОРИЯ СВЯТОЙ КНИГИ КАК ИСТОРИЯ ОДНОЙ СУДЬБЫ

Аннотация. Статья посвящена изучению хранящейся в фондах Музея-квартиры В.И. Белова Елизаветинской Библии XVIII века. Особое внимание уделяется описанию книги, истории ее появления в библиотеке писателя, рассматриваются особенности ее бытования со времени издания.

Ключевые слова: литературный музей, Василий Белов, Музей-квартира В.И. Белова, Евангелие, Елизаветинская Библия, старые книги, церковнославянский, музейный фонд.

В Музее-квартире В.И. Белова, в кабинете писателя, внимание каждого посетителя обращает на себя большая книга в бордовом бархатном переплете, лежащая слева от его письменного стола. Книга эта – Елизаветинская Библия, ведущая свою историю еще с XVIII века.

Первыми переводчиками Священного Писания на старославянский, разговорный язык наших предков, были Кирилл и Мефодий. Это произошло еще в IX веке. Церковь их канонизировала и признала равноапостольными, а в 1987 году в России в честь святых был учрежден церковно-государственный праздник «День славянской письменности и культуры». Кстати, Василий Иванович Белов был одним из тех, кто выступал за признание этого праздника государственным.

Полный текст православной Библии, то есть все книги Ветхого и Нового заветов, собранные под одним переплетом, впервые появился на Руси только в XV веке благодаря Новгородскому Архиепископу Геннадию, который впервые осуществил «собрание» ее полного текста. Рукописный вариант этой Библии вошел в историю как «Геннадиевская Библия». В 1714 году Петр I именным указом велел сделать новую редакцию Библии, заново сверить имеющийся перевод с греческим текстом, восстановить недостающее. Работа над этой версией Священного Писания продолжалась более 15 лет, после смерти Петра I великий труд продолжила его дочь Елизавета Петровна.

Впервые Елизаветинская Библия вышла из печати в 1751 году (от её имени перевод и получил своё название) и состояла из 4

томов. Все изменения, внесённые при исправлении перевода, были оговорены, примечания к тексту составили отдельный том, практически равный по объёму тексту самой Библии. Из известных сохранившихся на сегодняшний день экземпляров первого тиража точно установлено местонахождение только трех изданий, хранящихся в Государственной публичной исторической библиотеке, Бостонской публичной библиотеке и Троице-Сергиевой Лавре.

Спустя пять лет, в 1756 году, вышло второе издание Елизаветинской Библии, исправленное и дополненное гравюрами. Затем, книга несколько раз переиздавалась в XVIII – начале XIX в. без каких-либо изменений, так с 1751 по 1814 г. было осуществлено 22 издания Елизаветинской Библии. Именно Елизаветинская Библия до сих пор используется Русской православной церковью для совершения богослужений [17].

Напечатанная на церковнославянском языке, объемом более 1000 страниц она была преподнесена в начале 2000 годов Василию Ивановичу Белову обычными жителями Харовского района. Историю попадания в дом писателя книги поведал мастер-переплетчик Владимир Васильевич Богачев, который обратился в музей с откликом после выхода в газете «Наша Вологда» небольшой статьи об этом уникальном экспонате музея.

Владимир Васильевич был именно тем человеком, кто и обновлял утратившую за 200 лет свой первоначальный облик книгу, мастером, к которому за этой помощью обратился сам писатель. Переплет выполнен в красном бархате, привезенном переплетчиком специально из Санкт-Петербурга.

Объём и формат книги вызывают у посетителей музея неизменный интерес к изданию и восхищение им. Размер страниц 41 × 25 см, высота блока без крышек 9 см, текст напечатан в два столбца тонким четким некрупным шрифтом с художественными заглавными буквами в начале абзацев. Каждая глава предваряется гравюрой в треть страницы на библейский сюжет, страницы окружены узорными рамками.

На титульном листе издания указано: «БІБЛІЯ // сирѣчь // КНИГИ / СВЯЩЕННАГО // ПИСАНІЯ // ветхаго и новаго // ЗАВѢТА», текст сопровождают гравюры с изображениями евангельских сюжетов и видами двух императорских столиц.

Книжный блок издания составной, по-новому перетянут корешок, что характеризуется и составляющими его страницами различного цвета: желто-коричневыми и светло-синими. Сохранность книги также различна, часть страниц имеет обширные утраты, раз-

рывы, ветхость уголков, многочисленные разводы и пятна, бытовые загрязнения. Составной книжный блок не позволяет установить точную атрибуцию даты издания. Согласно следующему за титульным листом фронтиспису, «сия Біблія» выпущена во второе лето мирного и благополучного правления «Благочестивѣйшаго Самодержавнѣйшаго Великаго Государя Императора Александра Павловича» – соответственно в 1802 году. Однако следующее за ним предисловие указывает на издание «вторым печатным тиснением», что означает второе переиздание книги от 1756 года.

В ходе изучения книги была выявлена надпись, позволяющая частично приоткрыть историю ее бытования. Начиная с 40 листа издания внизу каждой правой страницы под типографским текстом расположен выполненный черными чернилами от руки следующий текст: «Сія // книга // Библія // Святониколаевской // Церкви // что на Сохтѣ // казенная //а подписалъ Сію // Книгу // тояъ// церкви // Діакець // Стефанъ // Соколовъ».

Историческое местоположение Николаевской Сохотской церкви до 1780 года – Вологодский уезд, Вологодская губерния, после 1780 года – Кадниковский уезд, Вологодская губерния, в настоящее время – д. Лобаниха, Азлецкое с/п Харовского района Вологодской области [18].

К приходу Николаевской Сохотской церкви относилось несколько деревень: Алферовская, Артемовская, Бычья, Вахруниха, Гридинская, Лобаниха, Пичиха, Помазиха, Чичириха, в том числе и родина Василия Ивановича Белова – деревня Тимониha [9].

Согласно архивным документам до 1834 года Николаевская церковь была деревянной. В прошении Епископу Вологодскому и Устюжскому Стефану, поданному причтом данной церкви 18 мая 1834 года, указано, что «хотя и не приходит < церковь > в ветхость, но на месте оной желаем мы соорудить новую каменную одноэтажную...» [1]. Среди подписавших прошение упоминается и имя дьячка Стефана (Иванова) Соколова. В 1842 году «тщанием прихожан» было возведено каменное здание, освящённое в ноябре 1843 года [5].

В клировых ведомостях Николаевской Сохотской церкви Кадниковского уезда за 1850–1916 годы есть ее описание: «Зданием каменная, одноэтажная, теплая и холодная церкви в одно связи с колокольнею. В теплой – престол во имя Николая Мирликийского чудотворца, а в холодной ...во имя Успения Пресвятые Богородицы»[3].

Автор подписи в Елизаветинской Библии – Стефан (Степан) (Иванов) Соколов (имя в документах варьируется) служил дьячком при Николаевской Сохотской церкви с 1799 по 1836 год. В архивном

фонде Вологодской духовной консистории в исповедной ведомости Николаевской Сохотской церкви Кадниковского уезда за 1799 год указывается: «дьячок Степан Иванов 19 лет, жена его Анна Космина 19 лет» [11]. Подтверждением этого факта являются и исповедные ведомости Николаевской Сохотской церкви за 1815 год. В разделе «духовные и их домашние» значатся: дьячок Стефан Соколов, 36-ти лет, жена его Анна Кузьмина, 29 лет, и дети их: Евдокия, 15 лет, Михайло, 12 лет, Леонтий, 9 лет, Дмитрий, 7 лет, Василий, 3 лет, Агриппа, 5 лет, Василий, 1 года [12]. Дьячок Стефан Соколов служил в церкви до 1836 года включительно, затем, вероятно, по состоянию здоровья был «уволен от дел в заштатные» и скончался в 1841 году от «неизвестной болезни» [10].

Согласно проведенному исследованию и архивным документам Елизаветинская Библия, находящаяся сейчас в Музее-квартире В.И. Белова, принадлежала к приходу Николаевской Сохотской церкви. Возможно, что именно дьяк Стефан Соколов, оставивший своей рукою надпись на страницах Библии, заново переплетал книжный блок из разных изданий Священного Писания, сохранившихся в церковном книжном собрании.

После революции многие здания церквей уезда были разобраны на кирпич, некоторые переоборудованы под склады, три из них под школы, в том числе и летний храм Николаевской Сохотской церкви. Об этом напишет сам Василий Иванович в повести «Невозвратные годы»: «...Брат Юрий уже ходил в школу. Она находилась в церкви. Высокая летняя была разделена пополам, на вделанных балках настлали мужики пол, пристроили лестницу, по которой поднимались на второй этаж, где стояли парты и стол учителя. На первом этаже тоже вплотную стояли парты. В зимней церкви (к ней была пристроена колокольня) начальство планировало учредить интернат...» [16]. Местонахождение исследуемой нами книги в этот период не известно, возможно, она была сохранена одним из прихожан этой церкви.

И не случайно, спустя 200 лет, в начале XXI века она оказалась в руках Василия Ивановича Белова. Ведь именно он в 90-е годы прошлого столетия на свои собственные средства и по своей инициативе восстанавливал ту самую Никольскую церковь, к которой и принадлежала эта Елизаветинская Библия. Вот так порой судьба книги бывает не менее удивительной, чем судьба человека.

В кабинете писателя есть несколько книг Священного Писания. Хранится в книжном шкафу «Толковая Библия или коммента-

рий на все книги св. Писания Ветхого и Нового Завета», изданная в Петербурге в начале XX века, есть и издание Библии 1991 года. Но, несомненно, дороже сердцу писателя была эта старинная Елизаветинская Библия, ставшая символом его духовной связи с родиной. «Слава Богу, - говорил он в одном из интервью, - что я, грешный человек, каждый день молюсь. Утром и вечером. Меня спасают слова молитвы православной».

В 2015 году при основании Музея-квартиры В.И. Белова Елизаветинская Библия стала его достоянием. Исследование издания продолжается, но уже сейчас ясно одно – какое действительно уникальное историко-культурное и научное значение имеет эта Книга не только для музея-квартиры писателя, но и для всего нашего региона.

Литература

1. ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 9597. Л. 19.
2. Там же. Д. 10856. Л. 2а.
3. Там же. Оп. 4. Д. 453. Л. 302.
4. Там же. Л. 304 об.
5. Там же. Д. 542. Л. 642.
6. Там же. Л. 642 об.
7. Там же. Л. 642 об.-643
8. Там же. Л. 643.
9. Там же. Л. 651 об.
10. Там же. Оп. 11. Д. 99. Л. 452 об.
11. Там же. Оп. 19. Д. 369. Л. 974.
12. Там же. Д. 385. Л. 522.
13. Там же. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 6313.
14. Там же. Ф. 1300. Оп. 28. Д. 32. Л. 105.
15. Там же. Д. 59. Л. 37.
16. Белов В.И. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 3: Повесть. Роман. – М.: Классика, 2011. – 512 с., 16 с. ил.
17. Осипова Анна Александровна. К вопросу о переводах Библии на русский язык // Вестник ЧелГУ. 2012. №28 (282). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-perevodah-biblii-na-russkiy-yazyk>
18. Сохотская Николаевская церковь // Православные приходы и монастыри Севера. URL: parishes.mrezha.ru/parish_history.php?id=828

ИМЕННЫЕ БИБЛИОТЕКИ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Аннотация. В статье рассматривается проблема именных библиотек, их классификация, мемориальная деятельность и работа по популяризации наследия и имени великих личностей. На примере опыта ряда библиотек и Центра писателя В.И. Белова в Вологде раскрываются основные направления деятельности и новые формы работы.

Ключевые слова: геокультурный брендинг, библионимика, именные библиотеки, библиотечный брендинг, Центр писателя В.И. Белова, Всероссийские Беловские чтения.

Культурологи, рассуждая о геокультурном брендинге – создании уникального образа территории, формировании представления города в культурном пространстве, достаточно много внимания уделяют краеведческой составляющей. Именно краеведение создаёт документально-ресурсную основу для создания концепции бренда, улучшения имиджа города. Как правило, в основе концепции бренда города лежат знаменательные исторические события, имена знаменитостей, которыми он гордится, а также часто воображаемые образы: мифы, легенды, фольклор, судьбы живших здесь литературных героев. Все эти сведения работают на бренд территории, который Д. Визгалов определяет как «чувство места» [1:12].

Последние десятилетия культурного развития в России дали немало примеров создания совместными усилиями краеведов, ученых, музейщиков и библиотекарей культурных мест, очагов культуры, представляющих собой синтез музея, библиотеки, культурного центра. Дом, Центр, Библиотека имени...

По данным Г.А. Мельничук, в России 490 именных библиотек, что составляет 9,5% от общего количества библиотечных учреждений в стране. В связи с этим возникает необходимость классификации многообразия названий библиотек [3:308].

Всё современное многообразие названий библиотек с точки зрения их символических значений С.Г. Матлиной классифицировано по таким основаниям, как:

– в основе названия – прецедентное имя (широко известное в стране или в регионе имя собственное);

- содержательно-смысловое обозначение приоритетного направления;
- деятельности библиотеки;
- условно-символическое обозначение библиотеки;
- топографический признак, отражающий местонахождение библиотеки;
- имена мемориальных библиотек, в наименование которых входит слово «дом» [2:4].

В этой публикации мы анализируем работу именных библиотек, в большей степени библиотек, носящих имена известных писателей. Как правило, яркое название, связанное с именем исторической личности, служит и «мотором», и стимулом, и основой для инновационной модели развития библиотеки. Именные библиотеки, глубоко занимаясь краеведением, всегда собирали материал, помогая формировать представление о городе, его уникальном Образе, при этом играя роль генератора, вырабатывающего созидательную энергию горожан.

Библиотека как культурный институт в последние годы сама по себе стала важным элементом локального культурного пространства, создающим особую атмосферу, влияющим на социальное самочувствие людей, их представления о своём городе, отчасти определяющем местную идентичность. Миссией именной библиотеки становится закрепление в общественном сознании памяти о достойном человеке, по сути, библиотека позиционирует себя продолжателем дела писателя, транслирует обществу систему его ценностей.

Сегодня, анализируя библиониимику, исследователи рассуждают о понимании имени библиотеки как ее названия и о понимании имени библиотеки как имени персоны, присвоенного библиотеке. В этом аспекте особенно важно становится понимание личности, имя которой носит библиотека, его место в литературе, роль литературного наследия на современном этапе, возможности работы вокруг имени с разными группами населения.

Какие же тенденции развития и формы работы характерны для именных библиотек в последние годы?

Прежде всего, это масштабные литературные форумы и фестивали, создание экскурсий, выставочно-экспозиционная работа, интерактивные проекты в виртуальной среде. Безусловно, важнейшей для именных библиотек является задача сохранения культурной памяти. Мемориальная деятельность библиотеки в последние годы нашла воплощение в музейно- выставочных экспозициях, мемориальных кабинетах, мемориальных комплексах. Вокруг био-

графии и творчества известного лица, чье имя присвоено учреждению, выстраивается мемориальный комплекс, профилированный книжный фонд, направления и методика работы, а также традиции библиотеки. Многочисленные примеры показывают, как библиотека становится объектом культурного туризма, встраивается в туристские маршруты и экскурсионные программы.

Несомненно, опыт, на который ориентируются именные библиотеки, – это опыт работы ведущих московских библиотек: Библиотека истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева», мемориальный музей и научная библиотека «Дом Н.В. Гоголя», библиотека – культурный центр им. М.А. Волошина. Несмотря на солидный статус научных учреждений, эти библиотеки постоянно иницируют проекты для массового посетителя, неискушенного читателя. Расположение в центре Москвы позволяет им активно заниматься экскурсионной работой. Дом Гоголя, например, приглашает в летний сезон на велосипедно-самокатные экскурсии «Гоголевская Москва» по улицам столицы, облик которых хранит память о прошлом. Интерактивная программа по страницам романа «Тарас Бульба» «Путешествие в Запорожскую Сечь» дает возможность совершить путешествие в пространстве и времени, стать участником отряда Тараса Бульбы, который отправился со своими казаками в Запорожскую Сечь. Занятие предусматривает возможность побыть актёром, историком и этнографом, а также испытать себя в интеллектуальной поединке на знание содержания знаменитой повести Гоголя. Дом Гоголя предлагает своим виртуальным пользователям поступить в «Гоголедж» – так назван просветительский проект для молодежи. Авторы презентуют «Гоголедж» как некое виртуальное пространство в формате визуализации старинной городской усадьбы в самом центре Москвы. Три факультета, «обучаясь» на которых читатель сможет изучить три произведения писателя из школьной программы: «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Ревизор» и «Мертвые души».

Библиотека – Дом А.Ф. Лосева стала пионером в области использования новых информационно-коммуникационных технологий и в содружестве с компанией IZl.travel предложила пользователям новую услугу – мобильный аудиогид. С помощью мобильного устройства человек может не только самостоятельно узнать о книжных и музейных сокровищах Библиотеки-Дома А.Ф. Лосева, но и получить возможность самостоятельно пройти по разработанному сотрудниками библиотеки экскурсионному маршруту «Прогулка по Арбату», посетить авторскую экскурсионную программу «Философский Арбат».

Миссия работы библиотеки-культурного центра им. М.А. Волошина выражена в слогане «уникальное – рядом» или «уникальное – доступно». Эта библиотека, расположенная в Хамовниках, сочетает в своем пространстве современный дизайн и атмосферу уютной «московской гостиной», которая объединяет единомышленников, помогает найти ответы на насущные вопросы. Уникальные проекты реализуются в рамках авторской концепции «Объект в Библиотеке», которая предполагает комплексный подход к знанию через знакомство с подлинным произведением искусства, чтение книги, дискуссию за круглым столом и лекцию профессионального ученого.

В пространстве публичных библиотек небольших городов и сел найти свой образ, имя иногда бывает и проще – в силу места рождения известных личностей, и сложнее – мало ресурсов и возможностей. Так, например, в Архангельской области работает 11 именных библиотек, большинство из них носят имена писателей – уроженцев Архангельского края, среди которых М.В. Ломоносов, Б.В. Шергин, В.С. Маслов, Е.С. Коковин. На Архангельской земле чтят память великого земляка – писателя Федора Абрамова. Популяризацией его литературного наследия занимается Карпогорская межпоселенческая библиотека, библиотека в Верколе, ряд библиотек в Архангельске. Примечательно, что в Областной научной библиотеке имени Н.А. Добролюбова реализован прекрасный просветительский проект **«Кабинет Федора Абрамова»** – музейный комплекс, в основе которого личная библиотека Федора Абрамова, подаренная Добролюбовке вдовой писателя Л.В. Крутиковой-Абрамовой в 2012 году. В 2015 году здесь открылась **литературно-музейная экспозиция «Чистая книга»**, созданная по незавершенной последней книге писателя. Экспозиция отразила период истории Пинежья начала XX века, в фотодокументах и материалах представлена материальная культура, лица людей, события эпохи. Собранный материал достаточно обширен – около 400 фотографий и документов из фондов библиотеки и архивов.

В Вологодской области именных библиотек не так много, интересен опыт реализации проектов, связанных с именами выдающихся земляков – библиотечно-информационного юношеского центра им. В.Ф. Тендрякова Вологодской областной универсальной научной библиотеки, Тотемской библиотеки имени Николая Рубцова и Харовской ЦБС имени Василия Белова. Так, силами библиотекарей и культурной общественности в Харовске был создан и успешно реализуется экскурсионный маршрут на родину В.И. Белова в деревню Тимониха «Дорога к дому», а в юбилейный 2017 год – год 85-летия писателя – рядом с библиотекой был открыт бюст великого земляка.

Серьезную и многогранную работу по продвижению и популяризации творческого наследия писателя проводит созданный в 2005 году на базе ЦБС города Вологды Центр писателя В.И. Белова. В 2009 году Центр инициировал проведение I Юношеских Беловских чтений **«О Родине душа моя болит»**, предлагая юным читателям **поразмывать** о сути творчества великого земляка, его человеческой, гражданской, писательской позиции и ответственности за судьбу родной земли. Со временем юношеские чтения превратились в научно-просветительский литературный форум – Всероссийские Беловские чтения «Белов. Вологда. Россия», объединяющий в изучении и популяризации литературного наследия В.И. Белова широкие круги почитателей творчества писателя. Учредителями Чтений с 2015 года являются Администрация города Вологды, Департамент культуры и туризма Вологодской области, Вологодский государственный университет. Среди главных организаторов Чтений – Вологодская областная универсальная научная библиотека им. И.В. Бабушкина, Вологодская молочнохозяйственная академия, Кирилло-Белозерский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, Вологодский научный центр Российской академии наук. Площадками проведения мероприятий Чтений являются учреждения культуры и образования, вузы и колледжи. Беловские чтения продолжаются три дня. Ежегодно в программе Чтений – научная конференция, литературные онлайн-марафоны в учреждениях образования и культуры, литературный семинар молодых авторов, дискуссионные площадки в школах города, молодежный творческий конкурс им. В.И. Белова, экскурсия на родину писателя – в деревню Тимониха Харовского района, творческие встречи и мастерские с писателями. Доклады конференции публикуются в издании «Беловский сборник», лучшие произведения молодых литераторов издаются в сборнике «Второй литературный семинар молодых авторов».

Центр писателя В.И. Белова в мероприятиях форума является одной из основных площадок, предлагая ежегодно вологжанам новые формы участия. Литературный семинар молодых авторов начал свою работу в 2016 году как обучающая площадка для юных талантов, пишущих и думающих. В дни Беловских чтений два дня в Центре идет детальный анализ произведений, писатели ведут диалог с «семинаристами» о литературном творчестве и литературном мастерстве. По окончании семинара лучшие авторы, произведения которых отмечены жюри, едут в Москву, в Литературный институт им. М. Горького, встречаются с известными российскими литераторами, в том числе с ректором института, известным писателем

Алексеем Варламовым. Опыт работы семинара Чтений показывает, что такая составляющая, безусловно, необходима в работе форума. Так известный вологодский литературовед главный редактор журнала «Лад» Андрей Сальников, анализируя итоги Чтений 2017 года, написал: «... по сердцу писателю пришлось бы многое. Например, литературный семинар: Василий Иванович всегда любил помогать молодым, с радостью поддерживал их – думаю, и нынешним начинающим свой литературный путь помогал бы с удовольствием. ... Говорили [на семинаре] о главном – для чего вообще стоит писать. Наверное, об этом довольно точно выразилась одна из участниц семинара, «стараюсь вложить в своё творчество лучики добра, чтобы делиться им с другими». **Центр в 2017 году также инициировал интеллектуальные баталии «ЛАДные игры»** по самой издаваемой и одной из самых значимых книг Василия Белова «Лад. Очерки о народной эстетике». Участники командных состязаний соревновались в знании текста книги, деталей деревенского быта, традиций и обычаев. Ежегодно в рамках Беловских чтений Центр проводит региональный творческий конкурс имени В.И. Белова «Душа хранит», тематика которого меняется ежегодно, но идеология – популяризация творчества В.И. Белова – остается неизменной. Так, в 2017 году участники конкурса проявили свои таланты в конкурсе сочинений «Читая Белова, постигаешь Россию», в конкурсе изделий декоративно-прикладного творчества по произведениям В.И. Белова (в различных техниках) под названием «Лад в душе – красота в мастерстве» и в конкурсе видеороликов «Деревенька моя лесная: история забытых деревень». Безусловно, именные библиотеки вносят значительный вклад в сохранение культурной памяти, культурного наследия. Современные формы, предполагающие вовлечение различных категорий населения, молодежи, школьников в работы вокруг имени становятся ориентирами развития как библиотек в целом, так и всего культурного процесса.

Литература

1. Визгалов Д.В. Брендинг города. М. : Ин-т экономики города, 2011. 160 с.
2. Матлина С.Г. «Нам остается только имя...»: имя как символ и бренд библиотеки // Библиотечное дело. 2008. № 24. С. 2-6.
3. Мельничук Г.А. Ономастика библиотек (постановка вопроса) // Библиотека в контексте истории: материалы VI Междунар. науч. конф., Москва, 4–5 окт. 2005 г. М.: Пашков дом, 2005. С. 300-312.

ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ БЕЛОВ И ВОЛОГОДСКАЯ ОБЛАСТНАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА: ИСТОРИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА

Аннотация. В статье описывается история взаимодействия Вологодской областной научной библиотеки с В.И. Беловым и материалы из фондов библиотеки, связанные с именем писателя.

Ключевые слова: В.И. Белов, Вологодская областная библиотека, фондовые материалы.

Имя Василия Ивановича Белова хорошо известно не только вологжанам, но и всем, кто хоть немного интересуется народным бытом Северного края. Новый активный всплеск интереса к творчеству писателя оказался связан с его 85-летним юбилеем, отмечаемым в 2017 году.

Василий Иванович Белов (23 октября 1932 года, д. Тимониха, Вологодская область – 4 декабря 2012 года, Вологда) – русский писатель XX века, один из крупнейших представителей и основоположников «деревенской прозы». Литературное наследие В.И. Белова составляет более ста тридцати книг, выпущенных тиражом свыше семи миллионов экземпляров. Вологжане гордятся В.И. Беловым, который своим писательским талантом и гражданской позицией прославил наш северный край. Творчество Василия Белова пронизано любовью к России и своей малой родине, единой мыслью о самобытности и душевности русского человека, чистого, искреннего и совестливого, жизнь которого неразрывно связана с природой, укладом жизни русской деревни. Его произведения являются подлинными образцами отечественной словесности.

Вологодская областная универсальная научная библиотека им. И.В. Бабушкина на протяжении длительного времени тесно взаимодействовала с Василием Ивановичем Беловым. В стенах библиотеки неоднократно состоялись встречи с писателем, собиравшие большую и очень разнообразную аудиторию, проходили выставки и презентации книг. Так, например, именно в Вологодской областной научной библиотеке 21 октября 2002 года прошла приуроченная к 70-летию юбилею Василия Ивановича презентация его новой книги «Час шестый», сопровождавшаяся выставкой книг, периоди-

ческих изданий и фотографий из личного архива Белова. Выступления были очень разнообразны. Так, критик В.А. Оботуров рассказал об этапах творчества юбиляра, его месте в литературном процессе. Доктор филологических наук В.Н. Бараков осветил в своем выступлении литературную природу романа-эпопеи «Час шестый» и ту научную работу по изучению творчества В.И. Белова, которая проводилась в Вологодском государственном педагогическом университете. Были представлены материалы словаря языка Белова, над которым работала доктор филологических наук Л.Г. Яцкевич. Выступали юные почитатели творчества писателя – учащиеся городских и районных школ, участники литературной студии при гимназии «Гармония».

Вологодская областная научная библиотека не только чествовала Василия Ивановича Белова, но и помогала ему в его творчестве. Так, например, в период работы писателя над романами «Кануны», «Год великого перелома» и «Час шестый» сестра Василия Ивановича Александра, по воспоминаниям сотрудников библиотеки, была постоянным посетителем залов периодики, собирая для брата материалы о жизни северной деревни. Она просматривала, отбирала и копировала газетные и журнальные заметки, относящиеся к периодам, описанным позже в романах Белова. Именно эта информация помогла В.И. Белову не только выразить свой взгляд на коллективизацию, но и наполнить романы живым звучанием времени.

Творчество В.И. Белова широко представлено в фондах Вологодской областной универсальной научной библиотеки всеми отечественными изданиями, есть некоторые издания на немецком, румынском, венгерском, словацком языках. В краеведческом каталоге библиотеки собраны, наряду с отдельно изданными произведениями, публикации в периодической печати, коллективных сборниках, что дает возможность проследить творчество В.И. Белова в развитии как поэта, писателя, драматурга, публициста. Собран значительный материал о творчестве Белова.

Оставил свой след Василий Иванович и в коллекции автографов Вологодской областной научной библиотеки, в которую вошли двадцать девять книг с дарственными надписями писателя.

В первую очередь это книги, подаренные автором непосредственно Вологодской областной универсальной научной библиотеке им. И.В. Бабушкина, их шестнадцать: «Тиша да Гриша», «Плотницкие рассказы», «Кануны», «Лад», «За тремя волоками», несколько изданий романа «Час шестый» и другие. В большинстве случаев авто-

графы на этих книгах лаконичны и содержат только подпись автора и дату, иногда сопровождаемые указанием на адресата подарка – читателей. Из общего ряда выбиваются несколько книг, автографы на которых более пространны. Это «Плотнические рассказы», подаренные Василием Ивановичем библиотеке в 1969 году, с надписью на форзаце «На память работникам Вологодской областной библиотеки, в день юбилея. Белов. 9 февраля 1969 года», трилогия «Час шестой», на авантитуле которой написано «Читателям богоспасаемой Вологды. Белов», и сборник «Раздумья о дне сегодняшнем», подаренный в 2003 году В.И. Беловым читальному залу Вологодской областной библиотеки взамен библиотечной книги, которую писатель оставил себе для работы. Адресатом дарственной надписи, расположенной на форзаце, выступает Марина Николаевна Теребова, в этот период заведующая отделом читальных залов: «Мария Николаевна прошу извинить, но черненьку книжечку мне нужно! Взамен возьмите эту» (сохранена орфография и пунктуация оригинала).

Входят в коллекцию и книги, подаренные Василием Ивановичем Беловым в разные годы разным людям и после смерти писателя переданные адресатами или их наследниками в фонды Вологодской областной научной библиотеки. Эти книги тоже могут быть разделены на несколько групп.

Пять книг с автографами В.И. Белова попали в фонды из библиотеки известного вологодского литературоведа Виктора Васильевича Гуры. Они интересны еще и тем, что на форзаце каждой из этих книг присутствует экслибрис Виктора Васильевича. Все эти дарственные надписи достаточно пространны и проникнуты глубоким уважением, например, «Виктору Васильевичу Гуре – первому моему блажелателю и наставнику. С искренним уважением Белов. 5 февраля 1964 г. г. Вологда» на форзаце вышедшей в 1963 году книги «Знойное лето» или «Виктору Васильевичу Гуре – ветерану всех литературных дел в Вологде, на память. Белов. 11 декабря 68 г. Вологда» на сборнике 1968 года «За тремя волоками». Особенно хочется выделить в этой группе книгу «Кануны», в дарственной надписи на авантитуле которой упоминается жена Виктора Васильевича Ирина Викторовна Гура, также литературовед: «Ирине Викторовне и Виктору Васильевичу! Желая здоровья и успехов на благо вологодской культуры и просвещения. Белов. 31.V.88».

Четыре книги, хранящиеся в ВОУНБ, ранее входили в состав домашней библиотеки семьи Яшиных, три из них были подарены Василием Ивановичем Злате Константиновне Поповой-Яшиной,

жене поэта Александра Яшина. Например, это сборник юмористических рассказов и повестей «Целуются зори», на титульном листе которого написано: «Злате Константиновне и всему ее дорогому для меня семейству на память. В. Белов. 7.1.76. В Рождество Христово». Адресатом четвертого автографа является Наталья Александровна Попова-Яшина, старшая дочь поэта, ей Василий Иванович подарил сборник «День за днем». Надпись «Натали! Вот какого я петуха пустил... Белов 14.III.73» с юмором обыгрывает рисунок на обложке.

Два экземпляра книги «Деревенька моя лесная», содержащие на титульном листе следующие дарственные надписи: «Ивану Митрофановичу Преображенскому сию деревеньку на память о встрече 4.V.1962. Белов» и «Дорогому Константину Ивановичу Коничеву со стыдом за мою литературную молодость и с величайшим уважением к богатству старшего. Белов 23 августа 1962 г.».

И, наконец, последние два автографа В.И. Белова находятся на книгах, переданных в фонд из личной библиотеки Вячеслава Евгеньевича Позгалева, бывшего губернатора Вологодской области. Это роман «Все впереди», на титульном листе которого написано: «Вячеславу Евгеньевичу от бюджетника. Белов 22 февраля 2002. Вологда», и изданный в 1919 году сборник материалов по изучению кооперации Северного края», который Василий Иванович сопроводил подписью: «Вячеславу Евгеньевичу Позгалеву – Губернатору от В.И. Белова. В. Белов. Начало июня 2006 г.».

ФЁДОР АБРАМОВ И БИБЛИОТЕКА ЕГО ИМЕНИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ И СОВРЕМЕННЫЙ АСПЕКТ

Аннотация. Карпогорская центральная библиотека им. Ф.А. Абрамова с 1978 года является административным, комплекующим и методическим центром для 25 общедоступных библиотек Пинежского района. В 1984 году ей присвоено имя писателя Ф.А. Абрамова. В статье раскрывается опыт библиотеки по созданию информационных ресурсов, связанных с именем Фёдора Абрамова и продвижению творчества писателя-земляка на Пинежье в 1958–2018 годах.

Ключевые слова: Пинежский район, Карпогорская библиотека, продвижение творчества, Фёдор Абрамов, библиотечные мероприятия.

«Книги Абрамова помогают воспитать, взрастить в себе Человека, отвечающего за всё происходящее в мире, Человека, способного умножать добро, красоту, братство и справедливость. «Будить, всеми силами Человека в человеке» – этому главному писательскому завету Фёдора Абрамова достойно следуют авторы предлагаемого сборника» [1: 5-6] – так оценила работу пинежских библиотекарей Л.В. Крутикова-Абрамова в предисловии к сборнику сценариев «В мире Фёдора Абрамова». Этот сборник стал первой серьёзной попыткой сотрудников Карпогорской центральной библиотеки им. Ф. Абрамова в 2010 г. обобщить опыт работников культуры и образования на Пинежье по углублённому освоению творчества писателя-земляка.

Карпогорская библиотека, созданная в 1918 году, с 1978 является административным, комплекующим и методическим центром библиотечной системы Пинежского района. В 1984 году ей было присвоено имя Фёдора Александровича Абрамова.

Библиотечная сеть объединяет сегодня 25 общедоступных библиотек района и обслуживает более 50% населения Пинежского района.

Тот факт, что мы живём и работаем на земле Фёдора Абрамова, накладывает на пинежан и всех тех, кто профессионально связан с продвижением творчества писателя-земляка, особую ответственность и обязанность стараться быть лучшими в этой деятельности.

С 1958 по 1983 годы – годы творческой активности Ф.А. Абрамова – Карпогорская библиотека активно знакомит читателей с произведениями писателя, проводит обсуждения его книг и статей. В эти годы складывается непростая история взаимоотношений писателя с земляками, они восхищаются его талантом, задумываются над проблемами, которые он ставит, и делают выбор – осуждать писателя за «искажение советской действительности» или принимать его правду.

За эти годы Карпогорская библиотека создаёт информационные ресурсы, связанные с именем Ф.А. Абрамова: собирает все издания произведений писателя, книги и статьи о нём, формирует справочную краеведческую картотеку. Сегодня в наших фондах бережно хранятся шесть книг с автографами, подаренных писателем Ф.А. Абрамовым, и десять книг, подаренных его женой Л.В. Крутиковой-Абрамовой. В нашем фонде сохранилось три альбома, оформленные библиотекой, по встречам писателя с читателями-пинежанами, мнением которых он особенно дорожил: материалы читательских конференций по роману «Братья и сёстры» 1960 года, по очерку «Вокруг да около» 1963 года, по роману «Пути-перепутья» 1973 года.

З.В. Бутюкова, директор библиотеки с 1978 по 1993 годы, и её муж, самодеятельный художник В.Н. Бутюков, были близкими друзьями семьи Абрамовых. Каждый раз, когда семья Абрамовых приезжала в Карпогоры, они встречались в доме Бутюковых. Художник подарил библиотеке выставку картин «Веркола – родина Ф.А. Абрамова», которая стала гордостью нашей библиотеки, а также два портрета Ф.А. Абрамова. Один из них, выполненный по уникальной технологии, 20 лет был визитной карточкой нашей библиотеки. Фото-корреспондент и автор книг Людмила Егорова подарила библиотеке фотовыставку «Герои книг Фёдора Абрамова» по прототипам героев писателя. Сохранилась фотография, где Федор Александрович случайно запечатлён на фоне здания, где сегодня располагается библиотека его имени.

После смерти Федора Александровича публикуются не изданные при его жизни произведения, выходит много книг и статей, посвящённых его жизни и творчеству. В сознании современников происходит переосмысление значимости творчества писателя для Пинежья и России. Библиотека активно проводит обсуждения новых произведений, премьеры новых книг с участием авторов книг – Л.В. Крутиковой Абрамовой, Ш.З. Галимовым, Л.В. Егоровой и др.

Особенным для пинежан стал состоявшийся в 1995 году тематический вечер «От «Братьев и сестер» до «Дома». На встрече выступили те читатели, кто при жизни писателя не всегда положительно воспринимали его творчество или были против его идей. Сегодня многие из пинежан помнят этот диалог как вечер-покаяние тех, кто в советское время, чаще всего под нажимом властей, осуждал самого Ф. Абрамова или его творчество.

В феврале 2000 года в библиотеке был торжественно открыт Абрамовский зал. Здесь размещалась посвященная писателю музейная витрина, регулярно оформлялись выставки из фондов Веркольского литературно-мемориального музея Ф.А. Абрамова, проводились вечера его памяти и экскурсии для школьников и туристов «по Абрамовским местам в Карпогорах», «Ф. Абрамов и библиотека его имени».

В 2005 году библиотека активно работала над нераскрытой к тому времени темой «Ф.А. Абрамов на войне и о войне», которая стала основной мероприятий, посвящённых юбилею Победы в Великой Отечественной войне.

В 2009–2010 годы библиотекой реализован районный проект «Абрамовским словом тревожим сердца людей», целью которого было объединение опыта 25-летней работы библиотекарей, учителей, музейных работников Пинежского района с творческим наследием Ф. Абрамова. Итогом проекта стало издание сборника лучших сценариев «В мире Федора Абрамова» [1], который пользовался большим спросом у учителей и библиотекарей области.

2010 год был объявлен годом Фёдора Абрамова в Архангельской области. По его итогам на Пинежской земле в феврале 2011 года был проведён Открытый форум, где учителя, библиотекари и музейные работники области поделились опытом работы по Абрамовской тематике. Сотрудники библиотеки подготовили к изданию новый сборник докладов «2010 год – год Фёдора Абрамова в Архангельской области: итоги» [4].

Обе книги получили высокую оценку Л.В. Крутиковой-Абрамовой.

После присвоения имени писателя в 1984 году Карпогорская центральная библиотека в партнёрстве с Отделом по культуре и туризму Администрации МО «Пинежский район» ведёт активную мемориальную деятельность по увековечению памяти писателя.

С 1995 по 2008 годы в селе Карпогоры установлены четыре памятные доски: на здании бывшей школы, на доме, где жил Ф.А.

Абрамов во время учёбы в Карпогорской школе, на доме любимого учителя А.Ф. Калинцева, на здании почты центральной улицы села Карпогоры, которой присвоено имя писателя.

Ежегодно в феврале и мае библиотекой проводятся Дни памяти Ф.А. Абрамова, возлагаются цветы к памятным местам в селе Карпогоры.

В последнее десятилетие мероприятия по продвижению творчества писателя-земляка носят сетевой характер и подразумевают активное участие детей и взрослого населения в Абрамовских мероприятиях.

В День памяти Фёдора Абрамова 14 мая 2010 года рядом с центральной библиотекой его имени была торжественно заложена «Аллея Фёдора Абрамова».

В 2011–2012 годах библиотекой организован краеведческий конкурс «Пинежье: Время. События. Люди» среди жителей Пинежского района. Победителем конкурса стала библиотекарь О.В. Алина. По итогам конкурса издан сборник «Веркола по всей Пинеге славится...» [2]. В сборнике представлены материалы по истории деревни Верколы – родины Ф.А. Абрамова, которые на протяжении многих лет собирались в библиотеке.

В 2013 году мы вновь вспомнили о традиции громких чтений» и ежегодно проводим читательский марафон «Читаем вслух Фёдора Абрамова».

В 2014 году библиотека провела районный детский конкурс «Абрамов и время» по номинациям «Лучшая иллюстрация о прочитанной книге», «Лучшее эссе о прочитанной книге», «Лучший буктрейлер о прочитанной книге».

После выхода многосерийного фильма режиссёра Теймураза Эсадзе «Две зимы и три лета» в библиотеке прошло его бурное обсуждение, которое вылилось в обращение пинежан «инициировать создание памятника русской женщине – героине произведений Ф.А. Абрамова» в селе Карпогоры.

В последние годы очень актуальна исследовательская работа, так как уходят из жизни современники писателя, а вместе с ними воспоминания о жизни Ф.А. Абрамова. С 2014 года и по сегодняшний день библиотека реализует сетевой исследовательский проект «Абрамов. Выставка одного экспоната», цель которого – сбор, хранение и систематизация воспоминаний, писем, фотографий из семейных архивов земляков, связанных с жизнью и творчеством Ф.А. Абрамова.

В 2015 году на вечере памяти «Он жил на нашей, Пинежской земле» состоялась презентация фильма, созданного сотрудницей библиотеки В.В. Авдеевой «Хроника села Пекашино» по прототипам произведений Ф.А. Абрамова. В этом же году библиотекари приняли участие в Днях культуры Пинежья в Санкт-Петербурге, где обменялись опытом работы с пятью библиотеками Северной столицы и записали обращение к читателям Л.В. Крутиковой-Абрамовой.

В ходе реализации проекта «Абрамовское слово» в 2017 году в учреждениях культуры Пинежского района были размещены цитаты Ф.А. Абрамова и оформлено пространство абонементов центральной библиотеки.

В феврале 2018 года сотрудники библиотеки провели сетевую акцию «День с писателем Ф.А. Абрамовым». Библиотекари пришли в организации и учреждения района с книгами писателя и предложили отдать дань памяти писателю чтением его произведений.

14–15 мая 2018 года, в дни 35-й годовщины со дня смерти Ф.А. Абрамова, в д. Веркола и с. Карпогоры прошёл Открытый форум «Имя обязывает», посвящённый 100-летию со дня рождения Ф.А. Абрамова и 100-летию Карпогорской центральной библиотеки им. Ф.А. Абрамова. Инициатором форума выступила наша библиотека. Форум собрал более ста работников культуры, образования и музеев Архангельской и Вологодской областей. В его работе приняли участие советник Президента Российской Федерации по культуре и искусству В.И. Толстой и профессор Московского гуманитарного университета Т.М. Гудима. Здесь был представлен лучший практический опыт продвижения творчества Ф.А. Абрамова в сфере образования и культуры, проведены презентации проектов и новых книг, интерактивные экскурсии по Абрамовским местам в с. Карпогоры и д. Веркола.

Форум стал отправной точкой мероприятий, посвящённых 100-летию со дня рождения Ф.А. Абрамова и началом новых межведомственных партнёрских связей и проектов. Благодаря нашему знакомству с вологодскими коллегами сегодня на Беловских чтениях впервые присутствует делегация работников культуры Пинежского района. В Верколе ОО «Инициатива Пинежья» в партнёрстве с работниками культуры и образования реализовала региональный проект «Творческая лаборатория северной словесности на родине Фёдора Абрамова» для молодёжи Архангельской и Мурманской областей. На форуме была впервые озвучена идея создания на базе Карпогорской библиотеки исследовательско-просветительского центра Ф.А. Абра-

мова. Сегодня разработана Концепция центра, предусматривающая преобразование Карпогорской центральной библиотеки имени Ф.А. Абрамова МБУК «КМБ» МО «Пинежский район» в современный исследовательско-просветительский центр Ф.А. Абрамова. Мы пока не знаем, воплотится ли в жизнь эта идея, но в любом случае было очень полезно осмыслить будущее библиотеки и развитие Абрамовского направления для Пинежья.

Со временем книги и мысли Ф.А. Абрамова становятся все более актуальными – он действительно обладал великим даром провидца и пророка. «Будем надеяться, Россия вновь обретёт свою духовную мощь и слово Абрамова поможет тому, будет востребовано читателем, ищущим достойных путей в жизни», – писала в своих работах Л.В. Крутикова-Абрамова [3: 36]. Сегодняшняя задача для профессионального сообщества – достойно встретить 100-летие со дня рождения Ф.А. Абрамова. Необходимо привлечь к его книгам и вечным вопросам молодых читателей, чтобы они гордились тем, что родились и выросли в деревне, и делали всё возможное для возрождения своей малой родины, как это делал всю свою сознательную жизнь писатель мирового значения – наш земляк Фёдор Александрович Абрамов.

Литература

1. В мире Федора Абрамова: (сборник сценариев) / Администрация муницип. образования «Пинеж. муницип. р-н», Карпогор. центр. б-ка им. Ф. Абрамова; [сост.: Л.Л. Конопля, Н.Л. Ряхина]. С. Карпогоры [Архангельская область]: Карпогор. центр. б-ка им. Ф. Абрамова, 2010 (Архангельск: Соломбальская тип.). 238, [1] с.
2. Веркола по всей Пинеге славится...: сборник / Веркол. б-ка муницип. бюджет. учреждения культуры «Карпогор. межпоселен. б-ка» МО «Пинеж. р-он»; авт.-сост.: О.В. Алина; [ред.: Т.В. Овчинникова]. Архангельск: Лоция, 2013. 180, [2] с.
3. Крутикова-Абрамова Л.В. Жива Россия: Федор Абрамов: его книги, прозрения и предостережения / Б-ка Рос. акад. наук. СПб.: Атон, 2003. 415 с.
4. Открытый форум «2010 год – год Федора Абрамова в Архангельской области: итоги»: [сборник методических материалов] / под ред. Л.Л. Конопля, В.В. Авдеевой]. С. Карпогоры, Архангельская обл.: Карпогор. центр. б-ка им. Ф.А. Абрамова, 2011 (Соломбальская тип.). 75 с.

«БЕЛОВСКИЙ КРУГ ГЕНРИХА АСАФОВА»: СВЯЗЬ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ МИРОВ ДЕРЕВЕНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ и Г.А. АСАФОВА

Аннотация. Статья рассказывает о музейном выставочном проекте, на котором были показаны ранее не экспонировавшиеся портреты известного вологодского художника Г.А. Асафова, и неслучайной близости художественных миров Генриха Асафова и Василия Белова. Портреты представляют близких друзей писателя В.И. Белова и при этом любимых писателей художника, глубоко раскрывших, по мнению Г.А. Асафова, «мудрость Землянина».

Ключевые слова: Музей-квартира В.И. Белова, В.И. Белов, Г.А. Асафов, живопись, портрет, деревенская тема, художественная выставка.

На протяжении пяти месяцев в Музее-квартире В.И. Белова (Вологда) реализовывался выставочный художественный проект «Беловский круг Генриха Асафова». На нем были показаны пять портретов известного вологодского художника, мастера монументальной и станковой живописи Г.А. Асафова. Каждый портрет экспонировался в течение одного месяца. Портретный ряд представлял близких по мировосприятию и духу Генриху Асафову писателей – Василия Белова, Валентина Распутина, Николая Рубцова, Василия Шукшина. Кроме того, на выставке была представлена и работа «Вологда» (1997) – образ города Вологды, второй родины художника (первая – деревня Чирково Усть-Кубинского района, где родился в 1940-м году и провел детство Г.А. Асафов), представленный в виде портрета юной девушки.

Идея выставок одного портрета возникла неожиданно. Сын Генриха Алексеевича – архитектор и художник Саша Асафов, показывая в мастерской работы отца, достал несколько портретов, к его и нашему удивлению, на большинстве были изображены близкие друзья писателя Василия Белова.

Все работы небольшие по размеру, написаны темными красками, как раз период художественных поисков – в конце 70-х – начале 80-х, в «рембрандтовский период». «В любой из работ «рембрандтовского периода» Асафова скрыта...истина: черный цвет на самом деле обе-

щает нам глубину синего кобальта, изумрудного зеленого, валёра янтарного и алого, многократно умноженные и впечатанные в тело полотна дамарными лессировками» [1, с. 16].

Несмотря на то, что все показанные в музее портреты написаны в темных тонах, работы не кажутся сумеречными. По словам заслуженного работника культуры Ангелины Глебовой, на них «краски словно зажигаются изнутри, мерцают и переливаются изумрудно-зелёным светом».

Кстати сказать, эти картины никто практически до выставки не видел, даже жена художника Мария Александровна Асафова некоторые, как призналась на одном открытии, в музее видела впервые. Художник писал их не столько для показа в галереях, сколько для себя: все они сделаны по памяти, никто из изображенных персон не позировал. Их можно назвать внутренним воплощенным представлением Г.А. Асафова людей-творцов. В одном интервью он нам так ответил на вопрос «почему он писал их?»: «Я их люблю. Мне их было приятно писать. Они глубокие. У них своя судьба. Мыслили как никто. Они как бы большие дети».

В августе 2018 года Саша Асафов рассказал перед очередным открытием выставки одного портрета: «Это не все портреты писателей, выполненные Генрихом Асафовым – были еще портреты Льва Толстого и Николая Клюева – Авт., но авторы идеи выставки из беловского музея сочли важным показать именно эти, исходя из своего чувства совпадения творческих судеб Белова и Асафова, которое имело место в 1980-е годы прошлого века. Мы не удивились, когда накануне открытия «Валентина Распутина» в дальнем и пыльном углу мастерской нашли подтверждение тому в рукописях вступительной статьи Генриха Асафова к каталогу его первой крупной персональной выставки в Вологодской областной картинной галерее в 1983 году: «На протяжении всего творческого периода ловил себя на том, что испытываю влияние любимых мыслителей. Идеи и мысли Шукшина, Белова, Рубцова, Распутина кажутся мне глубоко родными, они заставляют работать от счастья того, что есть борцы, таланты и люди, для которых душа человеческая не расписание электричек. Статья эта была напечатана в сокращении...без упоминания имен писателей, невольно соединившихся, таким образом, 35 лет спустя на выставке в музее».

Признание в том, что Василий Белов, Валентин Распутин, Николай Рубцов, Василий Шукшин – «любимые мыслители», «глубоко родные», которые заставляют работать от счастья – искреннее и

глубоко прочувствованное. Художник хорошо знает и понимает тексты этих авторов, ему близка тема деревни, простого человека, труженика. Даже его яркий художественный образ Земельяна («человек земли» на коне, убивающий лопатой змея, 1994 г.) перекликается с дружеским прозвищем Шукшина – Земеля. Много общего у художника и известного нашего писателя-земляка Василия Белова.

Генрих Алексеевич Асафов и Василий Иванович Белов – две крупные фигуры в творческих мирах – художников и писателей. Это люди одного поколения, известные мастера – живописи и слова. Оба внесли значительный вклад в развитие творческой темы деревенского космоса – темы земли, крестьянского труда, народной души.

Точность и выразительность их художественного языка во многом обусловлена деревенским происхождением. Невероятно близки ключевые образы их произведений – земли, избы, русской печи, топора, крестьянина. «Мои герои, – пишет Г.А. Асафов, – просты и мудры, не слишком разговорчивы, не слишком знают искусство, но бесконечно преданны своей земле. Они естественны, как естественны наши дороги, леса, деревни и поля, их мысли не хитры, а дела надежны и красивы. Они любят свои срубы с русской печкой, свои баньки и огороды, и не хотят знать и слышать о им непонятной «патриархальщине», для них прогресс в здоровье и счастье детей и в хлебе насущном. Это и есть поэзия их жизни. Они живут просто и уходят без истерик и сожалений, как будто уходят спать. Я в этом нахожу великую прочность их души» [1, с. 49]. У Белова всё словесное творчество около них разворачивает спирали мысли. У Асафова не только в живописи, но и в прозе, «Письмах к землякам», находим образы, утверждающие авторское кредо: «Для меня коса, пила, топор и вилы так же дороги и важны, как кисть и мастерская... Формула Крестьянского мышления мне очень близка и дорога, ибо она зреет, как все самое живое на Земле, которая нам и Мать, и кормилица. Мне нравится мудрость Землянина, где отсутствие суеты и страсти к престижу дают возможность жить Крестьянину глубоко и по-настоящему красиво».

Для Г.А. Асафова и В.И. Белова на протяжении долгих лет Вологда оставалась творческой мастерской, находясь при этом в географической близости с малой родиной – Усть-Кубинским районом, где родился Генрих Асафов, и Харовским – родной землей писателя Василия Белова. Эта близкая связь с домом питала и вдохновляла, она же внутренне роднила этих людей. Безусловно, в этом городе их и многое связывало – люди, встречи, пространства, интересы. Они

были частью одного круга вологодской интеллигенции последней трети XX века – яркие представители двух творческих профессиональных сообществ, запечатлевшие в образах ту жизнь, которую хорошо знали. В одном из интервью Генрих Асафов (2017 г.) сказал, что «писал картины и передавал искреннюю свою любовь к родной земле, к труженикам-землякам, ко всему тому, что видел в детстве, создавал проникновенный образ крестьянина и крестьянки. Писал только то, что хорошо знал». Не случайно в своем творчестве вологодского периода 1980-х годов он во многом ориентировался на героев прозы Василия Ивановича. Не случайно и внешнее совпадение героев жанровых картин Асафова с внешностью Белова.

В разные годы Генрихом Асафовым были написаны портреты писателя. По словам художника, Белова он мог нарисовать с закрытыми глазами: «Приземистая фигура, седая борода... Его типаж мне очень понятен – народный, крестьянский». Закономерен интерес художника к друзьям-единомышленникам Василия Ивановича – Николаю Рубцову, Валентину Распутину, Василию Шукшину. Все они говорили о святых и непреходящих вещах – Родине, Отечестве, Матери, Любви.

Описанный выше проект завершился в сентябре 2018 года. В рамках выставок отдельных портретов были прочитаны в музее авторские лекции – искусствоведа Ольги Силиной «Генрих Асафов. Крестьянский миф», писателя Леонида Вересова «Друзья дома Василия Белова. Разговор у портрета Николая Рубцова», проведены сборные экскурсии во время международной музейной акции «Ночь музеев», накануне дня города, в дни открытия портретов, выставкам было посвящено несколько радиозфиров на ГТРК Вологда, три видео сюжета, созданные информационным агентством «Вологда Регион» («35ТВ»), в печатных СМИ вышло около 40 новостных и культурно-просветительских публикаций. С экспозицией познакомилось около 400 человек.

К разговору о портретах Генриха Асафова были приглашены искусствоведы Ольга Силина, Юлия Веретнова, Саша Асафов, заслуженные работники культуры РФ – Наталья Серова, Ангелина Глебова, культурологи, писатели, литературоведы, художники и др. Многие охотно соглашались прийти и поделиться не только своими профессиональными мнениями, но и личными впечатлениями. Генриха Алексеевича очень уважают и любят как мастера живописи, как человека с огромной душой, испытывающего глубокую страсть к родной земле.

Благодаря проекту удалось взять интервью у Генриха Алексеевича Асафова, который в последние годы по состоянию здоровья не присутствует на своих выставках, записать воспоминания жены о знакомстве Генриха Асафова и Василия Белова, о написании портретов, записать ее впечатления о них и переданные через нее генриховские добрые советы, в том числе: «Скажи, пусть любят Белова. Пусть читают!».

Литература

1. Асафов Г.А. Альбом. М.: Известия, 2015. 264 с.
2. Генрих Асафов. Статьи о творчестве Г.А. Асафова. Вологда, 2006. 88 с.

ВАЛЕНТИН РАСПУТИН И ВАСИЛИЙ БЕЛОВ: СИНЕРГИЯ ОТНОШЕНИЙ

(по материалам Музея В.Г. Распутина)

Аннотация. В статье на основе материалов, представленных в экспозиции Музея В.Г. Распутина и хранящихся в его фонде, рассматриваются характер и развитие личных отношений двух современных русских писателей – Валентина Распутина и Василия Белова. Анализ автографов Василия Белова в книгах, подаренных Валентину Распутину и находящихся сейчас в фонде музея, открывает неизвестные стороны дружеских и творческих связей писателей, вводит в науку новые биографические и литературоведческие факты.

Ключевые слова: русская литература, писатель, музейная экспозиция, музейный фонд, автограф.

Дружеские, теплые и долгие отношения Валентина Распутина и Василия Белова последовали после частных встреч двух писателей на заседаниях Союза писателей РСФСР, на многочисленных литературных праздниках. Отразить эти отношения было необходимо в Музее В.Г. Распутина, недавно открывшемся в Иркутске, на родине писателя, в юбилейный год со дня его рождения (2017 г.). Творческая близость писателей, их причастность к «деревенской прозе» выражалась не только в изображении сельской жизни современного человека, его традиционного быта, уклада, нравов. Оба писателя проникли в самую суть русской культуры, связанной с земледелием и ее нравственными основами, выросшими из долгой, тяжелой, кропотливой работы на земле-кормилице. Искренними признаниями в любви к земле и описаниями красоты труда на ней проникнута книга очерков Василия Белова «Лад»: «Вот не спеша идет полосой вечный сеятель, машет рукой из стороны в сторону. Шаг, второй – и золотой дождь летит из горсти <...> Сеятель бормочет про себя какое-то извечное заклинание: то ли поет, то ли молится» [4, с. 11]. Страданиями и болью за родную землю, за все, что с ней и на ней происходит, наполнены произведения двух классиков русской литературы. Оба они стали сеятелями добра в русской культуре.

Предки В.Г. Распутина по отцовской линии были с Русского Севера. Как признавался сам писатель, «моя фамилия пришла из

мурманских краёв (другой ветвью из архангельских) и разрослась по Ангаре густо, назвав собою две деревни на порядочном расстоянии одна от другой» [9, с. 503]. Фамилия бабушки Марии Герасимовны Распутиной (в девичестве Вологжиной) подтверждает такое происхождение. Из северных краев предки писателя принесли силу нравственных законов, идущих от работы на земле-кормилице, от ее сбережения и освящения, принесли древний звучный язык. Именно бабушка окружила маленького Валю яркой, выразительной русской речью. В.Г. Распутин вспоминал, что «у бабушки было чисто русское, ликовое лицо, суховатое и удлинённое, глядящее издалека, точно помнящее века» [9, с. 503]. Удивительная по красоте речь была присуща всем жителям маленькой, в сорок дворов, Аталанки. «Но как говорили у нас в деревне, как говорили! Баско баяли – метко, точно, с заглубом в язык, не растекаясь мыслью по древу» [9, с. 507]. Основателями Приангарских поселений – родины писателя – были выходцы с Русского Севера – из Архангельской, Вологодской, Новгородской, Вятской и других губерний. Предки Василия Белова, русские крестьяне, тоже с Русского Севера, но остались в своих краях. В родных местах Василий Белов прожил всю жизнь, подтверждая деятельной любовью верность земле. Но родовые связи, протянувшиеся через всю Россию, писатель почувствовал: «Нет, не зря мои вологодские пращуры так стремились в просторы Сибири» [2, с. 65]. Генетическая связь предков и их особого языка у двух русских писателей обнаруживается через тысячи километров, разделяющих их место рождения.

Музею В.Г. Распутина определили особое здание. Деревянный дом по улице Свердлова, бывшей улице Баснинской. Усадьба известного иркутского купца Василия Николаевича Баснина (1799–1876), переехавшего в 1854 году в Москву. Хозяин дома, В.Н. Баснин, запомнился в Иркутске как купец-меценат, который собирал книги, гравюры, библиотека которого была открыта желающим. В доме устраивались музыкальные вечера, рядом была оранжерея, выращивались разные цветы, экзотические фрукты. Позднее дом приобрел купец Михеев, устроивший в нем бесплатную лечебницу. Деревянная жилая постройка с красивым просторным двориком как нельзя лучше выражает ключевой образ прозы В.Г. Распутина – образ бревенчатой избы, родного дома. Красотой русской избы, семейного подворья с его миропорядком, святым неизменным укладом и ритмом труда проникнуты произведения Василия Белова. Сам он – знаток крестьянских ремесел, мастер на все руки – мог срубить любую

деревянную постройку. И в облике Музея В.Г. Распутина, наверно, не случайно обнаружилось такое нравственное единство творчества двух писателей-классиков – образов и мотивов родного дома как выражения верности русской традиции, связи с предками, с землей.

В экспозиции Музея В.Г. Распутина представлены несколько совместных фотографий Василия Белова и Валентина Распутина. Они находятся в биографической части музея, расположенной в цокольном этаже. Одна из четырех представленных фотографий запечатлела Виктора Астафьева, Владимира Крупина, Валентина Распутина и Василия Белова на конференции советских и японских писателей «Экология и мир, экология и литература» 1–6 августа 1987 года. Она проходила в Иркутске и на Байкале и была посвящена защите природы от промышленных выбросов, защите воды. С нее начинается Байкальское движение [11, с. 73]. Фотография входит в раздел «1980–1989 гг.». Две другие фотографии с изображением того же события расположены в другом разделе – «Байкал». На одной – Владимир Крупин, Валентин Распутин и Василий Белов, на другой – Валентин Распутин и Василий Белов. Все три фотографии иллюстрируют участие писателей в борьбе за сохранение Байкала, открывают их гражданскую позицию в заботе о природе. В следующем разделе «1990–2015 гг.» представлена фотография «Пленум Союза писателей РСФСР 19 марта 1990 г.». На первом плане в зрительном зале сидит Василий Белов, на втором – Валентин Распутин и Владимир Крупин. Все четыре фотографии в экспозиции музея отражают общественную деятельность писателей.

Интересны материалы, хранящиеся в фонде музея, они открывают другую, личную сторону отношений двух писателей. В первую очередь, вызывают интерес книги из огромной библиотеки В.Г. Распутина. В московской ее части обнаружены две из них, связанные с именем Василия Белова [10, с. 8]. Они не имеют помет, закладок, автографов. Но есть то, что останавливает внимание. Близкие давние отношения писателей затронуты в предисловии А.Д. Заболоцкого, автора-составителя издания «Живописное собрание писателя В.И. Белова и живопись слова в его произведениях». Начало предисловия предельно скупое, чеканное, но свидетельствует о главном: «8 мая 2010-го. Ночь. Вологда <...> Сидели молча, пока не стал спрашивать о Вале Распутине, о “Нашем современнике”» [8, с. 3]. Важно, что первым, о ком захотел узнать В.И. Белов у заглянувшего к нему проездом А.Д. Заболоцкого, и первое, что ему вспомнилось, был друг Валентин Распутин. И с этих слов начинается книга.

Иркутская часть личной библиотеки В.Г. Распутина подготовила неожиданные открытия. К слову сказать, с этой части началась вся библиотека писателя, которая в свое время путешествовала с квартиры на квартиру, а потом поселилась в сегодняшней иркутской квартире до отъезда писателя в Москву, хотя потом ежегодно пополнялась во время приездов четы Распутиных в Иркутск на лето и осень. Сейчас все книги переданы сыном писателя Сергеем Валентиновичем Распутиным в музей. В недрах библиотеки нашлись пять книг Василия Белова [2, 3, 5, 6, 7]. Они очень разные – от маленькой и тоненькой голубой книжечки с тиражом в 100 экземпляров без указания издательства [6] до красочно иллюстрированного издания на мелованной бумаге [5]. Нельзя, правда, сказать, что книг в библиотеке было только пять, так как Валентин Распутин десятки и сотни собственных книг отправлял в открывающиеся приходские библиотеки новых храмов Иркутской области. Следы книг писателя можно поискать там. А пока среди сохранившихся книг Василия Белова две оказались с автографами автора-дарителя.

Благодаря этим дарственным надписям можно восстановить примерную дату знакомства и развитие отношений двух писателей. Первый автограф – по хронологии – на титульном листе книги В.И. Белова «Кануны. Хроника конца 20-х годов» (1976) гласит следующее: «Валентину Григорьевичу Распутину, если еще и не другу, то для меня-то уж родному и дорогому. С верой в Отечество. Белов. 17.11.76». Обращение по имени и отчеству к В.Г. Распутину выдает пока еще не близкие и, возможно, недавно состоявшиеся отношения. Вместе с тем автор открывает свое чувство близости и родства с адресатом. Очевидно, что между писателями сразу прочувствованной и важной стала любовь к родине и вера в ее будущее.

Стремительное развитие близких отношений и укрепление дружбы обнаруживается в следующем автографе – начала 1983 года, то есть через шесть лет. В нем уже теплое, семейное обращение к адресату, доверительная интонация послания, открытость личных переживаний и боли. «Валя! Посылаю тебе мою полумертвую Тимониху (стр. 142 и 182 и т. д.), раз ты до нас не успел доехать. Приезжай, пока есть шесть домов и шесть бань (в т. ч. две моих). Белов. 17.1.83». В обращении к другу за подтруниваем над собой скрывается боль о родной деревне, об ее угасании, скрывается тоска о дорогом человеке, потребность его видеть.

В книге «Кануны. Хроника конца 20-х годов» (1976) [3] между страницами 312 и 313 лежит закладка – слежавшийся, хрупкий

листок из отрывного календаря с датой «24 августа 1983 года, среда» с обводкой числа линиями, сделанными шариковой ручкой. Очевидно, что книга перечитывалась и ее обладатель отметил важное для себя место. Наверху первой страницы описание построенной мельницы, восхищение ею и чувство взаимной благодарности творения и творца друг другу. Мельница воспринимается как чудо. «На угоре, оттененная синим небесным разливом, высилась его громадная, еще бескрылая мельница. Желтовато-янтарная ее плоть, объединившая сотни перевоплощенных древесных тел, была так осязаемо близка, так дорога и понятна! В то же время мельница опять удивила его. Будто рожденная неожиданно, она посылала ему свой поклон, свою благодарность за то, что он создал ее, вывел из небытия» [3, с. 312]. И на следующей странице – предощущение человеком работы мельницы, размаха ее могучих, широких крыльев и запаха теплой муки. Птица – любимый, часто неочевидный, сквозной образ творчества Валентина Распутина. Возможно, в этом восторженном, вдохновенном полете крыльев мельницы и души строителя возникло созвучие и души читателя. Прозрачный и текучий, как река, песенный стиль Василия Белова, вероятно, тоже оказался близким Валентину Распутину. Его сохранившаяся закладка выделяет страницу как послание, как скрытый до поры знак признательности литературному таланту друга. В отмеченных страницах особенно ярко проявляется внутреннее согласие художественных миров двух писателей, общей этики добра и благодарности, эстетики единства мира и его взаимообусловленной цельности, его созидательной силы.

Отраженным светом в автографах Василия Белова проявляются чувства самого Валентина Распутина. Такие особые отношения хочется назвать высоким словом, может быть, древним греческим словом «синергия», которое имеет значение сотрудничества, содружества, деятельного родства с коннотациями духовного единения, взаимодействия, исходящими от христианской аскетики исихазма. Мы оказываемся свидетелями какой-то невыразимой связи и понимания двух людей, не доступной постороннему и протекающей молча, в тишине, в самой глубине души. Возможно, именно такие чувства просвечивают в строгих обмолвках Василия Белова: «Речь о Валентине Григорьевиче, который меня поймет» [2, с. 63]. Неопируемую суть подобных отношений открывают рассуждения Василия Белова о дружбе с Ф. Абрамовым, В. Шукшиным, В. Распутиным: «Все это я к тому говорю, что кроме дружбы существует некий закон вза-

имозаменяемости что ли. Он не позволяет оборваться необходимой традиции в отечественной культуре. То, что не успело сделать одно поколение, сделает другое. <...> Но жизнь национальной культуры ни на минуту не прекращается!» [2, с. 65]. Белов видел в Распутине непрерываемость русской культуры.

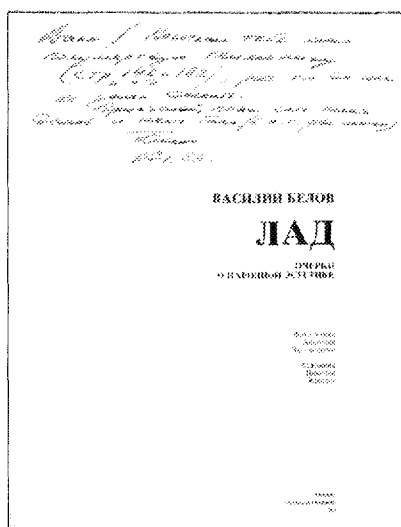
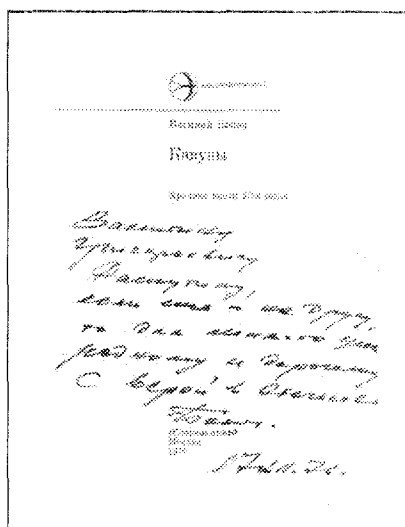
Еще до создания Музея В.Г. Распутина началась работа по разработке структуры и содержания его сайта. Одним из важных в структуре сайта определен был подраздел «Окружение», раскрывающий дружеский, творческий круг В.Г. Распутина. Известные люди России, близкие писателю, создали уникальный духовный, вдохновляющий контекст его жизни и творчества. Один очерк повествует о Василии Белове. Текст был написан автором данной статьи на основе изучения книги В. Белова «Раздумья о дне сегодняшнем», многих фото- и видеоматериалов из фонда Музея В.Г. Распутина, переданных сыном писателя Сергеем Валентиновичем Распутиным и Анатолием Виктором Пантелеевым.

Духовное родство двух известных писателей – Валентина Распутина и Василия Белова – скреплено долгой дружбой. И не только писательские дела объединили этих двух людей. Василий Белов жил в родной деревне Тимониха, занимался землей, хозяйством. Мастер на все руки, он в преклонные годы сам строил баню, с детства освоив плотницкое дело и другие крестьянские ремесла. Самостоятельный, домовитый, Василий Иванович умел все делать в лад, своими руками. Характером отличался неумным, могучим, независимым, что создавало массу разных непредвиденных ситуаций. Неуступчивый и масштабный в отношениях с людьми, Василий Белов словно оттенял скромность и тактичность Валентина Распутина. Но они были схожи в главном – они были совестью русского народа.

Приезжая к дочери Ане в Москву, Василий Иванович каждый раз заходил в гости к Распутиным, делился новостями, рассказывал о своих делах. Связанные многими годами поездок, творческих встреч, комиссий, заседаний, они могли бы многое вспомнить. Но разговоры держались самого важного для друзей – настоящего и будущего России. Эти два человека думали и страдали за всю страну, за свою большую и малую родину. Даже рассказывая о Валентине Григорьевиче в статье «Мой друг Валентин Распутин» (1997 г.), Василий Белов говорит не столько о друге, сколько о стране, об ее утратах, о разорении, о разрушении русской культуры. Словно Россия и Валентин Распутин – одно целое. А силу распутинского слова Василий Белов передает историческим сравнением: «Литературу Сибири можно сравнить с

полками, которые вовремя подоспели на защиту Москвы в 1941 г.» (В. Белов «Раздумья о дне сегодняшнем», Рыбинск, 2002)» [1].

Изучение личных и творческих связей двух классиков русской литературы – Валентина Распутина и Василия Белова, разумеется, необходимо продолжить. Сейчас в Музее В.Г. Распутина ведется системная работа по учету и классификации огромного массива фотографий, видеосъемок, газетных публикаций и других материалов, полученных от их собирателя и хранителя, визуального хронографа современной русской литературы профессора Санкт-Петербургского университета А.В. Пантелеева. Новые биографические и литературные факты, связанные с именами двух писателей, должны быть введены в науку. Будем надеяться, что исследователей ждут интересные открытия.

Литература

1. Белов Василий Иванович / В.Я. Иванова. URL: <http://vgrasputin.ru/druza-pisatelja/belov-vasilii-ivanovich>
2. Белов В.И. Мой друг Валентин Распутин // Белов В.И. Раздумья о дне сегодняшнем. Рыбинск: Рыбинское подворье, 2002. С. 62-66.
3. Белов В.И. Кануны. Хроника конца 20-х годов. М.: Современник, 1976. 333 с.

4. Белов В.И. Избр. произведения: в 3-х т. Т. 3. Лад: Очерки о народной эстетике; Пьесы. М.: Современник, 1984. 478 с.
5. Белов В.И. Лад: Очерки о народной эстетике. М.: Мол. гвардия, 1982. 293 с., ил.
6. Белов В. Рыбацкая байка: рассказы. Вологда: [б. и.], 2003. 15 с.
7. Белов В.И. Три пьесы. М.: Сов. писатель, 1983. 192 с.
8. Живописное собрание писателя В.И. Белова и живопись слова в его произведениях / авт.-сост. А.Д. Заболоцкий. М.: Издат. дом «Вече», 2011. 300 с., ил.
9. Распутин В.Г. Откуда есть-пошли мои книги // Распутин В.Г. В поисках берега: повесть, очерки, статьи, выступления, эссе. Иркутск: Издатель Сапронов, 2007. С. 501-512.
10. Стрелкова И.И. В. Астафьев, В. Белов, В. Распутин, В. Шукшин в жизни и творчестве: уч. пособие для школ, гимназий, лицеев и колледжей. М.: ТИД «Русское слово – РС», 2006. 112 с.
11. Ходий В.В. Время строкой ТАСС. Летопись Иркутской области. 1981–2011 годы. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2015. 592 с., ил.

СЕТЕВОЙ ПРОЕКТ «АБРАМОВ. ВЫСТАВКА ОДНОГО ЭКСПОНАТА», ПОСВЯЩЕННЫЙ СОХРАНЕНИЮ ПАМЯТИ О ПИСАТЕЛЕ-ЗЕМЛЯКЕ ФЕДОРЕ АБРАМОВЕ

Творческое наследие писателя-земляка Фёдора Абрамова – это особая страница в работе Карпогорской библиотеки. Это наиболее полный фонд его произведений и литературы о нём, сотрудничество с Веркольским литературно-мемориальным музеем Ф.А. Абрамова в организации Дней памяти писателя, работа по организации читательских конференций до и после смерти Федора Абрамова, знакомство с его творчеством подрастающего поколения, и многое другое.

В 1984 году Карпогорской библиотеке присвоено имя писателя Ф.А. Абрамова¹.

Всеми известно, что имя Федора Абрамова, его жизнь, его творчество неразрывно связаны с Пинежьем. В годы жизни он часто приезжал на свою малую родину. Многие люди были знакомы с ним лично, кто-то дружил, кто-то стал прототипом его произведений. И в семейных архивах пинежан хранятся книги с автографами Абрамова, переписка с ним, фото. Важно сохранить эти материалы, воспоминания очевидцев, так как поколение, знавшее писателя лично, уходит, и могут быть навсегда утрачены неизвестные моменты жизни писателя.

На сегодняшний день много фактов о жизни и творчестве Федора Абрамова общеизвестны, опубликованы во многом благодаря Людмиле Владимировне Крутиковой-Абрамовой.

Но есть факты, интересные истории, связанные с Пинежьем и пинежанами, малоизвестные широкому кругу лиц. Вот эти факты и истории являются предметом работы нашего проекта. Мы не просто их выявляем, но и делаем известными широкому кругу лиц.

¹ Постановление Совета Министров РСФСР от 29.11.84 № 488 п. 158 «О присвоении имени писателя Ф.А. Абрамова центральной районной библиотеке централизованной библиотечной системы отдела культуры Пинежского райисполкома Архангельской области».

Приказ областного управления культуры исполнительного комитета Архангельского областного Совета народных депутатов № 6 от 04.01.1985 г. «О присвоении имени писателя Ф.А. Абрамова центральной районной библиотеке централизованной библиотечной системы Пинежского района».

Идея проекта – поиск и представление одного предмета, документа, фотографии, связанной с жизнью или творчеством Федора Абрамова. Предметы становятся свидетелями (в нашем случае – экспонатами) в силу обстоятельств. Конкретная вещь, пересекаясь с судьбой конкретного человека, дополняет, иллюстрирует рассказ об этом человеке.

На втором этаже Карпогорской центральной библиотеки им. Ф.А. Абрамова организовано тематическое экспозиционное пространство, в котором оформлена выставка одного экспоната, связанного с именем Федора Абрамова. В 2018 году оформление экспозиционного пространства изменилось.

Проект «Абрамов. Выставка одного экспоната» – сетевой, в его реализации принимает участие библиотечная сеть Пинежского района². Координирует проект Карпогорская центральная библиотека им. Ф.А. Абрамова.

Открытие проекта «Абрамов. Выставка одного экспоната» состоялось 27 февраля 2014 года, в преддверии 95-летнего юбилея писателя-земляка Федора Александровича Абрамова, который отмечался в 2015 году. Проект был запланирован на один год, но, поскольку вызвал большой интерес со стороны специалистов библиотечного дела и пинежан, он продолжается до сих пор.

На протяжении четырех лет специалисты библиотечного дела Пинежского района исследовали жизнь и творчество писателя Федора Абрамова, выявляя малоизвестные факты. Ежемесячно проходила презентация нового экспоната выставки³.

2014 год. Проведено 11 презентаций экспонатов, связанных с жизнью и творчеством Ф.А. Абрамова, проведено 28 экскурсий по этим экспонатам. Всего Абрамов-холл посетили 697 человек (из них 186 – молодежная группа). Координировала проект заведующая информационно-методическим отделом Карпогорской центральной библиотеки им. Ф.А. Абрамова Ольга Хозяинова. Участники сетевого проекта 2014 года – 8 сельских библиотек библиотечной системы Пинежского района⁴.

² Библиотечная сеть Пинежского района состоит из 25 сельских библиотек, Карпогорской центральной библиотеки им. Ф. А. Абрамова (по состоянию на 01.01.2018 г.).

³ Пример презентации одного экспоната в приложении.

⁴ Информационный отчет Карпогорской центральной библиотеки им. Ф.А. Абрамова МБУК «КМБ» МО «Пинежский район» за 2014 год.

2015 год. Организовано 9 презентаций экспонатов, проведена 41 экскурсия по экспонатам Абрамов-холла, всего посетителей 1110 (из них молодежная группа – 347). Координацию проекта 2015–2017 гг. осуществляла Людмила Алексеевна Колик, заведующая отделом обслуживания Карпогорской центральной библиотеки им. Ф.А. Абрамова. Участники сетевого проекта 2015 года – 9 сельских библиотек библиотечной системы Пинежского района⁵.

2016 год. Проведено 8 презентаций экспонатов, связанных с жизнью и творчеством Ф.А. Абрамова, проведено 13 экскурсий по экспонатам Абрамов-холла, всего посетителей 1145 (из них молодежная группа – 418). Участники сетевого проекта 2016 года – 5 сельских библиотек библиотечной системы Пинежского района⁶.

2017 год. Проведено 2 презентации экспонатов, проведены экскурсии по экспонатам Абрамов-холла, всего посетителей 800 (из них молодежная группа 160)⁷.

В период 2014–2017 гг. библиотека реализовывала проект «Абрамов-холл. Выставка одного экспоната», с 2018 года реализация проекта продолжена под измененным названием – «Абрамов. Выставка одного экспоната».

Проект был представлен на различных площадках.

24 марта 2014 года в Доме культуры села Карпогоры Пинежского района Архангельской области, на концерте в честь Дня работников культуры, проект был презентован жителям Пинежья.

В апреле 2015 года проект был представлен гостям и жителям города Санкт-Петербурга в рамках Дней культуры Пинежья в Санкт-Петербурге.

Все материалы по экспонатам, собранным в период реализации проекта, оформлены в папки, которые доступны к просмотру в библиотеке.

Экспонаты выставки выделяются в несколько линий, раскрывающих малоизвестные факты жизни и творчества Федора Абрамова:

- прототипы произведений писателя;
- воспоминания земляков;

⁵ Информационный отчет Карпогорской центральной библиотеки им. Ф.А. Абрамова МБУК «КМБ» МО «Пинежский район» за 2015 год.

⁶ Информационный отчет Карпогорской центральной библиотеки им. Ф.А. Абрамова МБУК «КМБ» МО «Пинежский район» за 2016 год.

⁷ Информационный отчет Карпогорской центральной библиотеки им. Ф.А. Абрамова МБУК «КМБ» МО «Пинежский район» за 2017 год.

- история книг с автографами автора, хранящихся в библиотечных фондах и семейных архивах;
- факты о жизни Абрамова в селе Карпогоры и деревне Веркола.

За период реализации сетевого проекта «Абрамов. Выставка одного экспоната» с 2014 по 2017 г. были презентованы 30 экспонатов, связанных с жизнью и творчеством писателя-земляка Федора Абрамова, проведена 91 экскурсия по этим экспонатам. Посетителями мероприятий проекта стали 5124 человека, из них 1527 – молодежная группа. 19 специалистов библиотечного дела района и 27 пинежан, равнодушных к творчеству Федора Абрамова, приняли участие в реализации проекта.

Помимо экскурсионной деятельности по экспонатам, материалы, собранные в рамках проекта, используются специалистами библиотечной сети для разработки и проведения различных Абрамовских мероприятий.

В 2016 году Карпогорской центральной библиотекой им. Ф.А. Абрамова совместно с Карпогорской детской библиотекой для молодежи создана квест-игра «Федор Абрамов и Карпогоры», которая проводится как для молодежной аудитории, так и для взрослых читателей.

В том же году создан фильм «Хроника села Пекашино» о прототипах героев произведений Абрамова.

14 мая 2018 года в Карпогорской библиотеке, в рамках Областного форума «Имя Обязывает», открылась планшетная выставка «Абрамов и Карпогоры». Выставка создана на основе экспонатов сетевого проекта и раскрывает небольшую часть того, что связывает писателя Федора Абрамова и село Карпогоры. В планшетной выставке выделено две линии: «Абрамов и Карпогорская школа» и «Библиотека имени писателя».

Слово Федора Абрамова, так или иначе, живет в душе каждого пинежанина. Сетевой проект «Абрамов. Выставка одного экспоната» – наш небольшой вклад в сохранение памяти о писателе, достойном признания не только российской, но и мировой общественности, несущем в своих произведениях любовь и неподдельную русскую душу.

Проект продолжается. Мы приглашаем к сотрудничеству всех, кто имеет информацию или материалы, связанные с жизнью и творчеством Федора Абрамова. В планах – оформить материалы проекта в отдельный сборник и выпустить к 100-летию Федора Абрамова.

Представлена презентация экспоната в проекте «Абрамов-холл. Выставка одного экспоната», проведенная в марте 2016 года.

Подготовила презентацию – Колик Людмила Алексеевна.

Экспонат: фотокопия титульного листа книги «Пелагея и Алька» Федора Абрамова (Архангельск: Северо-Западное книжное издательство, 1974) с автографом автора.

Оригинал книги находится в личном архиве Баландиной Галины Михайловны, с. Карпогоры Пинежского района Архангельской области.

Информация об экспонате

В основу экспоната положена история встреч Федора Абрамова и Галины Баландиной.

Всегда интересно переплетение судеб людей, тем более людей, о которых знают за пределами не только Пинежского района, Архангельской области, но и России.

Баландина Галина Михайловна – народный мастер России, член Союза художников России. От старейших пинежских мастериц переняла навыки ремесла, традиционные приёмы изготовления полотенец, поясов и половиков. Руководит клубом ткачества «Берегиня» в Доме народного творчества с. Карпогоры. Изделия Галины Михайловны побывали на многих российских и международных выставках. Она книги «Традиционные женские ремесла Пинежья» (М., 1994).

Галина Михайловна и Федор Абрамов встретились первый раз, когда Галине было около 12 лет (1969 г. или 1970 г.). Галина отдыхала в пионерском лагере в д. Веркола. Для детей была организована встреча с писателем Федором Абрамовым, он рассказывал о своей книге «Деревянные кони», вышедшей в 1969 году. В конце встречи Федора Абрамова приняли в почетные пионеры лагеря. Право повязать галстук Федору Александровичу было предоставлено Гале Баландиной.

Прошло 4 года. 1974 год. Встреча с читателями в Карпогорском клубе. Народу было много. В фойе Дома культуры продавали книги Федора Абрамова. Галина Михайловна только закончила школу, занималась в художественной самодеятельности в клубе и на правах участника художественной самодеятельности прошла за кулисы, чтобы найти Федора Абрамова и получить автограф.

Галина Михайловна: «...Федор Абрамов зашел в кабинет, где нас представили ему как участников художественной самодеятельности, я напомнила о нашей первой встрече и попросила автограф. Он спросил, как меня зовут, и написал на книге: «Гале Баландиной с лучшими пожеланиями. Федор Абрамов. 25/V1974».

Сопровождение презентации экспоната.

История встреч Федора Абрамова и Галины Баландиной.

Всегда интересно переплетение судеб людей, тем более людей, о которых знают за пределами не только Пинежского района, но и Архангельской области.

Сегодня я расскажу о встречах Федора Абрамова и Галины Баландиной. В то время Галина Михайловна была еще совсем молоденькой девушкой.

Немного о Галине Михайловне Баландиной.

Галина Михайловна, уроженка с. Карпогоры Пинежского района Архангельской области. Родилась в 1957 году. Папа – коренной пинежанин, родом из д. Ваймуша

Народный мастер России, член Союза художников России. Ручное ткачество полотенец, половиков, поясов, орнаментальное вязание рукавиц, с. Карпогоры.

Обучалась браному ткачеству у мастерицы Щеголихиной М.А., от старейших пинежских мастериц переняла навыки ремесла, традиционные приёмы изготовления полотенец, поясов и половиков. Руководит клубом ткачества «Берегиня» в Доме народного творчества с. Карпогоры. Изделия Галины Михайловны побывали на многих российских и международных выставках.

Баландина Г.М. Традиционные женские ремесла Пинежья: Ткачество на станке. Плетение и ткачество поясов // Рукоделие. М., 1994. С. 49-88.

Встречались они три раза.

Первый раз, когда Галине было около 12 лет (1969 или 1970 г.). Галина отдыхала в пионерском лагере в д. Веркола. Для детей была организована встреча с писателем Федором Абрамовым, он рассказывал о своей книге «Деревянные кони», вышедшей в 1969 году.

Галина Михайловна вспоминает: «... встреча была организована на лугу, ребята сидели на траве, Федор Абрамов очень увлеченно рассказывал о пинежских домах с конями. Ему задавали много вопросов, он на все находил интересные ответы. В конце встречи было запла-

нировано принять Федора Абрамова в почетные пионеры лагеря. Предварительно долго выбирали ребенка, который будет повязывать галстук Федору Абрамову. Выбор пал на меня, совсем маленькую девчонку. Долго думали над подарком, который бы мы могли подарить Федору Александровичу. Решили подарить портрет Сергея Есенина, «Поэта – писателю». Принятие в пионеры было организовано тут же, на поле. Все ребята выстроились. Я подошла завязывать галстук, а сама чуть выше пояса Федору Александровичу, он наклонился и помог мне завязать его. Затем вручили портрет Есенина...». Это была самая первая встреча с Федором Абрамовым.

Прошло 4 года, 1974 год. Встреча с читателями в Карпогорском клубе. Народу было много. В фойе Дома культуры продавали книги Федора Абрамова. После встречи Федору Абрамову стали показывать клуб, его сопровождало много представителей районной администрации (Фролов, начальник отдела культуры, Дементьевский и другие). Галина Михайловна только закончила школу, занималась в художественной самодеятельности в клубе и на правах участника худ. самодеятельности прошла за кулисы, чтобы найти Федора Абрамова и получить его автограф на книге, которую она купила в фойе.

Галина Михайловна: «...Федор Абрамов зашел в кабинет, где нас представили ему как участников художественной самодеятельности, и я спросила у него, помнит ли он, как его принимали в пионеры? Мне кажется, он, конечно, не помнил, но бодро так ответил, что конечно же помнит. Я попросила дать автограф, он спросил, как меня зовут, и написал на книге: «Гале Баландиной с лучшими пожеланиями. Федор Абрамов. 25/V1974».

ИСТОРИЯ «НАД СВЕТЛОЙ ВОДОЙ» НА МАТЕРИАЛЕ ФОНДОВЫХ ДОКУМЕНТОВ

Аннотация. Исследовательская работа о постановке пьесы В.И. Белова «Над светлой водой» на сцене Вологодского драматического театра. Знакомство и общение писателя с композитором В.А. Гаврилиным. Попытка осмысления общения двух знаковых личностей, их значение в культурной среде Вологодчины.

Ключевые слова: В.И. Белов, Вологодский драматический театр, постановка «Над светлой водой», композитор В.А. Гаврилин.

Данная статья – это исследовательский опыт, затрагивающий тему взаимодействия руководства Вологодского драматического театра в 1970-х гг. XX века с вологодскими писателями.

Именно с этого периода в репертуаре нашего театра стали появляться драматические постановки по пьесам вологодских авторов: спектакль «Над светлой водой», «Сцены из районной жизни» (по В. Белову), «Черемуха» (по В. Астафьеву), «Всего два дня» (по А. Грязеву) и другие. Это обогатило репертуар театра, позволило многим авторам впервые попробовать себя в области драматургии. А перед режиссером-постановщиком была поставлена главная задача – сохранить дух и стиль автора. Режиссер и актеры старались проникнуть в суть образа героев, дополнить собственными находками портреты своих персонажей на сцене. Не случайно многие актеры театра особенно интересно раскрывались в спектаклях вологодских авторов – среди них мы помним засл. арт. РСФСР М. Шуко, нар. арт. В. Сафонова, Л. Рудого, Л. Филиппову, А. Михасик, Т. Елисееву и других.

В данной статье впервые представлена возможность проанализировать историю театральной постановки по пьесе Василия Ивановича Белова «Над светлой водой» на сцене вологодского театра. При изучении рецензий и программы к спектаклям стало ясно, что эта постановка уже была в репертуаре известных театров Советского Союза. Среди них – Псковский драматический театр, Череповецкий любительский театр, Малый театр Ермоловой.

Особый интерес вызвала информация о музыкальном наполнении спектакля. Известно, что в данной постановке звучала песня

композитора Валерия Гаврилина, но какая именно, в разных источниках информация различна. В монографии, посвященной композитору, упоминается песня на стихи А. Шульгиной «Скачут ночью кони» [4: 400], а в собрании соч. в 7-ми т. В. Белова – песня на ст. О. Фокиной [1: 621]. В каталоге сочинений В. Гаврилина второй песни не обнаружено [3].

Для уточнения данной информации было рассмотрено несколько газетных рецензий, но только в двух из них указано, что в спектакле «Над светлой водой» «<...> звучала музыка композитора лауреата Государственной премии В. Гаврилина, органически вплетающаяся в действие» [5]. По воспоминаниям дочери актрисы Л. Филипповой, которая лично видела спектакль, удалось выяснить, что именно песня «Скачут ночью кони» звучала в завершении спектакля (протитировали несколько строк из куплета).

Первоначальное знакомство Василия Ивановича Белова и Валерия Александровича Гаврилина произошло заочно.

В 1973 году на сцене Псковского драматического театра была поставлена пьеса В.И. Белова «Над светлой водой». Режиссер-постановщик Б. Гутин был знаком с В.А. Гаврилиным и включил его музыку в свой спектакль. Вот что писал режиссер композитору о встрече с В. Беловым при сдаче спектакля в г. Пскове: «...В. Белов очень огорчился, что тебя не застал. Музыка твоя ему очень понравилась, и вообще он очень хочет с тобой познакомиться...» [4: 400].

Личное знакомство композитора Валерия Александровича Гаврилина с писателем Василием Ивановичем Беловым произошло позднее. Им было что вспомнить – общая родина-Вологодчина, детство, опаленное войной. Между ними сложились дружеские отношения. Василий Иванович дарил композитору книги с памятной надписью. Когда Валерий Александрович бывал в Вологде – всегда стремился встретиться с Беловым. А Василий Иванович, приезжая в Ленинград, заходил к Гаврилиным. Свидетельства от общения этих людей мы можем видеть на нескольких фото А. Пантелеева (СПб.). Это фото 1990-х гг. в квартире Гаврилиных, где В. Белов был вместе с супругой и известным кинооператором А. Заболоцким.

К сожалению, в конце 90-х это дружеское общение как-то завершилось. Но В.И. Белов писал письма В.А. Гаврилину. Он хотел, чтобы еще к двум свои пьесам: «Кашей Бесмертный», «Александр Невский», композитор написал музыку, но Валерий Александрович считал, что «к первой музыка не нужна, а вторая пьеса его не вдохновила» [2: 174].

Валерий Гаврилин любил многие произведения В. Белова: «Целуются зори», «Бухтины». Он считал, что «В.И. Белов – чистая литература. <...> Главная сила в его сочинениях – в смысле слова, в звучании слова, в темпах фраз, предложений, в их комбинации, в чередовании слов по окраске и т. д. Именно отсюда вырастает литературный образ его творений» [2: 173].

В 2004 году Василий Иванович создает повесть «Голос, рожденный под Вологдой» о жизни композитора, о собственном детстве, приводя воспоминания и рассуждения людей, общавшихся с Гаврилиным. Это произведение вышло в свет после смерти композитора в 2004 году, а замысел писателя В.И. Белова – создать произведение о жизни и творчестве композитора в серии «Жизнь замечательных людей» – остался не воплощенным.

Более подробному исследованию взаимоотношений писателя и композитора могла бы помочь Лента жизни, но, к сожалению, пока ее никто не собрал из-за недостаточного количества материала.

Представленный в статье фактический материал дает повод для дальнейших исследований о театральных постановках по пьесам Василия Ивановича Белова на сцене Вологодского драматического театра и не только.

Литература

1. Белов В.И. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 5: Очерки. Произведения для детей. М.: РИЦ «Классика», 2011. 632 с. 24 с. ил.
2. Гаврилина Н. Наша жизнь (по дневникам и не только). СПб.: Композитор Санкт-Петербург, 2014. 624 с.
3. Каталог сочинений Валерия Гаврилина / сост. Н.Е. Гаврилина. СПб.: Композитор Санкт-Петербург, 2007. 96 с.
4. Тевосян А.Т. Перезвоны: жизнь, творчество, взгляды Валерия Гаврилина / отв. ред. Г.Г. Белов; ред.-сост. Я.Л. Бутовский, Н.Е. Гаврилина. СПб.: Композитор Санкт-Петербург, 2009. 616 с.: ил., портр., нот.
5. Николаева Л. Вода течет по камушкам // Днепровская правда. Днепропетровск, 1974. 24 июля.
6. ГАВО. Ф. 1827. оп. 4. Д. 02-3.

ДАРИТЕЛИ – БЕЛОВУ

(по материалам коллекционного фонда
центра писателя В.И. Белова)

Аннотация. Проведён анализ дарственных надписей на книгах и журналах, адресованных Василию Белову и имеющихся в Центре писателя В.И. Белова, и сопроводительных писем к ним. Выявлены закономерности, приведены цитаты.

Ключевые слова: Центр писателя В.И. Белова (Вологда), коллекционный фонд, дарственные надписи, письма, дары В.И. Белову.

В коллекционном фонде Центра писателя В.И. Белова имеется 57 изданий, подаренных Василию Ивановичу Белову.

Дарственные надписи и сопроводительные письма – это свидетельства, характеризующие как дарителей, так и самого Василия Ивановича, взаимоотношения между ними, отношение читателей к творчеству Василия Белова. В работе представлен анализ изданий – даров Василию Белову – по различным параметрам.

1) Виды документов.

Книги – 47 экз.

Отдельные номера журналов – 6 экз.

Отдельные выпуски продолжающихся изданий – 2 экз.

Рукописи – 2 экз.

Большая часть даров – это книги и отдельные номера журналов. Рукописи представлены диссертацией учёного Лейпцигского университета Петера Роллберга, полностью посвящённой творчеству Василия Белова [1], и текстами двух выступлений в Государственной Думе депутата А.Н. Грешневикова [13].

2) Язык изданий.

Русский язык – 53 экз.

Армянский, белорусский, немецкий, японский языки – по 1 экз.

Большинство документов представлено на русском языке. Дары на иностранных языках – это книга произведений Василия Белова, переведённая на армянский язык [6]; издание произведений белорусского писателя Василя Гигевича на языке оригинала и с дарственной надписью на белорусском языке [2]; упомянутая выше диссертация на немецком языке [1]; книга «Литература и общество

в современной России с периода застоя до распада СССР» японского автора Тэруо Оки [30].

3) Род деятельности дарителей.

Писатель (писатели¹) – 37 экз.

Сотрудник литературного журнала или альманаха – 4 экз.

Литературовед, литературный критик – 3 экз.

Политический деятель – 3 экз.

Составитель, редактор книги – 3 экз.

Учёный – 2 экз.

Журналист, переводчик, сотрудники музея – по 1 экз.

Род деятельности неизвестен – 2 экз.

Чаще всего Василий Иванович получал дары от писателей – своих товарищей по перу, со многими из которых был знаком лично. Среди них Александр Алексеев [3, 4], Николай Алёшинцев [5], Олег Волков [8], Василь Гигевич [2], Николай Гончаров [10, 11], Алесь Карлюкевич [16], Геннадий Колесов [17], Ольга Копылова [19], Валентина Коростелёва [20], Пётр Краснов [37], Владимир Крупин [21], Станислав Куняев [25], Владимир Максимцов [22], Михаил Мелехов [23], Валерий Муховиков [24], Рональд Нелепин [26, 27], А. Новосельцев [29], Алексей Павлов [31] («ваш поклонник и последователь»²), Валентина Пантюшина [33], Борис Романов [38], Василий Ситников [39], Эдуард Скобелев [40-42] («от почитателя Вашего таланта»), Валерий Трофимов [44], Владимир Фомичёв [45-47], Альфред Хобер [48], Валентин Цветков [49] (от «читателя и почитателя»), Лариса Шевченко [50].

Среди литературоведов, литературных критиков, сотрудников издательств можно выделить японца Тэруо Оки [30] – «страстного японского любителя русской “деревенской прозы”», Юрия Павлова [32], Григория Калюжного [8], Виктора Ащеулова [14], Сергея Прохорова [15], С.Е. Михеенкова [43].

В коллекции имеются также рукопись депутата Государственной Думы А.Н. Грешневикува [13], книга губернатора Вологодской области (ныне – депутата Государственной Думы) В.Е. Позгалёва [34], а также дар сотрудников Дома-музея Н. Рубцова [51].

На диссертации немецкого учёного Петера Роллберга [1] Василий Белов оставил такую запись: «Диссертация обо мне (не знаю чьё)».

¹ Некоторые дарственные надписи имеют несколько подписей.

² Здесь и далее сумма в таблице превышает общее число экземпляров, так как одно издание может относиться к нескольким примерам (строкам).

4) Обращения и пожелания, используемые в дарственных надписях и сопроводительных письмах³.

«Василию Ивановичу Белову» («Василию Белову», «В.И. Белову», «В. Белову», «Василию Ивановичу», «Беловым») – 52 экз.

«Уважаемый», «глубокоуважаемый», «многоуважаемый» и другие выражения уважения – 19 экз.

«Дорогой», «дорогому» – 15 экз.

Выражение признательности, благодарности, почитания – 9 экз.

«Великому мастеру русского слова», «выдающемуся мастеру слова», «великому русскому писателю», «главному национальному писателю современной России», «крупному народному писателю, чей вклад в историю нашей культуры огромен и неоспорим», «Писателю Земли Русской» – 8 экз.

Выражение любви – 6 экз.

«Вася» – 2 экз.

«Мил душе моей», «милый» – 2 экз.

Другое – 9 экз.

В первую очередь обращает на себя внимание, что почти во всех дарах (52 из 57 изданий) мы встречаем официально принятые обращения, и лишь дважды – в дарственных надписях писателей Михаила Годенко [9], Станислава Куняева, М. Ахметова и А. Дорошенко⁴ [25] – мы встречаем обращение по имени. Михаил Годенко пишет: «Василию Ивановичу Белову в День его восьмидесятилетия. Вася! – Душевный ты Человек! Обнимаю – Мих. Годенко». Коллективная дарственная надпись на юбилейном номере журнала «Наш современник» гласит: «Дорогой наш Вася! Во время юбилея не увлекайся: пей меньше, чтобы прожить дольше во славу русского слова...»

Дарители отмечают значимость творческого наследия В.И. Белова. Валентин Цветков называет его «певцом русского Севера» [49]. Михаил Веселов пишет: «Ваше слово услышано. Дай Бог нести его дальше» [7].

Интересны также характеристики Василия Белова как личности – «носитель и хранитель великой культуры нации» (Армен Оганесян) [6]; «патриот России» (Геннадий Колесов) [17]; «человек, олицетворяющий собой совесть народа» (Олег Волков) [49], «моя путеводная звезда» (Валентина Пантюшина) [33], «мой творческий крёстный отец» (Лариса Шевченко) [50].

³ Здесь и далее сумма в таблице превышает общее число экземпляров, так как одно издание может относиться к нескольким примерам (строкам).

⁴ Фамилия указана неразборчиво. Возможна ошибка в расшифровке.

Сергей Прохоров, главный редактор журнала «Истоки», написал так: «Общение с Вами стоит для меня и для журнала дорогого. И это не столько имидж (грешу иностранным словом) для издания, сколько очищение от прикосновения к настоящему» [15].

А вот отрывок из письма Владимира Крупина: «Милый Василий Иванович! Дня не было, чтобы в молитвах не поминал тебя. Знал бы ты, как благодатно ощущается твоё присутствие в России! Живи долго! У твоих книг целебная сила. Они магнитны и рука к ним тянется. Перечитал недавно Деревню Бердяйку – это чудо! Следы опять от Привычного дела, от детских. Да всё-всё у тебя спасительно читать. И жить легче» [21].

В своей дарственной надписи Олег Волков пишет такое стихотворение:

«Он любил Вас безответно
Говорил поверх голов
– Мил моей душе конкретно
Лишь пленительный Белов» [8].
Владимир Фомичёв пишет:
«Стал судьбою Василий Белов
Всех, кто национально здоров» [45].

В дарственных надписях и письмах мы встречаем также пожелания здоровья и долголетия, охраны от Бога, добра, счастья, благополучия, душевного покоя, крепости духа, мира, радости, спокойствия, творческого вдохновения и многолетия, тепла, терпения, успехов «на благо Вологодчины, всей России и во славу Божию!» [28].

5) Содержание документов.

Собственные произведения дарителя – 43 экз.

Издания, связанные с жизнью и творчеством В.И. Белова, – 14 экз.

Другое – 4 экз.

Примерно треть изданий из коллекции – это книги и журналы, которые в той или иной форме упоминают Василия Белова. Среди них – диссертация по творчеству писателя [1]; публикации его произведений [6, 15, 35]; издания, в которых анализируется творчество Белова [12, 30], упоминаются факты из его биографии [28, 35], опубликованы фотографии [14, 35] и поздравления к юбилею [18, 25]; издание со стихотворением, посвящённым В. Белову [20].

Но всё же большая часть даров – это собственные произведения других писателей, содержание которых напрямую не касается жизни и творчества Василия Ивановича.

6) Цель / повод для подарка.

Выразить уважение, почтение, любовь – 16 экз.

Издание связано с жизнью и творчеством писателя – 14 экз.

День рождения – 11 экз.

Выразить благодарность и признательность – 8 экз.

Сообщить новости о своей жизни – 8 экз.

Передать привет, поклон – 6 экз.

Личная встреча, напоминание о встрече, желание встретиться – 5 экз.

На память – 5 экз.

Желание получить книгу В.И. Белова – 2 экз.

Дар как ответный подарок – 1 экз.

Желание выразить своё мнение о творчестве писателя – 1 экз.

Желание получить отзыв писателя о своей книге – 1 экз.

Другая причина – 10 экз.

Приведём некоторые примеры.

«Василий Иванович! Здесь тот роман “Адаманы”, который Вы когда-то читали в рукописи» (Василь Гигевич, белорусский писатель) [2].

«В день 75-летия! Василий Иванович! Примите от белорусов – русских, проживающих в Минске – столице СНГ большой-пребольшой привет и наилучшие пожелания Вам на благо Родины, бывш. СССР. С уважением от Международного общественного объединения “Русь единая” поэт Ткачёв Мих. Ив. бывш. житель Устья Усть-Куб. р-на Вологодской обл. Архипов Иван Изосимович» [16].

«... С благодарностью за удовольствие, полученное до, во время и после работы над книгой» (Армен Оганесян, переводчик) [6].

«Посылаю Вам две моих детских книжечки. С малой частью “Приключений Пахома” вы были накоротке знакомы. Большую часть “Приключений Пахома” и “Рикошет” я написал потом, и мне хочется услышать Ваше веское слово о книге» (Александр Алексеев, писатель) [3, 4].

«Всё лучшее во мне от родителей, но то, что я не поддаюсь хитрым и часто ложным нынешним призывам, не падаю в обморок от происходящего, а всеми силами борюсь с тем, что унижает и оскорбляет человеческое достоинство моих земляков, несомненно, заслуга Вашего таланта, честности и отзывчивости» (Николай Алёшинцев, писатель) [5].

«Хотелось бы приобрести книгу “Тяжесть креста”, о которой я понаслышан, но у нас её нигде днём с огнём не сыщешь. Если есть

такая возможность, вышлите, бога ради!» (В.И. Ащеулов, Алтайский край) [14].

«...Без Вашей моральной и денежной поддержки не было бы этой книги. Спасибо!» (Алексей Павлов) [31].

«Глубокоуважаемому Василию Ивановичу в знак признательности за любовь к своей Вологодчине, России» (В.Е. Позгалёв) [34].

7) Годы, когда издание было подарено.

2010 г. – 10 экз.

2007 г. – 8 экз.

2012 г. – 7 экз.

2011 г. – 5 экз.

2009 г. – 3 экз.

2008 г. – 2 экз.

1989, 1994, 1996, 1997, 2001, 2002, 2004-2006 гг. – по 1 экз.

Дата не указана – 13 экз.

Основную часть коллекции составляют издания, отправленные по почте или переданные писателю лично в период с 2006 по 2012 г. (36 экз.). В это же число входят юбилейные годы – 2007 и 2012, когда о Василии Белове много говорили, появлялись публикации в журналах, проводились встречи. Именно в эти годы писатель получил книгу и журнал из Беларуси [16, 28]; литературный ежегодник из Коломны [18] и сборник из Смоленска [36]; сборник поэзии со стихотворением, ему посвящённым [20]; номер журнала «Наш современник», один раздел из которого был полностью посвящён жизни и творчеству В.И. Белова [25]; книгу от сотрудников Дома-музея Н. Рубцова [51].

С точки зрения хронологии интересны два письма.

Одно получено Василием Беловым из Беларуси в 2007 году. Георгий Киселёв пишет: «Дорогой Василий Иванович! Для Вас эта бандероль с журналом – конечно, полная неожиданность. И, главное, – из Беларуси, неизвестно от кого. Но когда Вы прочитаете статейку “Вологодская встреча” на 191 стр., может быть, кое-что в Вашей памяти и забрезжит. Для Вас эта встреча, вероятно, малозначащий эпизод в Вашей богатой на встречи жизни. Для нас же, русских белорусов, воспоминание о ней – драгоценно, а почему – Вы сами это поймёте из статейки. Я написал её в ту же осень 2001 года, когда мы семьёй возвратились из Вологды домой, в наш провинциальный городок, в 60 км от Белостока и в 40 – от границы с Польшей ... <...> Но её полтора года продержали в одном журнале, потом ещё больше в другом и, наконец, в 2005 году, в юбилейном номере “Нёмана” она появилась. Но, простите, что посылаю Вам свою статейку о нашей встрече ещё через два года. Человек я слишком замедленных дей-

ствий и решений, и часто испытываю неуверенность и сомнения там, где надо совершить поступок. И вот Вам уже – 75. Мы, русские литературы и читатели русской литературы, отмечаем эту дату Вашего бытия 20 октября в Минске, в библиотеке республиканского Дома офицеров ... <...> Поскольку большинство участников задуманной встречи Вас представляют только по фотографиям, то мне придётся рассказать о встрече с Вами, о встрече, которая стала событием в жизни всей нашей семьи, а для меня определённым импульсом к более напряжённой и активной работе...» [28].

Второе письмо отправлено из Алтайского края в 2010 г. В.И. Ащеулов пишет: «Дорогой Василий Иванович! Добрый день! Решил Вам выслать свою книгу на память после тридцатилетнего молчания. В книге есть фотография, где я Вас запечатлел на горе Пикет в июле 1979 года. Надеюсь, что Вы помните меня...» [14].

Заключение

«Великий мастер русского слова», «певец русского Севера». Человек, «олицетворяющий собой совесть народа», ставший «мил душе». Душевный человек, проживший жизнь «во славу русского слова», завоевавший признательность «за любовь к своей Вологодчине, России», чьё слово было услышано.

Таким мы видим Василия Ивановича Белова, вчитываясь в дарственные надписи и разворачивая письма людей, к жизни которых «прикоснулся» Василий Белов. Им было важно выразить свою признательность и благодарность, напомнить о себе стихами и прозой, рассказать о своей жизни, вспомнить о встрече и надеяться на следующую встречу.

Литература

1. Rollberg, P. Vasilij Belov – Weltbild und Werk [Manuscript] : dissertation zur Erlangung des akademischen Graden Dr. phil. / Rollberg, Peter – [Leipzig ? : o. v.], 1988. – 156 s., IX s., 10 s. Изд. на нем. яз. Книга с дарственной надписью автора.
2. Гігевіч, В.С. Марсіянскае падарожжа : раман, апавесці / Васіль Гігевіч. Мінск: Мастацкая літаратура, 1990. 379, [5] с. : ил. Изд. на белорус. языке. Книга с дарственной надписью и сопроводительным письмом автора.
3. Алексеев А.Т. Необыкновенные приключения Деда Пахома: стихотворные рассказы и сказки (взрослым и детям). Санкт-Петербург: Б-чка журн. «Невский альманах», 2008. 149, [3] с. Книга с дарственной надписью и сопроводительным письмом автора.
4. Алексеев А.Т. Рикшет: стихотворные рассказы и басни. Санкт-Петербург: Б-ка журн. «Невский альманах», 2010. 57, [1] с.: портр. (Невский альманах). Книга с дарственной надписью автора.

5. Алёшинцев Н.С. Устюгский вальс. М.: [ЭЛЬФ ИПР], 2011. 254, [2] с.: фот. Книга с дарственной надписью автора.
6. Белов В.И. Рассказы и повести. Ереван: Советакан грох, 1983. 396, [4] с. Изд. на армян. яз. Книга с дарственной надписью переводчика А. Оганесяна.
7. Веселов М. Метельный звон. Вологда: Арника, 2008. 222, [2] с.: ил. Книга с дарственной надписью автора.
8. Волков О.В. Городу и миру: повесть, письма. М.: Энцикл. сёл и деревень, 2001. 589, [3] с. + [48] л. ил. (Семейный архив). Книга с дарственной надписью составителя Г.П. Калюжного.
9. Годенко М.М. Полоса отчуждения: [роман, повести]. М.: Вече, [2011]. 606, [2] с. Книга с дарственной надписью автора.
10. Гончаров Н.С. «Озарено душой живою»: повесть об учителе. Великие Луки: [б. и.], 2007. 183, [1] с.: фот. Книга с дарственной надписью автора.
11. Гончаров Н.С. Пелагеюшка: повесть: (Из жизни переселенцев). [Великие Луки?: б. и.], 2011. 151, [1] с.: ил. Книга с сопроводительным письмом автора.
12. Гончарова А.В., Скаковская Л.Н. У истока: фольклорные традиции в русской литературе 1970-90-х годов Тверь: [Твер. гос. ун-т], 2001. 239, [1] с.: ил. Книга с дарственной надписью автора (А.В. Гончаровой).
13. Грешневилов А.Н. [Выступления в Государственной Думе] [Рукопись]. М., 2011. [3], 5 л. Рукопись с сопроводительным письмом автора.
14. Жил такой парень...: сборник воспоминаний и стихотворений о Шукшине / [авт.-сост. Виктор Иванович Ащеулов]. Белокуриха: [б. и.], 2009. 162, [10] с. + [14] л. ил. Книга с дарственной надписью и сопроводительным письмом автора.
15. Истоки: межрегиональный литературно-художественный журнал. №2/2010 / основатель и гл. ред. Сергей Прохоров. 2005, сент. Нижний Ингаш: [Журнал «Истоки» ?], 2010. Журнал с сопроводительным письмом главного редактора С. Прохорова.
16. Карлюкевич А.Н. Мы – вместе! Минск: Междунар. центр интеграц. информации: Обществ. пресс-центр Дома прессы, 2006. 166, [2] с. ил. Книга с дарственной надписью М.И. Ткачёва и И.З. Архипова.
17. Колесов Г.С. Казаки – люди Боговы: Донские истории. Ростов-на-Дону: Дониздат, 2011. 253, [3] с.: портр. Книга с дарственной надписью и сопроводительным письмом автора.
18. Коломенский альманах: литературный ежегодник. Вып. 16 / орган творческого об-ния писателей Коломны; издаётся Комитетом по культуре гор. округа Коломна. 1997. [Коломна: б. и.], 2012. Альманах с дарственной надписью редколлегии.
19. Копылова О.И. Русь моя заветная: стихи. Санкт-Петербург – Павловск: [б. и.], 2011. 47, [1] с.: портр. Книга с дарственной надписью автора.
20. Коростелёва В.А. Золото судьбы: (избранное): стихи, поэмы, сказки. Киров: [О-Краткое], 2012. 447, [1] с. + [11] л. ил. Книга с дарственной надписью автора.

21. Крупин В.Н. Передай по цепи: повесть для своих. [Киев?]: Храм зачатия Иоанна Крестителя, 2010. 141, [3] с. Книга с дарственной надписью и сопроводительным письмом автора.
22. Максимцов В.И. Исповедальная дорога: стихотворения. Челябинск: Южно-Урал. книж. изд-во, 1989. 147, [5] с.: ил. Книга с дарственной надписью и визиткой автора.
23. Мелехов М.А. Толшменские сусаницы: стихотворения. Калуга: Эйдос, 2008. 97, [1] с.: ил. Книга с дарственной надписью автора.
24. Муховиков В.П. Русские метели. Ростов-на-Дону: Дониздат, 2008. 106, [2] с.: портр. Книга с дарственной надписью автора.
25. Наш современник: литературно-художественный и общественно-политический ежемесячный журнал. №10/2007 / учредители: Союз писателей России; ООО «ИПО писателей»; Международный фонд славянской письменности и культуры. 1956–. М.: [Наш современник?], 2007. Журнал с дарственной надписью С.Ю. Куняева, М. Ахметова, А. Дорошенко⁵.
26. Нелепин Р.А. Волшебный конь. Санкт-Петербург: [Православная Русь], 2001. 27, [1] с. Книга с дарственной надписью автора.
27. Нелепин Р.А. Я без любви жить не могу: стихотворения. [Санкт-Петербург?: Православная Русь], 2007. 46, [2] с.: портр. Книга с дарственной надписью автора.
28. Нёман: ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал. №10/2005 / учредитель: Министерство информации Республики Беларусь. 1945–. Минск: Литература и Искусство, 2005. Журнал с сопроводительным письмом Г.И. Киселёва.
29. Новосельцев А.В. Пал: Повесть. Записи. Рассказы. М.: Мстислав, 2006. 330, [6] с.: портр. (Русская библиотека). Книга с дарственной надписью автора.
30. Оки Т. Литература и общество в современной России с периода застоя до распада СССР. 1993. ix с., 325 с., 4 с.: ил. Изд. на яп. яз. Книга с дарственной надписью автора.
31. Павлов А.А. Моя судьба – в судьбе Отечества. Вологда: [б. и.], 2006. 202, [2] с.: ил. Книга с дарственной надписью автора.
32. Павлов Ю. Критика XX–XXI веков: литературные портреты, статьи, рецензии. М.: Литератур. Россия, 2010. 302, [2] с. Книга с дарственной надписью автора.
33. Пантюшина В.П. Пути-дороги: очерки, этюды. Кадуй; Вологда: [б. и.], 2005. 62, [2] с.: ил. Книга с дарственной надписью автора.
34. Позгалёв, В.Е. Я не хочу быть президентом. [Б.м.: Теза, б.г.]. 82, [6] с. + [4] л. ил. Книга с дарственной надписью автора.
35. Природа и человек. XXI век: ежемесячный научно-популярный журнал для народного чтения. №3/2011 / учредитель и издатель – ООО «ПиЧ XXI век», 2008 (?). М.: ООО «ПиЧ XXI век», 2011. Журнал с сопроводительным письмом А.Н. Грешневику.

⁵ Фамилия указана неразборчиво. Возможна ошибка в расшифровке.

36. Река времён: [сборник: 16+] / [ред. В.В. Королёв]. Смоленск: Маджента, 2012. 407, [1] с. Книга с дарственной надписью авторов произведений, вошедших в сборник: В. Королёва, В. Фомичёва, В. Леонова.
37. Роман-газета: народный журнал: [16+]. №19/2012 / учредитель – ЗАО «Роман-газета». 1927–. М.: Роман-газета, 2012. Журнал с дарственной надписью автора номера П. Краснова.
38. Романов Б. Мила. Новгород: [б. и.], 1997. 62, [2] с. Книга с дарственной надписью автора.
39. Ситников В.Х. Поминальное вино : стихи / Василий Ситников.– [Сыктывкар?: б. и., 2007]. 133, [3] с.: портр., ил. Книга с дарственной надписью автора.
40. Скобелев Э.М. Исправит ли человечество свои грехи? [16+]. М.: Норд, 2012. 73, [1] с. Книга с дарственной надписью и сопроводительным письмом автора.
41. Скобелев Э.М. Отстрел куропаток: (книга стихов); Суждения: (книга стихов): [16+]. М.: Норд, 2012. 322 с. Книга с дарственной надписью и сопроводительным письмом автора.
42. Скобелев Э.М. Портреты современников: (выпуск третий) М.: Норд, 2012. 183, [1] с. Книга с дарственной надписью и сопроводительным письмом автора.
43. Траектория Творчества: литературно-художественный и культурно-просветительский журнал для семейного чтения. №1/2009 / учредитель Е.П. Арутюнова, 2006 (?) –. М.: [б. и.], 2009. Журнал с дарственной надписью главного редактора С.Е. Михеенкова.
44. Трофимов В.Н. Мы всегда будем вместе: повесть и рассказы. [Б. м. : б. и.], 2008. 95, [1] с.: ил. Книга с дарственной надписью автора.
45. Фомичёв В.Т. Атлантида святынь: Стихотворения. Эпиграммы. Поэма. М.: [б. и.], 2012. 76 с.: цв. фот. Книга с дарственной надписью автора.
46. Фомичёв В.Т. О писателях и книгах: Статьи. Рецензии. Рекомендации. Выступления. Интервью. Письма. Стихотворения. М.: Смядынь, 2007. 356, [4] с.: фот. Книга с дарственной надписью автора.
47. Фомичёв В.Т. Поле заживо сожжённых: Публицистика. Стихи. Документы: книга-обличенье. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: [Моск. Парнас], 2010. 331, [3] с. Книга с дарственной надписью автора.
48. Хобер А.Ф. Сказание о Тун Ли и Великом Ване: по мотивам повести Николая Байкова «Великий Ван». Йошкар-Ола: Сельские вести, 2008. 103, [1] с.: ил. Книга с дарственной надписью автора.
49. Цветков В.А. Остров счастья: сказки и притчи нового времени Калуга: [Эйдос], 2007. 91, [1] с. Книга с дарственной надписью автора.
50. Шевченко Л.Я. Надежда: Детям и взрослым. Т. 1. [Тула: Гриф и К], 2006. 590, [2] с.: ил. (Библиотека семейного чтения). Книга с дарственной надписью автора.
51. «Школа моя деревянная...» / Департамент культуры Волог. обл., Исполн. ком. Тотем. муницип. р-на, МУ «Тотем. музейное об-ние». [Вологда: Волог. лес, б.г.]. [10] с.: фот. Книга с дарственной надписью сотрудников Дома-музея Н. Рубцова.

ТОЛШМЕНСКАЯ МОДЕЛЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ТУРИЗМА

Аннотация. Приведен обзор «точек роста» в сфере образовательного туризма в муниципальном образовании «Толшменское» Тотемского района Вологодской области, включая опыт проведения экспедиций по изучению территории в период с 2012 по 2018 годы. Предложена толшменская модель образовательного туризма и пути ее формирования в ходе решения четырех задач проекта «Звезда полей: живые уроки на Толшме».

Ключевые слова: Толшма, образовательный туризм, гений места, Рубцовское поле, Рубцовские тропы, толшменская картина мира, экспедиции, творческие мастерские, Школа Русского Слова, Толшма: от устья к истокам.

Решая одну из наиболее актуальных задач России – развитие внутреннего туризма – необходимо учитывать мировую тенденцию: подавляющее большинство молодых людей в мире склоняются в сторону так называемого «полезного отдыха» и свободного стиля путешествия. Более 85% путешественников [12: 139] отказываются называть себя туристами и ищут в поездках не тех стандартных туристических развлечений и экскурсионных маршрутов, что предлагает туроператор, а возможность увидеть посещаемую местность изнутри, глазами местных жителей, получить новые знания, впечатления и переживания в месте, где когда-то происходили значительные события или жили великие люди. О необходимости переживания событий непосредственно на изучаемой местности говорил патриарх отечественного краеведения Н.П. Анциферов (1889–1958): «Переживание есть тоже один из путей познания» [2: 329]. Вышесказанное говорит о перспективности развития в местности с богатым культурно-историческим наследием образовательного туризма. Его отдельные виды уже появились в муниципальном образовании (МО) «Толшменское» Тотемского района Вологодской области.

Река Толшма, протекающая на юге Тотемского района Вологодской области, издавна соединяет Русский Север с Поволжьем. И географически, и сакрально территория долины реки Толшмы находится в пространстве, которому историк В.О. Ключевский дал название «Заволжская Фиваида» [3: 576]. Еще во времена великого

князя Ивана III здесь, «на диком лесу», начали появляться храмы. Их брали под свою опеку российские государи, жаловавшие устроителей охранными грамотами с повелением «дворы ставити и пашни розпахивати» [16: 231-237]. На обустроенные деревни Толшмы нередко совершались набеги. С севера шли лихие люди – новгородские ушкуйники, прорывающиеся на вольные берега Волги, с юга – несущие пожары и разорение «казанцы» и «литовцы».

Исторические реалии «Заволжской Фиваиды» [6: 3] нашли отражение в стихотворении «Видения на холме» [13: 9] поэта Николая Рубцова, который провел на Толшме свои отроческие годы (1943–1950). Двадцатью годами позднее здесь же он напишет свою великую книгу «Звезда полей». Благодаря творчеству гения места на его «тихой родине», в «долине детства», сформировалось особое, мифопоэтическое, пространство, и этот факт, в соединении с богатейшей историей края, его уникальной природой и особенностями местного народного мировосприятия, дает хорошие возможности для развития в долине реки Толшмы образовательного туризма [12: 140].

Одна из разновидностей такого туризма – обучающие программы в сочетании со спортивными и досуговыми мероприятиями – уже практикуется на территории МО «Толшменское» в экологическом палаточном лагере, организуемом ВРО МАН «Интеллект будущего» [11]. Нерегулярность проведения этих лагерей на Толшме (география проведения – вся Вологодская область) и относительно узкий профиль обучения не позволяют данной разновидности оказывать серьезное влияние на развитие образовательного туризма на Толшме.

Еще один вид образовательного туризма – участие в научно-практических конференциях – начинает вводить на Толшме Тотемское музейное объединение (ТМО). Начиная с января 2019 года основная часть научно-практической конференции «Рубцовские чтения» будет проходить в селе Никольском. Однако если учесть, что рубцовскую конференцию ТМО организует только один раз в три года, то можно увидеть, что значение данного вида образовательного туризма также не может быть достаточно весомым. Следует особо отметить, что по инициативе Мемориального дома-музея Н.М. Рубцова (ТМО) и Никольской школы им. Н.М. Рубцова в селе Никольском введены ежегодные январские детские краеведческие конференции. Однако говорить о туризме здесь не приходится, поскольку в них участвуют только местные школьники.

Весьма перспективным может стать в МО «Толшменское» такой вид туризма, как научные и учебные стажировки. Уже дважды (в 2017 и 2018 годах) в село Никольское приезжали участники стажировок, организованных Тотемским музейным объединением в партнерстве с администрацией района и Фондом развития общественных инициатив района «Соль земли» для победителей конкурса «Культурная мозаика малых городов и сел» Благотворительного фонда Елены и Геннадия Тимченко. Участники познакомились с опытом проектной деятельности Мемориального дома-музея Н.М. Рубцова, Никольской школы, ВРО МАН «Интеллект будущего» и АНО «Бирюзовый дом». Однако кратковременность пребывания участников этих стажировок непосредственно на Толшме (несколько часов) не позволяет считать их туристами МО «Толшменское».

Весомый вклад в развитие образовательного туризма на территории МО «Толшменское» внесли экспедиции и пленэры, организованные в период с 2012 по 2018 годы АНО «Бирюзовый дом» и его московскими и региональными партнерами, на основе концепции «Бирюзовое кольцо Русского Севера» [7: 582]: «Журавли над Николой» (2012), «Бирюзовое кольцо Русского Севера» (блок «Острова свои обогреваем», 2013, 2014), «На Безымянной высоте» (2015), «Я рос на этих берегах» (2016), «Толшма – долина детства» (2017), «Тихая моя родина» (2018).

Палитру используемых в образовательном туризме средств дополнили мероприятия инициированного АНО «Бирюзовый дом» общественного движения «Школа Русского слова» [8]. Старт работы «Школы» дан 12 июня 2014 года, когда, в День России был совершен первый сплав по реке Толшме. В сплавах 12 и 13 июня участвовали гости из Москвы, Вологды и Череповца. Вслед за сплавом состоялась презентация ландшафтной площадки «Между березой и сосной» на Церковной горе. Годом позднее, в августе 2015 года, на этой площадке по инициативе А.В. и М.Н. Кошелевых был установлен символ «Школы Русского Слова» – «Рубцовский камень» с высеченной на нем строкой: «Взбегу на холм и упаду в траву...».

В начале 2016 года АНО «Бирюзовый дом» выдвинул ландшафтный памятник «Церковная гора» на региональный конкурс «Вологодчина: сокровища Русского Севера» и организовал его продвижение в трехмесячном марафоне. В результате – второе место «Церковной горы» и авторская программа А. и М. Кошелевых по этому ландшафтному памятнику с «Рубцовским камнем».

Оценивая экспедиции АНО «Бирюзовый дом» и мероприятия «Школы Русского Слова», участник экспедиции 2014 года канд. фил. наук Мария Акимова писала: «Такого рода программы являются практически готовым решением сразу целого ряда вопросов и проблем. Они объединяют в себе несколько функций: поминовение; паломничество; продолжение историко-культурной традиции, создание творческого кластера, воспитание подрастающего поколения; сохранение «своих островов»: поддержка традиционных народных ремесел и промыслов в глубинке; помощь в восстановлении прихода; обретение корней, родства; сглаживание «граней меж городом и селом», прогрессирующего год от года диссонанса мегаполисов и малых городов» [1: 184]. По отзывам многочисленных участников экспедиций, они «едут в Никольское москвичами, а возвращаются россиянами» [9: 119]. После пребывания на духовной родине Николая Рубцова приходит осознание его строк: «Мать России целой – деревушка. Может быть – вот этот уголок» [13: 272].

Несмотря на высокую оценку участниками экспедиционных программ и мероприятий Школы Русского Слова, следует отметить недостатки и в этой разновидности образовательного туризма на Толшме. Отсутствие на областном и федеральном уровнях информации об уникальности территории, отсутствие логистики, смягчающей проблему низкой транспортной доступности территории, отсутствие регулярности, связанной с фактическим отсутствием грантового финансирования проектов АНО «Бирюзовый дом» из-за несоответствия места ее регистрации (г. Москва) месту фактической деятельности – МО «Толшменское» Тотемского района Вологодской области.

Анализ показывает, что недостатки перечисленных видов образовательного туризма на Толшме будут минимизированы при создании толшменской модели образовательного туризма, предполагающей более полное использование имеющихся ресурсов бюджетных учреждений образования и культуры и АНО «Бирюзовый дом» при введении на территории пяти точек роста: 1. площадки «Рубцовское поле» для сельскохозяйственной практики студентов Тотемского политехнического колледжа; 2. туристическо-образовательных программ (ТОП) «Живые уроки на Рубцовских тропах», подготовленных АНО «Бирюзовый дом» совместно с жителями МО «Толшменское»; 3. летнего 12-дневного экспедиционного лагеря с творческими мастерскими «Школа Русского Слова»; 4. ежегодной научно-практической краеведческой конференции «Толшма: от устья к истокам»;

5. четырех событий, вводимых в календарь МО «Толшменское» для ежегодной презентации ТОП для разных аудиторий в разное время года: «Звезда полей» (январь), «Никола Вешний» (май), «Школа Русского Слова» (июль) и «Дожинки» (сентябрь).

Предполагается что толшменская модель образовательного туризма будет отражена в альбоме-путеводителе «Толшма: от устья к истокам», в котором через карты, художественные фотографии и лаконичные тексты будут сопряжены два пространства: географическое (историко-культурные, природные и людские достопримечательности территории) и мифо-поэтическое (образы и символы Николая Рубцова, раскрывающие истинное значение поэзии гения места – возрождение и утверждение глубинных народных идеалов).

Описанная модель может дать импульсы к развитию всех вышеперечисленных видов образовательного туризма на Толшме, как действующих, так и потенциально возможных. Отдельные программные модули палаточного лагеря ВРО МАН «Интеллект будущего» могут быть использованы в «Школе Русского Слова». Тотемское музейное объединение, имеющее блестящий опыт организации научно-практических конференций, сможет проводить такие конференции ежегодно. При этом один раз в три года конференция на Толшме «Рубцовские чтения» будет включать в себя краеведческую составляющую. Уровень детской конференции, введенной по инициативе Мемориального дома-музея Н.М. Рубцова (ТМО) и Никольской общеобразовательной школы им. Н.М. Рубцова, может повыситься до межрегионального и федерального за счет появления новых участников, создавших интересные исследовательские и творческие работы в «Школе Русского Слова». Весьма вероятным представляется в связи с вышесказанным и появление на Толшме такого вида образовательного туризма, как научные и учебные стажировки.

Переход от существующей реальности к образу будущего – толшменской модели образовательного туризма – планируется осуществить в рамках проекта «Звезда полей Николая Рубцова: живые уроки на Толшме». Проектом предусматривается решение четырех задач: 1. формирование образа территории МО «Толшменское» как объекта образовательного туризма; 2. формирование комплексной образовательной площадки «Рубцовское поле», на которой традиционное на Толшме земледелие сопрягается с образами Николая Рубцова; 3. создание «Рубцовских троп» с туристическо-образовательными программами (ТОП), проводимыми в русле концепции

«живые уроки»; 4. продвижение концептуального образа территории МО «Толшменское» и туристическо-образовательных программ (ТОП) в долине реки Толшмы и российских регионах.

Первая задача будет решена через выпуск сборника «Толшменская картина мира» (фрагменты текстов бесед ученых-филологов со старожилами Толшмы, статьи ученых и краеведов, графические рисунки художников) и альбома-путеводителя «Толшма: от устья к истокам», отражающего образ территории и толшменскую модель образовательного туризма.

Вторая задача, предполагающая введение в толшменскую модель образовательного туризма сельскохозяйственной составляющей, имеет свою историю. В апреле 2016 года АНО «Бирюзовый дом» в презентации «Конь в село соседнее понесет меня» [4: 15], подготовленной по результатам участия в Форуме «Деревня – душа России» и направленной в Общественную палату Российской Федерации и в правительство Вологодской области, обосновал необходимость создания в селе Никольском: 1. «Образовательной площадки сельскохозяйственного вуза» и 2. «Литературного музея «Долина детства: слово, звук, образ» [5: 106-112], предназначенного для изучения, воссоздания и продвижения «Толшменской картины мира», отраженной в поэзии Н.М. Рубцова».

Получить грантовые средства на реализацию идей не удалось, и тогда создатели АНО «Бирюзовый дом» за счёт собственных средств сформировали музейно-выставочный центр (МВЦ) с выставочным залом, библиотекой, литературной гостиной и арт-резиденцией и представили его в апреле 2017 года под привычным для местных жителей названием «Бирюзовый дом». Вместе со школьниками в мае 2017 года был проведен символический посев злаковых культур на «Школьном поле». Выращенные колосья ржи, пшеницы и овса находятся сейчас в школе в кабинете труда и в МВЦ «Бирюзовый дом».

Проросли также зерна, заложенные в презентации «Конь в село соседнее понесет меня», отправленной в Общественную палату РФ. В 2016 году отделом сельского хозяйства и продовольствия Тотемского муниципального района был подготовлен проект «Увеличение посевных площадей Тотемского района на 2017–2022 гг.». На его основе 30 июля 2018 года было подписано трехстороннее соглашение между администрациями района, муниципалитета и Тотемского политехнического колледжа о проведении в 2019 году сельскохозяйственной практики студентов колледжа в МО «Толшменское». Это решение получило отражение в проекте «Звезда полей: живые уроки на Толшме».

Решение о введении производственной практики студентов на Толшме было для руководства колледжа непростым. Для колледжа удобнее проводить практику на производственной базе, расположенной рядом с Тотьмой. Здесь есть поля, техника и общежитие для студентов. В находящейся в 80 километрах территории «Толшма», труднодоступной в распутицу, есть только поля, которые за 8 лет отсутствия работ уже начали зарастать деревьями. В этих условиях АНО «Бирюзовый дом» выразил готовность к партнерству с администрациями района, муниципалитета и колледжа с предоставлением в 2019 году на безденежной основе инфраструктуры МВЦ «Бирюзовый дом» (арт-резиденция, выставочный зал, библиотека, литературная гостиная) для производственной практики студентов. В ответ администрация МО «Толшменское» и руководство Тотемского политехнического колледжа взяли на себя обязательства по волонтерской помощи при очистке и маркировке «Рубцовских троп» протяженностью 2100 метров, создаваемых в окрестностях села Никольское.

Введение объекта «Рубцовское поле» имеет важное значение не только в экономическом, но и в символическом смысле. Образ «поля» (слово повторяется в произведениях Николая Рубцова 72 раза [14: 233]) является неотъемлемой частью «Толшменской картины мира». Наличие такой – региональной – картины на Толшме в данный момент не очевидно, но события 2012–2018 годов убедительно показывают наличие на Толшме «сильных точек памяти культуры», подталкивающих к «художественной рефлексии» [15: 120]. Это, по авторитетному мнению профессора Г.В. Судакова, является одним из признаков наличия на территории собственного, регионального «текста». Аргументы о наличии такого «текста» приведены автором в статье «Мифопоэтическое пространство «Толшма – долина детства» в качестве базы для формирования образа будущего территории МО «Толшменское» [10: 75].

Третья задача проекта предполагает доработку, описание и апробирование в 12-дневном экспедиционном лагере «Школа Русского Слова» ТОП восьми «Рубцовских троп», сформированных АНО «Бирюзовый дом» и его партнёрами – жителями МО «Толшменское» – во время экспедиций: 1. «Над рекою, где бакен желт» (Усть-Толшма); 2. «Музей крестьянских ремесел» (д. Погост); 3. «По лягам к Серому камню» (по лесной дороге к поселкам спецпереселенцев); 4. «Закружило меня от села вдали...» (лес, болото); 5. «Жемчужины Камешкурья (река, плес, перекат, гата, старица); 6. «Взбегу на холм и упаду

в траву...» (гора, холм, камень); 7. «От Благовещения до Успения» (храмы долины реки Толшмы); 8. «Дай дорогу, пеший!» (Монзенская железная дорога). Соответствующие сюжеты были представлены на страницах газеты «Тотемские вести» и в группе «Бирюзовый дом» социальной сети «ВКонтакте».

Четвертая задача проекта – «Продвижение концептуального образа территории МО «Толшменское» и туристическо-образовательных программ в долине реки Толшмы и российских регионах» – решается через события толшменского календаря – «Звезда полей», «Никола Вешний», «Школа Русского Слова» и «Дожинки», публикацию в СМИ, организацию пресс-тура в МО «Толшменское» и через акцию «Кольцо» – презентацию изданий проекта и туристическо-образовательных программ на маршруте: «Тотьма – Вологда – Москва – Санкт-Петербург – Череповец – Вологда – Тотьма».

Ожидается, что толшменская модель образовательного туризма, созданная в проекте «Звезда полей Николая Рубцова: живые уроки на Толшме», даст не только мощный импульс для развития территории МО «Толшменское» с перспективой создания рабочих мест для молодежи, но и окажется полезной для других территорий Русского Севера.

Литература

1. Акимова М.С. Программа «Острова свои обогреваем» (по местам, связанным с жизнью и творчеством Н.М. Рубцова) в историко-культурной перспективе // «... Звезда труда, поэзии, покоя...»: К 80-летию Н.М. Рубцова: сб. ст. / РАН. ИНИОН. Центр гуманист. науч.-информ. исслед. Отд. литературоведения; отв. ред. Ревякина А.А.; ред. сост. Анашкина О.И. М., 2016. 240 с. С. 174-186.
2. Анциферов Н.П. Краеведный путь в исторической науке (Историко-культурные ландшафты) // Краеведение. 1928. № 6. С. 321-338.
3. Ключевский В.О. О русской истории. М.: Просвещение, 1993. С. 576.
4. Конь в село соседнее понесет меня. Презентация АНО «Бирюзовый дом» для Общественной палаты РФ, апрель 2016 г., Москва, с. Никольское. URL: https://vk.com/doc181467553_476760879
5. Кошелева М.Н. Литературный музей «Долина детства: Звук. Слово. Образ» // Судьба и творчество Николая Рубцова в культурном контексте современной России: сборник материалов научных конференций с международным участием «Рубцовские чтения» (сентябрь 2013, январь 2016). Тотьма, 2016. С. 106-112.
6. Кошелева М.Н. Заволжская Фиваида на реке Толшме // Тотемские вести». 2016. 17 сентября. С. 3.

7. Кошелева М.Н. Программа дополнительного образования и патриотического воспитания подростков и юношества России «Бирюзовое кольцо Русского Севера» в качестве инструмента для активизации социально-трудового потенциала в регионе» // Материалы III международной научно-практической конференции «Леденцовские чтения. Бизнес. Наука. Образование», г. Вологда, 28-29 марта 2013 г. Ч. 2. С. 582.
8. Кошелева М.Н. Школа Русского Слова в селе Никольском как фактор развития духовной родины поэта Николая Рубцова // Культурно-познавательный туризм как фактор развития российской глубинки: материалы I Всерос. науч.-практ. конф. (18-21 сентября 2014 г.) / под ред. А.М. Новоселова, А.А. Чернеги. Тотьма: МБУК «Тотемское музейное объединение», 2014.
9. Кошелева М.Н., Акимова М.С. Опыт использования экспедиций «Бирюзовое кольцо Русского Севера» в решении задач духовно-нравственного развития и воспитания // Актуальные вопросы изучения мировой культуры в контексте диалога цивилизаций: Россия-Запад-Восток: материалы Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие». XVII Кирилло-Мефодиевские чтения .24 мая 2016 г.
10. Кошелева М.Н. Мифопоэтическое пространство «Толшма – долина детства» в качестве базы для формирования образа будущего территории МО «Толшменское» // Русский Север-2017: проблемы изучения и сохранения историко-культурного и природного наследия: сборник материалов межрегиональной научной конференции МБУК «Тотемское музейное объединение». Тотьма – Вологда: ООО ЦКИ «Пава», 2017.
11. Огарков А.А. Областная школа практической экологии: вологодский вариант. Обществ. Малая акад. наук «Интеллект будущего», Вологод. регион. отд-ние. Вологда: Интеллект будущего, 2018.
12. Пономарева Т.В. Образовательный туризм: сущность, цели и основные сегменты потребителей // Проблемы современной экономики: материалы IV Международной конференции (г. Челябинск, февраль 2015 г.). Челябинск: Два комсомольца, 2015.
13. Рубцов Н.М. Последняя осень: стихотворения, письма, воспоминания современников. М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000.
14. Сидоренко М.Н. Словарь языка и рифм поэзии Н. Рубцова. Череповец: Издательство «Порт-Апрель», 2005.
15. Судаков Г.В. В.И. Белов и проблема «Вологодского текста» // Вологодский текст в русской культуре: сборник статей по материалам конференции / М-во образ. и науки РФ, Вологод. гос. ун-т. Вологда: Легия, 2015. С. 118.
16. Указные грамоты городovým воеводам и приказным людям 1613–1626 / под ред. И.В. Пугача. М.: Круг, 2012.

АГЛОМЕРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В РАЗВИТИИ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

АГЛОМЕРАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Одной из ключевых тенденций территориального развития и эволюции форм расселения в течение последних десятилетий стало появление и дальнейшее развитие новых их форм, образующихся в процессе сближения в процессе роста нескольких поселений. Данные образования в научной литературе и практике называют агломерациями [1].

При этом зарубежный опыт свидетельствует о наличии значительных эффектов для территории от развития агломераций. В частности, согласно результатам исследования Международной сети компаний PwC, проведенного в 2017 году, экономический рост в агломерациях происходит на 0,3 п.п. быстрее, чем в целом по стране. При этом в агломерациях доходы домохозяйств за период с 2001 по 2016 г. выросли на 4,7 тыс. долл. США – это больше, чем в среднем доходы домохозяйств по стране. Ядра в большинстве случаев показывали еще лучшую динамику, нежели агломерации в целом. К 2030 году доля крупнейших агломераций в мировом ВВП, по прогнозным оценкам PwC, увеличится с 38 до 43%. Среднегодовой темп роста будет на 1 п.п. опережать среднемировой темп роста (3,7% против 2,9%).

Российская практика свидетельствует также о наличии конкурентных преимуществ данных территорий. В частности, Московская агломерация значительно опережает Россию по 11 из 13 показателей (только агломерация г. Пекина имеет более высокие показатели – 12 из 13), в т.ч.: приросту ВВП (на 1,4 п.п.), населения (1,2 п. п.) и миграции (8 мигрантов на 1 тыс. чел.)¹.

По состоянию на 2016 год в России насчитывалось 177 городов в составе крупных городских агломераций (20 агломераций), где проживало 49 млн. человек, или 34% населения страны. Здесь произ-

¹ Эффект масштаба. Первый глобальный рэнкинг агломераций / PwC Россия. Режим доступа: <https://www.pwc.ru/ru/publications/agglomerations.html> (дата обращения: 10.07.2018 г.).

водилось около 40% ВВП России (33 трлн. рублей). В пятерку крупнейших городских агломераций с годовым ВГП более 1 трлн. рублей входят:

1. Московская агломерация (16,5 трлн. руб.);
2. Санкт-Петербургская агломерация (4,2 трлн. руб.);
3. Нижегородская агломерация (1,12 трлн. руб.);
4. Екатеринбургская агломерация (1,12 трлн. руб.);
5. Самарско-Тольяттинская агломерация (1,07 трлн. руб.)².

Весьма значительный практический интерес вызывает исследование агломерационных процессов в Вологодской области, выступающей «плацдармом» в развитии Европейского Севера России, поскольку является субъектом, который интегрирует данные территории по линии «Север-Юг».

Изучение тенденций трансформации пространства в области свидетельствует о том, что агломерационные процессы в регионе в настоящее время активизируются. Однако между учеными и практиками все еще не утихают дискуссии относительно субъектного состава этих агломераций. Какова же конфигурация формирующейся агломерации? Можно выделить две принципиально различающиеся точки зрения.

1. Вологодско-Череповецкая агломерация (полицентрическая) (ядра: г. Вологда и г. Череповец; агломерационная зона: Вологодский, Грязовецкий, Сокольский, Череповецкий, Шекснинский, Кадуйский районы).

2. Вологодская агломерация (моноцентрическая) (ядро: г. Вологда; агломерационная зона: Вологодский, Грязовецкий, Сокольский районы) и Череповецкая (моноцентрическая) (ядро: г. Череповец; агломерационная зона: Череповецкий, Шекснинский и Кадуйский районы).

Результаты проведенного нами анализа и расчетов по данному инструментарию свидетельствуют о том, что в настоящее время наблюдается формирование агломерационных связей между г. Вологдой и Вологодским, Грязовецким, Сокольским районами (табл. 1).

² Экономика российских городов и городских агломераций. Выпуск 1: Работают ли городские активы на городское развитие? // Фонд «Институт экономики города». М., 2017. 13 с.

Таблица 1. Соответствие Вологодской агломерации критериям, предъявляемым к агломерациям в ряде методик

Критерии / Criteria	Методика ИГРАН (Г. Лаппо, П. Полян)	Методика ЦНИИПград (Ф. Листенгурт)	Унифицированная методика (П. Полян, Н. Наймарк)	Вологодская агломерация
1. Численность населения ядра	Не менее 250 тыс. чел.	Не менее 100 тыс. чел.	Не менее 250 тыс. чел.	320,7 тыс. чел.
2. Временная доступность от окраин до центра (с учетом средней скорости в 60 км/час)	Не более 1,5 часа	Не более 2 часов	Не более 1,5 часа	2 часа (Биряковское поселение Сокольского района – 121 км)
3. Количество городских населенных пунктов агломерационной зоны	Не менее 5	Не менее 3	Не менее 4	4 единицы (г. Грязовец, пгт Вохтога, г. Сокол, г. Кадников)
4. Численность населения городов-спутников	Не менее 50 тыс. чел.	–	–	56,7 тыс. чел.
5. Доля населения городских населенных пунктов агломерационной зоны в общей численности городского населения	–	Не менее 10%	–	16,3%
6. Коэффициент развитости агломерации (агломеративности)	Не менее 1	Не менее 0,1	Не менее 1	1,5 (тип: наименее развитые агломерации)

Таким образом, проведенные расчеты по целому ряду методик показывают о том, что Вологодская агломерация относится к категории моноцентрических, наименее развитых и формирующихся, однако она удовлетворяет всем обозначенным выше критериям выделения и делимитации агломераций, что фактически свидетельствует о наличии агломерационных эффектов на рассматриваемых территориях.

Агломерационные процессы проявляются также в концентрации населения, производства и экономической активности на данных территориях. Полученные данные говорят о продолжающейся концентрации населения и производства в двух агломерациях Вологодской области, формирующихся вокруг двух крупных городов – Вологды и Череповца. Так, по итогам 2016 г. в муниципалитетах агломераций проживало 72,9% населения области, размещалось 96,1% основных производственных фондов, производилось 93,4% промышленной и 65,9% сельскохозяйственной продукции;

на них же приходилось и 92,5% объема инвестиций в основной капитал и 78,8% оборота розничной торговли. При этом Вологодская агломерация больше специализируется на сельском хозяйстве и торговле, Череповецкая – на промышленном производстве (она же является стабильным лидером по объему инвестиций, табл. 2).

Таблица 2. Доля территорий Вологодской агломерации в общеобластных значениях ключевых социально-экономических показателей, %

Показатель	2000 г.	2005 г.	2008 г.	2010 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2016 г. к 2000 г., +/-
Численность постоянно-го сельского населения	18,9	19,4	19,1	20,6	21,5	21,5	21,7	21,8	+2,9
Объем промышленной продукции	10,5	11,4	11,2	10,5	11,4	13,6	14,5	14,1	+3,5
Посевная площадь сельскохозяйственных культур	24,9	30,5	31,9	33,2	34,0	33,9	35,1	34,4	+9,5
Поголовье крупного рогатого скота	29,8	36,6	39,7	40,9	41,7	43,2	43,0	42,7	+12,9
Производство мяса	24,8	29,4	31,6	34,6	29,7	27,9	30,1	30,1	+5,3
Туристический поток	н.д.	н.д.	24,8	24,9	33,2	35,4	33,2	34,9	+10,1*
* Источник: 2016 г. к 2008 г. Составлено по: База данных показателей муниципальных образований / Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm (дата обращения: 10.07.2018 г.)									

Важнейшей научной и практической задачей при этом является формирование системы управления данными процессами, разработка Стратегии развития Вологодской агломерации, а также привлечение финансирования на реализацию проектов и мероприятий по дальнейшему ее развитию. Соответственно, для начала целенаправленного управления процессами формирования и развития Вологодской агломерации целесообразно реализовать следующие мероприятия.

1. Подписать Соглашение о намерении создания Вологодской агломерации.

2. Подписать Соглашение о создании и совместном развитии Вологодской агломерации между муниципалитетами, входящими в агломерацию.

3. Сформировать Координационный совет по развитию Вологодской агломерации.

4. Разработать совместные агломерационные, межмуниципальные проекты, которые в дальнейшем могут быть заявлены в федеральные или региональные проекты по развитию агломераций. Наиболее приоритетными направлениями для данных проектов могут быть следующие:

- проведение единой градостроительной политики, согласованное развитие транспортной инфраструктуры в муниципалитетах агломерации;
- торговля и формирование единого рынка сбыта продукции;
- развитие культуры, туризма и рекреации;
- совместное использование и развитие коммунальной инфраструктуры на территории агломерации, в том числе путем учреждения межмуниципальных организаций;
- создание транспортно-логистического узла на территории агломерации;
- обмен опытом по решению вопросов и проблем местного значения и др.

Реализация этих направлений на практике создаст благоприятные предпосылки для формирования и повышения эффективности системы управления развитием Вологодской агломерации и будет способствовать дальнейшему развитию производственных, кооперационных, культурных, рекреационных и иных связей рассматриваемых территорий.

Литература

1. Волчкова И.В., Минаев Н.Н. Теория и практика управления развитием агломераций. Томск : Изд-во Том. гос. архит.-строит. ун-та, 2014. 234 с.

ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ СУБЪЕКТОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Сельские территории (территории вне городских населённых пунктов) являются особым и приоритетным объектом управления и предметом научных исследований. На 1 января 2018 г. 26% населения России проживало в сельской местности, а подавляющее большинство (81%) муниципальных образований составляют сельские поселения. Сельские территории выполняют важные общегосударственные функции (обеспечение продовольственной безопасности, сохранение связности пространства, историко-культурного наследия, поддержание экологического равновесия, создание условий для восстановления здоровья и отдыха населения и др.).

Следует отметить, что в 2000-е годы на федеральном уровне была начата реализация национальных проектов, ведомственных, государственных программ развития агропромышленного комплекса, в том числе направленных на обеспечение устойчивого развития сельских территорий. Однако практика их реализации позволяет говорить об отсутствии комплексного и системного подхода к развитию сельских территорий, единого понимания и сформированных концептуальных основ региональной политики в отношении сельских территорий. В этой связи важен анализ особенностей, проблем развития сельских территорий (на примере субъектов Северо-Западного федерального округа). Ключевой проблемой развития большинства сельских территорий России является неблагоприятная демографическая ситуация: значительное сокращение численности населения, обусловленное как естественной убылью, так и высоким миграционным оттоком населения. Всё это приводит к «вымиранию» целых населённых пунктов, потере управляемости территориями. Что касается субъектов Северо-Западного федерального округа, то за 27 лет (1991–2017 гг.) численность сельского населения в среднем по округу сократилась на 19% (в Мурманской области – на 40%, в Псковской области – на 39%; в Республике Коми, Архангельской области и Ненецком автономном округе – на 35-39%; табл. 1).

Таблица 1. **Численность постоянного населения на конец года**, тыс. чел.

Субъект РФ	1991 г.		2017 г.		2017 г. к 1991 г.	
	Всего	Сельское население	Всего	Сельское население	Всего	Сельское население
Российская Федерация	148514,7	39157,0	146880,4	37553,5	98,9	95,9
Северо-Западный федеральный округ	15240,2	2693,9	13952,0	2180,6	91,5	80,9
Республика Карелия	789,5	142,0	622,5	121,9	78,8	85,9
Республика Коми	1222,1	296,6	840,9	184,1	68,8	62,1
Архангельская область	1554,6	415,5	1155,0	254,1	74,3	61,2
Ненецкий автономный округ	50,2	18,4	44,0	11,9	87,6	65,0
Архангельская область (без АО)	1504,3	397,1	1111,0	242,1	73,9	61,0
Вологодская область	1353,2	460,5	1176,7	325,1	87,0	70,6
Калининградская область	898,6	189,9	994,6	219,5	110,7	115,6
Ленинградская область	1678,9	567,3	1813,8	656,7	108,0	115,8
Мурманская область	1170,4	96,1	753,6	57,8	64,4	60,1
Новгородская область	748,8	223,8	606,5	176,0	81,0	78,6
Псковская область	837,7	302,4	636,5	185,4	76,0	61,3
Город Санкт-Петербург	4986,4	0,0	5351,9	0,0	107,3	-

Источник: здесь и в таблицах 2-4 рассчитано по: Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). Режим доступа: <https://www.fedstat.ru/>

Что касается развития сельского хозяйства, то если в целом по России по итогам 2017 г. физический объем сельхозпроизводства превысил уровень 1991 г. на 6,7%, то в СЗФО сокращение данного показателя за данный период составило 32% (табл. 2). Наибольшее сокращение данного показателя отмечалось в Республике Карелия, Архангельской и Мурманской областях (на 68–85%), наименьшее – в Ленинградской и Псковской областях (на 15%), а в Новгородской области был достигнут прирост на 5,8%.

Таблица 2. **Индекс физического объема производства сельскохозяйственной продукции, в % к 1991 году**

Территория	1991 г.	2000 г.	2010 г.	2017 г.
Российская Федерация	100,0	63,6	75,6	106,7
Северо-Западный федеральный округ	100,0	59,5	56,1	68,1
Республика Карелия	100,0	48,8	41,2	32,3
Республика Коми	100,0	65,1	55,7	54,8
Архангельская область	100,0	56,8	34,0	24,5

Территория	1991 г.	2000 г.	2010 г.	2017 г.
Ненецкий автономный округ	100,0	43,4	41,2	55,8
Вологодская область	100,0	74,7	53,8	50,9
Калининградская область	100,0	48,1	59,1	76,0
Ленинградская область	100,0	60,5	69,5	85,3
Мурманская область	100,0	40,1	34,8	14,7
Новгородская область	100,0	58,2	76,1	105,8
Псковская область	100,0	57,4	35,7	84,8

Наиболее острой и значимой проблемой развития сельских территорий является низкий уровень благоустройства жилого фонда. Так, по итогам 2015 г. лишь четверть жилого фонда в среднем по сельской местности СЗФО была благоустроена всеми видами благоустройства, в то время как в городской местности данное значение составило 81% (табл. 3). Наиболее низкий уровень благоустройства отмечался в Республиках Карелия и Коми, Архангельской области и Ненецком АО (менее 10%).

Таблица 3. Доля площади жилищного фонда, обеспеченного всеми видами благоустройства в 2015 г., в общей площади жилищного фонда субъекта РФ, %

Территория	Всего	Городская местность	Сельская местность
Российская Федерация	65,5	78,4	30,8
Северо-Западный федеральный округ	69,8	80,6	25,2
Республика Карелия	53,3	67,1	4,1
Республика Коми	54,1	70,5	6,1
Архангельская область	52,9	74,6	6,5
Ненецкий автономный округ	50,3	69,0	3,0
Архангельская область (без АО)	53,0	74,8	6,6
Вологодская область	35,2	47,8	12,8
Калининградская область	75,9	80,2	59,6
Ленинградская область	61,6	69,2	49,6
Мурманская область	90,0	90,7	80,1
Новгородская область	44,4	63,7	10,9
Псковская область	44,9	61,5	14,4
Город Санкт-Петербург	95,0	95,0	-

Остро стоит в сельской местности и проблема с обеспечением населения населения качественной питьевой водой (табл. 4).

Таблица 4. Доля населения, обеспеченного некачественной питьевой водой, или проживающего в населённых пунктах, где она не исследовалась, %

Территория	Недоброкачественная вода				Вода не исследовалась	
	2010 г.		2017 г.		2017 г.	
	Городская местность	Сельская местность	Городская местность	Сельская местность	Городская местность	Сельская местность
Российская Федерация	7,2	15,4	3,4	10,2	0,6	11,5
Северо-Западный ФО	12,8	23,7	6,3	18,4	0,5	24,2
Республика Карелия	13,8	33,8	13,2	13,1	1,8	29,2
Республика Коми	0,1	3,6	0,4	0,9	0,5	12,3
Архангельская область	44,5	19,9	14,5	14,6	1,0	38,1
Ненецкий автономный округ	0,0	10,0	16,6	40,1	0,0	9,2
Вологодская область	62,6	61,6	46,8	49,3	0,0	25,1
Калининградская область	9,6	13,8	4,0	9,6	0,3	24,1
Ленинградская область	28,6	22,8	5,5	18,2	1,6	19,5
Мурманская область	0,0	2,9	0,0	2,8	0,0	0,0
Новгородская область	9,3	7,0	7,8	11,1	0,0	17,7
Псковская область	3,7	8,3	2,3	5,2	3,1	39,6
г. Санкт-Петербург	0,0	-	0,0	-	0,0	-

Так, 18% сельского населения СЗФО потребляют недоброкачественную питьевую воду (в среднем по стране – 10,2%; табл. 4), в городской местности – всего 6,3% (в целом по РФ – 3,4%). Наиболее высокое значение данного показателя отмечается в 2017 г. в Ненецком АО и Вологодской области (40-49%). Опасение вызывает и то, что почти четверть (24%) питьевой воды в сельской местности субъектов СЗФО не исследовалось, в то время как в целом по стране значение данного показателя существенно ниже (11,5%), а в городской местности составляет всего 0,5–0,6%.

Сельские территории (сельские муниципальные образования) значительно различаются по множеству параметров, характеризующих как объективные природно-климатические условия и имеющиеся на территории ресурсы (потенциал), так и достигнутый уровень социально-экономического развития. В этой связи при реализации федеральной и региональной социально-экономической политики по развитию сельских территорий важно учитывать особенности и условия различных типов территорий. В целях проведения типологизации сельских территорий СЗФО была сформирована выборка из

133 «сельских» (с долей сельского населения более 50%) муниципальных районов и городских округов (что составляет 2/3 от числа всех районов и городских округов в субъектах СЗФО).

В ходе изучения особенностей социально-экономического развития сельских муниципальных образований СЗФО в разрезе их типов (табл. 5) установлено, что:

- согласно типологии по периферийности наиболее развитыми являются территории, которые прилегают к крупным и большим городам (ближняя периферия 1-го порядка) и в которых объём производства продукции сельского хозяйства превосходит значения в среднем по региону в 4,0 раза, ввод жилья – в 1,9 раза; немного от них отстают прилегающие к ним ближние территории 2-го порядка; более низкий уровень развития характерен для муниципалитетов дальней периферии и ближней периферии 3-го порядка;

- согласно типологии по экономической специализации наиболее развитыми являются муниципалитеты с агропромышленной специализацией, в которых, в частности, объём производства сельхозпродукции превосходит средний по субъектам РФ уровень в 3,93 раза, обеспеченность населения жильём – в 1,21 раза, среднедушевой объём доходов местного бюджета – в 1,22 раза; достаточно высокие параметры характерны также и для добывающих территорий, в которых отмечаются наибольшие доля собственных доходов местного бюджета (37%), размер заработной платы и объём отгрузки продукции; наименее развитыми являются территории, относящиеся к депрессивному агропромышленному типу.

Таблица 5. Среднее по типам территорий соотношение показателей социально-экономического развития сельских муниципальных образований со значениями данных показателей в среднем по субъектам СЗФО по итогам 2015 года, %

Тип территории	ПН	ОСХ	ОЖ	И	Д	СД	ЗП	ОВ	ВЖ	ОТ
Типы сельских территорий по периферийности (удалённости от городов)										
Ближняя периферия 1 порядка (5% от их общего числа)	104,4	403,6	108,8	59,3	104,3	35,3	95,7	41,9	190,9	55,0
Ближняя периферия 2 порядка (18%)	113,3	201,7	114,1	38,6	104,3	29,3	93,5	49,5	100,3	37,5
Ближняя периферия 3 порядка (37%)	72,1	173,4	112,2	44,3	112,0	25,9	96,6	44,7	55,9	35,2
Средняя периферия 1 порядка (7%)	45,0	188,2	130,2	16,5	132,4	23,4	83,3	44,3	88,8	28,2
Средняя периферия 2 порядка (6%)	48,9	157,2	131,7	27,4	129,3	24,9	88,3	69,8	72,0	29,1

Тип территории	ПН	ОСХ	ОЖ	И	Д	СД	ЗП	ОВ	ВЖ	ОТ
Дальняя периферия (27%)	35,2	152,6	171,8	21,2	141,4	23,5	83,9	44,0	63,1	23,7
Типы сельских территорий по экономической специализации										
Преимущественно аграрная специализация (24% от их общего числа)	58,1	265,1	116,3	33,9	127,8	22,9	85,5	41,9	75,7	26,0
Агропромышленная (18%)	72,4	393,2	121,1	51,3	122,2	26,7	84,1	49,0	87,2	36,2
Депрессивная агропромышленная (26%)	36,8	118,5	125,7	13,5	120,2	24,1	82,9	45,0	54,1	12,2
Добывающая (9%)	133,8	145,2	108,2	47,6	104,1	37,0	101,5	49,6	68,5	74,8
Преимущественно промышленная (19%)	92,1	95,7	111,3	37,3	116,4	26,9	99,4	50,7	83,0	62,3
Сервисная (4%)	48,2	104,2	133,5	59,5	129,0	28,0	100,1	50,6	96,3	23,8
Обозначения в таблице следующие: ПН – плотность населения; ОСХ – объем производства продукции сельского хозяйства в расчете на 1 жителя; ОЖ – обеспеченность населения жильем; И – объем инвестиций на 1 жителя (без малых предприятий); Д – доходы местного бюджета на 1 жителя; СД – доля собственных доходов бюджета (представлено абсолютное значение в среднем по группе муниципалитетов, а не соотношение со средним значением по региону, в %); ЗП – среднемесячная заработная плата; ОВ – обеспеченность населения врачами; ВЖ – ввод в действие жилых домов на 1 жителя; ОТ – объем отгрузки товаров собственного производства на 1 жителя. Источник: рассчитано автором по: База данных показателей муниципальных образований / Росстат. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm										

Таким образом, результаты проведенного анализа свидетельствуют о необходимости корректировки государственной политики по развитию сельских территорий в направлении обеспечения её комплексного и системного характера и учёта особенностей различных типов территорий.

Литература

1. Ворошилов Н.В. Типология, проблемы и перспективы развития сельских территорий // Проблемы развития территории. 2018. № 4 (96). С. 42-58.
2. Ворошилов Н.В. Особенности и проблемы функционирования института местного самоуправления в муниципальных образованиях городской агломерации // Вопросы территориального развития. 2018. № 4 (44). Режим доступа: <http://vtr.vscs.ac.ru/article/2761>

ПРОБЛЕМЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СЕВЕРНОГО СЕЛА

Аннотация. Одной из ключевых преград на пути развития сельских территорий Северо-Запада России выступает сокращение численности населения. Демографические прогнозы показывают, что данная тенденция продолжится в ближайшие 15–20 лет. Проведенный в работе анализ позволил выявить такие проблемы демографического развития села, как обезлюдение территорий, демографическое старение, сокращение брачности, высокая доля вдовствующего женского населения, низкая ожидаемая продолжительность жизни мужчин. Для их преодоления необходима реализация ряда мер в области семейной, миграционной и социально-экономической политики.

Ключевые слова: демографическое развитие; сельские территории; сельское население; Северо-Западный федеральный округ; Вологодская область.

В творчестве В.И. Белова красной нитью проходят проблемы «вымирания» российской деревни, массового оттока жителей из сельской местности, социокультурного кризиса села. В своих произведениях и интервью писатель неоднократно провозглашал в качестве общенациональной идеи необходимость спасения и возрождения деревни. Для понимания того, каким образом осуществлять шаги в направлении восстановления села, необходимо изучение проблем его демографического развития. Выбор территории Северо-Запада России в качестве объекта не случаен: в своем творчестве Василий Иванович Белов уделял особое внимание нелегкой судьбе русской северной деревни, ее проблемам, быту и укладу жизни сельского населения [5: 383].

В настоящее время в Северо-Западном федеральном округе (далее СЗФО) проживает почти 14 млн. человек, из них 2,2 млн., или 16%, – сельские жители. Среди всех макрорегионов доля сельского населения в нем самая низкая, что во многом объясняется неблагоприятными природно-климатическими условиями. За период с 1990 по 2018 г. численность сельских жителей в округе сократилась на 545 тыс. человек, т.е. на 20% (рис. 1), а удельный вес данной категории в общей численности населения снизился с 18 до 16% (рис. 2).

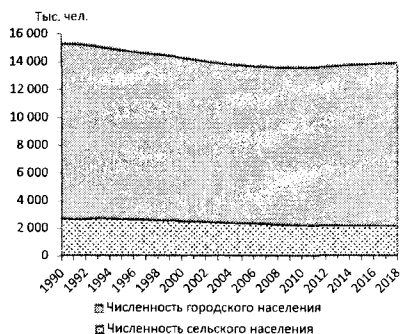

Рис. 1. Численность городского и сельского населения СЗФО в 1990–2018 гг. (тыс. человек) [8]

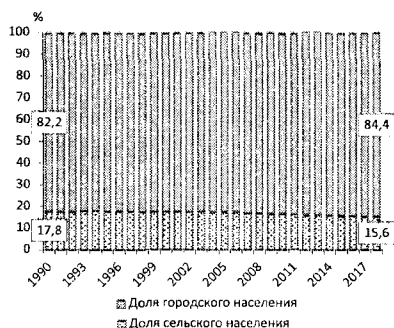

Рис. 2. Удельный вес городского и сельского населения СЗФО в 1990–2018 гг. (% от общей численности нас.) [8]

Снижение численности сельского населения Северо-Запада России в течение последних десятилетий обеспечивалось преимущественно за счёт процесса естественной убыли, т.е. превышения смертности над рождаемостью (рис. 3). В отдельные годы естественная убыль, хотя и частично, но компенсировалась положительным миграционным приростом. В 2017 г. впервые за долгое время миграционный приток сельского населения СЗФО полностью компенсировал его естественную убыль (8,3‰ против -6,2‰), в результате чего был зафиксирован общий прирост населения (2,0‰). Вместе с тем, как показывают демографические прогнозы, численность сельских жителей в большинстве субъектов макрорегиона в ближайшие 15–20 лет будет неуклонно сокращаться, что грозит полным «вымиранием» северного села [2: 88]. Одной из главных причин депопуляции выступает снижение рождаемости, наблюдаемое с 2013 г. Для выявления причин прогнозируемого сокращения численности сельского населения Северо-Запада России представляется важным проведение анализа проблем демографического развития этих территорий.

Сельские территории СЗФО заметно дифференцированы по характеру протекания демографических процессов. За рассматриваемый период сокращение численности сельского населения наблюдалось в 8 его субъектах, при этом наиболее существенное (более чем на 1/3) – в Мурманской (на 43%), Псковской (на 40%), Архангельской (39%) областях, Республике Коми (на 39%) и Ненецком АО (36%; табл. 1). Противоположная ситуация отмечается в Калининградской и Ленинградской областях, в которых прирост численности селян составил 19 и 16% соответственно.

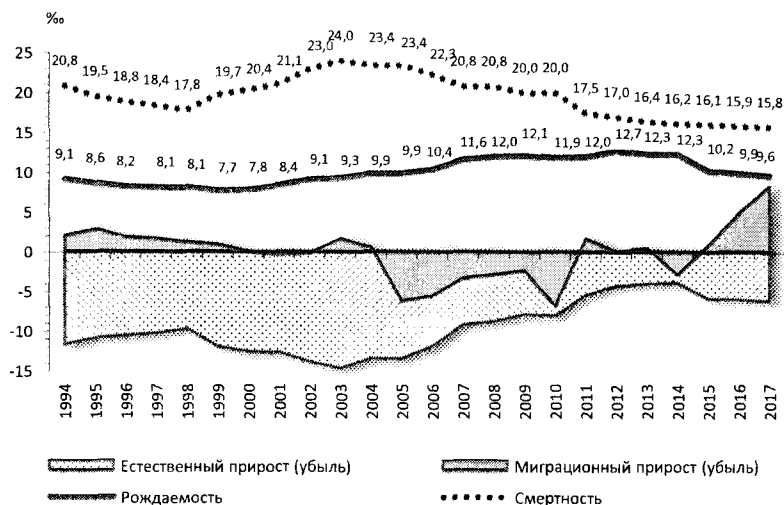

Рис. 3. Компоненты изменения численности населения сельских территорий СЗФО в 1994–2017 гг. (на 1 тыс. чел. населения, промилле) [8]

* Данные по миграционному приросту (убыли) сельского населения до 1994 г. отсутствуют.

Таблица 1. Динамика численности сельского населения регионов СЗФО в 1990–2017 гг. (тыс. человек) [8]

Регион	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2017 г.	2017 г. к 1990 г., %	
СЗФО	2725,9	2681,9	2556,3	2404,7	2276,7	2180,6	80,0	↓
Вологодская обл.	467,6	437,4	406,5	394,9	362,1	325,1	69,5	↓
Архангельская обл.	396,7	378,8	335,6	307,8	293,2	242,1	61,0	↓
Ненецкий АО	18,8	16,8	15,6	14,8	13,9	12,0	63,8	↓
Калининградская обл.	185,3	202,3	214,5	208,8	214,0	219,5	118,5	↑
Ленинградская обл.	566,1	568,2	568,2	568,2	582,8	656,7	116,0	↑
Мурманская обл.	102,3	82,4	73,2	68,2	58,2	57,8	56,5	↓
Новгородская обл.	228,4	220,1	219,0	199,4	188,9	176,0	77,1	↓
Псковская обл.	311,2	294,6	274,6	236,7	205,8	185,4	59,6	↓
Респ. Карелия	146,1	198,5	189,3	165,9	144,5	121,9	83,4	↓
Респ. Коми	303,5	282,8	259,6	239,9	213,3	184,1	60,7	↓

Согласно зонированию России по типу освоения сельских территорий, выполненному Т.Г. Нефёдовой [3], регионы СЗФО расположены в пределах трёх зон: *первой – слабо освоенной* (Архангельская и Мурманская области, Ненецкий АО), *второй – лесной* (республики Карелия и Коми), *третьей – лесо-сельскохозяйственной* (Калининградская, Ленинградская, **Вологодская**, Новгородская, Псковская области). Как отмечает Н.Г. Нефёдова, глобализация и повышение проницаемости территории России ускорили **сжатие освоенного сельского пространства**, выражающееся в убыли сельского населения и поляризации всей системы расселения вплоть до исчезновения деревень [3]. Особенно интенсивно этот процесс протекает в границах первых трёх зон.

В результате сжатия освоенного пространства сельских территорий наблюдается **«очаговый» характер их заселения**. Подобное «рассеивание» жителей неминуемо приводит к росту количества малолюдных и безлюдных сельских населённых пунктов. Так, анализ данных переписей населения 2002 и 2010 гг. показал, что на территории СЗФО количество малолюдных сельских населённых пунктов с числом жителей до 10 человек выросло на 612 ед. (с 10 645 до 11 257) [1; 2]. В Вологодской области наблюдается аналогичная тенденция – прирост составил 182 единицы (с 3 046 до 3 228). В настоящее время такие населённые пункты составляют максимальную долю в общем числе сельских населённых пунктов (38% в СЗФО, 40% в Вологодской области). При этом количество безлюдных деревень в целом по округу достигает 5 920 (или 20% от общего их числа), в регионе – 2 131 (или 27% от общего числа).

Изменения, происходящие в параметрах естественного и миграционного движения, тесно взаимосвязаны с трансформациями возрастной структуры сельского населения. За 1990–2018 гг. доля лиц старше трудоспособного возраста на селе выросла во всех регионах СЗФО (табл. 2). Самого высокого уровня в 2018 г. она достигла в Псковской и Новгородской областях (по 35% соответственно). Одновременно наблюдается сокращение удельного веса детского населения. Темпы его снижения за рассматриваемый период были особенно велики в Мурманской (на 10%), Ленинградской (на 9%) и Архангельской (на 9%) областях. Максимальная доля данной категории населения зафиксирована в ряде северных регионов: Ненецком АО (26%), Республике Коми (22%), Мурманской (20%), Калининградской (20%) и Архангельской областях (19%). Всё это свидетельствует о наличии тенденции **демографического старения**.

Таблица 2. Доля возрастных групп в общей численности сельского населения регионов СЗФО в 1990–2018 гг. (в % от общей численности населения) [9]

Регион	Моложе трудосп. возраста ¹⁾			Трудосп. возраста ²⁾			Старше трудосп. возраста ³⁾		
	1990 г.	2018 г.	2018 к 1990, %	1990 г.	2018 г.	2018 к 1990, %	1990 г.	2018 г.	2018 к 1990, %
СЗФО	24,7	17,3	-7,4	52,3	53,5	+1,2	23,0	29,2	+6,2
Вологодская обл.	24,0	17,8	-6,2	49,1	50,4	+1,3	26,9	31,7	+4,8
Архангельская обл.	27,6	18,8	-8,8	52,3	48,1	-4,2	20,1	33,1	+13,0
Ненецкий АО	33,4	25,7	-7,7	56,7	52,3	-4,4	9,9	22,0	+12,1
Калининградская обл.	27,2	20,1	-7,1	55,3	57,6	+2,3	17,6	22,3	+4,7
Ленинградская обл.	23,8	14,7	-9,1	54,4	58,3	+3,9	21,8	27,0	+5,2
Мурманская обл.	29,8	20,3	-9,5	65,4	62,9	-2,5	4,7	16,8	+12,1
Новгородская обл.	21,2	16,3	-4,9	47,2	49,2	+2,0	31,7	34,5	+2,8
Псковская обл.	18,5	14,6	-3,9	46,4	49,9	+3,5	35,1	35,4	+0,3
Респ. Карелия	25,7	18,0	-7,7	53,4	49,0	-4,4	20,9	33,0	+12,1
Респ. Коми	29,1	21,8	-7,3	56,5	51,8	-4,7	14,5	26,5	+12,0
¹⁾ мужчины и женщины 0–15 лет, ²⁾ мужчины 16–59 лет, женщины 16–54 лет, ³⁾ мужчины 60 лет и более, женщины 55 лет и более.									

Весьма важны с точки зрения обеспечения воспроизводства населения параметры брачности, т.к. более 70% детей рождается в легитимных союзах. В период с 2011 по 2015 год¹ показатель брачности сельского населения сократился по всему СЗФО (с 8,7 случая до 5,7 на 1 тыс. чел. населения) [7]. Наибольшего значения достигает общий коэффициент брачности в Калининградской области (8,7 на 1 тыс. чел. населения в 2015 г.). Самый низкий показатель частоты заключения браков зафиксирован в сельской местности Ленинградской области (4,0 на 1 тыс. чел. населения в 2015 г.). Одновременно с тенденцией сокращения уровня брачности в сельской местности регионов СЗФО в рассматриваемый период наблюдалось снижение разводимости населения (с 4,4 случая до 3,8 на 1 тыс. чел. населения). По уровню разводимости сельских жителей лидирует Калининградская область (5,0 на 1 тыс. чел. населения в 2015 г.), тогда как наименьший показатель отмечается в Ненецком АО (2,9 на 1 тыс. чел. населения).

¹ Данные о брачности и разводимости сельского населения регионов РФ доступны с 2011 по 2015 г.

По данным микропереписи населения 2015 г. среди сельских жителей СЗФО в браке состоят 67% мужчин и 55% женщин, при этом в официально зарегистрированном – 56 и 47% соответственно (табл. 3). Примечателен факт высокой доли вдовствующих женщин среди сельского населения макрорегиона (23%). Самый высокий удельный вес населения, состоящего в легитимном браке, среди мужчин отмечается в Вологодской области (57%), среди женщин – в Мурманской области (60%). Наибольшая доля тех, кто живёт в неофициальном браке, и среди мужчин, и среди женщин наблюдается в республиках Карелия (15 и 12% соответственно) и Коми (14 и 12% соответственно). По доле вдовствующих женщин лидируют Псковская и Новгородская области (26 и 27% соответственно).

В Вологодской области брачная структура сельского населения в целом повторяет картину по СЗФО. Обращает на себя внимание факт высокой доли женщин-вдов в сельской местности региона (24%), который косвенно свидетельствует о высокой преждевременной смертности сельских мужчин.

Таблица 3. **Сельское население СЗФО и Вологодской области по состоянию в браке**
(в % от числа указавших состояние в браке) [2, 3]

Брачный статус	Пол	СЗФО			Вологодская область		
		2010 г.	2015 г.	2015 к 2010 г., +/-	2010 г.	2015 г.	2015 к 2010 г., +/-
Состоят в браке, в том числе	Мужчины	60,9	66,5	+5,6	64,4	66,5	+2,1
	Женщины	53,6	55,1	+1,5	52,7	55,2	+2,5
в зарег. браке	Мужчины	49,9	56,2	+6,3	53,6	56,7	+3,1
	Женщины	44,0	46,5	+2,5	43,9	47,4	+3,5
в незарег. браке	Мужчины	11,0	10,3	-0,7	10,8	9,8	-1,0
	Женщины	9,7	8,6	-1,1	8,7	7,8	-0,9
Никогда не сост. в браке	Мужчины	26,6	21,1	-5,5	25,0	20,7	-4,3
	Женщины	13,8	11,3	-2,5	16,7	10,7	-6,0
Разведенные официально и разошедшиеся	Мужчины	8,2	8,1	-0,1	7,1	8,1	+1,0
	Женщины	9,3	10,6	+1,3	10,8	9,9	-0,9
Вдовы	Мужчины	4,3	4,4	+0,1	3,5	4,7	+1,2
	Женщины	23,2	23,0	-0,2	19,8	24,2	+4,4

Что касается состояния здоровья сельского населения СЗФО, то его ключевой показатель – ожидаемая продолжительность жизни демонстрирует существенный гендерный разрыв, который дости-

гает 11 лет (76 лет у женщин против 65 лет у мужчин) [7]. Судя по данным за 2016 г., по величине ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ) как у женского, так и у мужского населения лидирует Ленинградская область (79 и 70 лет соответственно). Самые низкие значения ОПЖ сельских женщин и мужчин отмечаются в республиках Карелия (72 и 58 лет соответственно) и Коми (72 и 60 лет соответственно).

Кроме того, за период с 1990 по 2016 г. продолжительность жизни сельского населения в среднем по СЗФО выросла незначительно (на 1,6 года у женщин, на 0,7 года у мужчин), а в отдельных субъектах показатель даже сократился (у женщин – в республиках Карелия и Коми, Псковской области, у мужчин – в Архангельской области, республиках Карелия и Коми).

Таким образом, проведенный нами анализ демографической ситуации в сельской местности СЗФО позволил выявить такие проблемы, как депопуляция, обезлюдение территорий вследствие «сжатия» освоенного пространства, демографическое старение, сокращение брачности, высокая доля вдовствующего женского населения, низкая ожидаемая продолжительность жизни мужчин.

Для преодоления вышеперечисленных проблем представляется целесообразной реализация мероприятий государственной социально-экономической и демографической политики по нескольким направлениям:

- стимулирование рождаемости и совершенствование проводимой семейной политики, особенно в части укрепления институтов семьи и брака;
- повышение качества и уровня жизни молодых семей с детьми;
- улучшение состояния здоровья и увеличение продолжительности жизни сельского населения, в том числе профилактика преждевременной смертности мужчин;
- повышение миграционной привлекательности сельских территорий, создание условий для повторного заселения сельской местности и закрепления на ней населения.

Литература

1. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11>
2. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm

3. Итоги микропереписи населения 2015 года. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html
4. Короленко А.В. Демографический потенциал как компонент устойчивого развития сельских территорий Северо-Запада России: тенденции и перспективы // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2017. № 1 (52). С. 80-92.
5. Короленко А.В. Демографическое развитие сельских территорий Северо-Запада России: тенденции и перспективы // Беловский сборник. Вып. 3 / Союз писателей России; Администрация г. Вологды; Вологодский гос. университет. Вологда: ВолНЦ РАН, 2017. С. 382-388.
6. Нефёдова Т., Никулин А. Сельская Россия: пространственное сжатие и социальная поляризация // Демоскоп Weekly. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0437/analit02.php>
7. Центральная база статистических данных / Росстат. URL: <http://www.cbsd.gks.ru/#>
8. Численность и миграция населения Российской Федерации: стат. бюллетень / Росстат. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096034906
9. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту: стат. бюллетень / Росстат. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140095700094

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ СЕЛА: ПРОБЛЕМА ДИВЕРСИФИЦИРОВАННОГО УЧАСТИЯ

Развитие социальной инфраструктуры сельских территорий – тема чрезвычайно сложная и многоплановая. Большинство практиков и исследователей, специализирующихся в данной области, отмечают в качестве базовой проблемы неравенство между сельским и городским населением в доступе к базовым социальным услугам¹. Вместе с тем тот факт, что сельские жители имеют больше по сравнению с горожанами проблем в получении услуг образования, здравоохранения, худшие условия быта и пр., никто не отрицает. Более того, есть сомнения, что эти диспропорции вообще возможно когда-нибудь решительно преодолеть. Поставим вопрос принципиально: имеется ли в такой постановке проблемы хотя бы какая-нибудь новизна? На наш взгляд, дискуссия о том, каким образом эффективнее решить эту непростую задачу, должна концентрироваться вокруг одного фундаментального пункта – каким образом в обеспечении жителей первичной медицинской помощью, услугами образования и культуры, чистой питьевой водой разделить участие и ответственность между государством, с одной стороны, и гражданами и прочими представителями гражданского общества – с другой. Параллельно с разделением ответственности неизбежно актуализируется и проблема контроля. В узких рамках формата тезисов постараемся описать ключевые методологические проблемы управления и контроля в сфере формирования социальной инфраструктуры села, а затем, обращаясь к характерным кейсам, опишем два наиболее острых организационных «угла», которые в будущем будет необходимо сгладить.

¹ Действительно, в России обеспеченность врачами в сельской местности в 3,5 раза ниже, чем в целом по стране. Уровень газификации в сельской местности составляет, по данным 2017 года, лишь 58,7%, тогда как по России достигает 68,1%, а в городах и посёлках городского типа – 71,4%. Более того, далеко не все сельские населённые пункты включены в генеральный план газификации на ближайшие годы. Однако самая сложная проблема – территориальная удалённость объектов социальной инфраструктуры от населения, усугубляемая слабым развитием транспортной инфраструктуры.

Системное противоречие и роль государства

Когда речь заходит о развитии социальной инфраструктуры сельских территорий, мы не можем игнорировать следующего системного противоречия. С одной стороны, формирование инфраструктуры, обеспечение населения общественными благами – это первичные, в «Отчёте о мировом развитии» Всемирного банка за 1997 г. они названы минимальными, функции государства, которые оно должно выполнять несмотря ни на что. Без этого не может быть и речи об эффективном решении государственных задач более высокого порядка [2].

С другой стороны, ведущие эксперты, в том числе и специалисты Всемирного банка, всё больше проповедуют идею о привлечение к развитию социальной инфраструктуры институтов гражданского общества, местных общин, неправительственных организаций и признают анахроничность веберианского принципа «потребность как проблема, поставка как решение, государственная служба как инструмент». Л. Притчетт и М. Вулкок в своей известной статье подробно рассматривают проблемы контроля в сфере формирования социальной инфраструктуры и предлагают целый ряд альтернативных вариантов комбинации роли и участия различных акторов в этом процессе [1]. Они также разделяют три вида деятельности – «policies», «program», «practices», которые требуют принципиально разных подходов к реализации в рамках деятельности по формированию здоровой сельской социальной среды, прежде всего на уровне контроля результатов и эффективности (таблица).

Виды деятельности в рамках реализации основных социальных услуг

Социальные услуги	«Технократические директивы» – Policies	«Бюрократические программы» – Programs	«Специфические практики» – Practices
Газоснабжение	Разработка плана газификации региона	Обеспечение работ «рабочими руками», транспортом, материалами	Подключение газа к населённым пунктам, отдельным домам
Сфера жилищно-коммунального хозяйства	Проведение магистральных водопроводов	Закупка материалов	Подведение питьевой воды «к каждому дому»
Здравоохранение	Разработка медицинских стандартов	Закупка оборудования, медикаментов, обеспечение питания больных	Приём и лечение пациентов, оказание медицинской помощи «здесь и сейчас»
Всеобщее образование	Разработка учебных программ, стандартов, санитарно-эпидемиологических норм	Закупка школьной мебели, питание школьников	Работа с обучающимися детьми в классах
Источник: составлено автором.			

Если реализация «бюрократических программ» может быть осуществлена в духе формализованного распоряжения, то выполнение «технократических директив» и «специфических практик» подразумевает широкое делегирование полномочий в принятии решений непосредственным исполнителям. Впрочем, это требует двух условий – высокой квалификации агентов и наличия инструментов по минимизации рисков саботажа на местах исполнения.

Качество кадров и «ножницы делегирования»

Однако выполнить указанные условия непросто. С одной стороны, мы ощущаем острую необходимость в передаче значительного потенциала принятия решений на местный уровень, с другой стороны, эта возможность объективно затруднена такими факторами, как низкий уровень квалификации персонала, в том числе административного, дефицит финансовых средств и пр. Наконец, свобода действий в условиях несовершенной системы контроля порождает значительные коррупционные риски. Низкий уровень квалификации определяется слабостью или даже отсутствием конкуренции при отборе кадров на государственную и муниципальную службу и в подведомственные организации (эти проблемы сохраняются и в выборах в органы местного самоуправления). В лучшем случае кадры подбирают по принципу «из того, что есть» или на основе личных связей. Таким образом, можно говорить о некоей «ловушке», или «ножницах», делегирования. О том, насколько опасно упрощённой может быть передача полномочий на места без соответствующего финансового обеспечения, говорит случай, когда в одном из российских сёл было решено отказаться от выяснения причины гибели человека (предположительно – убийства) из-за отсутствия у сельсовета средств на транспортировку тела в межрайонный центр (это стоило несколько десятков тысяч рублей) для проведения патологоанатомической экспертизы. Однако имеются и примеры того, как выход из «ловушки делегирования» всё же удаётся найти. Один из них – снижение коррупционных рисков при реализации программы «Земский доктор» в регионах России. Изначально программа финансировалась из федерального бюджета, что сопровождалась широким распространением фактов коррупции и злоупотреблений на местах².

² Государственная программа «Земский доктор» на 2017 год : утв. распоряжением Правительства РФ от 22 декабря 2011 года № 2247-р. Режим доступа : <http://2017god.com/programma-zemskij-doktor-na-2017-god>. Дата обращения 12.01.2017.

Фактически нарушения стали итогом предоставления местным органам власти как широких полномочий в принятии решений, так и федеральных финансовых средств (средства Федерального фонда ОМС) без соответствующей проработки инструментов контроля³. Однако простое разделение затрат по принципу равного участия, за счет иных бюджетных трансфертов, предоставляемых бюджетам территориальных фондов ОМС из бюджета ФФОМС, а также за счет средств бюджетов субъектов Российской Федерации, позволило минимизировать нецелевое расходование средств.

«Газовый парадокс»: предательство власти или упущение в самоорганизации

Яркий и весьма болезненный как для граждан, так и для государственной власти пример неспособности государства решать актуальные социальные проблемы – крайне низкий уровень газоснабжения села. Несмотря на то что в каждом регионе разработан и реализуется план газификации территорий, он не охватывает все населённые пункты. В случае если район или месторасположение дома не входит в содержание общего плана газификации, этот вопрос человеку и его семье приходится решать своими силами. Последнее требует не только терпения, трудолюбия, личных затрат, но и способностей к кооперации, сотрудничеству в рамках общины. Например, для проведения газа в деревню желательно создать инициативную группу, выбрать лидера, который будет представлять её интересы в деле получения разрешения на газификацию деревни. Далее требуется зарегистрироваться в качестве потребительского общества. Его руководитель должен подать заявление от всех членов общества в областную организацию, которая занимается распределительной деятельностью относительно газа. И это только начало долгого и непростого пути. Заканчивается он поиском подрядчика для подключения оборудования и заключением договора о поставке газа с областным газораспределительным предприятием.

Как нам следует относиться к подобному явлению? С одной стороны, личная инициатива – это не то, что следовало и хотелось бы подвергать критике, это важный аспект развития гражданского общества. С другой стороны, гарантии государства, конституционно признанного «социальным», также никто не отменял. Разделение участия между властью и населением требует не только поиска

³ Уместно будет вспомнить формулу коррупции Р. Клитгарда: «коррупция = свобода – ответственность».

разумных компромиссов, но и ответа на вопрос о системности и дискретности инфраструктуры. Иными словами, может ли государство записать в свои заслуги по обеспечению региона социальной инфраструктурой то, что часть населения создают индивидуальные системы водо- и газоснабжения, канализации и т.д.? Ответ на этот вопрос не может быть однозначным. С учётом сложностей формирования социальной инфраструктуры в условиях дефицита ресурсов и широты пространств идея разделить усилия государства с коммерческим сектором кажется приемлемой, особенно если коммерческие структуры помогут по умеренным расценкам и в разумные сроки решить те проблемы, до которых у исполнительных органов власти не доходят руки. Однако государство ведёт себя странным образом, не формируя на этом поле прозрачных правил игры и современных институтов сотрудничества, что оборачивается либо бездействием на местах, либо произволом, а отношения между участниками транзакций в рамках сельского бытостроительства становятся непредсказуемыми и хаотичными. Одно дело, когда перед индивидом встаёт необходимость осознанного выбора при всей полноте информации, совершенно другое – ситуация неопределённости, когда неясно, кто и за что отвечает.

Литература

1. Woolcock M., Pritchett L. *Solutions When the Solution is the Problem: Arraying the Disarray in Development*. Washington, DC: Center for Global Development, 2002.
2. *World Development Report 1997: The State in a Changing World*. New York: Oxford University Press. Available at: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/5980>

СЕЛЬСКИЙ ТУРИЗМ КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

Проблема устойчивости сельских территорий Российской Федерации может быть решена посредством организации сельского туризма. Данный вид туристической деятельности широко используется для решения социально-экономических задач, связанных со снижением уровня безработицы, повышением доходной базы бюджета, ростом благосостояния населения, сокращением оттока населения с сельских территорий.

Одновременно сельский туризм выполняет огромную познавательную функцию и способствует воспитанию граждан в духе патриотизма, национального сознания и бережного отношения к природе, пониманию сути и проблем труда в сельском хозяйстве. Кроме того, сельский туризм является видом относительно дешевого, но довольно приятного и одновременно активного отдыха, рекреации и оздоровления населения [1].

Среди ученых нет единого мнения по поводу содержания понятия «сельский туризм». В научной литературе его зачастую заменяют дефинициями «агротуризм» или «экотуризм». Таким образом, имеет место непроработанность понятийного аппарата в отношении определения сельского туризма. Между тем, понимание сути данной категории важно с точки зрения его грамотного регулирования и организации тех мер, которые будут способствовать его развитию.

Анализ теоретических работ авторов по данному вопросу позволил заключить, что под сельским туризмом корректно понимать вид туризма, основанный на использовании природных туристских ресурсов территории, ресурсов крестьянско-фермерских хозяйств и хозяйств населения для рекреации и познания различных аспектов сельского быта [2].

Исходя из этого, в рамках сельского туризма можно выделить трактовки его подвидов (таблица).

В европейской практике сельский туризм в общей экономике туризма занимает важное место: его доля в общем доходе туристической индустрии составляет порядка 10–20%.

Основные подвиды сельского туризма

Вид туризма	Ключевые признаки
Агротуризм – подвид сельского туризма, реализуемый с целью рекреации, образования и активного привлечения к традиционным формам хозяйствования при активном использовании факторов сельскохозяйственной деятельности.	Ведение сельскохозяйственной деятельности (аграрного производства). Вовлечение туристов в процессы сельскохозяйственной деятельности (аграрного производства). Субъекты – крестьянско-фермерские хозяйства, личные подсобные хозяйства, производители сельскохозяйственной продукции.
Гастрономический туризм, в т.ч. винный, эло- туризм – подвид сельского туризма, основной целью которого выступает ознакомление с аутентичными продуктами сельскохозяйственного производства и/или технологиями их производства.	Основная аттракция – аутентичные (или оригинальные, уникальные) продукты/производство/бренды сельскохозяйственного производства или пищевой промышленности. Использование элементов кулинарного обучения и дегустаций.
Сельский рекреационный туризм – подвид сельского туризма, осуществляемый с целями рекреации.	Не предполагает приоритетного вида деятельности для туриста. Основная аттракция – благоприятная природная среда и неурбанизированная территория.
Зеленый (деревенский) туризм – подвид сельского туризма, реализуемый в сельских поселениях с использованием экологически благоприятных технологий в туристском обслуживании.	Использование экологически благоприятных технологий в туристском обслуживании. Благоприятная экологическая среда в месте временного пребывания туриста. Традиционная сельская (деревенская) инфраструктура.
Усадебный туризм – подвид сельского туризма, основанный на познании быта и традиций усадебной жизни.	Наличие усадьбы (новой, исторической, восстановленной) с соответствующей инфраструктурой. Известность и тиражируемость процессов усадебной жизни.
Этнографический туризм – подвид сельского туризма, связанный с изучением жизни исторических поселений и коренных народов.	Реализуется в исторических поселениях, поселениях коренных народов. Изучение и вовлечение туристов в традиционные обряды коренных народов.
Сельский краеведческий туризм – подвид сельского туризма, связанный с изучением жизни и быта села.	Реализуется в традиционных сельских поселениях. Основан на культурно-исторических туристских ресурсах села.
Охотничий туризм – подвид сельского туризма с целью охоты, в т.ч. фотоохоты.	Основная аттракция – возможность охоты (фотоохоты) и последующего использования трофеев.
Рыболовный туризм – подвид сельского туризма с целью рыбалки.	Основная аттракция – возможность различных видов рыбалки и последующего использования трофеев.
Сбор дикорастущих плодов, трав, ягод и т.д. – подвид сельского туризма, подразумевающий активное промысловое использование флоры сельской местности.	Основная аттракция – объекты флоры сельской местности. Близость к оригинальным местам произрастания промысловой флоры.
Источник: Трухачев А. В. Концептуальные основы государственной политики развития сельского туризма в Российской Федерации: дис. ... д-ра экон. наук. СПб., 2017. URL: https://unecon.ru/sites/default/files/d07truhachevav.pdf	

Таким образом, рассмотренные выше роль и функции сельского туризма позволяют полноценно рассматривать его в качестве одного из факторов, способствующих развитию сельской экономики.

Российская Федерация обладает высоким потенциалом для развития данного вида туризма. В Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года говорится о необходимости диверсификации сельской экономики при поддержке фермерства и альтернативных форм занятости и самозанятости, в т.ч. посредством развития ремесел и сельского туризма.

К числу регионов, в которых сельский туризм в структуре видов туристической деятельности занимает важное место, относится Вологодская область. Некоторые исследователи причисляют регион к числу лидеров в отношении развития данного вида туризма наряду с Алтайским краем и Республикой Карелия. По данным Правительства Вологодской области, в структуре видов туристической деятельности на сельский туризм приходится 10% туристского потока (рис. 1).

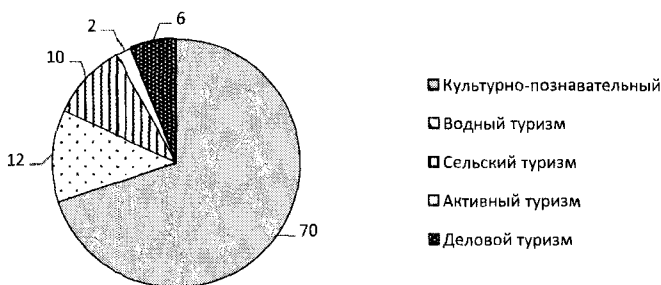

Рис. 1. Распределение туристского потока по видам туризма, в %

Источник: данные Правительства Вологодской области.

Одним из основных инфраструктурных компонентов сельского туризма являются гостевые дома, предоставленные для временного проживания туристам. В регионе за период с 2010 по 2015 г. их количество увеличилось в 1,5 раза (с 74 до 109 единиц). Положительная динамика роста числа гостевых домов свидетельствует об интересе к сельскому туризму как среди самих туристов, так и его организаторов.

Проведенный опрос глав муниципалитетов региона подтверждает целесообразность развития на территории Вологодской области сельского туризма. Так, на вопрос «Входит ли туризм в перечень приоритетных направлений развития вашего муниципалитета»? 75% респондентов ответили утвердительно и 21% планируют включить в перечень приоритетных проектов развитие сферы туризма в ближайшей перспективе (рис. 2).

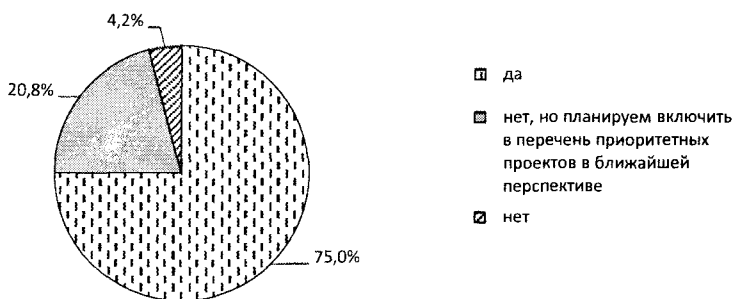

Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос «Входит ли туризм в перечень приоритетных направлений развития вашего муниципалитета?»

Источник: База данных мониторинга изучения условий реформирования института местного самоуправления Вологодской области / ФГБУН ВолНЦ РАН (ранее – ИСЭРТ РАН). Вологда, 2007–2017.

Вместе с тем, существует ряд проблем, которые ограничивают развитие сельского туризма как направления в экономике, способного дать импульс к повышению уровня социально-экономического развития региона. Среди них можно выделить следующие:

- недостаточно проработанная нормативно-правовая база в области регулирования сельского туризма;
- слабо развитая туристическая инфраструктура, что препятствует доступу туристов к потенциально привлекательным объектам сельского туризма;
- недостаток поддержки сектора малого предпринимательства сельских территорий со стороны региональных и муниципальных органов власти;
- неразвитая система сертификации услуг сферы сельского туризма, что влияет на их качество.

В связи с этим следует полагать, что основными приоритетами региональной политики, направленной на развитие сельского туризма в регионе, должны стать формирование нормативно-правовой базы (концепции, стратегии, программы развития сельского туризма), регулирующей данную сферу, разработка комплекса мер, стимулирующих предпринимателей к созданию турпродуктов по данному направлению, а также внедрение системы сертификации и лицензирования в отношении средств размещения.

Литература

1. Райн Х., Шулер А. Туризм в сельской местности. М.: КНОРУС МЕДИА, 2017. 472 с.
2. Трухачев А.В. Дефиниция «аграрный туризм» в современной науке // Вестник Национальной академии туризма. 2015. № 1. С. 11-15.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

<i>Л.Г. Яцкевич.</i> Русская грусть (о повести В.И. Белова «Невозвратные годы»)	4
<i>А.Г. Байбородин.</i> Крестьянский лад. Василий Белов и деревенская проза	13
<i>Чжао Сюе.</i> Духовные ценности современной русской деревенской прозы в восприятии китайского читателя	18
<i>А.В. Петров.</i> «Ощущение полного духовного родства»: Василий Белов и Фёдор Абрамов	22
<i>Л.Е. Беженару.</i> «Деревенская проза» в диалоге национальных литератур	28
<i>Л.Н. Вересов.</i> К истории неизданных книг В.И. Белова и их названий в Северо-Западном книжном издательстве (по документам и письмам писателя)	41

ВАСИЛИЙ БЕЛОВ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

<i>С.Ю. Баранов.</i> Кризис традиционных ценностей в «Повести об одной деревне»	58
<i>И.С. Катченкова.</i> «Возвращаясь к первоначальным истинам»: из писем В.И. Белова Д.М. Балашову (по материалам Государственного архива новейшей истории Новгородской области) ...	69
<i>Н.П. Большакова.</i> Поддерживая друг друга словом и делом.....	78
<i>Т.К. Никольская.</i> Тема национального выбора в пьесе В.И. Белова «Князь Александр Невский»	85
<i>А.В. Федорова.</i> Спасо-Прилуцкий монастырь в повести К. Коничева «В году 30-м» и в романе В. Белова «Год великого перелома»	91
<i>Л.В. Широкова.</i> Ведущие архетипические образы в лирической прозе В.И. Белова	98
<i>А.Е. Новиков.</i> Образы животных и людей в «Рассказах о всякой живности» В.И. Белова	104
<i>О.Ю. Неволina.</i> Флоберовский след в рассказе В.И. Белова «Вор».....	110
<i>А.П. Белова.</i> Чай и чаепитие в трилогии В. Белова «Час шестый»	115
<i>Д.В. Заботин.</i> Абсурдная ситуация как способ обнажения правды (на материале рассказа В.И. Белова «Скакал казак»)	122
<i>П.С. Громова.</i> Традиции деревенской прозы в творчестве тверских авторов	128

ЯЗЫК – НАЧАЛО ВСЕХ НАЧАЛ

<i>О.В. Никитин.</i> Ф.И. Буслаев о народной культуре Русского Севера	136
<i>Г.В. Судаков.</i> Современная русская речь: нива добра или поле брани? ...	140
<i>Л.Ю. Зорина.</i> К вопросу о редактировании текстов В.И. Белова	148
<i>В.Н. Генова.</i> Произведения В.И. Белова в румынской и болгарской литературно-переводческой практике	151
<i>М.Г. Гогова.</i> Литературное наследие Василия Белова в переводах	163
<i>Е.П. Андреева.</i> Образы мифологических персонажей в вологодских говорах и в прозе В.И. Белова: этнолингвистический аспект	170
<i>С.Х. Головкина.</i> Именования свойственников в повести В.И. Белова «Привычное дело»	179
<i>А.В. Матвеев, С.А. Громыко.</i> Приемы этнической мобилизации в публичных выступлениях архиепископа Никона (Рождественского)	187
<i>Л.В. Сабурова.</i> Названия животных-компаньонов (кошка, собака) в современных вологодских говорах	193
<i>А.Ю. Фёдорова.</i> Понимание слова <i>день</i> в XX веке	198

ИСКАНИЯ И ОТКРЫТИЯ ПИСАТЕЛЕЙ ВОЛОГОДСКОГО КРАЯ

<i>В.Н. Бараков.</i> Лирическая проза Юрия Лунина	204
<i>Т.Н. Воронина.</i> «Пара гнедых» и «Хлеб для собаки» В.Ф. Тендрякова как диалогия о коллективизации	210
<i>И.А. Чурбанова (Никитина).</i> «Сыру-бору-55!»: к юбилею первого сборника О.А. Фокиной	217
<i>С.Р. Смирнов.</i> Писатели Вологды в творческом наследии В.П. Астафьева	222
<i>А.В. Быков.</i> Крестьяне Русского Севера в мемуарах американцев в 1918–19 гг.	228
<i>А.М. Таврина.</i> Так в чём же тайна? (Романтические мотивы в повести Н.М. Коншина «Тайна»)	238
<i>А.А. Медведева.</i> Некоторые особенности поэтического синтаксиса шекнинских частушек	247
<i>М.М. Поляков.</i> Полисемия слов «дом» и «изба» в поэзии С.В. Викулова	256
<i>В.Н. Седина.</i> Соединение психического и физического в поэзии О.Ф. Берггольц	266

ЛИТЕРАТУРА РУССКОГО СЕВЕРА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ И КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

<i>М.Ю. Цветкова. Роль труда в становлении личности (на примере произведений В.И. Белова)</i>	272
<i>Е.В. Седунова. Формирование навыка работы с текстом при подготовке к ЕГЭ по русскому языку (на примере произведений В.И. Белова)</i>	276
<i>Л.Г. Обухова. Познание окружающего мира на занятиях по изобразительной деятельности (через изучение творчества В.И. Белова)</i>	288
<i>Т.А. Сироткина. Нравственное и патриотическое воспитание личности на материале текстов региональной литературы</i>	292
<i>С.М. Летавина. Литературные аккорды: знакомство читателя с современным литературно-музыкальным творчеством северных территорий</i>	297
<i>А.В. Попова. Каким быть современному уроку литературы?</i>	300
<i>О.А. Маркевич. Авторская программа «Читаем для жизни»: проблема формирования круга детского чтения</i>	303
<i>Н.Ю. Карпова. Мультфильм как способ познания родного края</i>	309
<i>Т.А. Мачульская. Одежда – память предков</i>	313
<i>О.М. Смирнова. Нравственное и патриотическое воспитание молодежи на примере произведений Ирины Богдановой</i>	318
<i>С.М. Чернышова. Чтение современных сказок как средство для развития творческого потенциала младших школьников</i>	326

РАБОТА УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ С ИМЕНЕМ ПИСАТЕЛЯ

<i>О.Н. Анфимова. Елизаветинская Библия: история святой книги как история одной судьбы</i>	334
<i>О.Н. Завьялова. Именные библиотеки: тенденции развития на современном этапе</i>	339
<i>И.Е. Колесова. Василий Иванович Белов и Вологодская областная научная библиотека: история сотрудничества</i>	345
<i>Л.Л. Конопля. Фёдор Абрамов и библиотека его имени: исторический и современный аспект</i>	349
<i>Э.Л. Трикоз. «Беловский круг Генриха Асафова»: связь художественных миров деревенских писателей и Г.А. Асафова</i>	355
<i>В.Я. Иванова. Валентин Распутин и Василий Белов: синергия отношений (по материалам Музея В.Г. Распутина)</i>	360

<i>Л.А. Колик.</i> Сетевой проект «Абрамов. Выставка одного экспоната», посвященный сохранению памяти о писателе-земляке Федоре Абрамове	368
<i>Я.Ч. Фролова.</i> История «Над светлой водой» на материале фондовых документов	375
<i>Л.Ю. Жильцова.</i> Дарители – Белову (по материалам коллекционного фонда центра писателя В.И. Белова)	378
<i>М.Н. Кошелева.</i> Толшменская модель образовательного туризма	388

АГЛОМЕРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В РАЗВИТИИ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

<i>С.А. Кожевников.</i> Агломерации в современной России: основные тенденции и перспективы развития	398
<i>Н.В. Ворошилов.</i> Тенденции и проблемы социально-экономического развития сельских территорий субъектов Северо-Западного федерального округа	403
<i>О.Н. Калачикова, А.В. Короленко.</i> Проблемы демографического развития северного села	409
<i>К.Н. Калашников.</i> Развитие социальной инфраструктуры села: проблема диверсифицированного участия	417
<i>Е.Г. Леонидова.</i> Сельский туризм как инструмент развития сельских территорий	422

Научное издание

БЕЛОВСКИЙ СБОРНИК

Выпуск 4

Редподготовка

И.А. Кукушкина

Верстка

Т.В. Попова

Корректор

Н.В. Степанова

Подписано в печать 12.10.2018.

Формат 60×84/₁₆. Усл. печ. л. 25,2. Печать цифровая.

Тираж 500. Заказ № 309.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»
(ВолНЦ РАН)

160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а
Телефон 59-78-10, e-mail: common@vscc.ac.ru

ISBN 978-5-93299-405-4

9 785932 994054

